

ОКСАНА
ЧЕКМЕНЕВА

WWW.FEISOVET.RU

ДОЧЬ
МЕДВЕДЯ
ИЛИ
ПРЕДСКАЗАННАЯ
ПЕРЕВЁРТЫШУ

- [Дочь медведя, или Предсказанная перевёртышу.](#)
 -
 -
 - - [АННОТАЦИЯ](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА 1. ПРИБЫТИЕ](#)
 - [ГЛАВА 2. ЭКЗАМЕНЫ](#)
 - [ГЛАВА 3. ЭКСКУРСИЯ](#)
 - [ГЛАВА 4. НОВОСЕЛЬЕ](#)
 - [ГЛАВА 5. САМЕЦ](#)
 - [ГЛАВА 6. КЕНТАВРЫ](#)
 - [ГЛАВА 7. МУНДИР](#)
 - [ГЛАВА 8. КОНФЕТЫ](#)
 - [ГЛАВА 9. ИЛЛЮЗИЯ](#)
 - [ГЛАВА 10. УРОКИ](#)
 - [ГЛАВА 11. ФИЗКУЛЬТУРА](#)
 - [ГЛАВА 12. ПРЕДСКАЗАННАЯ](#)
 - [ГЛАВА 13. ПРИЮТ](#)
 - [ГЛАВА 14. ВЫЧЕРКНУТЫЙ](#)
 - [ГЛАВА 15. ПОДАРОК](#)
 - [ГЛАВА 16. ЭКСКУРСИЯ](#)
 - [ГЛАВА 17. ПЛЕННИКИ](#)
 - [ГЛАВА 18. ЛИЧИНА](#)
 - [ГЛАВА 19. ДОПРОС](#)
 - [ГЛАВА 20. АМНИСТИЯ](#)
 - [ГЛАВА 21. ПОЛОВИНКИ](#)
 - [ГЛАВА 22. ОСВОБОЖДЁННЫЕ](#)
 - [ГЛАВА 23. РОДСТВЕННИК](#)
 - [ГЛАВА 24. ОТВЕТЫ](#)
 - [ЭПИЛОГ. СВАДЬБА](#)
 -
-

Дочь медведя, или Предсказанная перевёртышу

Оксана Чекменева

АННОТАЦИЯ

ПРОЛОГ

ГЛАВА 1. ПРИБЫТИЕ

ГЛАВА 2. ЭКЗАМЕНЫ

ГЛАВА 3. ЭКСКУРСИЯ

ГЛАВА 4. НОВОСЕЛЬЕ

ГЛАВА 5. САМЕЦ

ГЛАВА 6. КЕНТАВРЫ

ГЛАВА 7. МУНДИР

ГЛАВА 8. КОНФЕТЫ

ГЛАВА 9. ИЛЛЮЗИЯ

ГЛАВА 10. УРОКИ

ГЛАВА 11. ФИЗКУЛЬТУРА

ГЛАВА 12. ПРЕДСКАЗАННАЯ

ГЛАВА 13. ПРИЮТ

ГЛАВА 14. ВЫЧЕРКНУТЫЙ

ГЛАВА 15. ПОДАРОК

ГЛАВА 16. ЭКСКУРСИЯ

ГЛАВА 17. ПЛЕННИКИ

ГЛАВА 18. ЛИЧИНА

ГЛАВА 19. ДОПРОС

ГЛАВА 20. АМНИСТИЯ

ГЛАВА 21. ПОЛОВИНКИ

ГЛАВА 22. ОСВОБОЖДЁННЫЕ

ГЛАВА 23. РОДСТВЕННИК

ГЛАВА 24. ОТВЕТЫ

ЭПИЛОГ. СВАДЬБА

АННОТАЦИЯ

Получить в раннем детстве тёмную магию, за которую казнят – жестокий подарок судьбы. Сиротство, детство, проведённое в лесу, чтобы скрыть рано проснувшуюся запретную магию – не самое удачное начало жизни.

Но теперь у меня появился шанс – скрыв тёмную магию под проснувшейся светлой, поступить в Имперскую магическую академию. Главное – не выдать себя и держаться подальше от бессмертных, когда-то уничтоживших всех обладателей тёмной магии.

Только кто же знал, что они в этой академии встречаются буквально на каждом шагу?

От автора:*Как обычно – это добрая, светлая, жизнеутверждающая сказка. Однотомник.*

Входит в цикл «Предсказанные», который является продолжением цикла «Долина оборотней»

ПРОЛОГ

Северо-Западное побережье Империи.

Год 4288. Начало лета

Восемнадцать лет назад

– Ты что творишь, мерзавка? - визгливый голос тётки Нуты заставил меня вздрогнуть и шлёпнуться с неустойчивых корточек на землю, потеряв равновесие. Перепугавшись, я постаралась как можно скорее втянуть в ладони змейки тьмы, уничтожая морковную ботву, к которой они случайно прикоснулись. Но следующие же слова показали, что спрятать её я не успела. - Ты это что?.. Ты мраком балуешься, что ли, подзаборница?!

– Нет! Нет, вам показалось! – я замотала головой, ещё надеясь на чудо. – Это просто тени от руки. Тени!

Сильные пальцы – из таких не вырвешься, уж я-то знаю, - привычно схватили меня за шиворот и вздёргнули на ноги.

– Мракобеска! Так я и знала, что добром это не кончится, не зря не хотела мать твою на порог пускать, когда она заявила к нам, пузатая, да без мужа! – громко причитала тётка Нута, волоча меня с огорода во двор, и её вопли слышали, наверное, на другом конце села. – Мракобеску нагуляла, дрянь такая! Ну ничего, ничего, стража с вами с обеими разберётся, помани моё слово. Турес, Турес! – закричала она, зовя среднего сына, и когда тот появился, отдала приказ. - Бери лошадь, скачи в Бережки, там стража магическая есть. Скажи, мракобеску поймали.

– Да ладно! – не поверил он ей.

– Что – ладно, что – ладно?! Ты что, матери родной не веришь? Я сама, вот этими глазами видела, как Ринка мрак выпускала, зараза! Быстро скачи, говорю. Может, нам ещё и награду какую за мракобеску дадут, зря, что ли, эту паразитку столько лет поили-кормили!

– Ага, сейчас, – Турес умчался в сторону конюшни, а меня грубо швырнули в погреб так, что я чуть по ступенькам вниз не скатилась, а потом дверь захлопнулась. Развернувшись, я застучала кулаками по крепким доскам.

– Тётя, не надо! Это просто тень была! – в отчаянии выкрикивала я, слыша, как она вешает на дверь погреба большой замок и запирает его.

– Тень, как же, – подёргав замок, чтобы убедиться, что он крепко держится, хотя у меня не хватило бы сил открыть даже незапертую толстенную дверь погреба, хмыкнула она. – Вот приедут маги, они разберутся. И с тобой, и с матерью твоей непутёвой.

После чего раздались тяжёлые шаги – заперев меня, тётка спокойно ушла по своим делам.

– Неправда! Мама хорошая! – безнадёжно выкрикнула я и снова стукнул в дверь кулаками, но только ушибла их. Опустившись на верхнюю ступеньку и сжавшись в комочек, я расплакалась, приговаривая: – Мама хорошая. И я хорошая. Я не виновата.

Но это была неправда. Я была виновата. Сделала то, что делать было нельзя, выдала нашу тайну, и теперь нас с мамой схватят и убьют. И это только моя вина. Моя...

Мама учила меня прятать тьму, никому её не показывать, не рассказывать о ней. Это очень опасный дар, говорила она, таких, как мы, убивают. Я не понимала, за что, почему, но мама просто шептала мне: «Поверь, доченька, просто поверь», – и я верила. И никому не показывала то, что научилась делать.

Но полоть грядки было так тяжело. Они были большие, а сорняков много, они плохо выдёргивались, а некоторые ещё и кололись. И тогда я стала уничтожать сорняки своей тьмой – всё равно на огороде я была одна, тётка Нута приводила меня утром и говорила: «Вот это тебе до обеда задание. И попробуй только не сделать!» – и уходила. А перед обедом проверяла.

И я делала – иначе оставалась без обеда. Сначала дёргала сорняки руками, а потом догадалась использовать свою тьму. Потихоньку, осторожно, стараясь не задеть ростки редиски или морковки. И у меня уже неплохо получалось, даже оставалось время немного посидеть, помечтать или поиграть в камушки. И руки уже так не болели, и ноги, и спина.

А сегодня тётка Нута зачем-то пришла на огород раньше времени – может, лука или петрушки для супа нарвать, хотя обычно или мне велит, или младшего сына Гритьку посылает, – а я замечталась и не услышала. А теперь нас с мамой убьют, и виновата в этом только я.

Надо было подождать, когда у меня другая магия проснётся и мою тьму спрячет, а я не удержалась. Мама говорила, что мы должны жить в этой деревне, потому что здесь магов кроме неё нет, и никто не заметит, что у меня неправильная тёмная магия проснулась раньше времени. Вот проснётся правильная, и плохую за ней не будет видно. Только мамочка никогда не говорила, откуда у меня эта плохая магия, только сказала, что я ещё маленькая и не пойму. А потом плакала, целовала меня и всё шептала: «Прости меня, доченька, прости».

А я уже не маленькая, мне семь лет, и я всё понимаю. Мне Гритька объяснил, что такое ублюдок и подзаборница, это значит, что моя мама замужем не была, а ребёнка нагуляла, и у меня нет папы. У Гритьки тоже папы нет, но он не ублюдок, потому что, тётка Нута – вдова, её муж, мамин брат, утонул, а мои родители в храм не ходили, и метки брачной у мамы нет. И поэтому тётка Нута маму не любит, и меня не любит, и заставляет нас много работать.

Мама на берегу работает, с рыбаками, у неё телекинез, она вещи может поднимать не руками, а магией. Только она слабый маг и сильно устаёт. А меня тётка Нута заставляет грядки полоть, говорит, я должна свой кусок хлеба отрабатывать, а то кормишь меня, кормишь, а всё не в коня корм.

Это потому, что я расту плохо. С тех пор, как у меня тёмная магия проснулась, я почти не выросла, на чуть-чуть совсем. А мама говорит, что не знает, почему так, она всегда нормально росла, но её магия проснулась как у всех остальных, в пятнадцать лет, а у меня в четыре. И с тех пор у нас с мамой появилась тайна.

И из-за этого мы не можем отсюда уйти, хотя в доме тётки Нуты нам очень плохо. Раньше, когда был жив её муж, дядька Фрил, он за нас заступался, а когда утонул, его жену уже не скрывала, что терпеть нас не может. Мама собиралась перебраться в город, где нашла бы себе работу получше, ведь я уже подросла и могла оставаться дома одна, пока она на работе, но тут проснулся мой тёмный дар. И мама долго плакала и за что-то просила у меня прощения, только не говорила, за что. Только сказала, что в город нам теперь нельзя, и про мою тьму никто знать не должен, а то нас с ней казнят.

А сегодня тётка Нута обо всем узнала. И нас с мамой теперь убьют. И понимая это, я снова разревелась.

Не знаю, сколько я просидела в погребѣ, обед, наверное, уже прошел, потому что очень хотелось есть. Я даже подумала спуститься вниз и поискать что-нибудь среди остатков прошлогодних овощей, но тут недалеко от погреба послышался мамин голос:

– Где моя дочь?

– Явилась! – противный голос тѣтки Нуты звучал гораздо ближе. – Надеешься мракобеску свою спасти? Не получится! Скоро здесь маги будут из Бережков, они с вами разберутся, преступницы.

– Риони, ты здесь? – окликнула мама.

– Мама, мама! – я снова застучала кулаками по двери погреба.

– Отопри замок, – это она тѣтке Нуте велела.

– Ага, щас, бегу и спотыкаюсь! Вот он, ключик-то, попробуй, отбери!

– Мне это не потребуется, – голос мамы звучал так, что у меня мурашки по спине побежали. – Лучше отойди с моей дороги, Нута.

– Ты... Ты чего?.. – казалось, тѣтка Нута задыхается. – Ты тоже мракобеска?!

– Я. Сказала. Отойди! – Мама говорила так, словно каждое слово было камнем, падающим на землю. Потом что-то со звоном упало, дверь погреба распахнулась, а на пороге стояла мама, протягивая мне руку. В другой её руке был шар из тьмы. А на земле валялся замок, и дужки у него просто не было.

– Идѣм, доченька, – сказала она, и я тут же вскочила и уцепилась за мамину руку. Куда угодно, только бы с мамой. Теперь было уже не так страшно.

– Стой! Стой, мерзавка! – тѣтка Нута не пыталась подойти, держалась в сторонке. – Стой, а то собаку спущу!

Ой! Если она спустит с цепи злющего Лохмача, он нас точно покусает! Но мама не испугалась, она обернулась и запустила свою тьму в сторону загона с курами, проделав здоровенную дыру в ограде.

– Лучше делом займись, – кивнув на выбегающих на свободу курей, ответила мама, а потом подхватила меня на руки и вышла со двора на улицу. Оглянувшись, я увидела, как Гритька, выглянув из-за старой яблони, махнул мне рукой. Я помахала ему в ответ, а потом уткнулась маме в шею, слыша позади крики тѣтки Нуты:

– Куда! А ну стоять! Гритька, да лови ж ты их, а то весь огород потопчут!

Я надеялась, что про нас она теперь забыла.

Мы шли долго, очень долго. И очень быстро, почти бежали. Сначала мама несла меня на руках, потом я шла сама, пока не устала, потом она несла меня на спине, а потом я снова шла сама. Почти сразу же мы свернули с дороги в лес и шли теперь по нему, напрямик, без дороги.

Мы почти не разговаривали, только вначале я рассказала, как тётка Нута увидела мою тьму, но мама не ругалась, только вздохнула тяжело. Ещё я спросила, куда мы идём, и мама сказала, что нам нужно добраться до океана, но не к пристани, где она работала, а в одно безлюдное место, у неё там уже три года припрятана лодка, и мы уплывём далеко-далеко, и маги не смогут нас найти. Мама спрятала эту лодку, когда узнала, что у меня проснулась тёмная магия, вот на такой вот случай.

– Мы правда мракобесы? – спросила я намного позже, когда ехала у мамы на спине и жевала кусок хлеба, который она брала с собой на обед, но не успела съесть – прибежал Грителька и всё ей рассказал. Если бы не он, мама бы не успела меня забрать, маги приехали бы раньше.

– Нас так называют, - помолчав, вздохнула мама. – Тех, у кого тёмная магия. Плохое слово, мы так себя не называли.

– Мы? А есть ещё такие же, с тёмным даром? - тут же заинтересовалась я.

– Я не знаю, может, кто-то ещё чудом спасся и спрятался, как я. Но я о них не знаю. Нас называли преступниками и всех уничтожили.

– Но ты же не преступница! – с полным убеждением в своей правоте, воскликнула я.

Мама долго молчала, я даже подумала, что она не ответит.

– Я никого не убивала сама, – наконец, ответила она. - Но делала то, что делать не должна была. Молодая была, многого не понимала, многое принимала на веру. И мне очень жаль, что из-за моей ошибки страдаешь ты, моя хорошая. Прости меня, доченька, прости.

Мама говорила всё медленнее, тяжело дышала. Видно было, что она очень устала, но продолжала быстро идти по лесу. И я не стала больше ни о чём спрашивать, лишь уткнулась носом ей в плечо и прошептала:

– Я люблю тебя, мамочка.

Солнце клонилось к закату, когда вдали послышался собачий лай. Сначала едва слышный, потом всё отчётливее. К тому времени я уже с трудом шла за мамой, спотыкаясь на каждом шагу, да и она уже тоже шла совсем медленно и дышала тяжело. Но услышав лай, она схватила меня на руки и снова побежала.

Но вскоре силы совсем её оставили. Мама опустилась на землю возле огромного поваленного дерева и расплакалась, крепко меня обнимая, а собачий лай слышался уже совсем близко.

— Не успели, - шептала она сквозь слёзы. - Берег совсем близко, но даже если и добежим — нас всё равно увидят, скрыться не получится. Прости меня, доченька, я не смогла тебя защитить.

— Дамочка, что у вас случилось? — раздался низкий голос совсем рядом, и из-за поваленного дерева высунулась огромная лохматая голова. Я взвизгнула и крепче прижалась к маме, пряча лицо у неё на груди, чтобы не видеть страшного говорящего зверя. — Не надо меня бояться, я маленьких девочек не ем. Может, помочь чем могу?

Чем нам может помочь страшный лесной зверь, которого я сейчас боялась сильнее, чем приближающихся магов с собаками. Маги и собаки — это что-то знакомое, мама же тоже маг, а тут что-то большое и лохматое. Хотя голос хоть и низкий, но не сердитый.

— Да! — вдруг вскинулась мама. — Да, помогите нам, пожалуйста. Спасите мою девочку, умоляю.

— А что случилось-то?

— За нами гонятся, слышите? С собаками.

— Как не слышать-то. Давно услышал, понять не мог, что в нашем лесу с собачьей сворой делать, охота здесь самим императором запрещена из-за нас, нечисти. Запретили нас убивать императорским указом ещё несколько зим назад, да и других зверей заодно, заповедник здесь теперь. А тут травля. Неуж-то на вас охотятся?

— На нас, - кивнула мама. - Мы — не такие, как все, магия у нас опасная, и хотя мы её во вред не используем, всё равно нас уничтожат, раз узнали про это. Я-то ладно, мне уже не спастись, а вот дочка моя — невинное дитя, она жить должна. Укройте, её, пожалуйста. За вашим запахом её собаки не учуют, а я погоню уведу. Пожалуйста.

— Давайте, — и ко мне протянулись две здоровенные лапы с огромными когтями. Я замотала головой и ещё крепче вцепилась в мамину одежду.

– Риони, – мама с силой отцепила от себя мои пальцы, - послушай меня. Ты должна жить, слышишь? Ради меня! Иди с дядей медведем, он тебя спрячет. Вот тут, – она достала из-за пазухи свёрнутый лист бумаги, помятый и потёртый, и сунула в мою ладошку, я машинально сжала пальцы, – я написала всё. Прочти.

– Мама, мама, нет, - расплакалась я, чувствуя, как огромные лапы осторожно подхватывают меня и переносят на другую сторону дерева.

– Прости, доченька! Ты только живи, моя дорогая, только живи. Я люблю тебя.

С этими словами мама вскочила и лентой тьмы слезала небольшой куст, растущий неподалёку, сдёрнула с плеч шаль, замотала в него куст и взяла на руки так, что издалека казалось – у неё на руках ребёнок. В последний раз наши глаза встретились, а потом мама развернулась и побежала прочь от собачьего лая, который был уже совсем близко.

– Давай-ка сюда, - медведь затащил меня в яму, выкопанную прямо под этим поваленным деревом и, повернувшись так, что я оказалась возле земляной стёнки, обнял меня лапами и прижал к своему животу, загораживая своей спиной от солнечного света. Вонь от него была хуже, чем от Лохмача, но я даже не поморщилась, догадавшись, что в этой вонючке и есть моё спасение.

– Тише, тише, не плачь, – раздался нежный женский голос, и что-то мягкое коснулось щеки. Открыв зажмуренные глаза, я увидела прямо у себя перед носом белочку, глядящую меня по лицу. – Тише, а то собаки услышат. Твоя мама хотела, чтобы ты жила.

Я прикусила губу и задавила рвущиеся наружу рыдания. Хотелось реветь в голос, но белочка была права – мама не хотела, чтобы меня нашли.

– Вот и молодец, – крохотная лапка стёрла слезы с моей щеки. – Эй, ребята, поможем дядюшке Клыку малышку спасти.

– Поможем, - послышалось несколько голосов, и я почувствовала, как какие-то небольшие зверьки, размером не больше кошки, ложатся на меня, укрывая, словно одеялом. На ноги лёг кто-то покрупнее, и даже на щеке возле уха свернулся кто-то совсем крошечный и очень мягкий. Только лицо осталось не закрытым.

– А теперь – всё замерли и молчим, – шёпотом скомандовала белка, прижавшись к моей макушке, и все сделали, как она велела, я тоже.

Собачий лай приближался, потом стали слышны голоса переговаривающихся мужчин, подбадривающих друг друга и собак, мол, след совсем свежий, нужно поспешить. Мне показалось, что они пробежали прямо у нас над головами, я замерла и затаила дыхание, но меня и правда никто не унюхал за запахом медведя и остальных животных. Лай и голоса удалялись, но мы оставались на местах. Потом послышался ещё один голос, я не поняла, мужской или женский:

– Я прослежу за ними, не вылезайте, пока не разрешу, – а потом раздалось хлопанье крыльев.

– Перо проследит, - шепнула белочка. - Пока лежим.

И мы лежали. Было душно, тяжело от навалившихся зверей, плохо пахло, а самое главное – было страшно и очень хотелось плакать. Но я терпеливо лежал, понимая, что от этого зависит моя жизнь. Наконец, снова хлопанье крыльев и тот же голос:

– Всё, вылезайте. Они другой дорогой ушли, здесь не появятся. Но на всякий случай Клюв и Крыло остались наблюдать и, если что – предупредят нас.

Звери, лежащие на мне, быстро выбрались из ямы, а потом и меня подхватили медвежьи лапы и вытащили наружу. В неярком свете заходящего солнца я увидела вокруг много зверей и птиц – больше десяти, дальше я считать ещё не умела. Некоторые звери были мне знакомы: две большие серые собаки – это волки, поменьше, рыжая и с пушистым хвостом – лиса. Белочку я тоже знала, и зайчиков, а ещё были длинные зверьки с короткими лапками – и побольше, и совсем маленькие, я таких никогда не видела. И ещё один побольше, похожий на толстую собачку с белой полосой на мордочке, а рядом – несколько точно таких же, но маленьких. И ещё – словно большой ёжик с очень длинными иглами. И все они окружили нас и смотрели с любопытством.

Наконец, толстенный, с полосой, не выдержал:

– Дядюшка Клык, и что тут у вас случилось?

– Вот, – медведь показал на меня, – за этой девочкой и её мамой маги гнались, вроде как убить хотели. Мать её попросила дочку спрятать, а сама погоню увела. Перо, что там дальше было? – обратился он к сове, сидящей на ветке того самого поваленного дерева, под которым мы прятались.

– Мне очень жаль, девочка, но мамы твоей больше нет, - сова печально на меня посмотрела и вздохнула. - Но тебя она спасла, те люди решили, что вы погибли обе.

Я села прямо на землю и снова разревелась. Мама, моя дорогая мамочка! Её больше нет, она оставила меня и никогда не вернётся. Никогда меня не обнимет, не поцелует, не споёт песенку на ночь. Не заступится за меня.

У меня больше никого нет. Я одна. И как я буду без мамы теперь? Я же всё равно теперь умру. Зачем мамочка ушла, зачем меня оставила? Мама, мамочка!

Я сидела и рыдала, бормоча всё это сквозь всхлипы, пока огромные лапы не обняли меня, не прижали к лохматой вонючей груди и не начали качать, словно маленькую.

– Тихо, девочка, не плачь. Дядюшка Клык с тобой, дядюшка Клык не оставит тебя одну. Ну, тише, тише...

– Так что там случилось? - спросил кто-то, и сова продолжила рассказ:

– Женщина та, со свёртком на руках, добежала до обрыва, дождалась, когда первые маги выбегут из-за деревьев и увидят её, а потом прыгнула в океан. Они кричали, чтобы она не делала этого, чтобы хотя бы оставила ребёнка, но она всё равно прыгнула. Там очень высоко, никто не рискнул прыгнуть за ней. Они долго стояли, наверное, ждали, что она вынырнет, но всплыл только платок. Я подслушала, что говорили эти люди – они поверили, что женщина убила и себя, и ребёнка. Говорили, что в этом месте сильное подводное течение, что тел уже не найти. Потом ушли вдоль берега – там идти удобнее, чем через лес. Девочку искать они не будут.

Я слушала всё это и понимала, что мама сделала так, что магов мне бояться уже не надо, но что со мной будет дальше? К тётке Нуте возвращаться нельзя, да я и дорогу-то назад не найду, а больше у меня никого нет. И что теперь мне делать, я не знала.

– А что у тебя в той бумаге написано, – спросила белочка, та, что утешала меня там, в яме.

Я вспомнила про листок, который дала мне мама, я всё ещё крепко сжимала его в руке. Развернула, разгладила – он сильно помялся, - и увидела, что письмо написано печатными буквами, я только их читать

и умела. Повернув листик так, чтобы последние лучи солнца падали на него, я стала читать вслух.

«Рионелла, дорогая моя доченька, самая-самая любимая.

Если ты читаешь это письмо, значит, я не успела рассказать тебе то, что ты должна знать. Я ждала, что ты хоть немного подрастёшь, чтобы лучше понять то, что маленькому ребёнку понять сложно, но на всякий случай я пишу это письмо, потому что прошлое может догнать меня в любой момент. И если ты читаешь это письмо, значит, оно меня всё же догнало.

Я была студенткой не самой престижной магической академии, моя магия была совсем слабой, происхождение – самым простым, и когда на меня обратил внимание сам декан, я решила, что попала в одну из сказок, которыми зачитывалась в детстве. Я полюбила его, я верила каждому его слову, делала всё, что он мне говорил. Этот человек стал твоим отцом, хотя так об этом и не узнал.

Когда твой будущий отец сказал мне, что есть возможность получить ещё одну магию, я согласилась, не раздумывая и с радостью. Он велел мне привести с собой ещё пять девушек, не открывая им правды, просто придумав предлог – я это сделала, даже не спросив, зачем. Я верила своему любимому, и лишь гораздо позже узнала – этих девушек принесли в жертву, это была плата за дарованную мне тёмную магию.

Спустя неделю после того ритуала, в нашей тайной организации был объявлен общий сбор – все, имеющие как тёмную магию, так и любую другую, с помощью которой можно сражаться, должны были участвовать в нападении на дракона. Нам ничего не объясняли, лишь сказали, что это – последний шаг к обретению нами бессмертия. Позже я стала понимать, что всё это было очень странно, но тогда я ни над чем не задумывалась, ни в чём не сомневалась, разум мой был словно в дурмане. Но в утро сбора я почувствовала себя очень плохо и просто не смогла встать с постели, а значит, не попала на место сбора. И это спасло мне жизнь – все, кто собрался, чтобы напасть на дракона, были уничтожены. Любой, в ком была тёмная магия, был объявлен бессмертным преступником и казнён.

Я тоже преступница – пусть своими руками я не убивала, но тех девушек именно я привела на смерть. И когда дурман развеялся – не знаю, опаивал ли меня чем-то твой отец или использовал ментальную

магию, - я осознала всё это, и мне казалось, что жить я больше недостойна. Но целительница, к которой я обратилась с тем самым плохим самочувствием, сказала, что у меня будет ребёнок.

Это была ты, моя дорогая девочка. Это ты спасла мне жизнь, не позволив оказаться на месте той бойни. И я решила, что буду жить ради своего ребёнка. Но ты уже была во мне во время ритуала, потому тоже получила тёмную магию – прости меня за это, доченька. Я не хотела тебе такой судьбы, но так вышло, и теперь тебе с этим жить.

Запомни, пока в тебе не проснётся обычная магия – а она обязательно проснётся, твой отец был очень сильным магом, – тебе нужно держаться подальше от других магов. Обычная магия закроет собой тёмную, отвлечёт на себя внимание – именно поэтому мракобесов невозможно узнать, если они сами себя не выдадут. Но до тех пор ты в опасности, моя хорошая. Я не знаю, сколько тебе сейчас лет, но очень надеюсь, что достаточно, чтобы суметь выжить. Я не хотела оставлять тебя так рано, но раз меня нет рядом, значит, судьба решила именно так.

Пока не проснётся новая магия – держись как можно дальше от городов и крупных деревень. А самое главное – скрывай свою тёмную магию, никогда не пользуйся ею, не допускай ошибок. И держись как можно дальше от бессмертных. Именно они уничтожили всех, в ком живёт тёмная магия, они не пощадят никого, даже тебя.

Живи, моя любимая Рионелла, пожалуйста, живи. Я очень тебя люблю.

Твоя мама».

Я дочитала письмо и долго сидела молча, роняя на него слёзы. Мама сказала – не допускай ошибок, но именно из-за моей ошибки она умерла. И что мне делать дальше? Мама просила меня жить – а как? Я не знаю, что мне теперь делать.

– В сиротский приют ей нельзя, – сказал кто-то из зверей, я не видела, кто именно. – Приюты только в городах есть, а там маги.

– Может, в дети кто возьмёт? – другой голос, жалостливый.

– Ага, придёт она к первой же калитке, постучится, скажет: «Возьмите меня в дети», и её тут же и возьмут, да? – ехидно ответил кто-то. – Как раз в приют-то и отправят.

— Была б постарше, хоть в няньки бы кто взял, а тут самой нянька нужна, кроха ж совсем, - вздохнула Перо, её голос я ни с чем не спутаю.

— Я не кроха, — возразила, не удержавшись, рукавом вытирая мокрые щёки. - Мне семь лет уже!

— Всё равно, в работницы не годишься, — это один из волков сказал, это я уже видела, голову-то подняла.

— Нельзя ей к людям, - покачал головой медведь. — Мне её мать доверила, мне и растить.

— Дядюшка Клык, да как же ты её растить-то будешь? - возразил другой волк, точнее — волчица. — И где? В берлоге своей? Это ж человек, ей одежда нужна — своей-то шкуры нет, - еда человеческая, да и не в норе же ей жить.

— У меня идея! — воскликнула лиса, потом махнула куда-то лапой. - В той стороне дом есть в лесу. Там охотник жил прежде, а как в нашем лесу охоту-то запретили, ушёл куда-то. Домик небольшой, старый, но ещё крепкий, всё получше, чем берлога.

— И далеко до него? — поинтересовался дядюшка Клык.

— Ну... если прямо сейчас выйти — к утру доберёмся. Там место хорошее, укромное, но и до города не так далеко, за полдня туда-обратно сбегать можно. Там для девочки одеждой разжиться можно, да и едой какой. Только лапы ловкие нужны, сам я не справлюсь.

— У меня лапы ловкие, — небольшой зверёк с чёрной шёрсткой вокруг глаз и полосатым хвостом, ростом с кошку, протянул свои передние лапки, и правда похожие на ручки.

— Мы тоже с вами пойдём! — воскликнули едва ли не хором длинные зверьки на коротких лапках.

— И я тоже иду, — решил кругленький зверёк с полосой. — Должна же рядом с девочкой быть женщина. Ну, что, ребяташки, идём в поход?

— Идём, идём! — радостно запрыгали три его, то есть, её маленькие копии.

— Тогда уж и мы с вами, - переглянувшись, решили волки. — Осмотримся, вдруг рядом кто из диких крутится. Конечно, к тебе, дядюшка Клык, вряд ли кто приблизится, но лучше всё же проверить.

— Вот видишь! — ко мне на колено запрыгнула белочка. - Вот как всё хорошо решилось. Видишь, сколько у тебя теперь друзей будет. Ты не одна больше, не надо плакать. Мы о тебе позаботимся.

– Правда? - я даже поверить не могла, что все эти говорящие звери, которых называют «нечисть», решили меня не бросать. Значит, я не останусь одна?

– Правда, – ответил дядюшка Клык. – Ну-ка, забирайся ко мне на спину. А ты, Шустрик, показывай дорогу к тому дому.

Когда я уселась верхом на спину медведю, следом за мной туда же забрался один из кругленьких детишек с полоской и примостился у меня на коленях.

– Я с тобой первый поеду, – сообщил он мне. - Меня Орешек зовут. А тебя Рионелла, да?

– Это моё длинное имя, - покачала я головой. - Меня так никто не называет. Мама звала Риони, а тётка Нута и её сыновья – Ринкой.

– Я буду звать тебя Риони, – кивнул зверёк. – А ты можешь звать меня... Орех! Вот!

– Хорошо, Орех, – я обняла пушистого малыша и впервые с того времени, как меня схватила тётка Нута, улыбнулась.

Я не знала, что ждёт меня впереди, но мама хотела, чтобы я жила. И я обязательно буду жить! Я обещаю тебе это, мамочка.

ГЛАВА 1. ПРИБЫТИЕ

День первый. Понедельник

Восемнадцать лет спустя

– Приехали, - раздался громкий голос кучера, и дилижанс резко остановился, заставив меня качнуться и, для сохранения равновесия, ухватиться за спинку сиденья передо мной, нечаянно прищемив прядь длинных светлых волос. – Имперская магическая академия.

Хозяйка шевелюры мотнула головой, выдёргивая свои волосы из-под моих пальцев, облила меня презрительным взглядом, который стал ещё и брезгливым, когда она разглядела мой не самый презентабельный внешний вид. Фыркнув, она подхватила свои пожитки и, задрав нос, двинулась к выходу, где уже скопилась небольшая толпа выбирающихся из дилижанса – желающие поступить в академию и их родственники.

Я на этот взгляд никак не отреагировала, сама знала, что выгляжу ужасно. Но двухмесячное путешествие почти через всю Империю, когда денег едва хватает на самые дешёвые билеты и на такие же дешёвые ночлежки, блеска никому не добавляет. А порой и на сеновалах ночевать приходилось, и в конюшнях. Ничего, вот поступлю, дадут мне место в общежитии, там и отмоюсь как следует.

А форму выдадут, так нас с этой гордячкой вообще не отличить будет – мои-то волосы ничуть не хуже, только я их в косу заплела и под кофту убрала, чтобы не мешались. А если распускаешь их в тесном пространстве дилижанса, будь готова к тому, что кто-нибудь обязательно зацепится и дёрнет. И вообще – в этом дилижансе сзади места самые дешёвые, дешевле только пешком, так что не стоит нос задирать, строя из себя аристократку, к которой посмела прикоснуться жалкая простолюдинка. Аристократки в таком не ездят.

Бурча всё это себе под нос – долгая поездка хорошего настроения мне не прибавила, но я хотя бы на людей не фыркаю, – я нацепила лямки заплечного мешка и с тяжёлым вздохом выволокла из-под сиденья потёртый саквояж. С трудом вышла из дилижанса и печально посмотрела на цель своего многодневного путешествия – белоснежные

башни академии, до которых от ворот, за которыми уже исчезли все мои попутчики, ещё топать и топать.

Пыхтя и отдуваясь, поползла до ворот, прикидывая, не оставить ли книги где-нибудь под кустом, чтобы потом за ними вернуться? Знала я, что они тяжёлые, но оставить своё главное сокровище в лесу не смогла. Книжки и раньше мне руку оттягивали, но тогда Моня топал своими лапами, сейчас же мне предстояло затащить своих друзей в академию контрабандой, и взрослый барсук удвоил вес саквояжа. Откормила я его, на свою голову!

Тут к воротам подъехал извозчик, обдав меня пылью из-под колёс. Пока я отфыркивалась, из повозки выскочил здоровенный, как орк, парень, закинул на плечо мешок раз в пять больше моего и бодро зашагал к воротам. Потом притормозил, оглянулся, окинул меня внимательным взглядом. Я глаза отвела – почему-то под его вполне доброжелательным взглядом стало неловко за свой внешний вид, хотя презрительные взгляды всяких фырчалок и носозадиралок, которых на моём пути встречалось немало, совершенно меня не трогали.

Парень решительно затопал обратно и замер в паре шагов от меня.

– Помочь? - кивнул он на мой саквояж, в который я уже вцепилась обеими руками, пытаюсь удержать.

– Сама справлюсь, - буркнула я. Всю жизнь сама справлялась, нечего из меня какую-то беспомощную делать.

– Я вижу, - беззлобно усмехнулся парень и легко вытащил ручку саквояжа у меня из взмокших ладоней. - Ого! Ты туда булыжники напихала, что ли?

Оценивая вес моей поклажи, он при этом держал её так, словно это был дамский ридикюльчик, не тяжелее.

– Книжки там, – пришлось отвечать, промолчать было бы совсем грубо. Вздохнув, добавила: – Спасибо.

– Да мне не сложно, – парень широко улыбнулся и вновь зашагал к воротам, я порысила за ним, был он не только высок, но и длинноног, один его шаг – два моих.

Половину расстояния до академии мы прошли молча, он впереди, я сзади, а потом из-за плеча парня высунулось... нечто и с любопытством на меня уставилось. Большеухое и лысое, оно не было похоже ни на что, мною раньше виденное. Страшненькое и

симпатичное одновременно. Пожалуй, что-то в этом существе было от кошки, но кошки лысыми не бывают. Или оно бритое? Но зачем?

– А... это что такое? – не удержалась я от вопроса.

– Не «что», а «кто», - ответило мне странное создание женским голосом, ага, значит, не оно, а она. – Ты что, никогда раньше кошку не видела?

– Видела, но только с шерстью, – ответила я, поняв, что передо мной какая-то странная нечисть. Мало того, что лысая, так ещё и говорит, не раскрывая рта.

– Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам, – выдала... наверное всё же кошка, а потом спряталась за пазухой парня, который после моего вопроса остановился и оглянулся на меня.

– Это кем она тебя обозвала? – из моего заплечного мешка высунулся возмущённый Клещ и завертел головой. – И где она?

– Это Ноппи, моя кошка, - парень с улыбкой погладил бугорок, едва заметный на его широченной груди. Впрочем, под таким свободным сюртуком и Моню можно спрятать. - Она немножко... необычная и любит читать. А потом вставляет фразы из прочитанного, к месту и не очень.

– Я к месту вставляю, - возмутился бугорок под его ладонью.

– К месту, к месту, – успокоил парень питомицу. - А твоего как зовут?

Тут я сообразила, что кое-кто себя рассекретил, по привычке кинувшись на мою защиту, и не важно, нужна она мне была или нет.

– Ты зачем вылез? - зашипела я, пытаюсь вслепую нащупать голову хорька и запихнуть обратно в мешок. Получалось не очень. – Спрячься немедленно!

– Клещом меня зовут! И в любого, кто мою девочку обидит, вцеплюсь и всю кровь высосу! Имей в виду!

– Клещ, он мне помогает саквояж нести. Это похоже на то, что меня обижают? И спрячься сейчас же! Хочешь, чтобы тебя выгнали?

– Хороший у тебя защитник, – усмехнулся парень. – А прятать его не обязательно. В Имперской академии студентам разрешено держать нечисть, если сама нечисть на это согласна. А твой друг не выглядит пленником.

– Как – разрешено? – растерялась я. - В правилах же написано – никаких животных!

– И где ты те правила прочла?

– В библиотеке. В брошюре для поступающих.

– И в каком году она была издана?

– Не знаю. Давно, - призналась я, вспомнив пожелтевшую и потрёпанную книжицу, которую пожилая библиотечарша выкопала откуда-то из хранилища. И была она точно старше меня, а может, и самой библиотечарши.

– А новому правилу лет двадцать где-то. Поэтому Ноппи тоже будет со мной учиться, правда, моя красавица?

– Сам учись, у меня магии нет, – донеслось из-под его одежды. – Я просто буду рядом. Как фамилляр!

– Вот и отлично, – Клещ тут же вылез из мешка целиком, соскочил вниз и запрыгал по дорожке, разминая лапы.

– А насчёт нечисти – это точно? – я всё ещё не могла поверить в свою удачу. – Откуда ты это знаешь?

– У меня тут старшие братья учились, я про академию много что знаю. Идём, а то скоро начнутся испытания, не хотелось бы опоздать.

– погоди минутку. Дай-ка сюда, - я протянула руку к саквояжу, потом передумала: – Нет, лучше просто поставь. - Когда моя просьба была выполнена, я наклонилась и отщёлкнула замок. – Моня, вылезай!

– Зачем? - донеслось изнутри. – Мне и тут хорошо.

– Моня, имей совесть!

– У меня лапка больная!

– Мне это известно. Вылезай, или вытащу сама.

– Ладно, ладно, вылезаю, – барсук выбрался из саквояжа и, встав на три лапы, поджимая правую переднюю, устоял на моего спутника. - Он выглядит так, словно может и тебя легко нести в саквояже, не то, что меня. Может, я обратно залезу?

– Топай-топай. Всеми четырьмя ногами, меня-то жалобить бессмысленно.

– Да иду я, иду, – и мой приятель бодро затопал уже на четырёх лапах. Да, походка его была не самой изящной, правая лапа была немного короче левой и кривовата, отчего Моня смешно переваливался с боку на бок, но беспомощным калекой он не был. Избаловала его мать, а мне теперь расхлёбывать.

– Симулянт он у тебя, - тихонько рассмеялся парень.

– Кто? - не поняла я.

– Притворяшка.

– Ааа. Да, есть немного, – кивнула я и, закрыв саквояж, взяла его в руку. – Пойдём, а то и правда опоздаем.

Саквояж у меня снова отобрали, но возражать я не стала – книги, оставшиеся в нём, тоже не пушинки. К тому же, с ним в руках я точно за своим спутником не угонюсь, а если он тут всё знает, пусть и по рассказом, лучше с ним идти, чем тыкаться вслепую.

Или не вслепую. Поскольку вскоре нам встретился один указатель со стрелкой и надписью «Приёмная комиссия» на фонарном столбе, потом второй, а когда мы подошли к замку, указатели стали встречаться едва ли не на каждом шагу. Заблудиться здесь было совершенно невозможно.

Идя по ним, в итоге мы оказались в просторном помещении с десятком столов, к которым стояли небольшие очереди в несколько человек. Мы с моим спутником встали в соседние, но моя двигалась быстрее, потому я оказалась у стола гораздо раньше.

Отдав документы доброжелательно улыбнувшейся мне оборотнице, ненамного меня старше – вряд ли она преподаватель, скорее студентка, подрабатывающая в приёмной комиссии на каникулах, - я протянула свидетельство об уровне моей силы, выданное магом, заезжавшим в наш городок, чтобы тестировать подростков на предмет появления у них магии. При поступлении всё равно всё перепроверяют, но и эта бумага не помешает.

Увидев цифры, девушка удивлённо подняла брови и посмотрела на меня уже с интересом.

– Впечатляет, - протянула она, переписывая содержимое моих документов в журнал, а потом имя и данные тестирования – на плотный зелёный листок с номером. - Вам в зелёную дверь, – она показала на дверь в боковой стене, в которую заходили те, кто уходил от столов, и на которую я не сразу обратила внимание. Она была белой, но раз велели туда, значит, туда и пойду. - Вещи можете оставить в любом ящике, где кнопка горит белым, – кивок на противоположную дверям стену. – Открываете дверцу, кладёте вещи, жмёте большим пальцем на кнопку, посылаете мини-импульс магии –

и готово. Никто, кроме вас, дверцу не откроет. Открываете так же. Удачи.

– А нам можно в зелёную дверь? – поинтересовался Клещ, взобравшись мне на руки.

– О, у вас есть нечисть? – разулыбалась девушка. – Что же вы сразу не сказали?

– Я не знала, что это нужно.

– А как же! Их же на довольствие поставить надо, чтобы знать, сколько и чего фамильярам готовить. Для них, конечно, с запасом готовят, но учётность всё равно важна. Значит, ты хорёк, да? Так и запишем, - она и правда что-то отметила в журнале. - Ты с ней по своей воле? - поинтересовалась оборотница у Клеща.

– Разумеется! – возмущённо выпрямился тот. – Если не я, кто её будет защищать?

– Простите, – переводя взгляд с него на меня, улыбнулась девушка, – так положено.

– А здесь хорошо кормят? – Моня встал на задние лапы, зацепившись когтями за край стола и положив на него нос.

– Очень хорошо, - машинально кивнула оборотница и удивлённо посмотрела на меня. – У вас их двое?!

– Трое, - вздохнув, покачалась я и вытащила из кармана Лапку, дремавшую там. Она вообще много спала – старенькая совсем.

– Трое... Понятно... – совсем растерялась девушка, а потом пожала плечами: – Ограничений по количеству фамильяров нет, значит, можно и трое. Просто я даже о двоих сразу не слыхала, но всё когда-то бывает в первый раз. Только ответьте – вы со своей хозяйкой по доброй воле? Это просто формальности, – чуть смущённо пояснила она нам.

– Конечно, по доброй, – кивнула Лапка, зевая. - Кто ж в лесу о старушке позаботится? Там мне уже не выжить.

– Так вы не питомниковые? Тогда понятно, - у оборотницы, наконец, сложилось в одно целое моя потрёпанная одежда и дорогушие фамильяры. Это если в питомнике покупать – дорогушие. А мои – бесплатные.

– Мой отец лесником был, – эту легенду я много раз использовала, и здесь не видела смысла менять. - Я их всех в лесу подобрала.

– Меня мама прогнала, – пожаловался Моня, – а Риони взяла. У мамы новые детки родились, вот я и стал ненужным. Сказала, что я уже большой и должен сам себе еду добывать. А у меня лапка больная!

– Она тебя и так пять лет кормила. У твоих братьев и сестёр давно свои дети были, а ты всё мамку сосать пытался, – осадила я нытика.

– Я больной и несчастный, – барсук сделал самую умильную рожицу, на которую только был способен. На меня она давно не действовала, при желании Моня мог противостоять гораздо более крупному хищнику, однажды в одиночку отогнал от моего домика двух диких волков, подрав им морды – сама видела. Только желание такое у него возникало редко, больше нравилось, чтобы его жалели и кормили вкусняшками.

Сработало и тут – Моня получил от девушки пряник, она записала его и Лапку в журнал и, пожелав мне удачи, пригласила к столу стоящую за мной девушку.

Оглядевшись, здоровенного парня я уже не увидела. А жаль, хоть кто-то знакомый. Пристроив саквояж и мешок в свободный шкафчик – кнопка после нажатия из белой превратилась в синюю, значит, ящик занят, – и запомнив его номер, я прошла в указанную дверь. За нею оказался просторный и довольно длинный коридор, в который выходило несколько разноцветных дверей, в том числе и нужная мне зелёная, вдоль стен между ними тянулись лавки, забитые молодёжью. Места хватило не всем, многие стояли, но возле зелёной двери лавка была полупустая. Две о чём-то шушукающие девушки, паренёк, уткнувшийся в книгу, и мой практически старый знакомый, возвышающийся над ними почти на голову.

Интересно, в его роду орки потоптались, оборотни-медведи или оборотни-тирексы? Внешне признаков оборотней я в нём не увидела, человек как человек. А вот нос, пожалуй, широковат и мочка уха характерной формы, хоть и не так ярко выражена, значит, всё же орки. Но орочьей крови вряд ли больше четверти, скорее меньше.

– Еда! – практически простонал Моня, и, оглянувшись, я обнаружила сбоку от входа что-то вроде прилавка, от которого ощутимо потянуло магией стазиса, заставленного подносами с пирожками, бутербродами и стаканами с чем-то, похожим на компот.

Я сглотнула слюну – со вчерашнего вечера во рту ни крошки не было. Оглянувшись на поступающих – некоторые жевали что-то, явно

взятое с этого прилавка. Рискнула взять несколько бутербродов с ветчиной – вроде бы, никто ругается. Прихватила стакан с компотом и села на свободное место возле зелёной двери, кивнув знакомцу. Девушки отвлеклись от разговора, оглядели нас – меня мельком, моих зверей гораздо внимательнее, – и снова зашушукались, парень с книгой внимания на нас не обратил.

Раздала своим питомцам ветчину, сама принялась за хлеб, с голодухи, да с компотом очень даже вкусно. Рядом со мной раздался тяжёлый вздох, громадный парень встал и утопал к прилавку. Вскоре вернулся с двумя тарелками, на одной лежало несколько бутербродов и пирожков, а на другой громоздилась гора ветчины без хлеба. Мысленно посетовав, что мне на подобную наглость – собрать ветчину с кучи бутербродов, это ж надо додуматься! – смелости не хватило, я принялась за свой хлеб, но первая тарелка вдруг оказалась у меня на коленях, а вторую парень поставил перед моим зверьём.

– Налетайте, - и уже мне: – Имперская магическая академия вполне может накормить досыта и своих студентов, и абитуриентов, и их фамильяров. Ешь!

– А ты? – для приличия поинтересовалась я, хватая пирожок, даже выглядящий аппетитно.

– Я сытно позавтракал...

– Мы позавтракали, - Ноппи высунула мордочку у него из-за пазухи. – Беко-он ели! – едва ли не благоговейно простонала она и снова нырнула обратно.

– Спасибо, – не стала спорить я. И подумав, что вот уже столько общаемся, а так и не познакомились, представилась: – Я – Риони.

Мой сосед помолчал, вздохнул и тоже назвался:

– Иветтомáссор.

– Как? - это не я спросила, это девушки, что с другой стороны от него сидели. Хором. А я чуть пирожком не подавилась. Это же надо было так ребёнка назвать! Вот это имечко!

– А короткое имя у тебя есть? – поинтересовался Моня, дожевывая остатки ветчины. И гордо добавил: – Вот у меня – есть!

– Короткое от Мони? Куда ж ещё короче-то?

– Нет, Моня – это и есть короткое. А вообще-то я Хромоножка. Так мама назвала, а Риони сократила. Хочешь, она и тебе сократит?

И они оба на меня посмотрели. Моня – выжидающе, Иветтомассор – с лёгкой опаской.

– Ивет? – робко предложила я.

– Оно же девчачье! – подал голос парень с книгой. А делал вид, что ничего вокруг не видит и не слышит.

– Сорри? - предложила одна из девушек.

– Ещё хуже, – помотал головой бедняга с жутким именем. А что, если, как у Мони, взять слоги из середины?

– Томи? – предложила новый вариант. Парня передёрнуло. Да, слишком нежно для такого здоровяка. – Или лучше Томас?

– Пожалуй, - кивнул Иветтомассор. - Пусть будет Томас, – при этом ударение он сделал на первый слог. – Мне нравится.

– Номер двадцать семь, – сказал мужчина, выглянувший из зелёной двери.

Одна из девушек подхватила и ушла за ним. Наш разговор стих сам собой – я принялась за пирожки, остальные просто сидели, посматривая по сторонам или в книгу. Из других дверей тоже вызывали абитуриентов по номерам, мой номер был тридцать первый. Постепенно ушли все мои прежние соседи, включая Томаса – он так с кошкой и ушёл, значит, моим туда тоже можно, а то оборотница так и не ответила на вопрос Клеца, отвлеклась.

Когда меня вызвали, рядом сидели два новых парня, остальные места на лавке пустовали, хотя возле трёх остальных дверей было не протолкнуться. Услышав от выглянувшего мужчины: «Номер тридцать один», мы с Клецом и Монею зашли в таинственную зелёную дверь, в которую мои знакомые входили, но назад ни один не вышел.

В просторном помещении не было окон, но было светло, словно его заливали лучи солнца. Оно было практически пустым, если не считать большого стола, за которым сидело четыре человека в белом... хотя, нет, женщина, скорее всего, была эльфийкой, а сбоку, на некотором расстоянии, стоял небольшой столик с какими-то предметами. Другой мебели в комнате не было.

Мужчина, вызвавший меня, вытянул из моей руки бумагу с номером и отнёс на стол, после чего вернулся обратно. А я, застыв, разглядывала другого мужчину, сидящего с левого края стола. И чувствовала, как деревенею от страха.

В отличие от троих остальных преподавателей, одетых в мантии, на этом был белый мундир с золотой отделкой. Но не одежда привлекла моё внимание, и даже не рост – хотя он, как и мой недавний знакомец Томас, почти на голову возвышался над соседями, и это сидя! И я едва заметила удивительную красоту его лица – мне не было дела до его красоты. А вот само лицо...

Нет, этот мужчина был мне не знаком, я никогда его прежде не видела и даже имени не знала, но лицо это было мне слишком хорошо знакомо. Потому что, это была практически точная копия лица императора Мелануира, чьи портреты я видела в учебниках. Только волосы не светлые, а каштановые. А это означало, что мужчина, а точнее – перевёртыш, сидящий передо мной, был членом императорской семьи. Семьи бессмертных.

Которые когда-то, ещё до моего рождения, уничтожили всех, кто обладал тёмной магией.

Магией, которая у меня тоже была.

Я понимала, что страх мой иррационален, мой тёмный дар надёжно спрятан под моей новой магией, определить его не сможет никто, даже бессмертные, и только я сама могу себя выдать, применив его, а я этого делать не стану. Всё это я знала.

Но всё равно боялась.

– Риони Клык? - держа в руках мой листок, уточнила эльфийка, и я, с трудом оторвав взгляд от перевёртыша, кивнула. – Оставьте свою нечисть у двери и подойдите ближе.

Я вынула из кармана спящую Лапку и положила на спину Мони, та немного покопошилась там, свернулась поудобнее и снова уснула. А я подошла к столу, холодея от осознания того, как близко оказалась от бессмертного.

– Очень хороший показатель магии, очень, - эльфийка повернула лист так, чтобы её соседи смогли видеть написанное. Мужчины в мантиях по обе стороны от неё – один средних лет, другой совсем старый и седой, - одобрительно закивали. Потом тот, что помоложе, поинтересовался:

– Здесь написано, что проверку силы магии вы проходили пять лет назад. То есть, сейчас вам?..

– Двадцать, – назвала я свой вымышленный возраст.

Собственно, у меня всё было вымышленное, кроме имени – фамилия, происхождение, биография. Возраст тоже – я так и росла чуть медленнее других. Не настолько, чтобы это бросилось в глаза за те четыре года, что я провела в приюте, хотя и там меня продержали лишний год, решив, что целитель ошибся с определением моего возраста, которого сама я, дикарка из леса, якобы не знала.

– А почему вы не прошли повторную проверку перед поступлением? - поинтересовалась эльфийка.

– И почему тянули с поступлением? – подхватил пожилой. - По силе магии вы проходили уже тогда, конечно, в академию принимают с восемнадцати, три года ожидания понятны, но пять?

– Я сирота, – а вот и ещё одна правдивая деталь в моей насквозь лживой истории. – Проверку пять лет назад мне делали за государственный счёт, как всем приютским, достигшим пятнадцати лет. За последующую нужно платить, но мне тот маг сказал, что уже тогда силы хватало для поступления в Имперскую академию. Но в приюте обучали лишь азам, чтобы пройти вступительные экзамены, нужно было изучить ещё многое. Вот я и изучала. А поскольку пришлось ещё и работать, это заняло много времени.

– А разве тот маг вам не сказал, что сироты с проснувшейся магией принимаются в Имперский интернат, где и проходят подготовку к поступлению в академию за государственный счёт? – поинтересовался перевёртыш из императорской семьи. – Вас должны были доставить туда сразу же, как обнаружили подобный талант.

Я была настолько ошарашена вопросом, что даже парализующий страх куда-то отступил. Это что, я могла не вкалывать эти пять лет, а жить в тепле и сытости, догоняя в знаниях своих сверстников из обычных семей? Все эти лишения были напрасными?

– Нет, - я покачала головой, в растерянности глядя на бессмертного.

– И в приюте не сказали? - он сурово нахмурился, заставив меня вновь напрячься. Язык отнялся, и хотя я понимала, что сердится перевёртыш не на меня, смогла лишь головой покачать. Говорить о том, что из приюта нас отправили на проверку магии уже с вещами, и назад мы уже не возвращались, считаясь взрослыми, не стала.

– Безобразие, – эльфийка тоже нахмурилась. - Как такое возможно?

– Империя делает всё, чтобы по-настоящему талантливые дети могли получить образование, – бессмертный сжал руку в кулак, было видно, что он едва сдерживается, чтобы не ударить по столу. – А из-за чьей-то халатности...

– Мы обязательно проведём проверку по факту данного пренебрежения мага своими обязанностями, магистр Филандр, – пообещал преподаватель средних лет. Потом обратился уже ко мне: – Может, теперь вы продемонстрируете нам ваши способности?

И указал на столик с непонятными предметами. Они выглядели симпатично, такие гладенькие, блестящие, новенькие, что захотелось их погладить. Один чем-то немного напоминал часы, только стрелка у него была одна, а цифры были расположены не по кругу, а в верхней половине циферблата. Другой – стеклянный шар на подставке. Подставка красивая, шар, размером с маленький капустный кочан – тусклый, словно заполненный серым дымом. И на каком из них я должна всем показать свою магию.

– Начните с левого, – предложила эльфийка, видя, что я застыла, не зная, что делать дальше.

Ну, с левого, так с левого. Взяв двумя руками тяжёлую металлическую подставку, я размахнулась и шарахнула её вместе с шаром об пол.

ГЛАВА 2. ЭКЗАМЕНЫ

День первый. Понедельник

Шар слетел с подставки и разбился на множество осколков, а находящийся внутри «дымок» вырвался на свободу и рассеялся в пространстве. Самой подставке ничего не сделалось, такую попробуй сломай, но мне и шара было достаточно. Хотя, нет, я ошибалась – место, куда крепился шар, отвалилось, и оттуда выпали какие-то мелкие детали. А я-то думала, подставка цельнолитая. Ошиблась. Ну и ладно, так даже лучше.

– Что ты делаешь? – бессмертный возник возле меня так неожиданно, что я шарахнулась в сторону и чуть не упала, но была мгновенно схвачена им. Упасть не дал, но и не отпустил. Несмотря на огромные лапищи, боли не причинил, хотя вырваться я и не пыталась.

– С ума сошла? – мужчина легонько тряхнул меня, заглядывая в глаза, для чего ему пришлось нагнуться. Голос злым не был, лицо тоже, скорее перевертыш был удивлён и возмущён, но мне от этого легче не стало, я просто заледенела от страха.

– Отпусти её сейчас же! – раздался рычащий голос, и краем глаза я заметила приближающегося Моню. Шерсть дыбом, пасть оскалена, лапа с длинными когтями поднята в замахе. Ничего общего с меховым шариком, строящим оборотнице жалобные глазки.

– Магистр Филандр, отпустите девочку, вы пугаете её и её фамильяров, – раздался голос эльфийки, и огромные руки тут же отпустили мои плечи, бессмертный даже на пару шагов отступил.

Сразу стало легче дышать, я тоже отшагнула подальше от своего ожившего кошмара, поближе к животным. Все трое стояли в позе, предвещающей атаку, даже Лапка. Она, конечно, уже старенькая, но ласки практически такие же безбашенные в бою, как и барсуки, и тоже готовы без страха напасть на врага гораздо крупнее себя.

И хотя Клещ считал себя моим главным защитником, по факту им был именно Моня. Не уверена, что добралась бы сюда без потерь, если бы не он. Одинокая девушка – лёгкая добыча, девушка с барсуком – это примерно то же самое, что с двумя волкодавами. А вот Клещ, называющий себя моим защитником, в драку сломя голову не кидался,

хотя приложить противника крепким словом умел виртуозно – хорьки по природе своей вовсе не такие агрессивные, как два других моих питомца. Впрочем, сейчас и он стоял, распушив хвост, что означало готовность кинуться на того, кто меня, по его мнению, обижал.

– Успокойтесь, Риони, никто вас здесь не обидит, - услышав голос эльфийки, я оторвала насторожённый взгляд от бессмертного и перевела его на женщину, потихоньку отходя от испуга. - Просто объясните, зачем вы разбили артефакт?

Я вспомнила, с чего всё началось, посмотрела на осколки, ещё и частично затоптанные, потом снова на задавшую вопрос и пожала плечами:

– Вы же сами велели мне продемонстрировать свою магию на левом артефакте.

– И как же вы пытались её продемонстрировать? - в голосе старика звучало искреннее любопытство.

– Вот так, – присев на корточки, я протянула руки к осколкам и выпустила магию.

Осколки тут же начали сползаться, слепляться в шар, который запрыгнул на подставку, уже втянувшую в себя выпавшие детали. Из воздуха материализовался серый туман и влился в щели в шаре до того, как те срослись.

Я взяла уже целый артефакт и почувствовала, что он всё ещё не восстановился. Удивилась, огляделась, догадалась, в чём дело и, пересиливая себя и давя ком в горле, обратилась к сапогам бессмертного, выше поднять голову не решилась.

– Вы не могли бы приподнять ноги?

Мужчина послушно поднял левую ногу, потом правую, с подошвы правого сапога соскользнуло несколько крохотных осколков и вlepилось в шар. После этого артефакт в моих руках едва заметно завибрировал, а серый туман сменился нежно-сиреневым светом с золотистыми искорками.

– Магия вне классификации, - резюмировал старик. - Впрочем, девочка и так нам наглядно это продемонстрировала.

Я осторожно поставила артефакт на место, и стоило убрать руки, как в нём снова за клубился безликий серый туман. Потом взглянула на приёмную комиссию – бессмертный, к моему облегчению, уже вернулся на место на дальнем от меня краю стола и смотрел на меня

несколько растерянно, взгляды остальных экзаменаторов светились восторженным любопытством.

– Скажите, - мужчина, тот, что помоложе, аж наклонился над столом, подавшись в мою сторону. – Кто вас обучал? Какие формулы вы сейчас использовали? Сколько силы влили? Куда направляли потоки?

С каждым вопросом я всё больше терялась, не зная, что отвечать. Наконец, смогла вставить:

– Никто не учил. Оно само. А формулы я не знаю.

– Интуит! – кажется, спрашивающий меня мужчина пришёл в полный восторг. – Ещё один!

– Двое подряд? - покачал головой старик. - Я такого не встречал... да лет двадцать уже, наверное.

– Интуиты чаще всего встречаются среди обладателей магии вне классификации, – высказалась эльфийка. – А предыдущий мальчик тоже был весьма нестандартным.

– Ну, ещё бы, – пробормотал бессмертный, а потом обратился ко мне: – Я так понимаю, того, что до поступления в академию магией пользоваться запрещено, вам тоже никто не объяснил?

Сюрприз за сюрпризом. Нет, что без диплома легально работать магом я не могу, это я знала, но чтобы совсем пользоваться было нельзя?

– Нет, никто, - покачала я головой.

– Ожидаемо, – кивнул он, потом оглянулся на остальных. – Силу магии проверять будем, или в этом уже смысла нет?

– Может и нет, но мне любопытно, – ответил тот, что помоложе, остальные закивали, поддерживая коллегу. - Пройдите, пожалуйста, к правому артефакту и просто прижмите к нему ладонь нижу циферблата. Разбивать не нужно. Хотя, я бы не отказался ещё раз понаблюдать за этим чудом.

– Я могу принести стакан, - подал голос всё это время молчавший человек, что приглашал нас в комнату. Кстати, он был в сером, а не в белом,

– Принесите, пожалуйста, - кивнул ему мой собеседник. - И пару тарелок прихватите. Ну, же, – это снова ко мне, – мы ждём.

Я сделала, что велели, и полюбовалась на то, как ожившая стрелка поползла по полукругу и застыла, чуть-чуть не дойдя до цифры

восемь. А всего там было двадцать делений.

– Великолепно! – восхитился старик. – Магия выросла за эти пять лет в полтора раза. Такими темпами вы станете магистром ещё до сорока лет!

Было бы здорово! Только дожить бы до этих сорока...

Тут вернулся мужчина, уходивший за посудой, неся пару тарелок и стаканов. Их я тоже, по просьбе комиссии разбила, а потом восстановила. И разорванный когтями Мони платок эльфийки. И какой-то артефакт, извлечённый стариком из кармана. А потом приёмная комиссия, наконец, вспомнила, что кроме меня за дверью ещё желающие поступить сидят, а меня ещё экзамен по обычным предметам ждёт, в итоге меня отпустили с миром, вручив вместо зелёного уже сиреневый листок с золотым ободком.

Ушли мы из этой комнаты порталом – теперь понятно, куда девались те, кто до меня приходил. Точнее, сначала мы вышли через неприметную дверь, расположенную за спинами приёмной комиссии в узкий коридор, где я снова обнаружила указатели, пройдя по которым, оказалась перед дверным проёмом с радужной завесой вместо двери. Табличка, висящая рядом, предлагала приложить палец к кнопке, на которую указывала стрелка, а потом пройти сквозь проём.

Немного подумав, я вернула Лапку, едущую на Моне, в карман, Клеща повесила на плечо, а Моню взяла подмышку – именно так мы и прошли портал. Впервые в моей жизни.

Я ничего не почувствовала, хотя ждала каких-нибудь новых впечатлений, но нет. Вообще ничего, ну и хорошо.

Оказалась я в огромном помещении, шириной, наверное, во весь замок или чуть поменьше. Почти всё его пространство занимали столы, стоящие рядами, некоторые пустовали, но большинство было занято, и над ними возвышались полупрозрачные... даже и не знаю, как назвать. Назвала бы пузырями, но форма была немного иная, походила на пенёк, на который положили половинку арбуза разрезом вниз.

Я не успела задуматься, что это такое, как ко мне подошла высокая темноволосая девушка-дроу в форме, похожей на мундир бессмертного, только голубой, и отделки было поменьше. Рядом я заметила ещё несколько парней и девушек в форме разных цветов, а один из них вёл паренька в простой одежде к одному из пустых столов.

Подошедшая ко мне девушка поздоровалась и вытянула у меня из пальцев сиреневую бумажку. Кажется, ей было не привыкать к застывшим столбам абитуриентов.

Предложив мне посетить туалет – уточнив, что это такое, я с радостью согласилась и была отведена ею в уборную, где заодно умылась и помогла своим зверюшкам справиться с непривычным зачарованным горшком, – девушка проводила меня к одному из столов и предложила сесть на довольно удобный стул.

– Вот ваше задание, – мне указали на стопку листов с напечатанным текстом, – вот эти листы можно использовать как черновики. Вот две магические ручки, заряжать умеете? Нет? Просто когда перестаёт писать, посылаете вот сюда небольшой импульс силы, как у портала, помните?

Я кивнула. О таких ручках я лишь слышала, самой доводилось пользоваться лишь обычными перьями, которые нужно макать в чернила.

– На выполнение всех заданий даётся восемь часов, вот этот таймер будет показывать, сколько осталось, справитесь раньше – жмите на эту кнопку, я подойду. Вот здесь бутылка с водой, если сильно проголодаетесь или срочно понадобится в туалет, нажимаете эту же кнопку, я остановлю таймер и провожу вас. Списывать запрещено, здесь ведётся видеонаблюдение.

– Что ведётся? – удивилась я непонятному слову.

– Артефакт такой, иномирный, он следит за всеми. Вопросы есть?

– Нет, – растерялась я.

– Если будут – жмите на кнопку. Купол руками не трогайте, – с улыбкой посоветовала девушка, потом сунула руку в карман, что-то там сделала, и надо мной поднялся точно такой же купол, как над соседними столами. И сразу же стало тихо-тихо, только наше дыхание, и всё.

Звукоизоляция! Снова то, о чём я лишь читала, но никогда не видела и тем более не испытывала на себе. Потрясающе! Я осмотрелась и через два стола справа увидела Томаса, который улыбнулся мне, ободряюще кивнул и вновь склонился над своим заданием. На его столе свернулась клубочком Ноппи, и я наконец увидела её целиком. На ней была одежда! Кофточка и брючки, зелёные, самые настоящие! На кошке!

А с другой стороны, бедняжка, должно быть, мёрзнет без шерсти, мне бы тоже было бы неприятно лежать на столе голой. Да уж, не самая удобная питомица, но не всегда получается выбрать, чаще бывает наоборот, кого судьба послала, того и любишь.

Моня и Клещ улеглись под столом в расчёте на долгое ожидание, им не привыкать, Лапка спала у меня в кармане, вынимать её я не стала. Взялась за листы с заданием. Ага, тесты по истории, по географии, по знанию основных законов Империи – ну, тут даже интуитивно догадаться можно, но я эти законы тоже зубрила. Сочинение на вольную тему не меньше чем на трёх листах, и, самое сложное – математика. Задачи, куча примеров и тест по знанию основных фигур и их частей, вроде углов и граней.

Надеюсь, справлюсь. Я не просто так пять лет всё это изучала. Спасибо библиотекарше городка, возле которого я жила – и учебники подбирала, и непонятное объясняла, и списанные книги отдавала. А я за это чинила ей и книги порванные, и мебель библиотечную, а порой и вещи, из дома принесённые. Мне не сложно, ей тоже – в общем, нашли мы друг друга к взаимной выгоде.

Довольно быстро разделившись с тестами – чего сложного галочки ставить, если знаешь, где надо? – я взялась за сочинение. Раз на вольную тему, буду писать о том, что хорошо знаю – о лесной нечисти. Я о ней много знала, собственно, нечисть меня и вырастила, да и потом компанию составляла, когда меня из приюта выпустили, и я снова в наш лесной дом вернулась. Я б и не покидала его, да папа Клык перед смертью обещание с меня взял, что среди людей проживу, магии поучусь.

Вот, выполняю его наказ. Был бы у меня выбор – ни за что бы в Имперскую академию не сунулась, тут и ректор из бессмертных, и преподаватели некоторые, на одного вот, уже наткнулась. Только в других академиях либо обучение платное, либо, если примут на бесплатные места – всё равно нужно где-то жить и что-то есть. А здесь и жильём обеспечивают, и кормят, не экономя – Томас же просто так не скажет, раз его братья тут учились, – и форму выдают.

Главное – иметь сильную магию, и как только маг, меня после приюта тестировавший, сказал, что с такой силой я могу даже в Имперскую академию поступить, я поняла, что это мой шанс. И пять лет, зубря то, что другие дети учат в школах – а для приютских

считается ненужным, читать-писать научились, считать, чтобы в лавке не надурили, тоже, и достаточно, - и, откладывая деньги на дорогу, я ещё и настраивалась на то, что рядом со мной могут оказаться бессмертные. Что не надо их бояться, о моём тёмном даре они никогда не узнают. И даже почти себя убедила, пока сегодня не столкнулась со своим ожившим ночным кошмаром во время экзамена.

Но я справилась. Да, я обмирала от ужаса, тряслась и покрывалась холодным потом, но всё равно испытание прошла, и ничего страшного не случилось. Значит, и дальше справлюсь. Главное – после академии я получу самый престижный в Империи диплом и хорошую работу. Кусок хлеба с маслом мне и моим питомцам будет гарантирован.

Описав историю семейки барсуков, живших поблизости – родителей и братьев-сестёр Мони, – и то, чем ласка-нечисть отличается от обычного дикого зверька, я выдохнула. Прошла половина времени, отведённого на экзамен, а у меня остались лишь задачи и примеры.

– Риони, мне... надо! – Моня подёргал меня за юбку, выбрав момент, когда я расслабилась и откинулась на спинку стула, чтобы чуть-чуть передохнуть перед новыми свершениями.

Вздохнув, нажала на кнопку. Знакомая девушка тут же подошла ко мне, проводила в уборную, потом выдала нам всем лёгкий, по её словам, перекус, ну, мне снова пирожки и бутерброды в неограниченном количестве, а перед Монею и Клещом поставила по миске с сырым мясом и нарезанными яблоками. Где она всё это взяла, я спрашивать не стала, но еще раз убедилась в правильности своего выбора – здесь мы точно голодными не останемся.

Когда я возвращалась под свой купол, Клещ выпросил у девушки разрешение немного размяться, пообещав не хулиганить. Очарованная девушка, которой явно прежде если и доводилось видеть говорящих зверюшек, то не настолько близко, тут же ему разрешила, и следующие три часа он развлекал старшекурсников, приставленных к нам, абитуриентам, которые откровенно скучали в ожидании, когда кому-то понадобится их помощь.

Закончив делать задания по математике и перепроверив сочинение, я решила, что можно заканчивать. Растолкала Моню, умудрившегося задряхнуть, примостив голову на мои ноги, и нажала на кнопку. И снова моя девушка поспешила на зов, открыла купол и

узнав, что я уже всё, с улыбкой собрала мои листы и предложила идти за ней.

Мы вышли в обычную дверь – через портал здесь только входили, - и попали во что-то вроде небольшого холла с лестницей и несколькими дверями. Ага, значит, зал занимает не весь этаж, но всё же большую его часть. За ближайшей дверью оказалась проходная комната, - от коридора она отличалась лишь квадратной формой, – где на стульях вдоль стен разместилось десятка полтора поступающих, и где было предложено подождать и мне тоже, а сама девушка прошла дальше, в ещё одну дверь, унеся мои бумаги, в том числе и ту, сиреневую. Вышла она буквально через полминуты, уже с пустыми руками, ободряюще улыбнулась мне – а может, Клецу, – и ушла.

Дальше началось ожидание. Время от времени старшекурсники приводили очередных абитуриентов и отдавали за дверь их работы. Из той же двери время от времени кто-то выглядывал и вызывал по имени одного из ожидающих, обратно они выходили с разными выражениями лица – кто с радостным, кто с расстроенным, кто просто с сосредоточенным, пара девушек – в слезах, один парень, выходя, шибанул дверью так, что едва не снёс её с петель.

Мой знакомец, хозяин Ноппи, зашёл после меня и, в отличие от большинства ожидающих, не нервничал, ногти не грыз, вдоль стульев туда-сюда возбуждённо не прохаживался, просто сидел, расслабившись, о чём-то тихонько болтая со своей кошкой. А мой взгляд невольно притягивала его огромная фигура.

Ну, не совсем «огромная», была здесь и пара орков, их мускулы бугрились так, что едва не разрывали короткие рукава рубаш, шеи тоже были очень широкими, от ушей до плеч – по прямой, все они в целом были какими-то слишком массивными. А Томас был просто большим. Не тощим, вытянувшимся, но массы не набравшим, нет. Он был достаточно мускулистым, производил впечатление очень сильного, но и перекачанным не выглядел, его большое тело было удивительно гармоничным.

Лицо Томаса особой красотой не отличалось – нос широковат, рот большеват, глаза небольшие и близко посаженные, сказывалась капля орочьей крови, - но в целом впечатление от лица было приятным. А вот волосы были хороши – чёрные, аж в синеву отливали, они вились

крупными кольцами, закрывая шею и уши, падали на лоб. Эх, мне бы такие локоны, мои-то волосы были абсолютно прямыми.

В общем, парень как парень, не урод, но и не писанный красавец. Но почему-то мой взгляд всё время возвращался к нему, может, потому что здесь он был единственным моим знакомым? Точнее, из знакомых лиц был ещё парень с книгой из первого коридора, но его вызвали практически сразу после моего прихода, и он был среди тех, кто не нервничал и быстро ушёл с довольной улыбкой.

Наконец, вызвали и меня. Зная, что вскоре выйду обратно, животных я оставила в «прихожей». Войдя, увидела просторное помещение, конечно, намного меньше первого, но с десятков столов там стояло. За ними сидели уже преподаватели – судя по возрасту, – возможно, аспиранты, на их столах лежали наши работы, я узнала листы, а ближе всего к двери стоял стол, за которым сидел мужчина, не очень старый, но с роскошной лысиной, волосы остались лишь смешным венчиком на затылке.

Жестом подозвав меня, он с улыбкой сказал:

– Мы рады приветствовать вас, Риони, в Имперской академии, добро пожаловать в ряды наших студентов. Хотя в ваших ответах и были ошибки...

– Ошибки?... – обмерла я.

– Их было немного, и они не были критичными. Ваших знаний общеобразовательных предметов вполне достаточно, чтобы обучаться в нашей академии, а учитывая силу вашей магии, вам простилось бы и большее.

Я с облегчением выдохнула, мужчина заметил это, но лишь усмехнулся краешком рта и продолжил.

– Сейчас вам нужно пройти в библиотеку, она на четвёртом этаже, мы сейчас, кстати, на восьмом. – Ага, вот почему нас в комнату для экзамена порталом отправляли! – Там вам выдадут комплект для новичков – карты главного корпуса и всей территории, правила проживания и обучения, расписание уроков, и прочее, там же подскажут, как пройти в общежитие – оно у вас с розово-сиреневой крышей, – и, если захотите, сможете получить сразу комплект учебников. Можете вселяться в свою комнату прямо сейчас или провести оставшуюся до начала занятий неделю вне академии. Держите свой пропуск, – и мне вручили очередной листочек, на этот

раз белый, плотный и обтянутый чем-то гладким и прозрачным, - будете показывать в библиотеке, на складе, коменданту общежития при заселении, на воротах при возвращении в академию после увольнительных и везде, где у вас его спросят.

– Спасибо, – пробормотала я, и в это время один из преподавателей положил на стол «главному» стопку листов со словами:

– Идеально. Ни единой ошибки.

– Пригласите его, – кивнул приятно удивлённый «главный», а я поспешила выйти, поняв, что со мной закончили, и еще не до конца осознав, что всё позади.

Я сделала это! Теперь я – студентка Имперской магической академии! Конечно, её ещё нужно закончить, не вылетев, а отсеив здесь зверский, об этом даже легенды ходят, но главное – я добралась и поступила. И уже сегодня ночью буду спать в удобной постели в тепле и полной безопасности, на сытый желудок. И даже носа за ворота не высуну, пусть домашние детки догуливают последние дни свободы, я той свободой наелась на всю оставшуюся жизнь.

Едва я вышла в комнату ожидания, как за моей спиной раздалось:

– Иветтомассор, зайдите.

Так вот кто у нас всё без ошибок написал. Я восхищённо взглянула на Томаса, он в ответ чуть смущённо улыбнулся, словно догадался о причине моего восхищения, хотя услышать слова преподавателя вряд ли мог, и мы разошлись в разные стороны. Я поймала себя на том, что довольно улыбаюсь, точно так же, как некоторые абитуриенты, выходящие из этой двери. Теперь мне стало понятно – почему. Но неужели всех остальных не приняли?

Пока шла к лестнице, взглянула, наконец, на выданную мне небольшую бумагу и тут же остановилась, с ужасом глядя на собственное изображение, красующееся на моём пропуске, который я должна теперь показывать везде и всюду. Про то, что с людей можно снять магией изображение и перенести его на бумагу, я знала, видела подобное в газетах. Но если бы я хотя бы заподозрила, что меня будут запечатлевать для пропуска, потратила бы время, чтобы хоть немного привести себя в порядок.

А сейчас на меня смотрела девушка, последний раз заплетавшая косу вчера утром. Выбившиеся из косы пряди были частично убраны

за уши, частично висели вдоль лица. На щеке красовалось грязное пятно – прислонилась во сне к годами не мытому стеклу в окне дилижанса. Сейчас его уже не было, я умылась перед письменным экзаменом, но на изображении оно теперь будет красоваться... наверное, не меньше года, раз под моим именем написано «первый курс», потом, наверное, поменяют, но до этого...

Судя по меховому бугру на левом плече, сняли меня перед тем, как я шагнула в портал, скорее всего, когда читала, как им пользоваться. Интересно, Клещ порадуетсЯ тому, что тоже попал на магическую картинку, или, как и я, расстроится, что предстал на ней в далеко не самом красивом положении – кусок спины, вид сзади. Ладно, надеюсь, он не станет рассматривать этот листок.

Хотя, надежда на это была слабая, Клещ отличался редким любопытством. Так что, буду надеяться, что он себя просто не узнает.

– И что у тебя там такое интересное? - раздалось откуда-то сверху, и я, вздрогнув от неожиданности, развернулась и увидела стоящего рядом Томаса.

– Ты меня напугал! – выпалила обвиняюще, крепко прижав к груди свой позор.

– Ой, только не говори, что твоё фото страшнее моего, не поверю! – гигант закатил глаза, а потом сунул мне под нос свой пропуск.

А я ещё над своим... как он сказал? Фото? Интересное слово, надо запомнить. В общем, зря я переживала, оказывается, у меня всё ещё вполне миленько, подумаешь, грязная, лохматая и с куском хорька на плече. У меня хотя бы просто тёмный пушистый однобокий воротник получился, а вот мордочка Ноппи красовалась на половину снимка – она явно пыталась обнюхать или рассмотреть что-то, а потому потянулась вперёд, а лицо Томаса осталось сзади. При этом его глаза были заведены куда-то под лоб, приоткрытый рот скривился, и в целом выражение лица было ужасно смешным.

Похоже, перед порталом он закатил глаза точно так же, как минуту назад, вот только одно дело – живая гримаса, и совсем другое – застывшая. Получился и правда ужас.

– Спасибо, - от всей души поблагодарила я того, кто снял тяжёлый камень с моей души. Я продемонстрировала ему своё фото и не удержалась: – А о чём ты тогда подумал?

– О том, что меня держат за идиота, объясняя прописные истины.

– Я впервые в жизни видела портал, – призналась со вздохом.

– Правда? Прости, я как-то не подумал... Просто для меня это уже что-то настолько привычное, что и в голову не пришло, что таких лифтов где-то нет. Вот мне за это и расплата. А ты вышла очень даже миленько, уверен, у половины ребят на фотографиях какие-нибудь гримасы. Хотя я всё равно чемпион!

– Кто? – не поняла я. Обижаться на Томаса не получалось, он просто излучал позитив и извинялся абсолютно искренне.

– Победитель. Нужно будет чуть позже устроить конкурс на самую ужасную фотку на пропуске. Будешь за меня болеть?

— Не надо Риони за тебя болеть! – тут же возмутился Клещ. – Ещё чего! Сам болей, ты вон какой здоровый, а Риони маленькая! И так прошлой зимой простыла – боялись, что помрёт.

– Только барсучьим жиром её и спасли, – подхватил Моня. – Я для неё трёх диких добыл.

– Ты убивал себе подобных? – Ноппи с любопытством высунула нос из своего привычного укрытия.

– Они мне не подобные, они дикие. Я нечисть, а они просто звери. А за Риони я кого хочешь порву! – набычился Моня.

– В общем, не будет она вместо тебя болеть! – поставил точку Клещ.

– Вот глупый, – в голосе кошки прозвучал глубокий вздох, хотя она даже не шевельнулась. – Болеть за кого-то, это значит, переживать и желать его победы.

– Глупо, – фыркнул Клещ. – Болеть – это плохо, желать победы – хорошо. Это разное совсем.

– Так ты будешь желать мне победы? – поправился Томас, с улыбкой слушая перепалку нашей нечисти.

– Обязательно, – кивнула я. – Уверена, ты победишь.

– Слушай, – он снова уставился в мой пропуск, – у тебя тоже магия вне классификации? И общежитие с розово-сиреневой крышей?

– Да, – кивнула я, потом вспомнила слова старика и уже сама уточнила: – А ты тоже интуит?

– Ага. А что, и ты? Надо же!

– Они тоже очень удивились, – я поверить не могла в такое совпадение.

– Слушай, я знаю, где наше общежитие, братья карту показывали. Давай сначала заселимся, отдохнём, а потом и в библиотеку сходить можно будет. Или даже завтра, я тебе самое главное и так расскажу, а то там сейчас не протолкнуться, наверное.

Я вдруг осознала, насколько же я грязная, и как мне хочется нормально искупаться и переодеться.

– А давай, – кивнула, соглашаясь, и мы вместе отправились в моё будущее жилище, очень надеюсь, что на следующие пять лет, не меньше.

ГЛАВА 3. ЭКСКУРСИЯ

День первый. Понедельник

Мы спустились по лестнице пешком, поскольку Томас решил мне устроить хоть и беглую, но всё же экскурсию, да и порталные лифты здесь были далеко не на каждом этаже. После первого же пролёта он тяжело вздохнул и взял подмышку Моню, причём нёс его так легко, словно это был не увесистый барсук, а его Ноппи, которая, кстати, так и сидела у него за пазухой. Интересно, ей там теплее или она просто нашла самое безопасное место в незнакомой обстановке? А может, как Лапка, уже слишком старенькая, чтобы резвиться и интересоваться всем окружающим так же, как бодро скачущий по перилам Клещ.

Мимо трёх этажей мы прошли, не останавливаясь, Томас лишь рукой махал со словами:

– Тут комнаты для совместных занятий, тут тоже, тут лечебница, надеюсь, нам она не понадобится, а вот тут – библиотека.

В библиотеку мы заглянули. Впечатлились не столько очередью возле стойки – не такой уж и большой она была, – сколько тем, что уже знакомый нам «парень с книгой» стоял в ней третьим. Прикинув, как давно он ушёл из места ожидания результатов экзаменов, я поняла, что Томас прав – сюда лучше прийти завтра утром, когда схлынет волна зачисленных.

На следующем этаже были переходы в башни, где и проходили основные занятия по факультетам, мы даже заходить туда не стали, Томас пообещал завтра всё показать, перед походом в библиотеку – он тоже никуда уезжать не собирался, по его словам, оставшейся недели не хватит, чтобы даже в одну сторону до его городка доехать, не говоря уже о возвращении.

– Разве что дракона оседлать, - хохотнул он. – Или перевёртыша в четвероногой ипостаси. Только это же не лошади, верхом далеко не ускачешь.

– Ты что! Нельзя так об императорской семье! – испуганно озираясь, зашипела я. А потом всё же не удержалась: – А почему не ускачешь?

– Они же кошки, хоть и большие, – охотно просветил меня спутник. – Ты видела, как у них позвоночник двигается во время бега? Вон, примерно как у Клеща.

Я глянула на своего питомца, обратила внимание, как гнётся его спина – на такой точно не усидеть, и это Клещ ещё полную скорость не развил.

– Поэтому я и остаюсь. Здесь тоже неплохо кормят, сама убедись, – и Томас повёл рукой вокруг, показывая, где мы очутились.

Я замерла и повела носом не хуже Мони.

Столовая! Причём, не отделённая от лестницы дверью, как библиотека или лечебница, нет. Лестница проходила прямо сквозь неё, огороженная лишь лёгкой решёткой, чтобы никто не свалился. И запахи! Ммм...

– Голодные? – заметил Томас мою реакцию – и моих зверей тоже.

– Не то чтобы голодные, – дёрнула я плечом. – Просто сегодня были только пирожки и бутерброды, и до этого больше недели на сухом, а здесь... Супом пахнет и мясом жареным!

– Значит, пойдём и перекусим. Кто за?

– Что «за»? – не поняла я.

– Кто за то, чтобы перекусить? – уточнил Томас.

– Я за! Мы все – за! – тут же отозвался Моня.

– Тогда вперёд.

О, это было самое восхитительное место на свете! Еды, вкусной и разнообразной, было сколько угодно, бери, что хочешь и сколько хочешь. И я набрала. Себе – наваристый, парящий и источающий непередаваемый аромат суп, жареное на углях мясо и целую тарелку пирожных – роскошь, которую я редко могла себе позволить.

А для своих питомцев набрала две больших миски и блюдечко варёных яиц, сыра, творога и фруктов. Мясо – это хорошо и полезно, но мясо было у них «к столу» постоянно, не всегда досыта, но мясо можно было добыть охотой. А попробуй в лесу сыр раздобудь или фрукты с конфетами. В общем, устроили мы себе праздник живота.

Клещ и Моня с радостью накинулись на предложенное невиданное угощение, даже Лапка изволила выбраться из моего кармана и с удовольствием принялась за творог.

– У тебя их трое? – поразился Томас. Сам он приволок для себя полный поднос еды и блюдец с беконом для Ноппи, которая

устроилась на его коленях и на них же и ела, таская куски со стола. Томаса то, что его штаны служат в качестве её стола, не смущало ни капельки.

Я сообразила, что прежде он и правда не видел мою старушку. Я вынимала её в комнатах для экзаменов и чтобы показать девушке, которой отдавала свои документы. А остальное время она так и сидела у меня в кармане кофты, где для неё был подстелена тряпочка, чтобы мягче было. Я даже куски ветчины ей в карман совала.

— Да, это Лапка. Она старенькая уже и много спит, - ответила я между глотками супа.

— То-то я смотрю — вроде лето, а она белая, как зимой. Это она седая?

— Седая, — вздохнула Лапка, хотя вопрос был обращён не к ней. - Охотиться мешает, меня видно издалека. Хотя, какая из меня сейчас охотница?

— Никогда прежде таких крох в руках не держал, — Томас смотрел на Лапку практически с умилением. - Можно тебя погладить? Я осторожно. Когда ты поешь, конечно.

Ласка с сомнением посмотрела на его огромные ладони, потом заинтересованно оглядела Ноппи, как раз в очередной раз высунувшуюся из-под стола с намерением утянуть ещё один кусочек бекона. Мимоходом кошка потёрлась о руку Томаса, и тот привычным жестом почесал ей пальцем под шейкой, заставив довольно прищуриться, что не помешало кошке одновременно с этим зацепить когтём очередной лакомый кусок. Видимо, оценив нежность, с которой эти большие руки ласкали выглядящую хрупкой лысую кошку, Лапка приняла решение.

— Можно. Гладь. — Потом ткнула лапой в Моню. — К моему блюдцу не лезть! Я потом еще поем творожка. Он вкусный и мягкий, как раз для моих зубов.

— Я и не собирался, - обиженно буркнул Моня. Хотя да, собирался, и мы это отлично знали.

Томас протянул ладонь, и Лапка на неё уселась, а потом и улеглась, свернувшись калачиком. Вторая ладонь стала осторожно её гладить, потом замерла на несколько секунд, накрыв целиком, а когда Томас убрал ладонь, я не поверила своим глазам — на его ладони лежала коричневая ласка, светлыми остались лишь грудь и живот, а на хвосте

чернела кисточка. Именно такой я её запомнила с нашей первой встречи, когда она улеглась мне на щёку, пряча вместе с остальной нечистью от собак преследовавших нас магов.

– Как... как ты это сделал? - практически просипела я, голос от изумления куда-то делся.

– Тише! – прошептал Томас, оглядываясь через плечо на почти пустую столовую, но никому до нас не было дела, мы сидели в уголке, причём я спиной к стене, а Томас – напротив, практически скрывая нас ото всех своими широкими плечами. - Это моя магия. Не был уверен, что получится, с живыми существами у меня не очень получается, но чем меньше зверёк, тем лучше, а она такая крохотная.

– Ты её перекрасил? - спросил Клещ, целиком залезая на стол, чтобы вблизи рассмотреть Лапку, так и лежащую на ладони парня.

Впрочем, она тут же поднялась, потянулась, выгнув спинку, пару раз подпрыгнула на пробу и вдруг заметалась по столу, между тарелок, скача и кувыркаясь.

– Нет, я её омолодил, – наблюдая за мечущейся лаской, смущённо улыбнулся Томас. – Вообще-то, я вещи обновляю, пытался с органикой – с растениями худо-бедно получается, а вот с животными... Только с лабораторными крысами прежде получалось, а с кем-то покрупнее, вроде кошек, эффект едва заметен, с людьми и этого нет. Может, когда-нибудь позже, когда моя магия усилится... А пока я только вот так могу, – он протянул руку и взялся за мой рукав.

И старенькая – хотя абсолютно целая, без дыр и разошедшихся швов, - кофта вдруг на глазах стала насыщенно-зелёной, хотя только что была почти серой, настолько выцвела. Да и выглядела теперь, словно только что из магазина модного платья. Ну, или не очень модного, но нового – определённо.

– Как же хорошо! – причитала между тем Лапка, продолжая носиться по столу, прыгать на пол и снова взбираться обратно. – Я снова молодая! Мои лапы опять могут бегать. А зубы! Мои зубы! – и она буквально вгрызлась в жареный кусок мяса, лежащий на моей тарелке.

– Надеюсь, она не помолодела слишком сильно, – наблюдая за всем этим метанием, растерянно покачал головой Клещ. - Нелегко нам придётся с двумя подростками, – и он бросил выразительный взгляд на Моню. Тот на намёк никак не отреагировала, с удовольствием

уничтожая содержимое своей миски. Вообще-то, Моня давно уже был взрослым, но обычно играл в несчастную деточку, и его мало кто воспринимал всерьёз. А зря.

— Не волнуйся, я вполне взрослая, - Лапка оглянулась на Клеща, потом снова вернулась к мясу. - Дай мне слегка побезумствовать на радостях, потом я снова стану нормальной. Просто... ты даже представить себе не можешь, что я сейчас чувствую. Каково это – испытать прилив сил как в молодости, когда столько времени только и хотела, что спокойно лежать и спать. Спасибо тебе! – обратилась она к Томасу.

– Спасибо! – спохватилась и я. – И за Лапку, и за кофту. – Я погладила мягкую шерсть – потрясаяще! Даже и не помню, когда у меня была действительно новая вещь. - А я вещи чиню. Сломанные, разбитые, разорванные. Но только неживые, с живым не получается, сколько ни пробовала. А тебе ничего починить не нужно?

– Пожалуй, нужно, – и Томас расстегнул сюртук, демонстрируя небольшие дырочки и затяжки на рубашке. – Ноппи иногда пугается и цепляется за меня.

– У меня стресс! – доносилось из-под стола. – Незнакомое место, много чужих людей, шум, запахи – всё чужое. Я имею право пугаться!

– Имеешь, конечно, имеешь, - парень вновь погладил лысую ушастую головку, вынырнувшую наружу, чтобы утянуть очередной кусок бекона.

– Сейчас починю, - радуясь, что смогу хоть чем-то отплатить своему новому другу, я пересела на стул, который освободил Клещ, а потом положила ладонь на грудь Томаса и выпустила магию.

Под ладонью обнаружились крепкие выпуклые мышцы. Зря я решила, что орки мускулистые, а Томас – нет, просто под его свободной одеждой эта сила в глаза не бросалась. Но озвучивать свои мысли я не стала, заговорила о другом.

– Слушай, а кожу она тебе не поранила? Может, зря мы мимо лечебницы прошли?

— Нет, я в порядке. Мою кожу ей не процарапать, – успокоил он меня. Впрочем, я и сама сообразила, что оцарапай его Ноппи до крови – на белой ткани остались бы следы.

Вот и ещё одно доказательство, что без орочьей крови в его роду не обошлось – лужёная кожа. Повезло ему в этом плане. А что лицо не особо привлекательное – так для мужчины это не главное. То, какой он добрый и отзывчивый, намного важнее.

– Готово, – я убрала руку, любуясь своей работой и немножечко тем, что находилось под ней. - Если Ноппи еще что-то порвёт...

– Всенепременно порву, - донеслось из-под стола. – У меня тонкая душевная организация.

– Или что-то ломает – приноси мне, починю, – закончила я свою мысль.

– Хорошо. А ты – если что-то понадобится обновить.

– Договорились, – улыбнулась я.

– Из вас получилась бы отличная команда, - высказался Клещ. – Ты чинишь, он обновляет. Может, всё же разведать, есть ли в городе лавки старьёвщиков? Я бы сбегал. Мы могли бы неплохо заработать.

– А зачем? – Моня поднял голову от опустевшей миски и тоскливо посмотрел на мою тарелку с мясом. Я подвинула её ему – собственно, я не была голодна, просто соблазнилась вкусными запахами, да и пирожные нужно было куда-то размещать. - Нас и здесь неплохо кормят.

– Лавки старьёвщика? – уточнил Томас.

– Неплохая подработка, - пожала я плечами. – А тебе разве не приходило в голову так использовать свою магию?

– Вообще-то, это запрещено до получения диплома, – назидательным тоном проговорил Томас, а потом наклонился и заговорщицки шепнул: – Поэтому я только дома вещи обновлял, чтобы посторонние не узнали. Да и не нуждался я особо, у старшего брата большая ферма, наша семья считается зажиточной.

– У брата? Не у родителей?

— Нет. Меня брат вырастил и его жена. Я поздний ребёнок, мать потерял рано, а отец завёл новую семью, а на нас рукой махнул. Мы почти не общаемся. Родителями я считаю брата и его жену.

– Повезло тебе, – вздохнула я. - Я тоже маму рано потеряла, в семь лет, а папу в двенадцать. Больше родни у меня не осталась. Если не считать их вот, - и я показала на своих зверюшек. - Они теперь моя семья.

– Мне жаль, – Томас потянулся и взял меня за руку, которая в его ладони просто утонула.

– Зато теперь я – студентка Имперской магической академии, – криво улыбнувшись, с несколько наигранным восторгом ответила я.

Потому что, от его простого сочувствия очень хотелось заплакать. Даже не знаю, с чего так расклеилась, да и вообще – разболталась. Едва ли не впервые я так много говорила о себе с кем-то, кто не был нечистью. Нет, никаких особых секретов я не выдала, придерживалась старой проверенной легенды, просто почему-то это казалось правильным – довериться Томасу. Странное чувство.

– И я теперь снова молодая! – подхватила Лапка, и, в отличие от меня, её восторг был абсолютно искренним.

– И кормят тут хорошо! – вылизывая и её блюдечко, добавил Моня.

– И я теперь могу сколько угодно драть рубашки хозяина! – внесла свою лепту Ноппи.

– В общем, всё здорово, и грустить не стоит, – подвёл итог Томас.

– Поэтому предлагаю пойти и заселиться в общежитие, пока самые лучшие комнаты не разобрали, – Клещ спрыгнул со стола и помчался к лестнице, потом притормозил и обернулся. — Ну, вы идёте?

– У меня нога больная, – напомнил Моня Томасу, сделав печальные глазки.

Тот рассмеялся, моментально собрал всю посуду на поднос, сунул за пазуху Ноппи, вновь подхватил Моню подмышку, взял поднос и кивнул мне:

– Пойдём, покажу, куда грязную посуду относить. А за ужином про еще одно чудо расскажу, сейчас ещё рано, нужно сначала узнать номера наших комнат.

Когда мы зашли за своими вещами, оставленными на хранение, в многолюдном прежде зале почти никого не осталось. Большинство столов были пусты, лишь за тремя кто-то сидел, и только у одного стояла девушка, подающая документы. Томас снова забрал мой саквояж, и мы вышли в то, что я условно назвала двором академии. Потому что, даже то, что я видела, превосходило размером деревню, в которой прошло моё раннее детство, а вся территория могла быть и с

город, где находился мой приют. Неудивительно, что новичкам выдают карту.

Мы бодро шли по одной из многочисленных тропинок, пересекающих двор во всех направлениях, в сторону многоэтажных зданий с разноцветными крышами – Томас явно знал, куда нам нужно, - когда из-за угла одного из них, со стороны ворот, вылетело... чудо. Нет, я читала про кентавров – травоядных оборотней, имеющих очень необычный полуоборот, но никогда не видела прежде. А тут этот красавец притормозил в нескольких метрах от нас, давая разглядеть себя во всех подробностях.

Нижняя половина тела была чуть меньше, чем у диких лошадей – там, где обычно крепится седло, висела пара перемётных сумок, – а в том месте, где у коней начинается шея, возвышался полуобнажённый человеческий торс, прикрытый лишь кожаной жилеткой, совершенно не скрывающей стройный, не столько мускулистый, сколько жилистый торс. А ещё выше было лицо, красивее которого, пожалуй, было лишь изображение императора на портретах, да сегодняшний перевёртыш на экзамене.

Но мой безумный страх перед бессмертными не давал в полной мере оценить их красоту, а этого парня я разглядела в подробностях. Изящные скулы, заострённый подбородок, точёный нос, пухлые губы, длиннющие ресницы, обрамляющие светло-карие глаза – полный набор, которым в романах описывают прекрасного героя, разве что цвет глаз у этих героев обычно голубой или чёрный. И в довершение картины – роскошные ярко-каштановые кудри, свободно падающие ниже талии, любая девушка десять лет жизни отдаст за такие, и за ресницы тоже.

Стало почему-то ужасно стыдно за свои волосы, грязные и растрёпанные, да и за весь свой зачуханный вид. И на экзаменах, и болтая с Томасом, я о своём внешнем виде забывала, а тут внезапно вспомнила. И захотелось поскорее попасть в свою комнату, а точнее – в душ, и смыть с себя, наконец, всю грязь долгого путешествия.

Кентавр в это время широко улыбнулся и обратился к Томасу:

– Привет. Не подскажешь, я на экзамены еще не опоздал? А то заплутал слегка, дорогу плохо объяснили.

Томас как-то странно дёрнул рукой с моим саквояжем, словно пытаясь поднести её к лицу, потом снова опустил, развернулся и

посмотрел на замок, из которого мы вышли. Оторвав взгляд от красавца, я проследила за его взглядом и обнаружила над главным входом, на высоте третьего этажа, огромные часы.

– Двадцать девять сорок*, - озвучил Томас увиденное. – Экзамены длятся до тридцати шести. Очередей уже нигде нет, и, если с общеобразовательными справишься быстро, шанс уложиться есть. В любом случае, приёмная комиссия работает ещё два дня, если сдашь документы и тест на силу магии сегодня, думаю, для тебя найдётся и комната, и еда, а письменные экзамены сдашь завтра.

– Спасибо, друг, - кивнул кентавр. - Постараюсь успеть сегодня.

И он умчался в сторону входа.

– В обороте внутрь нельзя! – крикнул Томас вслед и был услышан.

Кентавр притормозил у ступеней, скинул сумки на землю, а потом... втянул в себя лошадиный круп и задние ноги. Только что они были – и вот уже их нет, а передние ноги из лошадиных превратились в человечесьи. Босые, но прикрытые короткими, до колен, обтягивающими кожаными штанами. Закинув сумки на плечо, кентавр умчался в замок, провожаемый взглядами двух спускающихся по ступенькам девушек.

– Надо же, штаны сумел зачаровать, – задумчиво протянул Томас.
– Значит, очень сильный маг.

– Тебя это словно удивляет.

– Да. Магия среди кентавров не редкость, но обычно она совсем слабая. Поэтому они если и попадают в магические учебные заведения, то точно не в Имперскую академию. Последний кентавр здесь учился... вроде, брат что-то говорил об этом... не помню, но несколько сотен лет точно прошло. И вот – такой уникал.

– А что такое уникал? - поинтересовался Моня у него из подмышки.

– Единственный, исключительный, – раздалось у него же из-за пазухи. – То, что очень редко встречается.

– Мы с тобой – тоже уникалы, кстати, - пояснил уже сам Томас, разворачиваясь и продолжая наш прежний путь, я направилась следом.

Мы прошли просторное пространство из газона, кустов и множества дорожек – те, что пошире, могли похвастаться лавочками и фонарями, – добрались до зданий под разноцветными крышами, они были выше или ниже, длиннее или короче, но все одной толщины и

стояли в три ряда, входами в сторону замка. Пройдя вдоль нескольких, мы свернули между домами, прошли вглубь два ряда и снова свернули.

Сначала я пыталась запомнить дорогу, благо разноцветные крыши были отличной приметой, а потом поняла, что это просто не нужно. Необходимое нам здание оказалось самым левым в третьем от замка ряду. То есть, дальше всего от места учёбы и всего остального. Да уж, повезло так повезло...

Наше общежитие оказалось ещё и самым маленьким – всего два этажа и по восемь окон с каждой стороны от входа, крыша у него была полосатая, розово-сиреневая, как мне и сказал лысый преподаватель. Я уже догадалась, что цвета здесь означают магию, поэтому уточнила:

– Здесь живут обладатели двух магий?

– Больше. От трёх до... нет, не до бесконечности, но до десятка – вполне возможно.

– Это как? – Клещ забрался мне на свободное плечо и устоялся на нашего спутника.

– Здесь живут маги земли и камней – они розовые, а сиреневые – маги иллюзий и мы.

– Мы?

– Те, чья магия вне классификаций. Обычно таких очень мало, появляются не каждый год, а чтобы сразу двое – такого не было уже...

– Лет двадцать? – вспомнила я слова одного из экзаменаторов. Или он говорил про интуитов?

– Примерно так, – Томас посмотрел на меня с уважением, и я даже слегка возгордилась. Хорошо, когда тут всё знаешь, потому что братья здесь учились и многое рассказали. А у меня таких источников информации не было, но и я уже, оказывается, узнала кое-что, всем вокруг неизвестное. Приятно.

– Остальные три магии тоже довольно редкие, вот и объединили в одно общежитие.

– И в два цвета, – кивнула я, прикидывая, что земля и камни довольно близки по своей сути.

– Ещё отделка. Серебро и золото. Итого – четыре разных варианта. Но у нас с тобой форма будет одинаковая, сиреневая с золотом.

– С настоящим? – тут же вскинулся Клещ.

– Нет, просто цвет отделки такой, – улыбнулся ему Томас.

— Жаль, — сник Клещ. — А ты точно не хочешь попробовать подзаработать реставрацией вещей? Цены б нашей команде не было бы. Мы ищем, вы приводите в порядок...

— Нам бы еще того, кто чистит, вот тогда точно хорошо заработали бы, — мечтательно протянул Моня, указывая на пятна на штанах Томаса, там, где пиновала Ноппи. — После того, как академию закончим, конечно. Тут-то кормят, а что потом?

— А потом у нас будет диплом и отличная работа, — берясь за ручку двери, усмехнулся Томас. — Для пятен есть очищающий артефакт. А здешняя форма вообще самоочищающаяся.

И он открыл дверь в небольшой холл с лестницей на второй этаж, прямо перед нами, окошком рядом с ней и двумя дверями по бокам.

— Господин Илус, мы к вам, — мой спутник притормозил возле окошка, сквозь которое виднелась крохотная комнатка со столом под ним, шкафом сбоку и дверью напротив.

Сначала ничего не происходило, а потом в комнатку зашёл гном средних лет, устроился за столом и внимательно нас оглядел.

— Новенькие?

— Новенькие, — подтвердил Томас, я лишь кивнула.

— Уже зачислены? Сильные, стало быть, — покивал гном, одобрительно глядя на нас и подтягивая к себе небольшую стопку журналов. — Земля? Камни? Иллюзии?

— Вне классификации, — качая головой на каждое предположение, ответил Томас.

— Потрясающе. Ну а ты? — это уже лично ко мне.

— Тоже, — пришла моя очередь отвечать.

— Не может быть! Сразу двое? Потрясающе! — засуетился гном, вытаскивая из стопки нижний журнал, сиреневый с золотистым корешком. — Двое сразу! Невероятно! Ну, давайте пропуска, буду вас регистрировать. Комнаты для платников?

— Нет, — замотала я головой.

— Да, — подтвердил Томас.

— А фамильяры-то твои? — решил уточнить у меня гном.

— Её! — тут же вскинулся Клещ. — Мы с ней по своей воле, подтверждали уже.

— И на довольствие нас поставить обещали, — подхватил Моня, делая свои самые жалобные глазки. — Я тоже её, просто он меня несёт,

у меня ножка больная.

– Лесные мы, - пояснила Лапка с другого моего плеча. - Не из питомника.

– Ага, ага... – чуть заторможенно покивал гном и сделал вывод: – Твои все, стало быть. – И уже Томасу: – А ты, значит, без фамильяра, ага.

– С фамильяром! – раздалось возмущённое у Томаса из-за пазухи.

– У меня кошка, – пояснил хозяин и пазухи, и Ноппи, ставя на пол мой саквояж и доставая из кармана пропуск, я последовала его примеру. – Просто застенчивая очень.

– Ох ты ж, страхолю... кхе... необычная какая, – рассматривая фото на пропуске Томаса, господин Илус аж закашлялся. - Ну да ничего, всякое бывает. Горшки, миски и подстилки на складе выдадут вместе с остальными вещами, дыры только к концу недели сделать смогут, когда точно станет известно, сколько фамильяров вместе со студентами прибыло, тут уже заявку плотникам и ведьмам подавать нужно.

– Мне не нужно, Ноппи без меня не гуляет, - покачал головой Томас.

– Какие дыры? – растерялась я.

– Отверстие в двери комнаты, зачарованное, чтобы твои фамильяры могли входить и выходить, когда дверь закрыта, – пояснил всезнающий Томас.

– Нам надо! Надо дыру! – тут же сориентировался Клещ. – Подавайте заявку.

– В пятницу придут, – делая пометку в журнале, кивнул гном. - До среды экзамены, в четверг результаты объявят, окончательные списки поступивших вывешат, вселение и всё такое. Так что, в пятницу, не раньше.

– Мы подождём, - закивала Лапка, осуждающе посмотрев на наигранно-расстроено застонавшего Клеща. - Жили же как-то столько лет без зачарованной дыры,и еще четыре дня проживём.

– Так, держите, - гном выложил на «подоконник» наши пропуска и два ключа. – Тебе, Риони, восьмая комната, окно на парк выходит,тебе, Иветтомассор, двадцать третья, в другую сторону, уж извини, но из платных только такая осталась.

– Я переживу, – забирая свой ключ, криво улыбнулся мой спутник.
– И , если не сложно, называйте меня просто Томас.

– Не сложно, – ухмыльнулся комендант. - Идите, обустройвайтесь, если какие проблемы, обращайтесь ко мне.

– Пойдём, провожу тебя, - убирая ключ и пропуск в карман, Томас вновь подхватил мой саквояж и снова первым направился в левое крыло. Потрясающе, он знает даже расположение комнат в общежитии! Неудивительно, что он не захотел стоять в очереди за картой и прочими подсказками.

Мы сделали буквально шага два по коридору, я толком и осмотреться не успела, когда вторая от входа в крыло дверь распахнулась, и из неё вышла высокая девушка с каштановыми волосами, убранными в высокий хвост, в розовой форме с серебристой отделкой. Оборотница из медвежьих, возможно, нечистокровная.

Окинув нас взглядом и не сочтя особо интересными, она прошла мимо, направляясь по своим делам куда-то прочь из общежития. А мы остались стоять, я – потому что Томас остановился, а он, глядя вслед оборотнице и едва слышно шепча:

– Дочь медведя...

** В этом мире несколько иная система «мер и весов». Как это получилось, можно узнать в подробностях в первой книге цикла «Невезучая попаданка, или Цветок для дракона». Для тех, кто не читал – местные сутки (равные нашим) разделены на пятьдесят часов, те – на пятьдесят минут, а они – на пятьдесят секунд. Земной экватор разделён на 50000 местных километров.*

Для простоты – любое время делите на два, любой вес – тоже, любое расстояние укорачивайте на пятую часть. Таким образом, на часах третий час пополудни, экзамены принимаются до шести вечера. Примерно. Письменный экзамен длится около четырёх часов.

А ещё в здешней неделе нет субботы. Этого достаточно для понимания реалий местного мира.

ГЛАВА 4. НОВОСЕЛЬЕ

День первый. Понедельник

Несколько секунд все стояли и молчали. Первым, как всегда, не выдержал Клещ:

– Риони, кажется, он запал на эту самочку. Пойдём сами искать свою комнату, думаю, не заблудимся.

– Здесь же номера на дверях, – указала на очевидное Лапка, метнулась с моего плеча на пол, а потом вперёд, по коридору: – Вот она! – крикнула, стоя возле предпоследней двери справа.

– Ааааа! – раздался вдруг чей-то визг. – Крыса!

– Где? – тут же привычно напрягся Клещ. Он у меня был непревзойдённым охотником за грызунами, и это тоже было одним из наших небольших приработков.

– Вон, – наконец, я заметила кричавшую. Девушка высунулась из приоткрытой двери, напротив той, возле которой топталась Лапка. И именно в неё и тыкала пальцем. Увидел это и Клещ.

– Да какая же это крыса? – разочарованно протянул он. – Это ласка.

– Простите, а вы много крыс видели? – поинтересовалась моя питомица, развернувшись к девушке.

– Вообще не видела, – растерянно ответила та, потом решительно вышла из комнаты и присела на корточки: – А ты фамильяр, да? Вот здорово, у нас фамильяр будет жить! А можно тебя погладить?

Даже отсюда я увидела, как Лапка тяжело вздохнула и оглянулась на нас, словно прося совета.

– Может, лучше меня? – Моня забарахтался подмышкой у Томаса, но, не сумев выбраться, кусаться не стал, а вежливо подёргал его за лацкан. – Отпусти меня, пожалуйста.

– Что? – Томас вздрогнул, словно очнувшись, огляделся по сторонам, перевёл недоумевающий взгляд на Моню.

– Отпусти меня, тут я уже сам дойду, – попросил тот.

– Да, конечно. Прости, что-то я... – опустив Моню на пол – тот бодро поковылял к девушке, которая уже осторожно гладила Лапку, – Томас снова оглянулся, но оборотница уже вышла на улицу. Тряхнув

головой, он поудобнее перехватил мой саквояж и кивнул мне: – Пойдём.

И мы пошли. Лапка и правда верно указала на нужную дверь, цифры-то она отлично знала. Девушка к этому времени наглаживала довольного Моню, который, когда хотел, выглядел очаровательно-беззащитным. Только Клещ не полез за лаской, гордый был. Хотя, мне кажется, желающие и на него найдутся.

– О, привет! – девушка, наконец, увидела и нас. – Ты новенькая, да? На какой факультет?

– Вне классификации, - ответила я.

– Вот это да! – восхитилась моя собеседница, вставая с корточек. – Сейчас среди девушек никого без классификации нет, и парней всего двое. А я с иллюзорного. Третий курс. Меня Сайда зовут.

– Привет. Я – Риони.

– А я Томас. И, кстати, нас таких уже четверо, я тоже вне классификации.

– Вас уже приняли, да? Это здорово, а то сейчас почти никого нет, скукота. У меня в этом году сестра поступает, вот и пришлось приехать вместе с ней, всё ей показывать. Она сейчас экзамены сдаёт, а я вещи зашла занести.

Так вот почему она не в форме, а в обычном синем платье.

– Если Тейра не поступит, домой уедет, – продолжала трещать Сайда, - а мне тут эту неделю куковать одной, Велона не в счёт, она задавака, - и девушка придавила пальцем свой нос кверху, видимо, демонстрируя, как именно задаётся эта самая таинственная Велона. Хотя, почему «таинственная»? Похоже, именно её мы и видели, когда вошли, и именно глядя на неё, Томас застыл.

– А она кто? – решила всё же уточнить.

– Дочь мастера Хэдлея, тренера мальчишек по физической подготовке. Она вообще никуда не уезжает на каникулы, её отец тут же живёт, в комнатах для преподавателей, а других родственников у неё нет. Мать, кажется, при родах умерла, вот она тут с отцом и жила всю жизнь.

Мне показалось, или Томас вздрогнул? Интересно, почему?

– Ладно, побегу я, гляну, как там у Тейры дела. Если сдала, надо будет попросить у господина Илуса разрешение, чтобы она у меня на эти дни остановилась, мы и на одной кровати уместимся, так не

хочется её в город везти, в пансионат пристраивать. Если не сдала – слёзы ей вытирать и назад отправлять. Нелегко это – старшей сестрой быть, саму-то меня никто за ручку не водил, сама приехала, сама поступила... Всё, убегаю!

И правда убежала.

– Ну и болтушка, – покачал головой Клещ. – У меня аж голова кругом пошла.

– Да уж... – только и смогла выдать я.

Эта Сайда, конечно, очень дружелюбная, но я надеюсь, что её сестра всё же поступит, и именно на неё Сайда обрушит всю свою жажду общения. Лично я никогда не стремилась завести подруг, привыкла сторониться людей и ни с кем не сближаться, чтобы ненароком не выдать свою тайну. И то, как легко сегодня общалась с Томасом, для меня самой было странно. А вот рядом с Сайдой меня привычно сковала неловкость.

Мы добрались, наконец, до моей комнаты, которая показалась мне просто хоромами после моей лесной хижины – да, та была побольше площадью, но низенькая, с крохотным окошком, затянутым промасленной бумагой, и большую часть её занимала печь, на которой я и спала. А здесь было светло, высокий потолок, огромный шкаф, удобная и мягкая – я пощупала! – кровать, стол, ковёр на полу, и ещё оставалась куча места, мне пришлось широко раскинуть руки, чтобы коснуться и шкафа, и противоположной стены одновременно!

А ещё тут была лампа на столе и другой свет на потолке, и включались они магически! То есть, просто пальцем тычешь в кнопку, которую мне Томас показал – и всю комнату заливают свет. И никаких керосинок, как в приюте, или лучин, долгие годы бывших единственным освещением в моём лесном домике, пока Клещ не откопал на мусорке сломанный осветительный артефакт, а я его починила. Он был простенький и тусклый, хотя светил всё равно гораздо лучше, чем лучина.

А когда я спросила, где же печка, Томас ответил, что и отопление здесь магическое, за этим коменданты следят. И никаких дров пилить и колоть не надо, здесь вообще открытый огонь был только в комнатах некоторых преподавателей – у них были каминные просто для уюта. Ну, не знаю, как по мне, лучше пусть магия греет, чем с дровами возиться,

потом золу выгребать, за заслонкой следить... в общем, не нужен мне такой уют, на всю жизнь наелась.

Томас показал мне, где лежат банные принадлежности и постельное бельё – это форму и учебные принадлежности выдавали на складе, а это сразу в комнатах было, – сказал, что зайдёт за мной вечером и отведёт на ужин, где пообещал показать ещё кое-что интересное, и ушёл вселяться в свою комнату.

А я пошла осваивать уборную. Какое же это было блаженство – искупаться под душем с горячей водой, намылиться вкусно пахнущим мылом и вытереться огромным пушистым полотенцем. Зверинец свой я тоже отмыла до блеска. Моня ныл и отказывался купаться, но услышав, что подстилку он получит только завтра, а на свою постель я его, грязного, не пушу, стойчески вытерпел «пытки», время от времени хныча, что мыло ему глаза щиплет, а расчёска больно дерёт шерсть. Словом, всё как обычно.

Потом я устроила постирушку, поскольку чистой одежды у меня не осталось, то, во что я переоделась, было последнее. С особой нежностью я стирала кофту, которую «омолодил» Томас. Новой одежды у меня не было с тех пор... да как мамы не стало, а я поселилась в лесу, под присмотром нечисти. Звери приносили мне одежду, которую утаскивали в городке с верёвок после стирки – по одной вещи за раз, чтобы не так заметно было.

В приюте тоже нового не было, носили то, что люди жертвовали. К тому времени магия у меня уже была, и мои вещи хотя бы были целыми. А потом, когда меня выпустили, как взрослую – собственно, я и была уже взрослой, двадцатилетней, хотя внешне и по документам мне было лишь пятнадцать, - и я вернулась в свой лесной домик, то разживалась одеждой в лавке старьевщика. Бесплатно. У нас с ним договор был – я чиню ему вещи, а сама могу время от времени брать то, что мне подходит по размеру.

Пользуясь тем, что Сайда ушла надолго, а Велона жила в комнате для платниц, с личной уборной, я развесила свою немногочисленную одежду на открытых двёрях кабинок с душами и большими, зачарованными горшками, только зелёную кофту унесла к себе в комнату и аккуратно повесила на спинку стула. Очень хотелось попросить Томаса обновить и остальную мою одежду, но было очень неловко. Вот Ноппи ещё что-нибудь порвёт, тогда и попрошу.

Уставшая и восхитительно чистая, я уселась за стол – моё зверьё развалилось на моей кровати, как только шерсть достаточно просохла, – и едва ли не впервые посмотрела в окно. И поняла, почему господин Илус особо отметил, куда оно выходит.

Потому что, за ним был лес. Но не такой, в котором я выросла, а ухоженный и облагороженный – никакого бурелома или сушняка, никакого подлеска. Лиственные деревья росли так, что можно было видеть далеко, гулять и не заблудиться. Охота в таком лесу никакая, да здесь и не нужно охотиться. А вот погулять – очень даже. Моим животным будет где размять лапы, да и сама я привыкла к лесному шелесту и запаху, можно будет поискать какой-нибудь пенёк или камень и, пока тепло, делать там устные уроки. Или просто дышать свежим воздухом. Вот сегодня, после ужина, и схожу на разведку.

А пока я просто приоткрыла створку окна, что бы впустить внутрь лёгкий ветерок и птичий щебет, отдыхала и вспоминала совсем другой лес, который на долгие годы стал моим домом и убежищем.

Случись всё даже лет на десять раньше, не знаю, что бы со мной было. Но около четверти века назад императорская семья внезапно озаботилась жизнью нечисти. И взяла её под свою защиту. И если раньше охотники могли уничтожать разумных животных наравне с дикими, теперь это было запрещено. Более того, охоту в лесах, в которых жило много нечисти – уж не знаю, как это определили, но мой лес был одним из таких, – запретили вообще. Охотиться там теперь могли только звери – разумные или нет, неважно, – а людям ход туда был заказан.

Хижина, в которой поселились мы с папой Клыком, когда-то принадлежала охотнику, жившему там месяцами во время промыслового сезона, там же он заготавливал шкурки пушных зверей. После запрета на охоту он куда-то делся, за несколько лет домик обветшал, но звери, взявшиеся обо мне заботиться, заткнули щели мхом, прочистили дымоход, выгнали из подполья диких грызунов – и домик стал худо-бедно пригодным для жилья.

Поначалу было сложно. И голодно. Готовить я не умела, сырое мясо есть не могла. Держалась на ягодах, орехах, корешках и грибах, которые мне приносили животные – повезло мне, что было лето. Две оленихи подкармливали меня молоком. Вороны таскали мне из города кусочки хлеба. Потом принесли огниво, подсказали, как пользоваться –

подсмотрели за домохозяйками в окна. Я никогда не забуду вкус первого кролика, которого зажарила на костре. Подгоревшее снаружи, полусырое внутри, не солёное – его мясо показалось мне божественно вкусным.

Со временем я научилась готовить на костре, а к тому времени, как похолодало – освоила и печку. С дровами, пока папа Клык был жив, проблем не было, потом пришлось справляться самой – с помощью своих друзей, конечно, но многое ли могут некрупные животные, у большинства из которых лапы предназначены лишь для ходьбы. Но я справлялась, привыкла обходиться малым. Конечно, поначалу приходилось подворовывать, что бы выжить – вот когда пригодилась моя тёмная магия, ни один замок не мог устоять перед ним. Но я всегда брала совсем чуть-чуть, только чтобы выжить – муку, крупу и соль, пару одеял, кое-что из одежды.

А когда проснулась светлая магия, с воровством завязала. И с тёмным даром – тоже. И очень надеялась, что мне больше никогда не придётся им пользоваться.

Интересно, как долго теперь простоит мой домик? С помощью своей магии я неплохо его подлатала, звери и дальше смогут затыкать щели свежим мхом и даже топить печь – нечисть огня не боялась, а тёплый дом – неплохое местечко для зимовки. Да и для того, чтобы растить детёнышей – тоже. Надеюсь, хижина еще долго будет служить домом моим друзьям.

Очень жаль, что я не могла взять их всех с собой. Хотя, большинство вряд ли захотело бы сменить вольную жизнь на спокойную и сытную. Поэтому со мной отправились трое – Лапка уже не могла себя прокормить сама, Моня тоже – короткая лапа всё же мешала ему полноценно охотиться, к тому же, он стал для меня отличным защитником. Ну а Клещ... с ним у нас была связь покрепче, чем у ведьм с их фамильярами.

Мы с Лапкой, жившей со мной с момента возвращения из приюта, нашли его три года назад в разорённой дикими лисами норе. Крохотный, слепой, замёрзший и голодный, он едва слышно пищал. Его спасло то, что в момент нападения на нору он забился в какую-то тесную щель – или мать успела его туда запихнуть, - откуда лисы не смогли его выковырять. А вот Лапка сумела добраться и вытащить на

свет кроху. К счастью, малыш был не новорождённый, а уже покрытый жиденькой шёрсткой – это его и спасло. Ну и мы с Лапкой, конечно.

Из кормящих матерей у нас в то время была только одна волчица – нечисть жила в несколько раз дольше обычных зверей и, в отличие от них, размножалась далеко не каждый год, – к ней-то я найдёныша и принесла. Почувствовав вкус молока на сунутом в рот соске, голодный зверёныш тут же крепко вцепился в него и начал жадно глотать.

– Эк присосался, ну чисто клещ, – усмехнулась волчица.

Вот так найдёныш и получил своё имя.

Если бы в то время детёныши были ещё у кого-нибудь помельче, малыш в той семье бы и остался. Но не с волчицей же, чьи слепые, неразумные волчата просто раздавили бы кроху Клеща. Так и жил он у меня за пазухой, лишь покормить я его относил к волчице. В общем, даже став взрослым, он остался со мной. А спустя год к нам прибился Моня, вот так мы, четверо, и стали семьёй.

– Риони, ты здесь? – послышалось одновременно со стуком в дверь. – Идём ужинать.

Поскольку было произнесено волшебное слово, крепко спавший Моня тут же подскочил и кинулся к двери, гостеприимно её распахивая со словами:

– Кормилец наш пришёл!

– Уже пора? – удивилась я. Надо же, как быстро время пролетело, а я и не заметила. И да, тени за окном заметно сместились, похоже, за своими воспоминаниями я задремала, прямо сидя за столом – ночь в дороге была полубессонной, да и потом столько волнений. – Ой, ты минутку не подождёшь, я вещи собираю.

И кинулась в уборную. Одежда, конечно, ещё была влажной, ну да ладно, пока ужинаю, полежит, а потом что-нибудь придумаю, тем более, в шкафу обнаружилось несколько плечиков для одежды, как-нибудь развешу.

– Давай, помогу, – Томас перехватил меня на полдороге обратно и забрал весь ворох одежды из рук, я и возразить не успела. – Вдвоём быстрее, сейчас всё развесим. А потом я покажу тебе прачечную – она тоже в главном корпусе, в цокольном этаже. Там есть очищающие и разглаживающие артефакты.

– Тебе и об этом братья рассказали? – я послушно забирала у него из рук по одной вещичке и развешивала, куда получалось – на вешалку

возле двери, на спинку кровати, даже на настольную лампу платок пристроила. - Ой, спасибо! – воскликнула, обнаружив, что теперь весь мой немудрёный гардеробчик состоит из совершенно новых вещей. – Но не надо было столько магии сразу тратить.

– Да мне не сложно, – бельё он, к счастью, отдал мне сразу стопкой, так я его на полку и сунула, потом разберусь. – А рассказала племянница, она тоже здесь училась. Парням-то это не особо нужно было, они обходились выданными здесь вещами, а они зачарованы от грязи и разрывов. У девушек всё иначе, им одной формы мало, вот она и выяснила, где тут что. А у меня Ноппи, для неё форму не выдают. Нужно будет отдать её вещички тем магам, которые с формой работали, там, где я живу, таких не было. А пока – придётся пользоваться прачечной.

– А эти артефакты мех могут очищать? - для Мони это был актуальный вопрос – он терпеть не мог мыться, но обожал спать на моей кровати.

– Наверное. Можно будет попробовать, – Томас пожал плечами, потом забрал у меня ключ и сам запер дверь моей комнаты. - Держи. И не потеряй.

– Постараюсь, - я припрятала ключ в карман. – Ты сказал, что твоя племянница здесь училась? Ты и правда был очень поздним ребёнком.

– Я еще что. У отца и в новом браке дети родились.

– Ого! Столько родни! – восхитилась я. - Счастливый ты.

– Да, – кивнул парень, спокойно со мной соглашаясь. - Идём. Что-то интересное покажу!

Но до того, как показать что-то интересное, чем полдня меня дразнил и разжигал любопытство, Томас всё же провёл для меня ещё одну беглую экскурсию: показал так называемую прачечную – пожалуй, после ужина можно сбегать сюда и высушить одежду, прогулка по парку подождёт, – а потом мы так же быстро пробежались по третьему этажу, где по внешней стене располагались арочные проходы в башни.

Были они разноцветные, где-то по два цвета, где-то по три-четыре – обязательно присутствовал серебряный или золотой ободок, или оба сразу, а цвета, означающие магию, менялись. А вот арка, за которой предстояло учиться нам, кроме уже привычных мне розово-сиреневых

цветов была украшены еще аквамариновым, бледно-голубым и оранжевым.

– Здесь собрали еще несколько довольно редких магий, - пояснил Томас. – Потом посмотришь в справочнике, какие именно, я и сам толком не знаю. В общем, вот здесь мы и будем учиться.

– Пёстренько, но симпатично, – оценила я вход в место своей будущей учёбы. – И точно не заблудишься. Но я не понимаю, одно дело – собрать разные магии в одно общежитие, но как нас обучать-то вместе?

– На первом курсе большинство предметов общеобразовательные, их можно хоть всему первому курсу разом читать, но толку? Вот и поделили на примерно равные группы. А для занятий магией, конечно, разные педагоги и классы, хотя порой студентов и объединяют, уча работать в команде, как, например, боевиков и защитников. Но, если честно, я понятия не имею, что они будут делать с нами – мало того, что у нас и магия вне классификации, так мы с тобой ещё и интуиты.

– Вот через неделю всё и узнаете, - пожалала тем, что у неё вместо плеч, Лапка. - Может, пойдём в столовую, а? Я уже и забыла, как быстро молодое тело становится голодным.

И мы пошли в столовую. Прежде чем поесть, всё же увидели то самое «интересное», обещанное Томасом. Это оказались индивидуальные шкафчики-порталы, с помощью которых можно было отправлять еду к себе в комнаты, где она ещё и стояла в стазисе несколько часов, не остывая и не портясь.

Чаще всего их использовали, чтобы не ходить ужинать в столовую, набивая блюдами во время обеда. Но бывало и так, что кто-то не мог сходить в столовую – срочная работа или вообще в академии отсутствовал, - и друзья могли отправить ему с помощью этих ящичков обед или ужин. И в руках носить не нужно, и не остынет, и запертая дверь в комнату отсутствующего приятеля – не проблема. В общем, вещь удобная.

Посмотрев в умоляющие глаза Мони, я забила свой шкафчик фруктами, творогом и варёными яйцами – это всё быстро не испортится, а мясо пускай тут едят. Подумав, сунула туда же немного сладостей – всё еще не могла привыкнуть, что всё это можно есть в любом количестве. Томас тоже набивал свой шкафчик тем, что не испортится слишком быстро, в том числе и беконом. Перехватив мой

взгляд, лишь чуть смущённо улыбнулся, а высунувшаяся у него из-за пазухи Ноппи выдала:

– Ночной дождь! – и снова спряталась, успев утянуть с тарелки кусочек бекона.

– Она у тебя что-то другое ест? – любопытствовала я, когда мы уже направлялись к столику, неся загруженные подносы.

– Редко. Молочное иногда. Понимаешь, Ноппи у меня всего полгода, а прежняя жизнь у неё была очень нерадостной, в том числе и в плане еды. Хозяйка кормила её одним сухим кормом, пришлось даже к целителю обращаться. И сейчас я позволяю ей есть то, что нравится, а она обожает бекон. Пусть наслаждается.

– Бедняжка. – Я не очень поняла, что такое «сухой корм», то ли сухари, то ли сырая крупа вместо каши, но звучало жутко. – Не удивительно, что она всё время прячется у тебя за пазухой.

– Это пока. Здесь для неё всё новое и непривычное, потому пугающее. Вот освоится, уже не будет прятаться. Но от меня она не отходит, боится, что я исчезну, и она снова окажется у прежней хозяйки.

– Она меня обижала, – раздалось из-за пазухи с тяжким вздохом. – А Томас меня у неё выкупил. Обожаю Томаса.

И вынырнувшая лысая головка потёрлась о подбородок парня.

Впрочем, Ноппи и правда начала потихоньку осваиваться, потому что, вскоре после того, как мы приступили к ужину, она покинула своё убежище на коленях хозяина и забралась на стол, где с интересом принялась к миске Мони. Тот тяжело вздохнул, подцепил когтями часть творога и плюхнул в её блюдо с беконом.

– Ешь, болезная.

– Спасибо, – и Ноппи принялась за творог.

– С чужой тарелки всегда вкуснее, – глубокомысленно покивал Моня, выразительно глядя на миску Клеща. – Так и приучим её постепенно к другой еде.

– А болезная-то почему? – поинтересовался Томас.

– От хорошего здоровья не лысеют, – с жалостью глядя на кошку в костюмчике уже другого цвета, ответил Моня. – Не удивительно, что ей приходится одежду носить, как вам, бесшёрстным. А вот от такого ошейничка я бы не отказался. Красиво.

Я тоже заметила на шейке Ноппи тоненький ошейник с маленькими блестящими камушками. Наверное, дорого стоит...

– Вот закончу академию, получу хорошую работу и куплю тебе такой же, – пообещала своему питомцу. – А пока могу... ну, не знаю, ленточку повязать.

И кивнула на сидящую через три стола от нас девушку в красной форме. На её столе сидел опоссум с розовой ленточкой на шее, завязанной бантиком.

– Она ж девчонка! – фыркнул Моня, глядя туда же. – Мужчины бантики не носят.

Вообще, в огромной столовой было очень малоллюдно. Поступившие абитуриенты, такие, как мы, взятые за силу магии сразу же, «вне конкурса», и не уехавшие на оставшуюся неделю домой, а так же те, кто по той или иной причине находился в академии во время каникул – подрабатывающие в приёмной комиссии, сопровождающие младших братьев и сестёр, как Сайда, или живущие здесь постоянно, как Велона или, в будущем, я – уезжать на каникулы мне было просто некуда, да и не на что. Поэтому занят был максимум один стол из десяти, и то одиночками. Вдвоём сидели только мы – точнее, вшестером, – две эльфийки в дальнем углу столовой и девушка в красном со своим опоссумом.

И в тот момент, как я осматривала столовую, с лестницы в неё шагнул уже знакомый кентавр. Осмотрелся, увидел нас, заметно чему-то обрадовался и направился чётко к нашему столику. Ноппи тут же нырнула под стол, к Томасу на колени, мы перестали жевать и с любопытством уставились на приближающегося парня, чьей шевелюре позавидовала бы любая девушка.

– Друг, – замерев в паре шагов от столика, он обратился чётко к Томасу, – не выручишь ещё раз? Подскажи, как мне найти общежитие с розово-сиреневой крышей. В библиотеке очередь, а так хочется отдохнуть – неделю скакал почти без сна.

– Розово-сиреневая крыша? Так это же наше общежитие! – воскликнула я, но была проигнорирована. Кентавр продолжал вопросительно смотреть на Томаса.

– Подскажу, отчего бы не подсказать. И даже проводить могу, мы тоже там живём. Поужинай пока, потом вместе пойдём.

– Отлично, спасибо, – и парень направился в сторону раздаточных прилавков с едой.

– погоди, – окликнул его Томас. – А какая у тебя магия? Земля, камни или иллюзии?

– Вне классификации, – обернувшийся кентавр широко улыбнулся.

– Ещё один? – ахнули мы хором.

– Это к урожаю, – донеслось из-под стола.

ГЛАВА 5. САМЕЦ

День первый. Понедельник

– Это редкость? – удивился кентавр, возвращаясь к нашему столу.

– Ещё какая, – кивнул Томас. – Не каждый год появляется кто-то, обладающий магией, настолько редкой, что даже в классификацию не объединишь – не с чем. Вот ты, например, что умеешь?

– Я вещи прозрачными делаю.

И, протянув руку, он коснулся края Мониной миски – та была ближе всего. И миска исчезла. Вот только что была – и нет её. А лежащая в ней еда осталась парить над столом.

Мы с Томасом дружно протянули руки и пощупали пустое пространство – миска чётко прощупывалась, но была полностью невидима.

– Вот это да! – Клещ тоже протянул лапу к миске и получил по ней шлепок от Мони. – Да не претендую я на твою еду, своей хватает. Мне же интересно.

Вторая попытка увенчалась успехом, и ощупывая края миски, хорёк восхищённо зацокал языком:

– Наверное, с таким даром можно что угодно уворовать из лавки, да?

– Не знаю, не пробовал, – пожал плечами кентавр. – У нас и лавок-то нет. А если у соплеменников что-то украсть, всё равно выяснят, и хорошо, если просто по крупу надают! А то ещё и из табуна выгнать могут, тогда вообще ужас. Нет, я свой дар использовал, чтобы прятаться.

– От кого? – поинтересовалась я, но вновь была проигнорирована. Уже даже обидно стало.

– Пойду, перекушу что-нибудь, а то и проголодался, – кентавр коснулся края миски, и та вновь стала видимой.

– Мне одной показалось, что ты для него такая же невидимая, как эта миска? – задумчиво глядя на наполняющего поднос парня, спросила Лапка.

– Не тебе одной, – кивнул Моня.

– Даже мне ответил, а тебе нет, - подхватил Клещ. – Странный он какой-то.

– Вот по дороге к общежитию и выясним, почему он так себя ведёт, – решил Томас.

– А можно мне еще творожка? - Ноппи выбралась на стол и вновь проявила интерес к миске Мони. Тот с тяжким вздохом снова плюхнул ей пригоршню творога в тарелку. - Ты сможешь потом доесть мой бекон, - заверила она его, тут же подняв барсуку настроение.

Моня любил поест и пока не привык, что здесь еда не заканчивается, и можно взять добавку в любой момент. Я, собственно, тоже.

– Мне казалось, что с фамильярами обычно хорошо обращаются, - глядя на кошку, которая уже казалась мне вполне милой, несмотря на странную внешность, сказала я.

– Так то с фамильярам, – развёл руками Томас. – У них с ведьмами кровная связь, они друг друга чувствуют – боль, голод, холод, даже настроение. У кого ж рука поднимется обижать фамильяра, если при этом самому будет больно или голодно. Но некоторые люди покупают нечисть в качестве домашнего питомца, и тут уже подобной связи нет. В большинстве их холят и лелеют, но бывают и печальные исключения. Хотя сейчас, конечно, это уже редкость.

– А почему именно сейчас?

– Ну, не конкретно «сейчас», а в последнюю пару десятилетий. Не знаю, известно ли тебе, но около четверти века назад был открыт портал в другой мир – без магии, но с развитыми технологиями, здесь неизвестными, – а там нашлись родственники нашей императорской семьи, целая ветвь.

– Да, что-то такое читала в старых газетах, - кивнула я.

– Первой в наш мир и в эту академию попала будущая жена лорда Линдона – наследника главы драконов, который в то время – да и сейчас, собственно, – вместе с ректором управлял академией, отвечая за её материальное обеспечение. И вот этой самой попаданке по имени Габриель достался отбракованный фамильяр, привезённый для ведьм. Бедняга был практически слеп, и его собирались уничтожить, а она выпросила малыша себе и вылечила – такие у неё были способности.

– Целитель, стало быть, – кивнула я. - Очень полезная магия.

– И денежная, - с лёгкой завистью вздохнул Клещ.

– Ну, в каком-то смысле – и целитель тоже, - чему-то улыбнулся Томас, то ли высказыванию хорька, то ли каким-то своим мыслям. - В общем, Габриель так возмутил сам факт существования питомников по разведению разумных существ, где неполноценных детёнышей просто уничтожают, а также бесконтрольное истребление их же, живущих в лесах, что она развернула настоящую компанию в защиту нечисти.

– Развернула компанию? – не поняла я.

– Встала на их защиту и родственников своих организовала. А учитывая, кто родственники, что у неё, что у её мужа... В общем, лесную нечисть теперь убивать запрещено законом.

– А, так вот кому мы все обязаны тем, что наш лес заповедником стал! – воскликнула Лапка и указала на Моню с Клещем. – Эти двое родились позже, росли уже в заповеднике. А я застала времена, когда заготовщики шкурок не делали различия между нами и дикими. Много моих родственников и друзей в ловушки и капканы попало, и далеко не всех удалось спасти.

– Да, в лесах, где нечисти много, охота запрещена совсем, а где мало, нечисть может надевать специальные яркие ошейники, которые им выдают в ближайших городках, чтобы охотники не перепутали их с дикими животными. Но я слышал, что из таких лесов большинство нечисти в заповедники перебралась. В общем, с дикой нечистью у Габриель всё получилось. А вот питомники закрыть не удалось.

– Почему? – удивилась я. Имея за спиной поддержку в виде императорской семьи, можно горы свернуть, не то что питомники по разведению нечисти закрыть.

– Сама нечисть оказалась против. Габриель-то в другом мире выросла, менталитет другой...

– Что «другой»? - в четыре голоса воскликнули мы.

– Менталитет – это совокупность умственных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок, присущих социальной или этнической группе, нации, народу, – выдала Ноппи, даже голову не подняв от своей тарелки.

– Сама-то поняла, что сказала? – проворчал Моня.

– Да вроде понятно она сказала, – Лапка пожала бы плечами, имея она такую физическую возможность. – Из другого мира эта Габриель, по-другому думает, - перевела для нас моя умненькая ласка.

– Верно, – кивнул Томас. – Она искренне верила, что спасает нечисть «из рабства», только сама нечисть иначе считала. И даже делегацию к ней направила с просьбой не лишать бедных зверюшек крыши над головой, гарантированного питания и престижной работы у ведьм, выгоняя в лес тех, кто там никогда не жил и пропитание себе добывать не обучен. В общем, Габриель прониклась, питомники оставили. Но на некоторых условиях.

– Каких? – я аж вперёд подалась, так меня захватила история.

– Про престижную работу даже спрашивать боюсь, – буркнул Моня.

– Это работа, которую все хотят, а получившие – гордятся, – объяснила ему Ноппи. – Так понятнее?

– Намного, – кивнул барсук. – Спасибо.

– Условия довольно простые, – с улыбкой поглядывая на наших питомцев, ответил Томас. – Первое – никакой выбраковки. Родившихся неполноценными детёнышей не уничтожают, как прежде, а отдают самой Габриель, та их излечивает и пристраивает в питомцы своей родне. И второе – все, кто заводил нечисть, не будучи ведьмами, должны периодически приводить её в специальную комиссию, и нечисть должна лично подтвердить, что с хозяином находится по доброй воле, и её не обижают.

– Так вот почему нам этот вопрос задавали, когда Риони документы сдавала! – воскликнул Клещ.

– Наверное, именно с лёгкой руки этой самой Габриель и разрешили нечисти жить в академии, верно? – догадалась Лапка. Порой мои звери были сообразительнее меня.

– Вы оба правы, – кивнул Томас, почёсывая наевшуюся Ноппи за ушком. Собственно, наелись уже мы все, кроме Мони, подчищавшего наши тарелки – и куда в него только лезло? – мы же просто сидели и общались, дожидаясь кентавра. – Обычных зверей здесь держать запрещено, кроме совсем маленьких – певчая птичка в клетке, хомячок в банке и так далее. Но тех, кто на свободном выгуле – нельзя. А вот нечисть достаточно разумна, чтобы не мешать учебному процессу. Её можно даже на занятия брать с собой.

– Здорово! – воскликнула Лапка. – Столько нового смогу узнать.

– Я буду в комнате оставаться, – подняв голову от вылизываемой тарелки, заявил Моня. – Вся эта учёба – не для меня.

– Он лентяй! Даже буквы не знает, - сдал приятеля Клещ.

– Ты рассказываешь так, словно сам при этом присутствовал, - это уже я, наконец, вставила словечко.

– Мой брат как раз здесь тогда учился, вся академия в курсе происходящего была. Он подробно всё в письмах рассказывал. А сейчас он в нашем округе на общественных началах входит в ту самую комиссию, которая нечисть опрашивает. В последний раз я с ним напросился, вот именно мне Ноппи и призналась, что с хозяйкой ей плохо. Понравился я ей, – Томас с нежностью посмотрел на свою лысую питомицу.

– Люблю Томаса! – тут же заявила Ноппи. - Он меня спас. Он хороший и вкусно пахнет!

Мои зверюшки хором втянули носами воздух:

– Интересный запах, – задумчиво протянула Лапка. – Вроде обычный человеческий, но есть немного... не знаю, я такого не нюхала ещё.

– Орочья кровь, наверное, такой привкус даёт, - сделал вывод Клещ. – Но запах в целом приятный, хотя Риони, конечно, пахнет гораздо вкуснее.

– С этим соглашусь, – криво улыбнулся Томас. Мне показалось, или он действительно напрягся, когда мои звери стали его обнюхивать? – Кстати, а вы разве не приходили в эту комиссию, чтобы подтвердить, что с вами хорошо обращаются?

– Так мы ж лесные! – напомнила Лапка.

– Лесной нечисти в качестве питомцев, конечно, гораздо меньше, чем из питомников, но всё же она есть, и её тоже положено регистрировать. Так как же вы избежали регистрации?

– Мы все лесные, – уточнила я. - И мои звери, и я тоже. Мы в лесу жили. Поэтому о регистрации ничего не знали.

– А когда мы с Риони в город приходили, чтобы я крыс в домах ловил – нам за это деньги платили, - то я притворялся диким, - подхватил Клещ, – Так было удобнее – при диком звере люди болтали, не скрываясь. Можно было много полезного услышать.

– В лесу жили? - переспросил Томас, нахмурившись. – Это как?

– У меня папа лесником был, мы в лесу с ним жили, – давно придуманная легенда отскакивала от зубов. Впрочем, многое в моём рассказе было правдой. – Когда он умер, я в город к людям пошла, он

велел перед смертью. Там в приюте жила четыре года. А когда меня выпустили, то дали направление на ткацкую фабрику. Ну, я глянула, что там за работа и что за жильё, и домой вернулась. Наша хижина пустовала, следующий лесник себе новую построил, в другом месте, нашей, старенькой, побрезговал. А у меня магия уже проснулась, я домик отремонтировала, огородик у меня там был. Всё лучше, чем на фабрике горбатиться с рассвета до заката и спать в бараке.

— И ты жила в лесу одна?

— Почему одна? У неё были мы! — воскликнула Лапка. И видя скептический взгляд Томаса, покачала головой и обвела лапой Клеца и Моню: — «Мы» — это не вот мы трое. Нас же много было, и мы все о нашей Риони заботились. Просто с ней сюда только мы втроём отправились, а так-то нас — полный лес.

— И охота в лесу хорошая, — подхватил Клец. — Нет-нет, Риони не охотилась, людям же нельзя. А вот мы... ну, не то чтобы конкретно мы, а в целом.

— У нас там и волки были, и лисы, и несколько рептилоидов обитало. Уж одну-то Риони мы прокормить смогли, — поддержала его Лапка.

Томас посмотрел на меня с искренним сочувствием.

— Очень тяжело было?

— Я справилась, — дёрнула плечом. Было неловко, не привыкла я к сочувствию от людей. Да и не было прежде тех, кто мне мог посочувствовать, просто потому что я никому и никогда столько о себе не рассказывала. А тут — за день вывалила на Томаса такие подробности, сама себе не устаю удивляться. — У меня была цель — подготовиться к поступлению и скопить деньги на дорогу. Я справилась.

— Теперь самое тяжёлое позади, — Томас протянул ладонь и взял меня за руку, которая в его лапище просто утонула. Но прикосновение было бережным, словно я Ноппи или Лапка. Как же давно я не чувствовала простых человеческих прикосновений...

— Я уже поел, — слышался рядом голос кентавра. — Но могу подождать, если вы ещё не закончили.

— Да нет, мы закончили, — ответил Томас, оглядывая стол, а потом начиная сгружать на поднос вылизанные Монеи дочиста тарелки. — Пойдём, заберём твои вещи — и в общежитие.

Когда, забрав перемётные сумки кентавра – ни поступающих, ни принимающих документы в той комнате уже не было, одни пустые столы, - мы вышли во двор, Томас обратился к парню.

– Я – Томас, она – Риони, а тебя как зовут?

– Я – Аласур, – кентавр склонил голову, и вновь – чётко перед Томасом. Меня вроде бы и не было рядом.

– Не мог бы ты, Аласур, объяснить, почему ты игнорируешь Риони? – в лоб спросил мой друг.

– Игнорирую? - кажется, кентавр искренне растерялся.

– Ты не смотришь на меня, не отвечаешь на вопросы, меня словно здесь нет! – воскликнула я в сердцах. Кентавр напрягся, его глаза забегали, но только не в мою сторону.

– Аласур, в чём дело? - потребовал ответа Томас.

– Я не хочу схватку. И не выстою против тебя! – буквально простонал кентавр.

– Так, стоп! – мы и так уже остановились, но услышав команду Томаса, теперь просто замерли – и я, и наш растерянный спутник, и даже звери. – Я ничего не понимаю. Но, кажется, догадываюсь, что речь о каком-то неизвестном нам обычае твоего сообщества. Может, объяснишь? И не веди себя так, словно Риони не существует, это обидно.

– Ты не примешь это за вызов? – уточнил бедняга.

– Разумеется, нет!

– Просто... Нельзя смотреть на самку, которая занята. И разговаривать с ней, пока от её самца не поступит разрешение. Только если хочешь бросить ему вызов и забрать самку себе. А я не хочу!

– Риони, кажется, у тебя самец появился, - захихикал Клещ. – А что, мне он нравится, вон какой сильный. И магия у него полезная. Берём!

– Клещ! – возмутилась я. - У людей так не делается. И я не самка! – это уже кентавру.

– Ты – самец? – теперь он смотрел уже прямо на меня, точнее – на мою грудь, и казалось, его глаза сейчас просто выпадут из глазниц.

– Да нет же! Я – девушка, а не самка! Самками называют только животных.

– Не всех животных, а только тех, которые не самцы! – уточнил Моня.

– Вы совсем бедного мальчика запутали, - вздохнула Лапка, в то время как из-за пазухи Томаса слышалось ехидное хихиканье.

– Так, помолчите все! – Томас вскинул руки, и мы снова замолчали. Все, кроме продолжавшей хихикать Ноппи. – Аласур, я не собираюсь с тобой сражаться и не посчитаю за вызов, если ты начнёшь замечать Риони. Она не моя самка, она моя подруга...

– Это одно и то же, – пробормотал кентавр, глядя в землю.

– О, небеса, дайте мне сил! – застонал Томас, глядя наоборот, куда-то вверх. Потом тряхнул головой и вновь взглянул на кентавра. – Что ты там говорил про разрешение? Если я его тебе дам, ты перестанешь вести себя так странно?

– Я не очень понимаю, что странного в моём поведении, но если ты дашь мне разрешение, то я смогу разговаривать с твоей самкой, не претендуя на неё и не бросая тебе вызов.

– Договорились. Аласур, я официально разрешаю тебе разговаривать с Риони! Так сойдёт?

– Спасибо, – улыбнулся кентавр и обратился уже чётко ко мне: – Добрый день, Риони. Извини, если обидел тебя, но против твоего самца мне и правда не выстоять.

И мы оба взглянули на Томаса, который возвышался над пареньком на голову и был раза в полтора шире в плечах. Да против него и трое Аласуров не выстоят, даже в копытной версии.

– Как же ты собираешься здесь учиться? - с жалостью глядя на кентавра, поинтересовался Томас. - Как планируешь отвечать на занятиях, ведь среди преподавателей есть и женщины.

– Надеюсь, их самцы дадут мне своё разрешение, - с тоской глядя на здание академии, вздохнул Аласур. - Не думал, что всё так сложно будет.

– А если у них нет самцов? – спросила я. – Ну, вот нет, и всё. Как быть?

– С такой самкой разговаривать можно. Смотреть на неё можно, ухаживать за ней. Раз нет самца, значит, некому бросать вызов. Хотя обычно желающие всё равно находятся, если только самка не совсем старая.

– Как всё сложно, – покачала я головой.

– Да нет, нормально, – пожал плечами парень. – Правила совсем простые, и если все их придерживаются, то в табуне мир и покой. Ну,

кроме времени весеннего гона, конечно. Но там тоже свои правила есть.

– Расскажешь? – поинтересовался Томас, давая знак, что бы мы шли дальше.

– Хорошо. А ты расскажешь мне про здешние порядки? Кажется, мне придётся многому учиться, кроме магии.

– Договорились. Сейчас тебя заселим, разложишь вещи и заходи ко мне, в двадцать третью комнату. Проведу для тебя небольшой ликбез.

– А это что такое? - к дружному хору нас, четверых, добавился голос кентавра. И откуда Томас все эти слова берёт? Я вроде бы много читала, библиотекарьша говорила, что у меня богатый словарный запас, но порой Томас ставил меня в тупик.

– Ликвидация безграмотности, - уже привычно раздалось у него из-за пазухи.

– Я грамотный, - даже обиделся Аласур. - Экзамены, вон, сдал почти без ошибок и раньше срока.

– Имеется в виду незнание тобой основ правил проживания в местном обществе, – на этот раз Томас опередил Ноппи. – Вот это самое незнание и будем ликвидировать.

– Спасибо, – от всей души поблагодарил кентавр, даже слегка поклонившись. – Похоже, мне и правда требуется помощь. Я ведь кроме нашего табуна нигде не бывал, впервые его покинул.

– Повезло, что ты Томаса встретил, - Ноппи выглянула из-за пазухи хозяина. - Он добрый и всем помогает.

Мысленно с ней согласилась. Мне тоже очень повезло его встретить. Очень.

Пока шли до общежития, договорились, что завтра встретимся в столовой в семнадцать часов, позавтракаем, а потом дружно отправимся в библиотеку и на склад. К этому времени вчерашние, принятые вне конкурса сильные абитуриенты уже там побывают, а новые будут ещё на экзаменах, очередей быть не должно. Что там будет твориться, когда вывешат окончательные списки поступивших, было страшно представить, впрочем, на это время библиотекарь и кастелян могли взять помощников, например, освободившихся студентов, подрабатывающих в приёмной комиссии, да и у самих поступивших будет в запасе три дня до начала занятий.

Зайдя в общежитие, я свернула налево, в женское крыло – девочек среди магов было заметно меньше, и три остальных крыла занимали парни, земля и камни на втором этаже, иллюзии и вне классификаций – на первом, – оставив Томаса помогать Аласуру с вселением.

Объевшийся Моня завалился на мою кровать, заявив, что сегодня больше с места не сдвинется, а я, собрав влажные вещи, отправилась в прачечную в сопровождении Лапки и Клеща, с улыбкой думая, что обычно было иначе – ласка предпочла бы остаться, а Моня пошёл бы со мной на случай, если мне понадобится защита. Но здесь, в академии, я была в безопасности, а Лапка, вернув себе молодость, уже не старалась уснуть при любой возможности, наоборот, энергия в ней так и кипела.

Я до сих пор не могла до конца осознать, что мне не придётся в ближайшие месяцы, а то и недели терять ту, что была рядом со мной последние восемнадцать лет – исключая годы в приюте, но и там она меня навещала, – и что моя любимая Лапка теперь со мной очень надолго. Столько всего на меня сегодня свалилось, я просто не успевала на всё реагировать.

Прачечная оказалась пустой, что не удивительно. Представляла она собой стоящие рядами столы с плоскими коробками по всей ширине столешниц, чьи крышки были приоткрыты. Большая часть коробок была светло-серого цвета, примерно треть – белого, оставшиеся три – голубого. Вдоль одной из стен стоял ряд небольших ящичков.

Пока я с удивлением рассматривала странное оборудование, Лапка обнаружила на стене, рядом с входной дверью, инструкцию. Всё оказалось очень просто – серые артефакты чистили, белые – гладили, голубые – сушили, маленькие ящички чистили обувь. Нужно было всего лишь разложить вещи в один слой внутри ящика, закрыть крышку до щелчка, послать магический импульс в кнопку, похожую на те, что были у порталов и ламп, и ждать, когда крышка вновь приоткроется.

Я тут же взялась осваивать прачечную – результат оказался просто великолепным. Вещи моментально высохли, а отглаженными стали, как никаким утюгом не получится. Мои ботиночки потеряли всю дорожную грязь и теперь блестели, благоухая свежим кремом для обуви, было даже почти не заметно, какие они старенькие и потёртые.

Я даже очищающий артефакт испробовала – специально потопталась по своим, ещё влажным чулкам, и спустя пару минут получила их назад абсолютно чистыми.

Немного подумав, решилась – поставила Клеща сторожить подходы к прачечной, разделась и вычистила то, что было на мне. Какое же это блаженство – надеть только что вынутое из очищающего артефакта бельё, никакого сравнения с ним же, пусть и стиранным, но несколько недель пролежавшим на дне дорожного мешка.

А вот Моню придётся разочаровать. Уж не знаю, можно ли в этих артефактах чистить шерсть живых существ, но даже если и можно – проверять на себе Лапка категорически отказалась, и правильно сделала, – то мой барсук просто не уместился бы под крышкой. В ящик для обуви, возможно, утрамбовался бы, вот только стал бы еще грязнее после чистки с кремом.

Назад я относила вещи в несколько приёмов, не хотелось их складывать и мять. Шла и улыбалась – впервые у меня в руках были идеально чистые и отглаженные вещички, их даже надевать было жаль. Впрочем, завтра мне выдадут форму, а она вообще немнущаяся.

В один из приходов в общежитие, обнаружила перед соседней дверью Сайду с девушкой, очень на неё похожей, только с волосами гораздо светлее. Сайда отпирала дверь и недовольным голосом выговаривала сестре:

– Ну что ты ноешь, что ты ноешь? Сразу не отказали – уже хорошо.

– Так и не взяли же, ыыы...

– Эк ты размечталась! Сразу берут хорошо если одного из десяти, зато отсеивают во время экзаменов больше половины. А у тебя есть шанс, ты в другой половине, уже среди лучших. Радуйся.

– А если всё равно не примут? Ыыыы... – продолжала ныть, как я понимаю, Тейра.

– Значит, попытаешься в следующем году. Или в другую академию пойдёшь. И кончай ныть, а то я уже начинаю жалеть, что упростила господина Илуса разрешить тебе пожить со мной эти два дня. Но я могу и передумать, и отправишься ты в пансионат, где некому будет тебе сопلي вытирать. Быстро бери полотенце и марш умываться. – Сайда запихнула сестру в открытую дверь, оглянувшись, увидела меня и закатила глаза: – Младшие, они такие...

– Угу, – сочувственно кивнула в ответ, поскольку имела похожий опыт. Общась с Мoneй, тоже не раз хотелось глаза закатить .

Когда все вещи были разложены и развешаны, я вдруг поняла, что делать мне нечего – разве что читать уже много раз перечитанные книги, – а спать ещё не хочется. Взгляд упал на окно – из освещённой комнаты было плохо видно темнеющий лес, но я знала , что на улице ещё довольно светло. Да и небо было ясным, луна почти полной, лес, точнее – парк, не таким и густым. Решено, иду на прогулку.

Моня с нами идти отказался. Взяв из «волшебного ящика», забитого вкусняшками из столовой, яблоко, я, в сопровождении Клеца и с Лапкой на плече, отправилась на прогулку.

В лесу было хорошо. Тихо – насекомые уже уgomонились, птицы тоже попискивали редко и негромко, привычных ночных шорохов слышно не было – некому было на охоту выходить, нечем шуршать, ни сушняка, ни опавших листьев или шишек. Пришла догадка, что здесь маги растений поработали – может, студенты практику проходили, может, обслуживающий персонал, но это место и правда было скорее парком.

Но от этого удовольствие от прогулки меньше не становилось. Я неторопливо шла всё дальше, мои зверюшки сновали рядом, исследуя деревья и кусты. Лапка отыскала орешник с почти созревшими плодами, я сорвала несколько и кинула в рот вкусные молочные ядра. Похоже, никто его здесь не обирает, орешник ничей, поэтому, по укоренившейся привычке, набила карманы и постаралась запомнить место.

Шла всё дальше, заблудиться не боялась. Клещ мог в любой момент залезть на вершину дерева и увидеть академию, впрочем, если присмотреться, то кое-где даже я могла сквозь кроны разглядеть горящие окна на верхних этажах, где, как я уже знала, были квартиры преподавателей. Вернуться смогу в любой момент. Поэтому я продолжала прогулку, пока не наткнулась на небольшую речушку, которую легко могла бы перепрыгнуть .

Но не захотела. Нашла неподалёку ствол поваленного дерева и уселась на него. Как интересно, в лесу валежника не было, а тут ствол лежал, наверное, специально оставили. Если присмотреться, видно, что кора у дерева потёртая, сидели на нём часто, но сейчас я была здесь одна.

Я жевала яблоко и смотрела на звёзды, отражающиеся в реке. Было хорошо и спокойно, этот нелёгкий и очень долгий день наконец-то завершился.

– А может, всё же возьмёшь себе его, а? - спросил вдруг Клещ. – Хороший ведь самец. Крупный, сильный. Защитить сможет, детёныши здоровые родятся.

– Люди не так себе пару подбирают, - возразила Лапка, пока я сидела, слегка ошарашенная этим предложением. - У них сложнее всё.

– Почему? – удивился Клещ. – Зачем что-то усложнять?

– Люди – они такие. Любят всё усложнять, – вздохнула моя мудрая ласка. - Но, если что, мне тоже Томас нравится. У него руки нежные. И добрый он.

– Мне он тоже нравится, - призналась я. - Но как друг. И вы же знаете, нельзя мне...

– А может?.. – Лапка попыталась вернуться к старому спору.

– Нет, - я твёрдо оборвала не начавшийся разговор. А то снова расстроюсь.

Нельзя мне семью заводить. И даже просто слишком с кем-то сближаться – тоже. Моя тёмная магия ведь никуда не делась. И я не знала, что сделает мой возможный муж, узнав о ней. Сдаст меня властям или будет покрывать, став государственным преступником? Не хочу это выяснять, не хочу свой груз на кого-то перекладывать. Поэтому раз и навсегда для себя решила – останусь одинокой на всю жизнь. Моя тёмная магия умрёт вместе со мной. Кто знает, вдруг она может детям передаваться? А своё дитя на что-то подобное я обречь не могу, еще помню, как страдала и винила себя мама.

Нет, никогда. У меня есть моя нечисть, они моя семья, другой у меня не будет.

В этот момент Клещ вскочил и уставился куда-то в темноту, на другую сторону речки, за ним напряглась и Лапка. Замерев, я тоже посмотрела туда и увидела, как из тёмной стены деревьев на залитый лунным светом берег медленно выходит огромная чёрная пума.

Ужас...

ГЛАВА 6. КЕНТАВРЫ

День первый. Понедельник

Пума, размером с лошадь, на секунду замерла, разглядывая нашу группу, а потом в один прыжок оказалась рядом, буквально в трёх шагах. Ахнув, я отшатнулась назад и полетела на землю. Но упасть не успела – сильные руки подхватили меня, аккуратно поставили на траву и придержали за плечо, дожидаясь, пока я приду в себя.

– Простите, я не хотел вас напугать, – слышался красивый низкий голос. – Мне казалось, что уж в Имперской академии нас точно никто не боится.

Угу, наверное. Только меня напугала не столько огромная пума – я быстро поняла, что это вовсе не хищник, – меня пугали перевёртыши, как таковые. Мой ночной кошмар ожил. Я встречу с одним таким светлым днём едва пережила, а тут – ночь.

– А ну не трогай её! – Клещ молнией взлетел по огромной фигуре мужчины, промчался по его руке и впился зубами в кисть, всё ещё придерживающей меня за плечо.

– Эй, ты чего? – возмутился перевёртыш. – Больно же!

Второй рукой он ухватил Клеща за шкурку и отодрал от пострадавшей руки. Я представила, что сейчас мой маленький защитник будет просто уничтожен – раздавлен, растоптан, задушен, да мало ли, на что способен разозлённый бессмертный? – и парализующий меня страх отступил. Нет, я всё ещё была в ужасе, но хотя бы могла двигаться и говорить. И повисла на руке, держащей Клеща.

– Ваше высочество, умоляю, не убивайте его!

– Да я и не собирался, – растерянно ответил перевёртыш. – Забирай своего защитника, – и Клеща опустили мне на плечо. Тот тут же слетел вниз и куда-то шмыгнул, мне не видно было. – Молодец он у тебя, конечно, только пусть сначала убедится, что опасность настоящая.

Отпустив руку перевёртыша, словно она была раскалённым железом, я рухнула на колени.

– Простите нас, ваше высочество, – забормотала, глядя в землю.

– Эй, эй, это еще что такое? – раздался возмущённый голос, и меня тут же подняли с колен и усадили на бревно. Огромные ладони бессмертного тут же исчезли с моих плеч. - Ещё выдумала – на колени падать. И какое я тебе высочество?

Я подняла голову, вглядываясь в лицо мужчины, отлично видное в свете луны. Конечно, вряд ли пума куда-то исчезла, а на её месте в ту же секунду оказался совершенно посторонний, при этом высоченный как орк, человек. Но даже беглый взгляд подтвердил то, что и так было понятно – слишком уж похожи друг на друга были представители императорской семьи.

И этот был очень похож как на портреты императора, так и на того бессмертного, что присутствовал на моём экзамене. Но если император был блондином, тот, что на экзамене – шатеном, причём оба с волосами ниже плеч, то этот, насколько позволял увидеть свет луны, был брюнетом, с довольно короткими кудрями, падающими на лоб, закрывающими уши, но до плеч они не доходили.

Будь он человеком, я бы дала ему лет тридцать, но так выглядели все взрослые бессмертные мужчины, так что, ему могло быть как сто лет, так и несколько тысяч, не угадаешь. Ну и, как и любой перевёртыш, он был здоровенный, такими же огромными были только орки или оборотни из медвежьих или тирексов, но на них он точно похож не был. В общем, ошибиться я не могла.

– Вы принадлежите к императорской семье, а значит, вы – принц, ваше высочество, - ответила на вопрос, потому что перевёртыш продолжал смотреть на меня недовольно-вопросительно.

– Ах, это... Да я из такой дальней ветви, что даже и принцем не считаю, - мужчина махнул рукой.

– Всё равно, простите, пожалуйста, – я склонила голову, стараясь удержать дрожь, бьющую меня всё сильнее. До меня стало доходить, что не только мой фамильяр, но и я сама в каком-то смысле подняла руку на бессмертного. - Можно, я пойду?

– Ну вот, всё же напугал. Ты так хорошо здесь сидела, а я явился... Ты сиди, я сам уйду.

– Ой, нет, я пойду, – я вскочила с дерева, чуть не врезавшись в мужчину. Отшатнулась, наткнулась на бревно, снова потеряла равновесие и вновь была подхвачена бессмертным.

– Осторожнее, не поранься! – меня вновь усадили на бревно, потом перевёртыш сделал три шага назад и выставил перед собой руки. – Вот теперь можешь вставать, я отошёл.

Вставала я гораздо осторожнее, и страх, так и не прошедший, сделал меня неуклюжей. Вежливо попрощавшись, я побрела в сторону общежития, размышляя, не аукнется ли нам с Клещом сегодняшнее происшествие.

– И куда ты направляешься? Мне просто любопытно, зачем тебе ночью полигоны? – раздалось у меня за спиной.

Замерла, посмотрела на луну – всё правильно. Потом сквозь кроны деревьев попыталась увидеть огни академии – не получилось. Я растерянно завертелась, пытаюсь понять, куда она делась.

– Давай-ка я тебя провожу, – бессмертный оказался рядом в долю секунды. – Тебе ведь в общежитие? – Я кивнула. – Тогда нужно туда идти.

Взглянула, куда указывает его рука, разглядела огни. Снова обернулась на луну. Это получается, я так долго просидела, глядя на воду, что луна сдвинулась на небосклоне? Пожалуй, так и есть, когда я подошла к речушке, было сумеречно, но всё же более-менее всё было видно. А сейчас я поняла, что «прозрачный» лес стал тёмным и жутковатым.

Сделав несколько шагов в нужном направлении – огоньки я всё же разглядела, правда, всего два, но направление теперь не потеряю, – я споткнулась обо что-то и снова чуть не упала. Да что же это такое?!

– Нет уж, лучше я тебя отнесу, – и, не дожидаясь согласия, бессмертный подхватил меня на руки, я и пискнуть не успела. – Не хватало тебе ещё ноги поломать. Тут, конечно, хорошие целители, залечат быстро. Но больно всё равно будет. Ты ведь этого не хочешь? – Я помотала головой, язык прилип к гортани. – Вот и отлично. Эй, ребята, вы как? Не хотите прокатиться? Или сами дойдёте?

– Сам! – раздалось недовольное откуда-то справа, и тут же мне на руки взобралась Лапка.

– Спасибо, я с удовольствием прокачусь.

– Какое у тебя общежитие? – поинтересовался перевёртыш.

– С розово-сиреневой крышей, – тут же доложила ему Лапка, не дожидаясь моего ответа.

– А, знаю такое. До него ближе всего. Я вас тут раньше не видел. Новенькие?

– Да, нас сегодня зачислили, – кивнула Лапка.

– А я на втором курсе. Учусь, конечно, под личиной орка и под другим именем, но его не скажу, а то вдруг случайно выдашь меня, если встретимся где-нибудь. Хотя... вряд ли, если только в столовой. Но всё равно не скажу. И ты лучше никому обо мне не рассказывай, договорились?

– Хорошо, – сумела я из себя выдавить.

– А настоящее имя какое? – Лапка никаких проблем с речью не испытывала, еще бы, это не ей грозит казнь, если бессмертные узнают мою тайну. И такого животного ужаса перед ними у неё нет.

– Тобиас, – мне показалось, или мужчина слегка споткнулся на середине имени? – Я из другого мира, побочная ветвь, может, слышали? – мы с лаской дружно кивнули. – Поэтому я и не «высочество». Потому что не принц. И не бойся ты меня так, расслабься.

Ага, легко сказать, «расслабься»! Меня несёт на руках бессмертный! На руках! Мужчина! Незнакомый! Бессмертный! Даже чего-то одного уже хватило бы, чтобы напрячься, а тут сразу всё. Я дышать-то боялась. А он идёт себе, спокойненько, словно каждый день незнакомых девушек на руках таскает. Хотя, кто их, бессмертных, знает, может и таскает.

Но не меня!

К счастью, общежитие показалось довольно скоро – перевёртыш шёл широким быстрым шагом, это не мой прогулочный.

– А вон наше окно! – воскликнула Лапка, сидящая на моём плече и глядящая вперёд, по ходу движения.

– Приоткрытое? – уточнил Тобиас.

– Ага. Мы любим свежий воздух, – согласилась кроха.

– Хmmm... А давайте, я вас в окно подсажу? Чтобы вам не пришлось общежитие обходить. Сам-то на людях в таком виде показаться не могу, я же здесь инкогнито.

– Я согласна! – тут же поддержала это предложение Лапка, хотя лично ей обходить и не нужно было, она бы на мне ехала. Ну а моё молчание было принято за согласие.

Хорошо, что у меня на столе ничего не лежало, только лампа, и та в угол задвинута. И что сам стол был сделан на совесть и не то что меня – пляшущего орка выдержал бы. Потому что, стоял он как раз под окном, и на нём я и очутилась, когда, велев мне открыть створку пошире, перевёртыш посадил меня на подоконник. Потом сунул туда же верещавшего с перепуга Клеща, которого выловил где-то в кустах, не успела я и глазом моргнуть. Махнул рукой и исчез, и только после этого я полезла внутрь – не светить же при постороннем мужчине чулками.

Быстро сбегав в уборную и умывшись, я сдвинула развалившегося на кровати Моню в угол, вытянула из-под него покрывало и улеглась спать. Лапка привычно свернулась клубочком на моей подушке, Клещ так же привычно занырнул под покрывало и, немного повозившись, улёгся возле моего живота.

Я уже начала засыпать, когда услышала:

– А ты почему на него не кинулась?

– В отличие от некоторых, я видела, что он не нападает, а поддерживает Риони, что бы не упала.

– То есть, получается, я сглупил, да? – вздохнув, уточнил Клещ.

– С каждым бывает, - буркнула Лапка. – Спи, давай.

– А этот самец тоже ничего, - помолчав, выдал Клещ. – Большой, сильный, быстрый. Хороший охотник, наверное. Может, его себе возьмём?

– Да спи уже! – воскликнули мы втроём, Моня тоже присоединился, а вроде дрых без задних лап.

И наконец, воцарилась тишина.

Разбудил нас Моня. Проспав весь вечер, он проснулся чуть свет, подъял остатки вкусняшек из «волшебного ящика», как теперь мы называли портал из столовой, и спокойно лежал, давая нам выспаться. Но услышав шум из коридора, начал меня теребить.

– Вставай, Риони, соседки уже умываться пошли. Проспишь всё на свете, а за нами скоро твой самец придёт, завтракать поведёт.

– Мой кто? – зевая и протирая кулачками глаза, не поняла я. Всё же, не стоит больше так надолго засиживаться, особенно когда занятия начнутся.

– Кажется, не только я решил, что надо Томаса себе брать, – вылезая из-под одеяла и потягиваясь, ответил за Моню Клещ. -

Отличный самец, где еще такого найдёшь?

– То есть, насчёт перевёртыша ты уже передумал? - насмешливо поинтересовалась Лапка.

– На принца, наверное, и так желающих полно будет. Да и как его теперь найдёшь, под личиной-то? А Томас – самое то. Искать не надо. И фермер нам больше подходит, на ферме никогда голодным не останешься. Да и магия у него подходящая.

– На ферме всегда еды много, – поддакнул Моня.

– Да ну вас, - доставая полотенце и прочие умывальные принадлежности и пытаюсь удержать глаза открытыми, недовольно буркнула я. – Прекращайте меня сватать, нас и здесь кормят не хуже, чем на ферме.

Быстро умывшись – у соседней раковины продолжался вчерашний разговор, Тейра ныла, Сайда грозила отправить её в пансионат, на меня они едва внимание обратили, – я вернулась и решила ждать Томаса не в комнате, а осмотреться в самом общежитии. Примерно в середине коридора с одной стороны отсутствовало несколько комнат, вместо них было большое открытое помещение с окнами, выходящими на парк.

Два мягких дивана, три кресла, низенький столик с вазой и живыми цветами в ней, несколько цветочных горшков на подоконнике, две картины на стенах – залитая солнцем цветущая поляна и вид на академию с высоты драконьего полёта. В общем, мило и уютно, чтобы посидеть компанией после уроков, пообщаться. То есть, то, чего я планировала избегать всеми силами, хватит мне общения и во время уроков.

Но сейчас здесь никого не было, и я с удовольствием уселась на один из диванов так, чтобы видеть дверь в наше крыло, и стала ждать.

Ждать пришлось недолго. Не прошло и нескольких минут, как из своего крыла вышли Томас и Аласур и направились ко мне. Практически одновременно с ними из своей комнаты вышла Велона, и эти трое едва не столкнулись.

– Добрый день, – Томас, притормозив, слегка поклонился девушке. - Меня зовут Томас, а это Аласур. Мы ваши новые соседи. Не составите нам компанию за завтраком?

– Отвали, деревенщина, - недовольно фыркнула оборотница, чуть более внимательно осмотрела кентавра, мотнула головой так, что её

волосы едва не ударили Томаса по груди, и гордо удалилась. А он застыл, глядя ей вслед, точно так же, как и при первой встрече.

– Эй, друг, ты чего? – Аласур похлопал его по плечу. – Очнись!

– Что? А, извини, – Томас встряхнулся, словно прочищая мозги, а потом вновь оглянулся, бормоча: – Не понимаю...

– Да что тут понимать? – пожал плечами кентавр. – Некоторые самочки любят, чтобы за ними побегали, поухаживали, а ещё лучше – сразились с другими ухажёрами. Ты узнай, может, за ней ухаживает кто, и вызови на поединок у неё на глазах. Ты сильный, справишься.

– У нас немного другие обычаи, – вздохнув, Томас отвёл глаза от выхода, где всё равно уже не на кого было смотреть. – Хотя... побегать, поухаживать? Наверное, в этом что-то есть. Хотя я думал, что будет проще.

Я наблюдала за разговором парней – находясь буквально в трёх метрах это было несложно, – и чувствовала что-то странное. Мне почему-то было неприятно от того, что Томас планирует ухаживать за Велоней. Нет, она красивая, конечно, и в том, что ему понравилась, нет ничего удивительного. И в желании его тоже ничего странного нет. Но мне это не нравилось абсолютно. Может, вспомнились слова Сайды, что Велона задавака? И было жаль, что такой славный парень увлёкся такой неприятной особой.

– Ну, мы идём завтракать или нет? – Моня подёргал меня за юбку.

Сообразив, что тоже глупо застыла не хуже Томаса, я двинулась к парням, поздоровалась, и мы все вместе, всемером, если считать нечисть, отправились в столовую. Кажется, Томас не только меня под своё крылышко взял, но и кентавра, которому гораздо сложнее обживаться в незнакомом мире с другим... как он говорил? Вспомнила, менталитетом!

Лишнее доказательство тому, какой Томас славный, и Велона ему совсем не подходит. Просто абсолютно!

Но до столовой мы дойти не успели. Стоило нам выйти из-за первого ряда общежитий и оказаться на просторном свободном пространстве перед замком, как над нами пронеслись две громадины, оказавшиеся драконами – фиолетовым и тёмно-синим. По очереди опустившись перед входом, благо там было свободно, они позволили спуститься своим пассажирам, стряхнули какие-то сумки и сами превратились в мужчин – с волосами в цвет чешуи.

С фиолетового дракона сошла черноволосая девушка с маленькой девочкой на руках, следом прыгнул енот в жёлтой жилетке, дракон, обратившись, подхватил сумки, и эта троица скрылась в замке, не дожидаясь своих спутников. С тёмно-синего дракона сошли трое – две девушки, блондинка и шатенка, первая почти на голову выше второй, - и огромный мужчина, чьи длинные чёрные волосы были собраны в хвост.

Два дракона и очередной перевёртыш – это ровно на трёх бессмертных больше, чем я хотела бы встретить. Да, я изначально знала, что Имперскую академию основали бессмертные, они же ею управляют, а некоторые в ней преподают. Но я думала, что буду в худшем случае общаться с кем-то из них в качестве преподавателя, в лучшем – вообще никогда не буду контактировать. Но вот уже имела близкий физический контакт с двумя перевёртышами, и вот сейчас вижу ещё троих, а ведь утро только началось! Что же будет дальше?

Синий дракон и блондинка тоже ушли сразу, а вот черноволосый перевёртыш и шатенка задержались. Точнее – притормозила она, внимательно рассматривая нашу компанию, а спутник покорно её ждал. Девушка подарила нам широкую солнечную улыбку, после чего всё же ушла в замок, перевёртыш – следом. А я так и стояла, раздумывая над тем, не сделала ли я огромную ошибку, поступив сюда?

Хотя, а какой у меня был выбор? На оплату обучения в самую непрестижную школу магии я бы и за всю жизнь не заработала, что уж говорить об академиях. А без диплома нельзя зарабатывать магией. Я это делала незаконно, потому и получала сущие гроши, но у меня впереди была цель, а прожить так всю жизнь я не хотела.

– Драконы... – заворожённо пробормотал Аласур. - Никогда раньше не видел. Красивые!

Да, красивые, согласна. И я тоже раньше их не видела, вот только восторга, как кентавр, не испытывала, скорее панический ужас. Надеюсь, это всё же пройдёт со временем. Привыкну. Наверное...

– По словам брата, фиолетовый – это магистр Ардерик, который управляет финансами академии, – стал рассказывать всеведущий Томас. – Он же лорд Линдон, помнишь, я говорил о его жене из другого мира? - это он уже мне, я сумела лишь кивнуть. – Думаю, на нём именно она и прилетела.

– Так это ей мы обязаны тем, что на нас перестали охотиться? – сообразила Лапка – А этот енот – тот самый фамильяр, которого она спасла?

– Верно, – кивнул Томас.

– Я тоже хочу себе такую жилетку, - Моня сделал жалобные глаза.

– Как только получу диплом и найду работу, – пообещала я. Меня потихоньку отпускало.

– А другой дракон? – поинтересовался кентавр. К этому времени мы «отмерли» и продолжили свой путь к замку, а точнее – к столовой.

– Это учитель боевиков, магистр Килиан с женой.

– А перевёртыш? - поинтересовался Клещ.

– Не знаю, может, новый преподаватель, а может, учиться здесь будет.

– Что, вот прямо так, без артефакта личины? – удивился хорёк и испуганно зажал лапой пасть. - Ой!

– Артефакт личины? – кентавр с интересом посмотрел на моего питомца.

– Вот же болтун, – покачала головой Лапка.

– А что? - возмутился Клещ. - Это вы с Риони обещание молчать давали, а я нет! – И показал ей язык.

– О чём это он? – это уже Томас ко мне. Я отвела глаза и дёрнула плечом. Было неловко, что Клещ разболтался, но он и правда ничего не обещал.

– Не скажет она ничего, - махнул лапой Клещ. – Обещала же. В общем, когда мы вчера гуляли, то встретили перевёртыша. Он Риони напугал! А потом рассказал, что учится здесь, только под личиной. И попросил никому об этом не говорит.

– А ты всё равно рассказал. И кто тебя за язык тянул? – вздохнула я.

– А нечего было меня за шкуру хватать! – огрызнулся Клещ.

– А я всё самое интересное проспал, – опечалился Моня.

– И зачем вообще скрывать, что ты перевёртыш? - фыркнул Клещ.
– Как будто это что-то постыдное или незаконное. Не понимаю.

– Потому что за ним тут же охота начнётся, вот почему личина, - раздалось у Томаса из-за пазухи. Мы с Аласуром аж вздрогнули, совсем забыли о Ноппи, она так тихо сидела всё это время. - Члены

императорской семьи, да еще и такие красавчики – любая девушка надеется себе такого заполучить.

– С чего бы? – фыркнул Клещ. – Самец как самец, обычный. Ну, большой, и что? Томас, вон, ещё больше, а на него никто не охотится.

– Может, потому что я не принц? – как-то грустно усмехнулся Томас.

– Для меня ты лучше всякого принца! – Ноппи высунула мордочку на свет и лизнула хозяина в щёку.

– Моя принцесса, – засмеялся Томас, глядя свою любимицу.

– Значит, этот – преподаватель, раз без личины, – сделал вывод Аласур, и я мысленно с ним согласилась.

За разговором я и не заметила, как мы попали в столовую. Привычно набрав полные подносы, мы уселись за облюбованный нами столик. Столовая была ещё более пустой, чем за ужином, но кое-кого знакомого я увидела – и Сайду с Тейрой, и Велону, и тех двух эльфиек, которых я запомнила вчера просто потому, что они были вдвоём. А сейчас они привлекли моё внимание тем, что за одним столиком с ними сидела та самая шатенка, что прилетела на драконе, а потом улыбалась нам. Её спутника я, кстати, не увидела.

В тот момент, когда я её рассматривала, она оглянулась, словно почувствовав мой взгляд. Что-то сказала своим соседкам по столу, и те тоже оглянулись, с любопытством нас рассматривая. Сама же девушка поднялась и направилась в нашу сторону.

– Добрый день, – остановившись в паре шагов, улыбнулась она нам. – Извините, что вот так, бесцеремонно, но у вас такие чудесные фамильяры, я просто не удержалась. Не сочтите за наглость, но можно их погладить?

– Меня можно, – Моня поднял морду от миски, которую сегодня делил с Ноппи. Точнее, свою миску она игнорировала, хозяйничала в его, но мой обжора-барсук не возражал. То ли помнил, что ему потом достанется содержимое её миски, то ли поверил, что в любой момент может получить добавку, а может, просто был не так уж и голоден, опустошив «волшебный ящик».

– Меня тоже, – Ноппи потянулась к девушке, подставляя ушастую головку под её ладонь, чем лично меня очень удивила. Вроде такая пугливая, ко мне или Аласуру даже не приближалась, хотя спокойно болтала с нами, а тут сама за лаской потянулась.

– Ну, ладно, можно и меня, – согласился Клещ.

А вот Лапка помотала головкой и запрыгнула мне на плечо. Девушка не настаивала и, наглаживая троих остальных животных, представилась:

– Я – Рэнди. Мой муж Гейб сейчас сдаёт вступительный экзамены, у него порталый дар проснулся. А я просто с ним за компанию приехала.

– Я – Иветтомассор, но можно просто Томас, – в ответ представился мой друг. У Рэнди высоко взлетели брови и дёрнулся уголок рта. Да, имечко у него то ещё. – Это Риони...

– Добрый день, – кивнула я.

– А эта троица – её питомцы, Моня, Клещ и Лапка. Ноппи – моя кошка. А это Аласур, он кентавр, поэтому не может тебе ответить и даже показать, что тебя заметил, поскольку ты замужем.

– И твой самец гораздо его сильнее, – подхватил Клещ, – в поединке с ним Аласуру не выстоять.

– В поединке? – Рэнди в растерянности переводила взгляд с Аласура на Клеца и обратно. – А, я поняла! Это какой-то местный обычай, да? А то мы из другого мира, многого здесь не знаем. Но не буду сейчас приставать с расспросами, думаю, мы еще не раз пообщаемся. Спасибо, – это уже лично нечисти, – до встречи!

И убежала обратно к эльфийкам. Интересно, когда она успела с ними познакомиться? Если не просто к императорской семье по мужу принадлежит, а еще и из другого мира? Впрочем, это меня касаться не должно.

– Не преподаватель, – сделал вывод Аласур. – Тогда почему без личины?

– Потому что женат, – пожал плечами Томас. – А на женатого перевёртыша никто охотиться не станет.

– Почему? – это мы уже хором.

– Раз уж бессмертный нашёл свою половинку... то есть, истинную пару, то на других женщин даже не посмотрит. Это в обе стороны работает, поэтому ты, Аласур, можешь не волноваться, этот её муж...

– Гейб, – подсказала Лапка.

– Да, он. В общем, он в тебе соперника не увидит, хоть пляши вокруг неё, хоть на голове ходи. Просто потому, что для Рэнди ты

вообще не мужчина.

– Я мужчина! – даже обиделся кентавр. – Нет, я на неё всё равно не взгляну даже, но я мужчина. Хотя, конечно, до собственного гарема мне ещё очень далеко, – и он тяжело вздохнул. – Самки на меня пока и не смотрят даже, меня ещё к весенним соревнованиям не допускают, да и там надо сначала несколько побед одержать, что бы свободные самочки мной заинтересовались. А уж о том, что бы у кого-то его самку или гарем отбить, в ближайшие лет двадцать можно и не мечтать.

– Отбить гарем? – удивилась я. – Это как?

Остаток завтрака прошёл под рассказ Аласура об обычаях кентавров. Оказывается, у них только взрослые и сильные самцы могли... если по-нашему, то жениться. Парни соревновались в силе на специальных весенних играх, а девушки присматривались к победителям и разрешали за собой ухаживать только самым сильным. На мой вопрос, а как же быть более слабым, совсем, что ли, не жениться, Аласур пожал плечами:

– А зачем самке слабый муж, который не способен защитить в случае опасности, да и потомство от него будет слабым. Каждой самочке хочется сильного самца.

Какая-то логика в этом была, во всяком случае, мои звери с этим были полностью согласны, Клещ даже головой в сторону Томаса мотнул, мол – я же говорил, бери, не теряйся. Может, я бы и согласилась с ним, только нельзя мне замуж, поэтому Томас – только друг, больше никак.

А рассказ об обычаях семейной жизни кентавров продолжался. Оказывается, пары там создавались не на всю жизнь, хотя в большинстве случаев так и было. Но если самка предпочитала другого самца, тот мог бросить вызов её мужу, заговорив с ней у него на глазах или оказав иные знаки внимания, и если побеждал в поединке, то самка уходила к нему.

– А если не побеждал? – поинтересовался Томас.

– Значит, недостойн, – пожал плечами Аласур. – Зачем ей такой, она с мужем останется.

– И мужу всё равно, что жена влюбилась в другого и хотела к нему уйти? И он готов с ней и дальше жить.

– Если не хочет с ней жить – поддается, проигрывает поединок и позволяет сопернику её увести. Но если бьётся до победы, значит, отпускать не хочет. Всё просто.

– А что ты про гарем говорил? – поинтересовалась Ноппи.

– Самые сильные матёрые самцы берут себе вторую жену и даже третью. Юные самочки часто предпочитают взрослых, состоявшихся самцов, молодняку. Но он должен доказать, что способен позаботиться больше чем об одной жене.

– То есть, кто-то может отбить у него гарем? – уточнила я, вспомнив недавние слова кентавра.

– Даже самые могучие самцы стареют, – развёл руками Аласур. – И тогда находятся желающие на его более молодых жён. На первую уже никто не претендует, она так с ним и остаётся. Но младшие жёны обычно в итоге уходят к более молодым и сильным самцам.

– Ты так говоришь, словно у них есть выбор, – я хмуро глядела на того, кто рассуждал о вещах, которые даже для нечисти считались неправильными. Во всяком случае, в том лесу, в котором я жила, ни у одного разумного животного не было больше одного спутника жизни. А тут кентавры, которые официально считались людьми, заводят гаремы и дерутся за самок. И даже то, как Аласур легко произносил это «самцы и самки» заставляло меня содрогаться.

– Конечно, – кентавр посмотрел на меня очень удивлённо. – Именно они и выбирают. Ни один самец не станет сражаться за самку, не будучи уверенным, что она с ним уйдёт в случае победы. Решают самки. Это самцы должны их завоёвывать, демонстрировать свою силу, способность дать защиту и здоровое потомство. А выбирают именно самки.

– Ну, хоть это радует, – слабо улыбнулась я. А то уже такое навоображала.

– Поэтому я тебе и советовал показать себя перед той самочкой, – Аласур похлопал Томаса по плечу и мотнул головой на выходящую из столовой Велону. – Они любят, что бы за них сражались, ну и всячески поухаживать не помешает. Но доказать свою силу – лучше всего. Здесь бывают какие-нибудь соревнования?

– Да вроде бы нет. Если только на занятиях.

Я вспомнила, что Томас сдал экзамены без единой ошибки. Да, в учёбе он точно будет одним из сильнейших. Но мне решительно не

нравилось его желание завоевать Велону,и чем дальше,тем сильнее.

ГЛАВА 7. МУНДИР

День второй. Вторник

После столовой мы направились в библиотеку. И там я поняла, откуда же вчера в ней взялась очередь. Потому что, выдавая нам правила обучения и проживания в академии, госпожа Перонель заставила нас эти правила прочесть и расписаться, что с ними мы ознакомлены.

Причём с каждым из нас троих она занималась по очереди – заводила формуляр, переписывая данные с пропусков – кстати, Аласур на своём фото вышел шикарно, я просто обзавидовалась, - выдавала учебники, давая расписаться за них в журнале, проводила мини-экскурсию по карте, заставляла изучать правила и расписываться в другом журнале, и лишь тогда отпускала с миром и стопкой книг. Почему нельзя было выдать двоим остальным правила на изучение, занимаясь с первым, а карту показывать одновременно всем троим, я не поняла и спрашивать не стала. Но порадовалась, что послушалась Томаса и вчера в библиотеку не пошла.

Зато на складе всё прошло очень быстро – пока мастер Стэки вносил наши данные в журнал, к прилавок уже летели три одинаковых набора сиреневых с золотистыми завязками мешков. Правда, часть из них легла чётко передо мной, под совет кастеляна:

– Тут форма с юбками, не перепутайте.

Так же, стопочкой, рядом приземлились четыре круглых подстилки, два горшка и восемь мисок.

– Размеры стандартные, – переводя взгляд с Мони, цепляющегося когтями за прилавок, что бы всё видеть, на сидящую у меня на плече Лапку, сказал кастелян. – Но велико – не мало, – и он подмигнул ласке.

Учитывая, что звери всё равно спали на моей кровати, претензий к подстилкам не последовало, да и к мискам тоже. Так же мастер Стэки, оглядев стопки учебников, которые мы не додумались сразу отнести в общежитие, посоветовал открыть самые маленькие из мешков, в которых оказались сумки для занятий с кучей тетрадей и разных письменных принадлежностей. Часть учебников мы засунули в них, остальные – в освободившиеся мешки. И всё равно парни

оказались обвешаны мешками и сумками, словно вьючные лошади. Потому что, мои мешки Томас решительно забрал себе, оставив мне лишь одну сумку с частью учебников и вручив Ноппи.

Когда мы вышли из замка, Аласур смерил взглядом расстояние до первого общежития, а потом взял и отрастил себе круп и вторую пару ног.

– Закидывай, - кивнул он через плечо, обращаясь к обвешанному сумками Томасу. - Не сомневайся, я так намного сильнее. Зачем надрываться?

Действительно, зачем? Томас быстро превратил самые большие мешки в перемётные сумки, связав попарно, и кентавр, игнорируя любопытные взгляды окружающих, легко довёз их до крыльца общежития. Особенно глазели на него девушки-абитуриентки, направляющиеся к главному корпусу академии. В чём-то их понять было можно – кентавры были едва ли не большей невидалью, чем драконы.

Посетовав, что внутрь в обороте нельзя, парни дружно перетаскали сумки внутрь, в том числе и ко мне, и я принялась распаковывать и примерять своё богатство. Чего здесь только не было! И формы – повседневная, парадная и спортивная, и три плаща для разной погоды, и несколько пар туфель, и ботиночки, и сапожки, и тёплые кофточки, и бельё, и ночные рубашки с халатом, и шапочка, и муфта, и...

– Ты что наделал?! – неожиданный крик Лапки заставил меня вздрогнуть и едва не уронить тёплые чулки, которыми я любовалась.

Оглянувшись, я увидела сидящего на кровати, на которой я раскладывала вынутую из мешков одежду, Моню в сиреневом форменном мундирчике. С золотистыми погончиками, пуговичками и с прочей отделкой. Сидящем на нём так идеально, словно был для него сшит.

– Моня, что ты надел? - ахнула я. - В чём же я теперь на занятия ходить буду?

– Я нечаянно, - прохныкал барсук. – Я просто под него залез, хотел узнать, тёплый ли. А лапы как-то сами собой в рукава попали, и... Оно само! Я не виноват!

– Моня, вещи же зачарованные, – простонала я, осознавая весь размер катастрофы. – И садятся точно по фигуре того, кто первым их

надел. Назад уже не отыграть.

– Откуда же я мог знать? - расстроился Моня.

– В правилах же написано было! – Лапка постучала ему по лбу, видимо, пытаясь показать, что в голове у барсука пусто. - Сколько говорила – учись читать! Что Риони теперь делать будет?

– Моня, ну почему ты не халат надел? Или любой из плащей, я бы обошлась как-нибудь. А как я без формы буду? – я чувствовала, что еще чуть-чуть, и расплачусь.

Ситуация мне казалась совершенно безвыходной. Форма и так немалых денег стоит, а уж наложенные на неё чары против грязи, сминания и повреждения увеличивали цену едва ли не в пять раз. Где я возьму деньги, что бы оплатить испорченную вещь?

И в тот момент, когда слезинка, не удержавшись, всё же побежала по моей щеке, в приоткрытую дверь – а я вроде закрывала её, – раздался лёгкий стук.

– Тук-тук, можно? – прозвучал знакомый голос, и комнату заглянул Томас. Из-под его ног ко мне шмыгнул Клещ. – Что тут у вас за беда стряслась? О,и даже слёзы? - он слегка нахмурился, посерьёзней и нагнулся, заглядывая мне в глаза. – Риони, что случилось?

– Моня у нас случился. Снова, - ответила за меня Лапка.

Томас оглянулся на неё, увидел барсука в девчачьем форменном мундире,и его губы задрожали, усиленно стараясь скрыть улыбку.

– Да, и правда, трагедия. Но решаемая. Пойдём к мастеру Стэки, может, заменит мундир, как пришедший в негодность?

– А если нет? У меня же просто нет денег на новый, – всхлипнула я. - А вдруг меня исключат?

– Не выдумывай! Такими сильными магами не разбрасываются. Пойдём. И ты тоже с нами пойдёшь, – это уже Моне. – И не вздумай снимать мундир, мы должны наглядно продемонстрировать нанесённый предмету одежды ущерб, поэтому – пошли.

И сгрёб Моню подмышку. Потом достал из кармана платок, деловито вытер мне щёки, заодно и нос, и со спокойным лицом сунул платок обратно в карман. Поймав мой обалдевший взгляд, пожал плечами:

– У меня куча племянниц. Ты не первая девочка, которой я слёзы вытираю. И уверен, далеко не последняя. Пошли.

И мы пошли. У меня просто выбора не было – когда тебя за руку ведёт такая гора, идёшь и не дёргаешься. Лапка запрыгнула мне на плечо, Клещ побежал впереди, и лишь ещё кое-кого я не досчиталась.

– А где Ноппи? – спросила, поскольку сейчас Томас был в рубашке, без своего просторного сюртука, и было отлично видно, что никто у него за пазухой не прячется. А ещё были видны его отлично развитые мышцы, которыми он, пожалуй, не уступал и перевёртышам, только прежде почему-то это скрывал.

– Спит. Кошки вообще много спят, моя не исключение. Пусть спит, из комнаты она без меня никуда не уйдёт, еда, вода и горшок в её распоряжении, поэтому будить я её не стал.

Мистер Стэки долго и очень внимательно разглядывал Моню, потом вздохнул и покачал головой.

– Заменить мундир, конечно, можно, запас всегда имеется на крайний случай. Только этот самый крайний случай требует визирования ректора. А то мало ли, вдруг кто вещичку потеряет по глупости или вообще на сторону продаст, одежда-то зачарованная, испортить практически невозможно. Вот и решает ректор, требует ли ситуация наказания или какой-то компенсации.

– У меня денег нет, - выдавила из себя я, не зная, от чего мне сейчас стало хуже – от этого или от необходимости идти к ректору, который, я это точно знала, был перевёртышем. Опять бессмертный! Да что же мне так не везёт-то?

– Ну, тут-то явно несчастный случай, – постарался успокоить меня гном-кастелян, на суровом лице которого не дрогнул ни единый мускул. – Но ректор должен лично в этом убедиться. Вот, пусть подпишет разрешение на замену испорченной вещи, и я тут же выдам новый мундир.

Сложенную бумагу у него забрал Томас, потому что я так и застыла столбом, пытаюсь осмыслить новую напасть. Потом вновь за руку повёл меня прочь со склада. Когда мы были на середине лестницы из подвала, из-за закрытой двери склада раздался не просто хохот, а самое настоящее ржание. Ну, спасибо, что хотя бы не в лицо рассмеялся, дождался, когда уйдём.

Когда мы вышли из portalного лифта – даже не знаю, на каком этаже, но Томас явно знал, – а потом пошли вверх по лестнице, мой

спутник затормозил на площадке между этажами и внимательно посмотрел мне в лицо:

– Риони, ты вся белая и трясёшься. В чём дело?

– Мы к ректору идём, - выдавила я из себя.

– И что? Он нормальный мужик, справедливый, братья так говорили. Посмеётся над Монею в девчачьем мундирчике и отпустит тебя с миром и с подписью. Ладно бы натворила чего и шла наказание получать. Да и то, наказания тут – или увольнительной лишают, или физический труд посильный. Фонарные столбы мыть, овощи на кухне чистить, листья с дорожек сметать, и так далее. Неприятно, но никто еще не умер. А ты вообще не виновата, даже мастер Стэки так сказал.

– Понимаю, – согласилась с доводами всезнающего Томаса. Удобно, наверное, таких братьев иметь, которые всё-всё тебе заранее рассказывают.

– И всё равно трясёшься. Это ненормально. В чём дело? – это он уже к моим зверям.

– Она бессмертных боится, - тут же выдал Моня.

– В смысле? - растерялся Томас. - Да чего ж н... их бояться-то? Они вроде никого не обижают, наоборот даже.

Ага. Только уничтожают всех обладателей тёмной магии. А так – да, хорошие. Для всех остальных, у кого такой магии нет.

– Она их всю жизнь боится, - развела руками Лапка. – Даже и сама не знает, почему. Может, в детстве сказку ей страшную рассказали? – и сердито зыркнула на Моню.

– Ага, непонятно, почему, но боится. Хотя раньше и не встречала никогда, – поддакнул Моня, виновато поглядывая на меня.

– Фобия неясного генеза, – задумчиво покивал Томас.

– Мне уже не хватает Ноппи, - вздохнул Клещ.

– Я имел в виду – неконтролируемый страх неизвестного происхождения, это бывает. Тебя бы к психологу, да где ж его взять? – и видя наши недоумевающие лица и морды, сам поправился: – Это целитель такой, который страхи лечит. Ладно, это всё потом. Давай так – ты просто стоишь и молчишь, а с ректором я сам буду разговаривать, хорошо?

– Хорошо, – согласилась я. Если избежать встречи с ректором не получится, то хотя бы разговаривать с ним не придётся. Что бы я без Томаса делала?

Мы поднялись на этаж, прошли по коридору, зашли в приёмную, где Томас сообщил секретарше, что нас послал к ректору мастер Стэки. Та, уточнив наши имена, передала их по переговорному амулету и получила разрешение пропустить нас.

Когда мы вошли в кабинет – я на буксире у Томаса, и Моня, прячущийся за нами обоими, – то оказалось, что ещё одного нового бессмертного мне сегодня увидеть не придётся. Потому что в кабинете находился тот самый перевёртыш, который присутствовал у меня на экзамене. И единственной мыслью, которая теперь вертелась у меня в голове, было: «Какое счастье, что тогда я этого не знала». Бессмертный плюс ректор в одном лице – я бы точно в обморок упала.

– Итак, студент Иветтомассор и студентка Риони, с чем же таким важным вас ко мне направил наш кастелян? – поинтересовался перевёртыш, с интересом разглядывая нас, особенно заинтересованно – наши руки, поскольку Томас так и держал меня за руку, видимо, что бы не удрала в последний момент.

– У нас возникла проблема с обмундированием, – Томас сделал два шага к столу, я, поневоле – тоже, и протянул ректору записку, выданную нам кастеляном. Тот развернул её и пробежал глазами.

– И где же этот самый Моня, на которого я просто обязан полюбоваться?

– Я – вот, – барсук вышел из-за моей спины и тут же сделал свои самые жалобные глазки. – Я нечаянно.

Какое-то время ректор честно крепился, пытался удержать лицо. Но продержался недолго, а хохотал даже громче мастера Стэки. А мы стояли и молча ждали, когда он просмеётся. И с каждой секундой мне становилось чуть легче. Да, бессмертные для меня были и останутся навсегда самым страшным кошмаром, но когда я стояла и смотрела, как ректор смеётся над разнаряженным Моней, мне становилось легче дышать.

И почему-то вспомнился Тобиас, вчерашний перевёртыш, который на руках отнёс меня к общежитию, что бы я не упала и не поранилась в темноте. Просто взял на руки и понёс незнакомку, хотя в общем-то, был не обязан. Томас сказал правду – бессмертные не были злыми, никого не обижали намеренно и не наказывали без вины, и пока они не знают про мою тёмную магию, им просто незачем расправляться со мной.

Кто знает, может, со временем я уже перестану цепенеть рядом с ними? Хорошо бы, потому что в этой академии они, похоже, встречаются на каждом шагу. Нужно привыкать, нужно!

Просмеявшись, ректор что-то написал в записке, сложил её и протянул Томасу.

– Мундир вам заменят. Ну а ты, – это уже Моне, – раз надел форму, будь добр, присутствуй на занятиях.

– Как – на занятиях? – даже растерялся мой барсук. – Зачем? Я же не настоящий фамильяр, кровной связи нет. Я могу и в комнате посидеть во время уроков.

– Э, нет, это будет нечестно, если только мы с мастером Стэки увидим такую красоту. Остальные преподаватели тоже имеют право порж... полюбоваться на тебя.

– Всё же придётся тебе читать учиться, – ехидно выдала Лапка. – Раз уж ты теперь студент.

– Ну и научусь, подумаешь. Зато у меня форма есть, а у тебя нет, – и Моня показал ей язык.

– Что у вас тут за веселье? – дверь в кабинет распахнулась, и моё успокоившееся вроде дыхание вновь перехватило, потому что внутрь шагнут тот самый черноволосый перевёртыш, прилетевший на синем драконе, а следом – наша недавняя знакомая Рэнди. – Почему без нас?

– Привет! – расплылась в улыбке Рэнди. – Рада снова увидеться. Извините, что ворвались, но здесь было так весело, мы не думали, что Филандр занят со студентами.

– Да мы, собственно, уходим уже, – Томас потянул меня за руку так, чтобы слегка загородить от вновь вошедшего.

Так приятно стало – он помнит про мой страх и помогает, чем может. А мне и правда легче стало, словно за его спиной я в безопасности оказалась. Всего-то каких-то полшага – и такая разница. Я даже нашла в себе силы поднять глаза и внимательнее посмотреть на вошедшего – Рэнди я рассмотрела ещё в столовой.

И снова – ну просто одно лицо с портретом императора. А с ректором вообще как близнецы похожи. И красивые, да. Всё-таки, удивительные они, эти перевёртыши, словно небожители, спустившиеся на землю.

– Ой, из-за нас, да? – расстроилась Рэнди. – Не надо, мы сами уйдём. Гейб, пошли, – зашипела она на мужа и потянула его за рукав в

сторону двери.

– Миранда, я не помню, чтобы Фил над чем-то так ржал. И умру от любопытства, если не узнаю, что случилось. – Сдвинуть мужа ей не удалось и на долю миллиметра. И почему он её так странно назвал? У неё тоже имя длинное, как у Томаса, а Рэнди – сокращение?

– Гейб, здесь, вообще-то, мой кабинет и в нём мои студенты находятся, – нахмурился ректор, и я невольно вздрогнула и совсем спряталась за Томаса. Чего не видишь – того не боишься, верно ведь? – Будь добр, соблюдай хотя бы видимость субординации.

Не особо помогло, голос-то слышно отлично, и он даже страшнее нахмуренного лица.

– Простите, ректор Филандр, – голос Рэнди. – Мы сейчас же уйдём. Гейб, пошли!

– Это он надо мной смеялся, – Моня вылез из-под стола ректора, куда шмыгнул, когда дверь распахнулась. – Я нечаянно.

Я думала, что над ним снова начнут смеяться, но нет. Всё, что я услышала, это:

– Ой, какая прелесть! Можно я тебя сниму?

Рискнув выглянуть из-за Томаса, я увидела, что Рэнди присела на корточки перед Моней, любуясь им, а её муж навис сверху и тоже рассматривает моего барсука с доброй улыбкой. И в этот момент он совсем не казался страшным.

– Откуда снимите? – растерялся Моня, поскольку стоял на полу. Мне тоже стало интересно.

– Ээээ... Можно, я сделаю твою иллюзию? – исправилась Рэнди. – Покажу дочерям и внучке.

– Она захочет своему еноту такой же мундир, – хмыкнул Гейб.

– Только не это, – застонал ректор. – А потом и Дэн захочет. И остальные. Вы мне академию разорите.

– Вот еще выдумал! – возмутился Гейб. – Я в состоянии сам оплатить все хотелки своей внучки.

– Дэн тоже, – хихикнула Рэнди. – Просит отложить для фамильяров его ребятишек голубой и жёлтый костюмы.

– Началось, – тяжело вздохнул ректор. Взял чистый лист из стопки бумаги, что-то черкнул на нём и запустил лист по столу в сторону Гейба.

– Это что? – поинтересовался тот, вчитываясь в написанное.

– Адрес магической лавки, где зачаровывают наши формы. Там вам любую одежду зачаруют.

– Дейзи требует для Рокета именно форму. Зелёную с серебром, – покачала головой Рэнди.

Я только и успевала головой вертеть, окончательно выбравшись из-за спины Томаса и пытаясь понять смысл разговора, хотя незнакомые имена очень мешали и совсем меня запутали.

Ректор написал что-то на другом листе и снова швырнул Гейбу.

– На этой фабрике шьют форму для академии. Можете сделать оптовый заказ. А свой склад грабить не дам!

– Жадина, – фыркнула Рэнди и перехватила второй листок. – Я отомщу!

– После твоей доченьки и её «Неуловимой драконицы» мне уже ничего не страшно, – хмыкнул ректор. С интонацией, говоря с которой, Моня обычно язык Клещу показывает. Но ректор удержался.

Томас фыркнул, и на нас оглянулись с таким видом, словно забыли, что мы всё ещё здесь находимся.

– Студенты, вы свободны, – отпустил нас ректор.

На этот раз уже я потянул Томаса к двери, но он упёрся не хуже, чем Гейб пару минут назад.

– Простите, ректор Филандр...

– Да, студент Иветтомассор? – усталым голосом ответил тот. Рэнди не удержалась и фыркнула. Можно подумать, впервые слышит это имя.

– А нельзя ли и мне адрес той мастерской, где одежду зачаровывают. Просто у меня кошка...

– Только не говори, что и ей нужна форма, – вздохнул ректор.

– Нет-нет, но она у меня лысая. Болела много, – кинув на меня странный взгляд, пояснил Томас. – И мёрзнет всё время. Поэтому одежда у неё есть своя, но хорошо было бы её зачаровать.

– Это очень дорого, – напомнил ректор, записывая адрес на новом листе.

– Не страшно. У меня старший брат богатый, он заплатит, – Томас пожал плечами, уголок рта у него дёрнулся, словно он сдерживал улыбку.

Гейб вдруг закашлялся, а Рэнди, хихикая, стала хлопать его по спине. Непонятно, зачем, насколько я знала, бессмертных надо

кувалдой ударить, чтобы они хоть что-то почувствовали. И правда, после пары шлепков она зашипела и затрясла ладонью, которую её муж тут же перехватил и нежно поцеловал.

– Ну , если брат заплатит... – усмехнулся ректор, протягивая лист бумаги. – Свободны.

Обрадованная, я быстро попрощалась со всеми и рванула к двери, на этот раз Томас не сопротивлялся. Мы вышли в коридор и зашагали к лестнице.

– А не такие они и страшные, - Лапка высунулась у меня из-за пазухи, куда шмыгнула, как только в кабинет зашла Рэнди, наверное, опасалась, что та снова захочет её погладить.

Как ни странно, но я с ней согласилась . К концу разговора перевёртышей и Рэнди, я уже и дышала нормально, и сердце больше не колотилось, а раньше от одной мысли о возможной встрече с бессмертными задыхаться начинала. Может, в этом всё и дело – не сталкиваясь с ними раньше, я боялась одной только мысли, образа? А теперь, пообщавшись «вживую», вдруг обнаружила, что не такие они и монстры.

Или всё дело в закрывавшей меня спине Томаса? В тот момент я испытала давно забытое чувство безопасности. С тех пор, как умер папа Клык, я его больше не испытывала, и вот сейчас, впервые за много лет, это ощущение вернулось.

Странно. Но приятно.

– Весело у них, – высказался Клещ. – Спорят, прямо как мы.

– А иллюзию с меня так и не сделали, – вздохнул Моня.

– Сделают ещё, - успокоил его Томас. - Что-то мне подсказывает, что эта встреча с Рэнди была далеко не последней.

– Неужели она уже бабушка? - вспомнив слова про дочек и внуку, удивилась я. Выглядела Рэнди моей ровесницей, точнее – такого же возраста, на который я выглядела. – Но она не перевёртыш. И не дракон – у них волосы разноцветные. Да и тогда она сама бы прилетела.

– Она – истинная пара бессмертного. Такие пары тоже становятся бессмертными, кем бы ни были изначально. Просыпается регенерация...

– Что? - это мы в четыре голоса.

– Способность к исцелению. Из-за этого они перестают стареть, не болеют, быстро излечиваются от ран. В общем, тоже живут вечно, как и их половинки.

– Надо же... Здорово, наверное, – задумчиво протянула я.

– А я, считай, узнала, что это такое, – улыбнулась Лапка, глядя на Томаса с обожанием. – Удивительное чувство.

Поймала себя на том, что смотрю на Томаса почти так же. И впервые закралась мысль – как жаль, что мне нельзя создавать семью. Если бы не это, то, возможно... Только возможно... Когда рядом с кем-то так надёжно и безопасно...

Но нет. Нельзя! Томас – друг, хороший друг, великолепный друг.

И не более.

– Интересно, что это за драконица, после которой ректору ничего не страшно? Она его так сильно напугала? – задумчиво поинтересовался Клещ. Вопрос был риторический, но ответ мы получили. Кто бы сомневался?

– «Неуловимая драконица» – это книга, в которой у персонажей имена ректора и его жены. Только, в отличие от их настоящей истории, книжная драконица знать не желала перевёртыша и заставила его за собой побегать, прежде чем согласилась с ним встречаться. Вообще-то, эти двое – истинная пара, и их буквально притягивает друг к другу, они с самого начала хотят быть вместе. Но в книге драконица очень долго задирала нос и знать не желала своего суженого.

– Как Велона тебя? – уточнил Моня.

Томас замер. Задумался. Серьёзно задумался. Я тоже остановилась, не зная, идти дальше или ждать его. Решила подождать.

– Книга была такой популярной прошлой осенью. Её, кажется, прочли все, – Томас, наконец, отмер и заговорил, глядя куда-то вдаль. – Может, в этом всё дело? Очень даже возможно... Риони, ты сама сходишь на склад? Мне нужно кое-что проверить.

– Конечно.

– Кстати, тебе в городе ничего не нужно? Я хочу зайти в ту мастерскую, – он помахал бумагой, выданной ректором, – отнести хотя бы часть вещичек Ноппи.

– Нет, ничего, – пожала плечами. А что мне там могло понадобиться? Учитывая, что денег осталось – пара медек на самый

крайний случай, а тут и кормят, и одевают,и крыша над головой есть, что еще можно пожелать?

Сунув мне записку для кастеляна, Томас кивнул и умчался в сторону общежития. А я направилась на склад.

Новый мундир мне выдали без проблем, он уже на прилавке лежал, меня дожидаясь, словно мастер Стэки не сомневался в том, что ректор подпишет разрешение. А может, и знал, просто решил его повеселить зрелищем наряженного Мони. Не важно. Я, прижимая мундир к груди как величайшую драгоценность, принесла добычу в свою комнату, где тут же надела, а потом перемерила всё, вплоть до чулок и муфточки с перчатками. Повторения случившегося очень не хотелось.

Этой забавы мне хватило до обеда и еще на после него осталось. Поначалу я просто поскорее надевала вещи, чтобы они приняли мой размер и никакая случайность в виде неловких действий Мони или остальных зверюшек, их не испортила. Но потом я вновь взялась за примерку – уже просто для того, чтобы посмотреть, как эти чудесные вещи на мне сидят.

Хорошо, что наше крыло было почти пустым,иначе моя беготня в уборную и обратно – там было большое зеркало, – могло вызвать недоумение, а также добрые советы посетить целителя и не есть невымытые фрукты прямо с деревьев. А так я чувствовала себя свободно и спокойно, красуясь перед зеркалом в новых вещах. Хотя в самом тёплом из плащей, подбитым мехом и с меховой опушкой, едва не сварилась . Да, в таком точно не замёрзнешь по дороге на занятия даже в самый трескучий мороз и вьюгу.

Обедала я одна,точнее, со своими зверюшками. Ни Томаса, ни Аласура, ни соседок по крылу не увидела, Рэнди с её мужем – тоже, только те две эльфийки приветливо мне кивнули, с интересом провожая взглядами, но, возможно, дело было не во мне, а в моих зверюшках, точнее – в Моне в мундире. Поели мы быстро – без интересных разговоров, к которым я как-то успела привыкнуть за пару предыдущих трапез, задерживаться в столовой смысла не было.

Относя посуду к мойке, увидела на полу расколотый стакан – упал, наверное, а никто не заметил. Оглянувшись по сторонам, быстро починила посудинку и забрала с собой – всё равно это уже был никому

не нужный мусор, а мне пригодится. Поставлю в него цветы, будет в моей комнате ещё уютнее.

Закончив раскладывать и развешивать одежду, перебрала письменные принадлежности, расставила учебники на полочку, отмыла спасённый стакан и решила сходить за цветами, благо, условный лес был прямо под окном. Вылезать в него, конечно, не стала – высоковато, – но долго ли обойти? И вот я вновь шагала между знакомых деревьев, только сейчас было совсем светло, лес был полон шорохов и птичьего пения, и задерживаться до темноты, как вчера, я не собиралась.

Наберу букетик, и назад. Тем более, что Моня, сегодня отправившийся с нами, ни за что не позволит мне пропустить ужин.

Через какое-то время я вышла к знакомой речушке и замерла. На вчерашнем бревне сидел вчерашний же знакомец. Тобиас. Перевертыш.

Я начала пятиться, надеясь, что он меня не заметил, и удастся тихонько уйти. Но это же перевертыши, они слышат на километры вокруг.

– Не уходи, Риони, - Тобиас даже не оглянулся, но точно знал, кто стоит на краю поляны за его спиной. – Посиди со мной, пожалуйста.

И таким грустным был его голос, такой печалью веяло ото всей его огромной сгорбленной фигуры, что уйти я просто не смогла.

ГЛАВА 8. КОНФЕТЫ

День второй. Вторник

Я медленно, нерешительно, но всё же подошла к стволу и присела на самый край, метрах в трёх от бессмертного. Лапка забралась мне на плечо, где свернулась калачиком и притихла, Моня и Клещ предпочли остаться где-то в зарослях, наверное, занялись чем-то более интересным, чем молча сидеть и смотреть на неторопливо струящиеся воды речушки.

А я сидела и смотрела. Сначала я была напряжена, каждой клеточкой ощущая сидящего неподалёку бессмертного, была готова вскочить и убежать в любую секунду. Но постепенно расслабилась. Агрессии мой сосед по бревну не проявлял, он вообще практически не шевелился, лишь пару раз вздохнул, и то я это не услышала, а заметила краем глаза, как качнулись могучие плечи. И снова мы сидели, не двигаясь, глядя на воду.

И вот мы сидели, сидели, пока я не осознала, что давно уже расслабилась, и на меня сошло даже что-то вроде умиротворения. Было хорошо и спокойно, почти как за спиной у Томаса, я вспоминала сцену, свидетелем которой мы невольно стали в кабинете ректора, и улыбалась над забавной пикировкой двух таких похожих гигантов. Тогда я этого не оценила, а сейчас стало любопытно, что же имелось в виду в некоторые моменты их разговора, которых я не поняла.

И жаль, что никогда этого не узнаю.

— Спасибо, Риони, — ворвался в мои воспоминания голос Тобиаса, заставив вздрогнуть — в какой-то момент я даже забыла, что нахожусь здесь не одна. — С тобой так хорошо молчать. Это редкость.

— У вас что-то случилось? — решила я спросить из вежливости.

— Не то чтобы случилось... — протянул он. — Просто... даже не знаю, как и объяснить. Я кое-чего понять не могу, не сходится, понимаешь? Запутался.

— Так бывает, — кивнула я, понятия не имея, чем помочь и как поддержать этого печального перевёртыша, если понятия не имела, о чём вообще речь. Просто чело... перевёртышу отчего-то очень грустно, но если от того, что я посидела рядом, стало легче, то я рада.

– Всё решается, - твёрдо сказал Тобиас. Интересно, мне или самому себе. – Надеюсь, - это уже тихо и со вздохом. Похоже, не очень-то надеется.

А глаза такие печальные. Кстати, очень красивые глаза, чёрные, опущённые густыми ресницами. У других перевёртышей глаза были светлые – голубые у императора, серые у ректора, у Гейба – вообще бирюзовые. А вот у Тобиаса – чёрные.

«Как у Томаса», – мелькнула вдруг мысль. Хотя, кроме цвета, больше ничего общего, у Томаса глаза небольшие, близко посаженные, ресницы короткие, редкие. Думаю, многие посчитали бы его некрасивым, особенно на фоне красавцев-перевёртышей, но это те, кто его не знал. А для меня внешность Томаса значения не имела, то чувство безопасно, возникающее рядом с ним, было гораздо важнее.

Куда-то не туда мои мысли ушли. Не хватало ещё влюбиться в друга! Нельзя, Риони, нельзя!

– У вас всё получится, – решила я хоть как-то поддержать собеседника. Общие фразы порой очень выручают.

– Надеюсь, - усмехнулся он уголком рта. Какая знакомая улыбка, где-то я её уже видела. Ну да, в кабинете ректора, где же ещё? У этих перевёртышей не только внешность, но и мимика похожая. – Кстати, не считите за назойливость, но мне стало интересно – о чём вы думали перед тем, как я с вами заговорил? У вас такая улыбка была...

– Вы будете смеяться, – смутилась я.

– Клянусь, что не буду. Чтоб мне всю жизнь только ванильное мороженое есть, если клятву нарушу! – перевёртыш выпрямился и стукнул себя кулаком в грудь, заставив меня прыснуть от смеха. - Честно-честно!

– Ладно. Я подумала – есть ли в библиотеке книга «Неуловимая драконица»? А то её, похоже, все читали, но только не я.

– О, нет, только не в библиотеке Имперской академии, тут вы её точно не найдёте.

– Здесь нет художественных книг? – удивилась я. - Только учебники?

– Нет-нет, в библиотеке полно книг на любой вкус, просто конкретно эта книга здесь – табу. Учитывая, о ком там речь идёт...

– О ректоре и его жене, точно! – вспомнила я. – Значит, подожду увольнительную и поищу в городе библиотеку.

– У тебя всю оставшуюся неделю увольнительная, – напомнила, хихикнув, Лапка.

– Ох, точно! Совсем я забыла. Значит, завтра и схожу в город.

– Первый дилижанс до города – в пятнадцать*, - сообщил мне перевёртыш. – Второй и последний – отсюда в тридцать семь, из города – в тридцать восемь. Может, всё же подождёте воскресенье, в выходной дилижанс пять рейсов делает.

– Спасибо, но я пешком, – отмахнулась я. Денег и такмышь наплакала, еще на дилижанс их тратить!

– До города шесть километров, – предупредил Тобиас.

– Я и дальше ходила, - пожала я плечами. Например, от моего лесного домика до города было около двенадцати километров, и ничего. - Дело привычки.

– Риони, а на ужин не пора? – из кустов высунулась мордочка Мони. Как я и думала – с ним долго не засидишься.

Сегодня я не стала пользоваться «волшебным ящиком», решив сходить на ужин в столовую. Делать всё равно было особо нечего, а ещё была надежда встретить Томаса. Просто удивительно – я годами не нуждалась в человеческом общении, а тут за полдня соскучилась по тому, с кем знакома-то второй день.

– Пора, – кивнув барсуку, я встала с бревна и обнаружила, что мой букет превратился в пучок лысых стеблей. Потому что, волнуясь поначалу от непривычного соседства, я теребила цветы в руках, непроизвольно ощипывая лепестки. И вот результат.

Вздохнув, я выкинула бесполезный пучок. Ладно, завтра цветов наберу, сегодня гулять уже не пойду.

Попрощавшись с перевёртышем, я пошла в столовую, даже не заходя в свою комнату. И там меня ждал приятный сюрприз – буквально через несколько минут вошли Томас с Аласуром и присоединились к нам. Вот только разговор как-то не заладился.

– Не работает твой метод, - сказал Томас Аласуру, когда большая часть ужина была уничтожена в тишине, даже звери помалкивали. – Подарки принимать от такого убожества, как я, она не желает, конфеты портят фигуру, цветы только мусор разводят, а любовные романы она не читает.

– А романы причём? - растерялся кентавр.

– Да это я так... Теорию одну проверял. Провалилась.

Мы с моими зверями переглянулись и вспомнили утренний разговор о книге и о том, что Велона, возможно, подражает её героине. Оказалось, что нет.

– Даже если она и не читала этот роман, то может, просто так решила себя вести, цену себе набивая? – предположила я, про себя надеясь, что ошибаюсь. Потому что, ну неправильно, если Томас достанется этой задаваке!

А вот и она, кстати. Зашла, наполнила поднос, заметила наши взгляды, презрительно скривила губы и, гордо вскинув голову, прошагала – иначе не скажешь, – к своему столику. Нет, что-то не похоже, что она выбрала тактику: «Побегай за мной, что легко досталось, мало ценится». Кажется, Томас ей и правда совсем не нравится. Ну и дура.

Томас опустил голову и начал молча уничтожать отбивные, лежащие перед ним. Вид у него был при этом совершенно убитый. Что-то везёт мне сегодня на печальных парней.

– Да ладно, начнутся занятия, здесь столько свободных самочек будет, – Аласур похлопал его по плечу. – Мы тебе ещё красивее найдём.

– Они за тобой толпой бегать будут, – подхватила я. – Особенно когда поймут, какой ты славный.

– И большой, сильный, – добавил Клещ. – Детёныши отличные родятся.

– И добрый, – это Ноппи.

– И красивый, – это уже Лапка.

– Последнее – вряд ли, – печально усмехнулся Томас. – Но всё равно спасибо.

– А что не так? – Лапка отложила кусок яблока обратно в своё блюдо и быстро забралась Томасу на плечо. – Шерсть густая, блестящая, – подёрнула за прядь над ухом, – не лезет. Кожа чистая, упругая, – потыкала лапой в щеку, – здоровая. Мышцы не дряблые, костяк крепкий, – попрыгала у него на плече, словно в доказательство его крепости, потому развела лапами и сделала вывод: – Красавец!

– Если бы всё было так просто, – вздохнул Томас, – но спасибо тебе большое. И давайте не будем больше о грустном. Риони, а ты конфеты ешь?

– Да, но очень редко.

– Тоже диета? - удивился он, оглядывая мою даже слишком стройную фигуру.

– Нет, пустой кошелёк, – честно призналась я.

– То есть, если тебе дадут конфеты, ты не откажешься?

– Конечно, нет, я что, дура, что ли? – я посмотрела на Томаса, как на ненормального.

– Вот и славно, – впервые за ужин улыбнулся он, а потом снова уткнулся в тарелку.

Зато Ноппи, уже наевшаяся, - снова из миски Мони, – разлеглась на уголке стола и стала развлекать нас рассказом о том, как они с Томасом искали нужную лавку, как он договаривался о том, чтобы её одежду зачаровали вне очереди, мол, студенты уже обеспечены формой, а бедной кошечке ходить не в чем. И как к ним вышел сам хозяин лавки, оказавшийся эльфом, долго с лёгким ужасом разглядывал Ноппи, а потом согласился часть вещей зачаровать до пятницы, а остальные – в течение месяца, поскольку заказов и кроме академии у них было много.

Я в который раз удивилась, что Ноппи умудряется говорить, не раскрывая рта. Но, если подумать, нечисть – существа магические по своему происхождению, может ведь и такая особенность проявиться.

И в тот момент, когда мы уже закончили ужин – только Моня подьедал все остатки из наших тарелок, он вообще ел по принципу – сначала сколько хочет, потом – сколько может, а потом – то, что осталось, - в столовую зашли Рэнди с Гейбом и прошли в столовую для преподавателей. И пока они шли эти десять метров до нужной двери, Велона едва шею не свернула, глядя на них. Даже со стула приподнялась .

И нам всем, кроме Аласура, сидящего к залу спиной, это было отлично видно.

– Она смотрит на этого перевёртыша так, словно готова утащить в свою нору и начать делать с ним детёнышей, - выдал Моня.

– Тоже самец отличный, – вынес вердикт Клещ. – Не удивительно. А ты говорил, что на женатых перевёртышей охоту не открывают, – это он Томасу, который вновь опустил глаза на пустую тарелку и внимательно рассматривал её дно.

– Охоту не откроет, но смотреть никто не запрещает, - буркнул тот. А потом практически прошептал: – Неужели дело всё же во

внешности?

– Или в том, что он принадлежит к императорской семье? - предположил Аласур, оглянувшийся и успевший увидеть и перевёртыша, и взгляд Велоны.

– Неужели это так важно? - печально спросил Томас у своей тарелки.

– Для меня – нет, – ответила я вместо неё и положила ладонь на его руку, как он не так давно, утешая меня. Теперь пришла моя очередь.

– Спасибо, – я вновь получила слабую улыбку и порадовалась ей. - Пойдём?

– Ага, я уже доел, - согласился Моня, отодвигая последнюю миску и гладя себя по вздувшемуся пузу. - Кстати, ты меня не донесёшь до общежития? Что-то у меня нога разболелась .

Томас хохотнул – умничка Моня, разрядил обстановку, - подхватил одной рукой Ноппи, второй Моню, и мы отправились в общежитие. Распрощавшись с парнями в холле, я шла к своей комнате, когда увидела выходящих из уборной Сайду и Тейру, первая несла роскошный букет бордовых роз в красивой вазе.

– Представляешь, какая-то идиотка выкинула такой шикарный букет! – обратилась ко мне Тейра. – Да еще вместе с вазой!

– Какая-то? – хмыкнула Сайда, с наслаждением втягивая запах цветов. – Как будто есть варианты. Тут только одна такая водится. Хорошо, что в каникулы мусорная корзина самоочищается только три раза в день, потому что нас мало, обычно каждый час, бедный букет погиб бы зря.

– А ваза-то не из дешёвых, – Тейра погладила расписанную цветами посудину. - Эта Велона точно ненормальная.

– Зато нам повезло. На цветах еще и чары стазиса, они же месяц стоять могут, это ж безумных денег стоит. Дура Велона, как есть дура.

И сёстры понесли добычу в свою комнату. А я мысленно согласилась с определением оборотницы и пошла в свою. И застыла.

На подоконнике меня поджидало два сюрприза – букетик полевых цветов в стакане и книга. Золотое тиснение на кожаном переплёте извещало: «Неуловимая драконица». Книга вкусно пахла кожей и типографской краской, была абсолютно новой и явно дорогой. И я

вдруг поняла, что хотя такие дорогие подарки принимать не совсем прилично, но с этой книгой я ни за что теперь не расстанусь.

– Перевертыш, – обнюхав и книгу, и стакан, сообщила Лапка. – Его запах. А букетик-то точь-в-точь как твой, тот, что ты испортила. Какой внимательный!

– Может, всё же возьмёшь его себе, а? – вновь завёл старую песню Клещ.

– Никто мне его не предлагает, – печально улыбнулась я, промолчав о том, что если бы и предложили, взять я всё равно бы не смогла. Сто раз уже обговорено. – И с каких это пор ты стал подрабатывать свахой, а?

– С тех пор, как рядом с тобой появились достойные самцы, – Клещ совсем по-человечески пожал тем, что у него было вместо плеч. – Ты уже взрослая самочка, как раз в возрасте гнездования. Просто раньше вокруг подходящих самцов не было.

– Клещ, ну нельзя мне, понимаешь? – в сто первый раз напомнила я. – Не хочу я такой участи своим детям!

– А может, принц этот, который «не принц», именно то, что надо? – задумалась Лапка. – Не станут же бессмертные жену одного из своих обижать. И его детёнышей, если они тёмную магию унаследуют.

– Бессмертные только на своих истинных женятся, – напомнила я. – Мне кажется, это просто благодарность за то, что посочувствовала. Ну, завалился у него лишний экземпляр книги, мало ли. Если снова встречу – поблагодарю. Но это и всё. Не придумывайте то, чего нет.

Потом переоделась в халат – до чего же мягкий и удобный! – и завалилась на кровать с книгой. Но не успела даже перевернуть титульный лист, как раздался стук в дверь. Причём, хотя и негромкий, но почему-то показалось, что стучали ногой.

Удивившись, я быстро вскочила и открыла дверь, за ней обнаружился Томас с полными руками каких-то коробок.

– Ты почему не спрашиваешь, кто там? – тут же возмутился он. – И окно почему не закрываешь? Кто угодно залезть может.

– Да здесь-то мне кого бояться, – даже растерялась я. – В Имперской академии магии?

– Ну, мало ли... – он прошёл к столу и сгрузил коробки на него. – На время вступительных экзаменов ворота для всех открыты, кто

угодно может зайти. А потом в окно залезть. И обидеть, ты ж маленькая такая, беззащитная совсем.

– А мы на что? - возмутился Клещ.

– Да Моня кому угодно зад надерёт! – поддакнула Лапка. - Да и у меня снова зубы острые, спасибо тебе за это. Вопьюсь в шею – мало никому не покажется.

– Я просто свежий воздух люблю, – пояснила, с трудом удерживая улыбку. Приятно, когда кто-то так о тебе переживает. – А это что?

– Конфеты, – вздохнул Томас, открывая верхнюю коробочку – жестяную, с красивой картинкой на крышке, изображающей весенний пейзаж, она сама по себе была бы отличным подарком. – Ты говорила, что ешь их, а у меня, совершенно случайно, оказались лишние.

– Спасибо, - я тут же сунула в рот куснятину и блаженно застонала. - Ммм... Ничего вкуснее в жизни не ела.

– Наслаждайся, – Томас широким жестом обвёл богатство на своём столе.

– А ты? - я уже хотела взять ещё одну конфету, но удержалась.

– А мне как-то не хочется, - очередной вздох. – А ты ешь, ешь. Приятно, что хоть кому-то они удовольствие доставят.

– Велоне купил, да? – заглядывая в коробку, поинтересовалась Лапка.

– Аласур посоветовал, - криво усмехнулся Томас. - «Самочки очень любят подарки». Похоже, не все и не ото всех.

– Мне жаль, – покривив душой, сказала я. - Но рада, что её конфеты мне достались. Она даже не подозревает, от чего отказалась, – тут я была уже совершенно честной. – И от кого.

– Спасибо, Риони, - Томас вдруг быстро обнял меня, притиснул к себе и тут же отпустил. – Ты настоящий друг.

И быстро ушёл.

– Сайде с Тейрой цветы и вазу, тебе – конфеты, всё честно, – сделал вывод Клещ. - А Велона пусть локти кусает и на перевёртыша пялится, там ей всё равно ничего не светит.

– Это точно, – я помнила взгляд, которым Гейб смотрел на Рэнди. Велоне и правда там ловить нечего, как и всем остальным. Вот бы кто-нибудь на меня так посмотрел...

Ага, и чтобы моя тёмная магия исчезла бесследно. Так же исполнимо.

Я снова забралась на кровать, на этот раз не только с книгой, но и с коробкой конфет. Вечер прошёл восхитительно – история меня захватила, конфеты были вкуснейшие, и я даже порадовалась, что звери мои сладости не едят, и мне достанется больше. Клещ дремал у меня на коленях, Лапка учила Моню буквам – наконец-то мой барсук согласился начать учиться, раз уж он теперь аж самым ректором назначен студентом академии.

Мундир он снял, как только мы вернулись с обеда, но время от времени подходил и трогал лежащую на нижней полочке вещичку. Что-то в нём изменила студенческая форма. Наверное, он, наконец, повзрослел.

Или мне это просто кажется.

За следующие три дня я лишь дважды встречалась с Томасом за ужином, как-то так получилось, что за мной он больше не заходил, и я ходила есть лишь в сопровождении своих животных или одна. Оба раза, придя вечером в столовую и обнаружив меня за столиком, Томас с Ноппи подсаживался ко мне, но разговор не клеился. Мы перекидывались ничего не значащими фразами, в основном болтали наши животные, потом Томас прощался и уходил, а я оставалась, потому что Моня вечно копался, вылизывая наши тарелки. И если раньше Томас его дожидался, то теперь – нет.

Я понять не могла, что случилось, и очень обижалась, но вида не подавала. Томас ведь ничего мне не обещал, он помогал мне освоиться в первые дни в незнакомом месте, объяснял всё, что знал от братьев, но сейчас, когда я уже освоилась, наверное, посчитал, что больше мне не нужен.

Только этим я могла объяснить такую резкую перемену. Звери мои тоже были в растерянности, Клещ даже прямо в лоб спросил Томаса, почему он теперь с нами никуда не ходит, на что Томас уточнил:

– Вам нужна моя помощь?

И Клещ промолчал, я тоже. Потому что, в целом я уже освоилась, помощь мне и правда больше ни в чём не была нужна, я просто тосковала по нашему общению.

Никогда ещё у меня не было друга среди людей. Даже когда жила в приюте, всегда держалась особняком. Никому не доверяла, кроме своих животных. А к Томасу умудрилась привыкнуть так быстро, что самой странно. И теперь сильно по нему тосковала.

Вывод – не нужны мне друзья! Есть моя нечисть, они моя семья, больше никого мне не нужно!

С Аласуром я тоже больше не общалась, собственно, мы и друзьями не были, просто нас обоих Томас на первое время взял под своё крыло, а сейчас, освоившись, кентавр в наставнике, похоже, больше не нуждался. Один раз я видела его за обедом, другой – во дворе, когда шла в библиотеку, оба раза он был в компании двух парней-оборотней, один из лисьих, второй – из рептилоидов. Оба жили в нашем общежитии на втором этаже – это я по их розовой форме определила, - видимо, там они и познакомились.

Заняться мне особо было нечем, и в среду я гуляла по огромной территории академии, изучила стадион, десятка полтора полигонов – причём войти на половину просто не смогла, защита не пропустила. Осмотрела огород и теплицы, где копались старшекурсники-маги растений и ведьмочки-зельевары, Моня выпросил у первых корзину яблок, хотя в столовой был огромный выбор фруктов, за что был затискан и заглажен.

Заглянула на скотный двор – тут трудились студенты в салатовом с серебром. Практику для магов-животноводов – сами они себя называли фаунистами, а остальные студенты их – скотниками, - распределяли так, чтобы всегда было кому присмотреть за «учебным материалом». Я даже над новорожденными ягнятами поумилялась, хотя уж что-что, а это мне было не в новинку.

Добралась до озёр, питаемых той самой речушкой, у которой я дважды встретила с Тобиасом. Вокруг них топтались маги в аквамариновом – водники и рыбоводы, в зависимости от отделки формы. В общем, увидела за время прогулки больше студентов, чем за предыдущие три дня в столовой. Нет, практиканты тоже в неё ходили, но пока занятия не начались, чёткого расписания не было, и в столовую все ходили, когда кому захочется, растягиваясь на целый день. И не удивительно, что с Томасом мы почти не сталкивались.

В среду же я догадалась сходить в библиотеку и поинтересоваться, нет ли у них еще каких-нибудь книг Лилиан Форест, автора «Неуловимой драконицы». Поскольку остальные книги этого автора крамольными не считались, так как не выставляли в глупом свете главу академии, мне выдали ещё четыре. И четверг с пятницей я провела за чтением, закрывшись в своей комнате и делая быстрые

набеги на столовую, оставляя свой зверинец дома, а их порции переправляя в комнату с помощью волшебного ящика. А то в том безумии, что творился в четверг в академии, их могли и затоптать.

Вот когда я порадовалась, что наше общежитие стоит, по сути, на задворках, а моя комната выходит окнами на парк – даже сюда долетал шум и гам тех, кто пришёл узнать результаты вступительных экзаменов. Невезучие громко возмущались, ругались, кто-то даже рыдал. Те, кто поступил, с радостными воплями носились по академии и по её территории, получая форму и учебники, заселяясь в общежития, знакомясь, прощаясь с сопровождающими и издавая при этом ужасный шум.

В какой-то момент я даже окно закрыла, чтобы не слышать всего этого. Правда, от гомона в самом общежитии не спасала даже закрытая дверь. Тейра всё же поступила и теперь перебиралась от сестры в своё общежитие. Не так уж и долго проходили её сборы, но за это время она успела четыре раза повизжать – просто так, от избытка чувств, Сайда ей вторила, хотя с меньшим энтузиазмом, скорее за компанию и, наверное, от радости, что сестра от неё съезжает. Ещё трижды Тейра попрыгала, выкрикивая: «Я поступила, ура-ура!» и дважды ворвалась ко мне, в первый – рассказать «восхитительную новость», словно я и так не догадалась, второй – пообниматься на радостях со мной и Моне. Она и к Велоне стучала, но той либо не было в комнате, либо оборотница предусмотрительно заперлась и не подавала признаков жизни, и я очень пожалела, что сама не догадалась так сделать.

Наконец, шумная парочка ушла, но вскоре послышались громкие и радостные голоса, означающие, что как минимум две девушки из поступивших вселяются в наше крыло, кажется, успев познакомиться и даже подружиться за то время, что им понадобилось, чтобы добраться от академии к общежитиям. Впрочем, мы с Томасом тоже это успели...

Я отвернулась к стене – лежала на кровати, пытаюсь читать, – и сунула голову под подушку. Не буду вспоминать! Услышала щелчок замка и, не удержавшись, оглянулась – Моня запер дверь. Моя ж умница.

В пятницу моё уединение было нарушено дружной красно-жёлто-розовой командой старшекурсников, пришедших делать в двери дыру для моих фамильяров, именно так в академии официально числилась

моя нечисть. Артефактор-гном выпилил в нижней части двери отверстие, предварительно измерив Моню, и что-то там наколдовал так, что дыра была, я её видела, а руку просунуть не получалось. И не только мне.

Потом ведьма, которую я прежде видела в столовой – кстати, опоссум с бантиком пришёл вместе с ней, – положив одну руку на край отверстия, а другую, по очереди, на каждого из трёх моих зверюшек, что-то шептала, после чего они стали свободно проходить сквозь отверстие. При этом я всё так же не могла просунуть в него даже палец, словно в прозрачную стену упиралась.

И, наконец, иллюзионист-полуэльф наложил на отверстие иллюзию, и дверь снова стала выглядеть целой. Я ощупала её вновь – полное ощущение, что под пальцами дерево. Потрясающе!

После этого нас, четверых, пригласили к входной двери в здание, где опоссум ведьмы указал моим зверюшкам место такой же дыры. Точнее – не совсем такой же, на этот раз руку просунуть у меня получилось. Как мне объяснили, здесь обычное отверстие, прикрытое иллюзией, чтобы мог пройти любой фамильяр.

– Мы их частенько используем как посыльных, – глядя своей очаровашку, рассказала ведьма, – вот администрация академии и распорядилась сделать так, чтобы наши звери могли попасть в любое общежитие. Это мы, люди, можем дверь открыть, а им такое не под силу.

– А вот в комнаты стучаться приходится, – пояснила её фамильяр. – Или кричать, так больше шансов, что услышат. А здесь – зашёл и всё. Я слышала, раньше приходилось ждать, когда кто-нибудь из людей пройдёт и дверь придержит – очень неудобно.

Интересно, такие изменения – тоже результат борьбы иномирной жены дракона за права фамильяров? Как бы то ни было – это удобно, теперь моя нечисть может гулять, когда захочет, а не ждать, когда я с ними схожу.

Я поблагодарила троицу за чудесную дверь для моих животных, после чего узнала, что им за это идут баллы для зачёта по практике.

– Это тебе спасибо, – улыбнулась мне ведьма. – Один заказ – и целых три балла, повезло мне.

И все трое дружно куда-то пошли, наверное, на другие заказы. А я предложила своим зверюшкам сходить размяться, а сама вернулась в

свою комнату, к книге. Гулять не хотелось совершенно.

В воскресенье я планировала поспать подольше, ведь с завтрашнего дня ранний подъем станет обязательным, но не получилось. Меня разбудил в несусветную рань – так мне показалось, – шум и гам, издаваемый приехавшими с каникул студентками. Я накрыла голову подушкой, но сон уже не шёл. И что их заставило приехать первым дилижансом, если в выходной их ходит целых пять?

Хоть беги в лес и там досыпай!

На завтрак я пошла поздно, в надежде, что основная толпа к этому времени уже схлынет. Звери напросились со мной, и я согласилась, договорившись с Клещём, что он будет сидеть у меня на руках, как и Лапка, она-то всегда предпочитала так перемещаться, а вот Клещ любил бегать, спокойно сидеть на руках ему было скучно.

Моня бы с радостью с ним поменялся, но ему никто не предложил. Впрочем, уж его-то затоптать было бы сложно, больше шансов остаться с прокушенной или располосованной ногой.

Когда мы с Моней выходили из-за угла общежития водников на огромное пустое пространство перед зданием академии, меня удивила тишина – народа там было порядочно, но все молчали и куда-то смотрели. Интересно, что они там увидели.

И тут совсем рядом раздался смутно знакомый женский голос, громкий, злой, буквально выкрикивающий:

– Да пойми ты, урод придурочный, я не желаю с тобой одним воздухом дышать, не то что на свидание ходить! Да чтобы я, чистокровная медведица, позволила какому-то орочьему ублюдку к себе прикоснуться?! Отстань от меня, выродок!

Я даже вздрогнула от ненависти, звучавшей в каждом слове, отлично слышимом в тишине двора. А когда увидела, к кому были обращены эти истекающие ядом слова, едва не вскрикнула, а потом почувствовала ослепляющую ярость. Да как она смеет?!

А в это время Велона, поливающая грязью понуро стоящего Томаса, окончательно сорвалась с катушек.

– А если ты слишком туп, чтобы понимать слова, может, это поймёшь?

И, войдя в полуоборот, замахнулась на него лапой с огромными когтями.

Я не знала, что мной двигало. Просто не понимала. Но, метнувшись вперёд, влетела между этой парой, загородив собой Томаса – насколько это возможно, учитывая, что я макушкой ему даже до плеча не доставала.

– Не смей! – буквально прорычала я на полуобращённую медведицу, чувствуя, как моя ладонь наполняется тьмой.

****Любое время делим на два.***

ГЛАВА 9. ИЛЛЮЗИЯ

День шестой. Воскресенье

Дальше всё случилось в доли секунды, я и сама не поняла – как именно. Вот только что я стояла напротив замахнувшейся медведицы в полуобороте, держа в ладони шар тёмной магии, готовая пустить его в ход, не думая о том, чем мне это грозит, и вдруг уже стою за спиной Томаса, и как там очутилась – вообще не помню.

А с другой стороны стены по имени Томас раздаётся жалобный скулёрж с подвываниями, а также голос Рэнди:

– Ах, какие молодцы! А теперь отпустите её, никуда она не денется.

Очнувшись, я втянула в ладонь тьму, очень надеясь, что никто не успел её заметить – благо, все смотрели не на меня, – а потом выглянула из-за спины Томаса. Сидящий у меня на плече Клещ тоже вытянул шею, присвистнул и расстроенно пробормотал:

– Вот жё я тормоз...

А я ошарашенно разглядывала фееричную картину. На земле, носом вниз, лежала и скулила Велона, всё ещё в полуобороте. Подняться ей не позволяла огромная лапа чёрной пумы, стоявшая на её спине между лопаток. На покрытом редкой шерстью ухе оборотницы висела Лапка, в запястье той руки, что секунду назад была занесена над Томасом, вцепился зубами Моня.

Услышав слова Рэнди, стоящей рядом с перевёртышем, мои звери даже и не подумали послушаться, лишь вопросительно взглянули на меня. Я кивнула:

– Выплюньте гадость. Ещё отравитесь, - не смогла удержаться от укола.

Нечисть моментально отцепилась от воющей Велоны, при этом Моня демонстративно отплёвывался, а Лапка вытирала окровавленную мордочку. Перевёртыш лапу не убрал, лишь повернул голову и посмотрел в сторону академии, откуда мчался здоровенный оборотень-медведь в форме преподавателя.

– Ты в порядке? – услышала я. - Не поранилась?

– Нет, – ответила Томасу. - Но как я?..

– Адреналин, - непонятно высказался он, продолжая внимательно меня рассматривать, словно ища повреждения.

– Это гормон страха, опасности и агрессии, - раздалось у него из-за пазухи. – Под влиянием адреналина человек находится на максимуме психических и физических возможностей.

– Ты хоть что-нибудь поняла? - спросил у меня Клещ.

Из-за пазухи Томаса раздался тяжёлый вздох, потом уточнение.

– Ты испугалась и быстро отпрыгнула.

– А сразу так сказать было нельзя? – возмутился Клещ.

Отпрыгнула? Я? От испуга? Не было в тот момент у меня страха, вот вообще. Безумие какое-то накрыло, это да, я готова была зубами в Велону вцепиться не хуже Мони. Но чтобы отпрыгнуть?

Не понимаю...

– Что здесь происходит? – спросил подбежавший оборотень. – Почему моя дочь на земле и в крови? Кто посмел?.. - тут он сообразил, кто именно держит Велону, и осёкся.

– Я посмел, – шагнул вперёд Мони. – Не надо было на мою Риони когтями замахиваться!

Лапка молча встала рядом с ним. Размазанная по мордочке кровь говорила сама за себя.

– Я не на неё! – проскулила оборотница.

– Мастер Хэдлей, а я и не знала, что ваша дочь – расистка, – сокрушённо покачала головой Рэнди.

– Кто? - растерялся оборотень.

– Расизм – это совокупность взглядов, подразумевающая предвзятое, как правило, негативное, отношение к представителям других рас, - выдала Ноппи, высунувшая-таки голову из своего привычного убежища.

Оборотень посмотрел на неё, ощутимо содрогнулся – многие так на Ноппи в первый раз реагировали, – вгляделся в Томаса, а потом перевёл взгляд на дочь, с чьей спины уже исчезла огромная лапа, и она тяжело поднималась с земли, опираясь на одну руку и прижимая к груди другую.

– Велона! – буквально прохрипел оборотень, и мне показалось, что его зубы скрипнули от злости. – Гордиться своей расой не означает презирать остальные! Я этому не учил тебя, дочь.

– Но он меня достал! – выкрикнула Велона, баюкая прокушенную руку. – Ходит и ходит хвостом, подарки дурацкие суёт, на свидание зовёт! Хоть бы в зеркало на себя посмотрел!

– Жаль, что не существует зеркала, показывающего внутреннюю суть, – снова обозлилась я. – Ты бы поседела от ужаса, пока причёсывалась.

– И что это значит – «когтями замахивалась»? – кажется, до оборотня дошли слова Моци. – Ты напала на человека в полуобороте?

– Не нападала я! Только напугать хотела!

– Это выглядело весьма убедительно, – слышалось откуда-то сбоку, и, оглянувшись, я увидела в толпе наблюдающих за спектаклем притихших студентов тех самых двух эльфиек, которых частенько видела в столовой. Говорила одна из них, та, что с косой.

– Лично я поверила, что ему сейчас лицо располосуют, – поддакнула вторая, с высоким хвостом.

– Извини, парень, – хмуро глядя на Томаса, буркнул мастер Хэдлей. После чего взял свою дочь, уже принявшую человеческий вид, за целое ухо и повёл в сторону академии.

– Мне надо к целителю, – заскулила она.

– Будет тебе целитель, – тоном, не предвещающим дочери ничего хорошего, пообещал мастер Хэдлей. – И еще много чего тебе будет.

А мы все стояли, замерев, и смотрели им вслед. Никто не издал ни звука, хотя во дворе академии находилось сотни две людей, а то и больше. И лишь когда эта парочка скрылась за высокой дверью, народ зашевелился и загомонил, обсуждая увиденное.

– Спектакль окончен, все могут расходиться по своим делам, – раздался голос ректора, и народ заспешил кто куда.

И ректор здесь? Внезапно я осознала, что даже не вздрогнула. И от того, что рядом стоит огромный перевертыш – тоже. Неужели мой страх как-то незаметно исчез, когда я поняла, что бессмертные – вовсе не жуткие существа, а обычные люди, которые шутят и печалятся точно так же, как простые смертные?

Рэнди шагнула ближе и улыбнулась мне.

– Ты молодец, Риони. Хотя, конечно, вставать перед обозлённым оборотнем – не самое умное решение, но я тебя понимаю.

– Спасибо, – смущённо улыбнулась я.

Не говорить же ей, что я вовсе не такая беззащитная, какой кажусь, и противостоять медведям – правда, диким, – мне уже доводилось. А вот то, что едва не применила запретную магию у всех на глазах – это-то, как раз и было глупо. Но в тот момент я об этом не думала почему-то.

– Мне жаль, – Рэнди сочувственно похлопала Томаса по плечу. – Ты ошибся.

– Всё же совпадало, – растерянно пробормотал парень. Интересно, о чём это он?

– Значит, не всё. Ищи внимательнее, – Рэнди вновь пристально посмотрела на меня, словно стараясь что-то разглядеть, потом вздохнула, мотнула головой и положила ладонь на спину топчущегося рядом перевёртыша. – Гейб, ты опять одежду порвал?

– Ро-ро-рар, – попытался что-то ответить тот. В отличие от драконов, перевёртыши говорить в четвероногой ипостаси не умели.

– Я понимаю, – ответила ему Рэнди. Серьёзно? Она его понимает? – Я и сама бы не сдержалась, но всё же... Ты ведь помнишь, что в академию в обороте нельзя?

Перевёртыш прорычал что-то длинное и довольно музыкальное.

– Не разрешит, – покачала головой Рэнди. – И своё ректорское дозволение не даст. Филандр на тебя всё ещё дует, сам знаешь.

Очередной рык, на этот раз короткий.

– Это кто здесь неженка?! – возмутился ректор. – Теперь тем более не разрешу, хотя и собирался.

– Ладно, всё решается, – улыбнулась ему Рэнди, а потом обратилась куда-то в пустоту: – Рик, будь так любезен...

Рядом с нею вдруг засветился порталный вход, куда она и шагнула вместе с пумой. Ректор хмыкнул и тоже исчез. Вот только что здесь стоял, а потом исчез без всякого портала. Да, перевёртыши и так умеют.

– Она действительно его понимает? – задала я вопрос в пространство. И получила ответ.

– Конечно. Половинки же. То есть, истинные пары.

– А ректор?

– Ну, тут просто догадка. Видимо, это у них не первый диалог. Спасибо, Риони, – Томас совсем легонько приобнял меня, крепче бы не

получилось из-за Ноппи и Клеща. – Кроме моих родных, никто и никогда...

– Ну что ты, - даже смутилась я. - Для чего же ещё нужны друзья?

– Друзья, да... Ты прости, что совсем тебя забросил в эти дни. Просто...

– Ничего. Я понимаю, – я, кажется, и правда догадалась, где Томас пропадал в эти дни. Пытался ухаживать за Велоней. Правда, я так и не поняла, что он в ней нашёл, но на вкус и цвет...

– Ты на завтрак?

– Да. Шли вот...

– Пойдём вместе? – Томас протянул руку.

– Пойдём, – радостно улыбнулась я.

– Не слушай эту дурынду-медведицу, - к нам вдруг подошла широко улыбающаяся орчанка в голубой форме. – Ничего она не понимает в настоящей мужской привлекательности. Как по мне, так ты просто красавчик. Может, замутим?

– Ещё чего! – взвился Клещ, встав на моём плече на задние лапы, чтобы его глаза оказались с орчанкой на одном уровне. – Это наш самец! Мы его первые нашли, себе другого ищи!

– Ну, если уже занят, извините, - развела руками орчанка и ушла, весело смеясь.

Интересно, ей действительно Томас понравился, или она просто его подбодрить подошла. В любом случае, я этому рада – широкая улыбка Томаса того стоила.

Сегодняшний завтрак почти не отличался от наших совместных в первые дни. Мы весело болтали обо всём, старательно обходя в разговоре утреннее происшествие и Велону, хотя, я уверена, половина столовой именно об этом и шушукалась. Я призналась, что в последние два дня буквально пряталась в своей комнате, чтобы «не затоптали», и о своей прогулке в среду рассказала, Томас мне – о том, что уже вывесили расписание, и он его переписал, и там появился новый предмет «История параллельного мира», прежде такого не было.

И когда мы уже собирались вставать из-за стола, а я задумалась, чем бы заполнить оставшийся день, Томас вдруг вынул из кармана два ярких картонных прямоугольника.

– Сегодня в городе сеанс иномирных иллюзий, называется «кинофильм». А у меня есть два билета. Может, сходим?

Я догадалась, что эти билеты – родственники конфетам и вазе с розами, но это не помешало мне радостно закивать головой. Потеря Велоны – моя находка, и не важно, что не для меня эти билеты покупались, удовольствие от них получу именно я. Об иномирных иллюзиях я только слышала, в мой городок их привозили раз в месяц, но я себе такую роскошь позволить не могла. А теперь, наконец-то, увижу.

Узнав, что придётся больше трёх часов сидеть в темноте и смотреть на иллюзии, Моня и Лапка идти с нами отказались:

– Мы лучше азбуку поучим, – сказала Лапка, а Моня согласно закивал. Ему вдруг понравилось учиться, кто бы мог подумать!

Клещ меня «одну» отпускать отказался, бормоча:

– Мало ли там самочек ничейных бродит, вдвоём проще своё защищать, – и выразительно посмотрел на Томаса. Тот усмехнулся, я закатила глаза, но возражать Клещу мы не стали – пусть себе мечтает.

– Пропуск с собой? – уточнил мой друг.

– Да, – я продемонстрировала карточку, которую всегда с собой носила.

– Отлично. А то со вчерашнего дня вход на территорию академии только по этим пропускам. Или каким-нибудь другим – для поставщиков продуктов, например, или для преподавателей, живущих в городе. Но студентам без этого уже не войти. То есть, войти-то можно, но только по распоряжению как минимум куратора, которого еще и вызвать нужно, а его может на месте не оказаться – тогда зовут декана. И в любом случае последует наказание – как минимум за забывчивость, а если пропуск утерян – это ещё хуже.

– Он у меня теперь всегда с собой, – я спрятала пропуск обратно в кармашек на пуговичке, судя по размеру – именно для него и предназначенный, а поскольку на улицу я теперь выходила только в форме, он всегда был при мне.

У Томаса тоже, так что, мы даже в общежитие заходить не стали, Моня и Лапка вернулись в комнату сами, благодаря «дыре».

Ехали мы в город не на общем рейсовом дилижансе, а на извозчике – несколько повозок стояло у ворот академии в ожидании клиентов, – очередной новый опыт для меня. К тому же, подвёз он нас

прямо к зданию ратуши, в котором, в зале для собраний, и показывали по выходным эти самые удивительные иномирные иллюзии.

Усадив нас на нужные места, Томас куда-то отлучился, а потом вернулся, нагруженный какими-то большими бумажными стаканами.

— Раз уж мы на иномирном киносеансе, то нужно делать всё правильно. А в другом мире в кино едят вот это.

Что сказать? От мороженого я пришла в восторг, компот со щекочущими нос пузырьками показался странным, но тоже понравился. А вот разбухшая кукуруза — нет. Ноппи со мной полностью согласилась в отношении мороженого, а вот Клещ с удовольствием лакомился тем, что Томас назвал воздушной кукурузой. В итоге Ноппи перебралась на мои колени, а Клещ — на плечо Томаса, время от времени ныряя в огромный стакан за очередной порцией лакомства.

Иллюзия захватила меня полностью, я, затаив дыхание, следила за приключениями совсем юной влюблённой пары, чьи родственники враждовали между собой. Кроме самой истории меня завораживали непривычные здания другого мира, странная одежда людей и полное отсутствие в нём магии и иных рас, кроме человеческой. Особенно меня смешили и слегка смущали чулки на мужчинах. Ну как можно такое носить?

Спустя почти четыре часа мы вышли на свет, щурясь с непривычки, и куда-то пошли. Не знаю, куда, мне было всё равно. Я была в полном восторге и изливала его на своих спутников.

— Как это было замечательно! И так необычно. Словно сам присутствуешь в том мире, удивительная магия этот кинофильм. Спасибо, Томас, ты исполнил то, о чём я давно мечтала.

— Я рад, что тебе понравилось, — улыбнулся Томас.

— А здорово они всё же придумали, чтобы девочка притворилась мёртвой! — высказался Клещ, так и сидевший на плече парня. — И хорошо, что у них там магии не было и целителей тоже, одни знахари. Иначе влюблённые не смогли бы быть вместе.

— Я так переживала за них, — призналась я. — И так рада, что они больше никогда не расстанутся.

— В оригинале они оба умерли, — вдруг заявила Ноппи, которую я так и несла на руках, поскольку после того, как мы лакомились

мороженым из одного стакана, перебираться на руки к хозяину она не захотела.

– Как это – умерли? В каком оригинале? - растерялась я.

– Ноппи, ну, зачем? – расстроенно вздохнул Томас. – Всё же так хорошо было!

– Молчу, - надулась кошка, действительно, замолчав.

– О чём она? – я обратилась теперь уже к нему, он же явно знает, о чём речь.

– Этот фильм снят по довольно известной книге древнего иномирного писателя. И герои действительно умирают в конце. Фильмов по этой пьесе было снято много, а вот этот недавно сняли, и переделали конец, чтобы зрители не очень расстраивались.

– А как они умерли? - Клещ подёргал за ухо замолчавшего Томаса.

– Вы действительно хотите это знать? – уточнил он.

Я промолчала, поскольку и любопытно было, и пока я этого не знала, та парочка из иллюзий оставалась вроде как живой, но Клещ не унимался:

– Конечно, хотим!

И мне всё же пришлось узнать о двух самоубийствах несчастных влюблённых, не желавших жить после смерти любимого человека. Да уж, лучше бы Ноппи промолчала.

– В следующий раз на комедию тебя отведу, – Томас по-дружески приобнял меня. – Не расстраивайся, пожалуйста. Эти-то выжили и теперь счастливы.

– В следующий раз? – удивилась я. Он же сегодня меня позвал, чтобы билеты зря не пропали.

– Ты, главное, за эту неделю провиниться не успеешь, а то увольнительной лишат. Эх, раньше, я слышал, в академии почти каждый день кинофильмы показывали, а теперь только раз в месяц. Вроде бы преподаватели стали жаловаться, что иномирные иллюзии мешают учёбе, студенты только их и обсуждают на занятиях. И теперь только раз в месяц показывают, да и то только для тех студентов, которые за этот месяц ни одного наказания не получили и ни одной плохой оценки. Говорят, после этого дисциплина и успеваемость до небес взлетели.

– Прикормили, - покивал Клещ. - Специально, наверное.

– Вряд ли, - покачал головой Томас. – Это случайно получилось, я про ежедневные сеансы. Кстати, потом, когда кинофильмы стали показывать не только в академии, это уже перестало быть невидалью, которую все хотят. И дисциплина с успеваемостью вернулись к прежним показателям. Но правила такими и остались – раз в месяц для самых лучших.

– Я постараюсь хорошо учиться и вести себя тоже. И даже не ради иномирных иллюзий, просто я в академию с таким трудом поступила не для того, чтобы хулиганить или отлынивать от учёбы.

– Умница, – выдала Ноппи, а я думала, что кошка уснула, так тихо и неподвижно она лежала у меня на руках. – Так держать!

– А куда мы идём? - поинтересовался Клещ, и я вдруг тоже задумалась – куда? И выдала свою версию:

– На стоянку дилижансов?

– И туда тоже, – кивнул Томас. - Но сначала предлагаю перекусить, а то пока дойдём, пока дождёмся следующего рейса, пока доедем... С одного мороженого долго сыт не будешь.

– Ой, у меня же Моня с Лапкой теперь голодными останутся, - спохватилась я.

– Ты серьёзно в это веришь? - рассмеялся Клещ. – Теперь, когда Моня может свободно выходить из комнаты, ты веришь, что он будет сидеть и тебя дожидаться, если неподалёку – куча бесплатной еды?

– Думаешь, он сам попадёт в столовую? – засомневалась я. – Допустим, но как он возьмёт еду с прилавков? Он же просто не дотянется. Лапка-то запрыгнет, но не Моня.

Теперь веселились все трое, и, похоже, что надо мной.

– Риони, да если твой Моня изобразит свою жалобную мордочку и напомнит про больную лапку, ему любой, кто рядом окажется, свою порцию отдаст, – с улыбкой пояснил Томас. - Кстати, эта самая больная лапа не помешала ему одним прыжком вцепиться Велоне в поднятую руку. А это намного выше прилавка.

– Думаете? – удивительно, он знал моего барсука лучше, чем я сама. – Ну, тогда ладно.

Я согласилась, потому что Томас был прав – на мороженом долго не продержишься, а голодать за эту неделю я как-то отвыкла. Да и просто хотелось побывать в кафе – еще один новый опыт для меня.

Это был интересный опыт – выбирать блюда по меню, ориентируясь на советы Томаса, делать заказ официантке, есть, разглядывая посетителей и прохожих сквозь большие окна. Хотя еда практически не отличалась от той, которой кормили в академии, здесь для меня особых сюрпризов не было. А вот если бы я попала в кафе во время своего приютского детства, да и позже тоже – была бы в восторге. Как быстро привыкаешь к хорошему.

За обедом мы обсуждали просмотренный кинофильм, но уже не сюжет, а всё удивительное и непривычное, что я там увидела.

– Неужели в другом мире мужчины и правда носят такие неприличные одежды? – не удержалась я от вопроса.

– Сейчас – нет, но события этого фильма происходят более полутысячелетия назад, и тогда – да, была такая мода.

– Это же просто кошмар! – не удержалась я. – На женщинах намотаны километры бесполезной ткани, в которой ужасно неудобно ходить! Как они всё это на себе таскали и не падали? А мужчины? Такие смешные в этих коротеньких штанишках и чулках. А с этими своими короткими плащиками они вообще на грибы похожи. А какие на них шапочки чудные!

– Мода беспощадна, – усмехнулся Томас. – За несколько столетий до этого мужчины вообще одни чулки носили, даже без таких смешных коротких штанишек.

– Не может быть!

– Может. Если привезут кинофильм про Робин Гуда – сама всё увидишь.

– Томас, а откуда ты всё это знаешь? – я подозрительно посмотрела на своего собеседника.

– Читал много, – он равнодушно пожал плечами, хотя в глазах мелькнула настороженность.

– Когда ж ты успел, да еще о другом мире? Тебе точно восемнадцать?

– Ну, если честно... Вообще-то, мне уже девятнадцать. В прошлом году поступить не получилось, кое-какие семейные проблемы были. Ничего страшного, – отмахнулся он, видя, как я напряглась, – просто пришлось дома остаться, брату помогать. А насчёт иного мира... У моего второго брата типография, и он специализируется на

книгах иного мира – не сами же они здесь появляются. Вот я и читал всё, что у него печаталось.

– Ого! Тогда понятно, – кивнула я. Сама я тоже читала несколько книг со сказками иного мира, такие книги были редкостью, по крайней мере, в нашей провинции, до местной библиотеки мало что доходило. А он читал ВСЁ!

– А у третьего брата сеть кинозалов. Ну, он закупил иномирное оборудование для показа кинофильмов и сами фильмы тоже покупает и делает для них перевод – не сам, конечно, нанимает актёров. В общем, как ты понимаешь, доступ к этим фильмам у меня был первоочередной.

– Богатая у вас, наверное, семья? – высказался Клещ.

– Богатая, – Томас равнодушно пожал плечами.

– Риони, может, всё же передумаешь? – завёл свою привычную песню хорёк.

– Клещ, перестань, а, – попросила я. – Не порть аппетит.

– Ладно, время ещё есть, – вздохнул мой питомец. – Но помни, орчанки не дремлют.

И вновь вернулся к своей тарелке, давая понять, что на данный момент разговор закончен, но мысль присвоить такого «роскошного самца», как Томас, он не оставил.

А я сидела и мучилась новой мыслью – не будет ли утреннее происшествие иметь последствия для Мони и Лапки, а с ними и для меня. Всё же, они напали на студентку и до крови покусали её. Да, это была самозащита – хотя, в общем-то, сама под её когти кинулась, но Томасу тоже не поздоровилось бы, хотя Велона и говорила, что хотела лишь припугнуть. В том состоянии она могла натворить что угодно, и это видела не только я.

Очень хотелось поделиться своими опасениями с Томасом, но я боялась разбередить его рану. И хотя только что он спокойно упомянул имя Велоны, но я не была уверена, что его влюблённость испарилась после её слов и попытки ударить. Поэтому я решила промолчать, тем более что рот был занят чудесным десертом.

По дороге на стоянку дилижансов мы заглянули в то самое ателье, где для студентов зачаровывали форму. Там Томас получил несколько готовых костюмчиков для Ноппи, в один – синий с голубыми цветами,

- её тут же и переодел, договорившись прийти за остальными вещами спустя три недели.

Дилижанс оказался битком набит возвращающимися в академию студентами, в итоге Томас ехал на крыше, уступив своё место двум девушкам, всю дорогу восторгавшимися Клещом. Вернувшись в свою комнату, я обнаружила там объевшегося Моню, лежащего кверху раздутым пузом на казённой подстилке – залезть на кровать сил не хватило, вот и пригодилась, – набитый вкусняшками «волшебный ящик» и хихикающую над приятелем Лапку.

От неё я и узнала, что Моня у нас теперь герой – саму-то крошку-ласку мало кто из стоящих поодаль студентов разглядел, а вот барсук намного заметнее, – и ему даже особо жалостливые глаза делать не пришлось, угостить храбреца, не испугавшегося медведицы в полуобороте, хотели многие. Поэтому мой обжора так наелся, что отказался идти с нами на ужин. Ничего, в ящике полно еды, не отощает.

И мы снова сидели за одним столом все вместе, только Ноппи печалилась, что Мони нет, а в его миске всегда всё самое вкусное. Но не менее вкусное обнаружилось и в тарелках Томаса, так что, вскоре Ноппи успокоилась. Особенно учитывая, что не успели мы толком начать есть, как Томаса вызвали к ректору. Как он это назвал – «по громкой связи». Просто в воздухе раздался женский голос, приглашающий студента Иветтомассора в кабинет ректора.

Уж не знаю, зачем его позвали, сам-то он точно в произошедшем не был виноват, а может, дело вообще в чём-то другом. В итоге мы договорились, что Ноппи остаётся со мной и спокойно ужинает, а если Томас не успеет быстро вернуться, я возьму её к себе в комнату, а он потом заберёт её оттуда.

Так мы в итоге и сделали. Появился Томас перед самым отбоем – это когда парням уже нельзя находиться на этажах девушек и наоборот, - и рассказывать, зачем его вызывали, не стал из-за нехватки времени. Лишь успокоил меня, что всё в порядке, самого его наказывать не будут, не за что.

Я не очень представляла, что можно так долго выяснять, учитывая, что свидетелями случившегося были не только сотни студентов, но и, как минимум, Рэнди с её мужем, который, собственно, и помешал Велоне напасть на Томаса. Но решила, что

стоит просто порадоваться тому, что ни меня саму, ни моих зверей к ректору не вызывали и наказывать тоже вроде бы не собирались. Ну и славно.

И лишь перед сном, готовя вещи и собирая сумку для завтрашних занятий, я сообразила, что забыла переписать расписание. И что теперь делать? Не тащить же с собой все учебники и тетради. К Томасу сходить и узнать, какие завтра у нас предметы, уже не получится, из соседок по этажу не было ни одной с моей специальностью. Придётся бежать в здание академии.

– Зачем? – удивился Клещ, когда я озвучила свою проблему. - Если тебе к мальчикам нельзя, это не значит, что и мне тоже. Сейчас сбегая, попрошу.

– Не надо, – Лапка указала на лежащий поверх стопки тетрадей свёрнутый лист бумаги. – Вот твоё расписание.

– Откуда? – разворачивая листок и убеждаясь, что там и правда список предметов на всю неделю, удивилась я. Лапка отлично читала, но писать не могла – её лапы не были для этого приспособлены. Максимум – когтём на земле или дереве могла слово-другое нацарапать.

– Попросила у Аласура, - как о чём-то, само собой разумеющемся, ответила Лапка. – Он ведь тоже интуит вне классификации.

– Спасибо, моя хорошая, - я не удержалась и чмокнула ласку в макушку.

– Да не за что, – смутилась та.

Сложив вещи, я легла спать и уснула практически сразу – сегодняшний день был богат на впечатления. А утром, проснувшись от красивой мелодии, служащей для студентов будильником, увидела, что на столе, возле полуоткрытого окна, стоит новый букетик полевых цветов.

ГЛАВА 10. УРОКИ

День седьмой. Понедельник

Улыбнувшись цветочкам – интересно, это снова от Тобиаса сюрприз? - я помчалась в уборную, чтобы первой занять раковину. Первой не получилось, но одна из девушек подвинулась, пустив меня к крану, видимо, так у них было тут заведено – не толкаться локтями, а пристраиваться к раковинам по двое. Таким образом, утренние процедуры прошли быстро, собралась я тоже в момент, ещё раз понюхала цветы и помчалась в здание академии – всё же в первый день опаздывать не хотелось.

Моя щеголял в своём форменном мундирчике, собирая восхищённые ахи окружающих и завистливые вздохи других фамильяров и их хозяек. В столовой, возле раздаточных витрин, было не протолкнуться, но от «нашего столика» мне помахал Томас, показывая, что завтрак для нас уже взял.

Поздоровавшись с ним, Аласуром и Ноппи, наряженной сегодня в сиреневый костюмчик с золотой отделкой, не в форменный, но точно в цвет наших, – мы быстренько расправились со своими порциями и дружной толпой направились к своей башне. Аласур, хотя и успел за эти дни найти себе приятелей, но решил, что раз уж мы всё равно вместе учимся, то проще завтракать с нами, а со своими новыми друзьями он сможет и вечером пообщаться.

Вместе с разноцветной рекой студентов мы, под предводительством Томаса, поднялись на третий этаж, вошли в нашу пёстренькую арку, поднялись еще на два этажа и зашли в просторную аудиторию со столом преподавателя справа и стоящими напротив рядами столиков на одного для студентов. В полупустом помещении мы легко нашли три стоящих рядом пустых столика во втором ряду, за которыми и устроились. Томас, как наш негласный лидер – в центре.

Усевшись, я оглянулась, рассматривая тех, с кем мне предстояло вместе учиться как минимум до ближайшей сессии. Кроме студентов в сиреновой и розовой форме, здесь были ещё в оранжевой и голубой, а где-то сзади, в углу, мелькнуло что-то белое. Оглянувшись, я с

удивлением обнаружила старых знакомых, если их можно было так назвать.

За самым дальним столом, в углу, сидел Гейб в голубой форме, всем своим видом показывая, что он чем-то сильно недоволен, и это заставило меня слегка напрячься, хотя привычных признаков паники уже не было. Рядом с ним стояла Рэнди – она-то и была в белом, - слегка наклонившись и приобняв перевёртыша за плечи, девушка что-то тихонько втолковывала ему. Он согласно кивал, но лицо его при этом продолжало оставаться нахмуренным.

Наконец, тяжело вздохнув, он вытащил откуда-то из-под парты сумку, из неё – тетрадь и ручку, положил всё это на парту и вопросительно посмотрел на Рэнди, довольна ли она. Та расплылась в улыбке и погладила мужа по плечу, вызвав ответную кривую улыбку.

Пока я наблюдала за этой непонятной сценой, класс заполнился целиком, а сигнальная полоска над дверью, мигавшая то белым, то жёлтоватым, окончательно пожелтела. Студенты замерли в ожидании, глядя на входную дверь, и в этот момент Рэнди выпрямилась и направилась к столу преподавателя.

И я вспомнила, что белый цвет – это цвет именно преподавателей, просто я воспринимала Рэнди лишь как жену студента-перевёртыша, потому и на её одежду особого внимания не обратила, думала, ходит, в чём хочет, собственно, до сегодняшнего дня я её только в гражданском и видела. А оказалось...

– Добрый день, студенты, – улыбнулась эта невысокая шатенка аудитории, – меня зовут госпожа Рэнди, я буду у вас вести историю параллельного мира. Поскольку я прожила там почти всю свою жизнь, именно меня попросили вести этот предмет. Да, студент?.. - обратилась она к кому-то за моей спиной.

Обернувшись, я увидела светловолосого оборотня из волчьих в аквамариновом, поднявшего руку. Услышав обращение к себе, он встал.

– Студент Маритин, - представился он. - Госпожа Рэнди, в методичке написано, что этот предмет будет вести госпожа Миранда. Вы её заменяете?

– Нет, студент Маритин. Миранда – это моё полное имя, но я его не очень люблю. Поэтому будьте добры, обращайтесь ко мне только Рэнди, и никак иначе. Это всех касается.

Из дальнего угла раздался насмешливый хмык, наша преподавательница бросила в ту сторону быстрый укоризненный взгляд, но больше никак не отреагировала и продолжила:

– Я не профессиональный преподаватель, зато у меня есть обучающие фильмы, и вот они-то сделаны как раз профессионалами. А я их для вас перевела. На каждом уроке мы будем смотреть фильм, а потом обсуждать увиденное, если у вас будут вопросы, я буду на них отвечать. Всем всё понятно? Да, студентка?..

– Студентка Шейра! – бодро доложила рыженькая оборотница из лисьих с явной примесью эльфийской крови. – Нам не выдали учебника или методички по этому предмету. Нужно ли будет вести конспект? Как именно будет проходить экзамен?

– Предмет новый, экспериментальный, экзамена по нему не будет, только зачёт. Для его получения требуется не пропускать занятия без уважительной причины и не спать на них, - и снова взгляд в тот же угол, – даже если что-то покажется вам скучным и неинтересным.

– Сомневаюсь, что кто-то уснёт, когда будут показывать иномирную иллюзию, да ещё и бесплатно, – шепнула я так, чтобы слышали только мои животные, но с соседней парты раздался едва слышный смешок.

– Итак, начнём, - Рэнди отошла в дальний угол и уселась прямо на стол мужа.

Пока она шла, шторы задвинулись, закрывая солнечный свет, а в классе слабо зажглись светильники, не позволяя комнате погрузиться во тьму полностью, создавая лёгкий полумрак. Над преподавательским столом в воздухе завис экран, не такой большой, как в ратуше, размером метра два в ширину, не больше, а на нём, в темноте, возникли разноцветные точки и разводы.

Голос Рэнди стал пояснять происходящее на экране, причём, шёл он от самого экрана, а не от угла, куда она ушла. Оказывается, историю иного мира нам решили поведать с самого начала – с большого взрыва в огромной пустоте, называемой космосом, после которого на свет появилась наша вселенная, а потом галактика со смешным названием «Молочная дорога». Потом на краешке этой «дороги», которая больше была похожа на пирожок, из газа сформировалось наше Солнце – а точнее, уже не наше, но Рэнди пояснила, что до определённого

момента развитие наших миров полностью совпадало,и всё, что мы сегодня увидим, можно считать историей и нашего мира тоже.

Вокруг Солнца начали появляться планеты, в том числе и наша, которую иномирцы называли Земля, что переводилось как «почва» или «суша», а мы – никак или просто Империей, по названию нашего мира. Поскольку весь известный нам мир когда-то делился на небольшие королевства со своими названиями и прочие территории больших и малых племён разной степени одичания, а после объединения их всех бессмертными в одно огромной целое стал называться Империей, никому не приходило в голову, что для мира нужно еще какое-то название.

Хотя учитывая, что вроде бы где-то невообразимо далеко, за океанами, находились другие земли, то в целом наш мир был гораздо больше Империи. Но для большинства её обитателей ничего, кроме Империи, просто не существовало, поэтому никому так и не пришло в голову сесть и придумать для нашего мира специальное название. В этом просто не было необходимости.

Все студенты – и мы с моей нечистью, Клещ и Лапка на столе, Моня у меня на коленях, – смотрели, замерев и почти не дыша. И разве можно уснуть, когда показывают такое чудо?! Мы даже не заметили, как пролетели два часа – с интересом наблюдали за тем, как на планете Земля сначала бушевали вулканы и землетрясения, потом они успокаивались, и появлялась вода, как сходились и расходились континенты, то образуя один огромный,то разделяясь на несколько поменьше.

Наконец, материки остановились – и в двух из них я увидела очень знакомые очертания нашей Империи, – картинка застыла, а потом экран погас. Свет тоже выключился, одновременно с ним раздвинулись шторы, а Рэнди вернулась к столу преподавателя.

– Итак, сегодня мы вкратце узнали о происхождении Земли, завтра мы узнаем о появлении на ней первых растений, а потом и животных. Вопросы есть?

Вопросы были. Много. После того, как класс отмер и дружно выдохнул, словно долгое время не дышал – или просто старался дышать потише, чтобы не пропустить ни слова, я-то точно старалась, - вверх метнулся лес рук. Я тоже не осталась в стороне :

– Студентка Риони, – представилась я, когда мне дали слово. – Госпожа Рэнди, а в нашем мире тоже есть еще столько континентов?

– Да, есть, – кивнула она. – Но они малоизучены, поскольку находятся слишком далеко от Империи, и подходящих средств передвижения как в ней, так и, по-видимому, на тех континентах, просто нет.

– Кроме драконов, – высказался Томас.

– Кроме драконов, – с улыбкой согласилась Рэнди. – Они потихоньку делают облёт вашего мира, исследуют его, но... не особо рьяно. Поэтому, пока всё, что нам доподлинно известно – другие континенты существуют и либо не заселены разумными, либо те находятся на таком же, или даже более низком уровне развития, чем население Империи.

– А почему драконы не исследуют другие континенты, если могут? – задал очередной вопрос дотошный гном по имени Джур.

– Им это неинтересно, – пожала плечами Рэнди. – В любом мире новые земли открывались и осваивались, когда на старых становилось тесно и не хватало ресурсов. В Империи пока всем хватает места, причём с запасом. А иной мир заселён в основном людьми, и они там размножились так, что населения на пару порядков больше, чем здесь. Поэтому и расселились по всему миру.

– Ого! – присвистнул кто-то. – Как же они там помещаются?

– Со временем мы всё узнаем, – глядя на вновь замигавшую полосу над дверью, ответила Рэнди. – А на сегодня урок закончен. Все свободны.

Раздался слаженный стон разочарования. Наверное, ещё никогда студенты так не расстраивались от того, что урок закончился.

– Куда теперь? – поинтересовался Аласур у Томаса. – Где этот полигон?

– С полигоном немного странно, – ответил Томас, складывая в сумку тетрадь и ручку, которые так ему и негодились, впрочем, никому из нас тоже. Как можно что-то записывать, когда глаз от экрана отвести невозможно? – Они имеют номера или названия, а у нас – просто «полигон». Может, выйти на улицу и ждать, что нас там увидит и подберёт наш преподаватель?

– Это лишнее, – в класс зашёл высоченный, словно орк или перевёртыш, мужчина в белом, удивительно похожий на только что

покинувшую помещение Рэнди. Их сходство было даже больше, чем между перевёртышами, только волосы у вновь пришедшего были рыжими, и они крупными кольцами рассыпались по плечам, а Рэнди свои, каштановые и слегка выющиеся, убрала сегодня в аккуратный хвост. - Риони, Аласур и Иветтомассор? – уточнил он, глядя на нашу дружную троицу, в отличие от остальных студентов, никуда не спешащую.

Мы дружно кивнули. Мужчина подошёл к нашим столам, внимательно окинул нас взглядом и широко улыбнулся:

– Какая лапочка! Пойдёшь к дядюшке Дэну на ручки? – обратился он к ласке, не успевшей, как Клещ и Моня, прыгнуть на пол.

– Как вы узнали моё настоящее имя? - удивилась она.

– А тебя так зовут? Угадал, значит, - и мужчина протянул раскрытую ладонь, на которую моя питомица забралась, замороженно глядя на него. – Я страсть, как таких вот крошек люблю.

А я удивилась не меньше ласки – её на самом деле зовут Лапочкой? Я её знала восемнадцать лет, и она всегда была Лапкой. Для всех. Может, как Рэнди и Томас, просто не любила своё полное имя?

Или как я...

– Я тоже крошка, – Моня встал на задние лапы, зацепившись когтями за край стола, и сделал умильные глазки. - Не хотите и меня взять на ручки?

– А я большой! Взрослый! И сам ходить умею! – Клещ ещё глубже спрятался под стол.

– А мне и здесь хорошо, – высказалась Ноппи из своего привычного убежища, куда успела забраться, как только урок закончился.

Пришедший расхохотался. Потом удивительно аккуратно поглаживая Лапку, улыбнулся Моне:

– Ну, точь-в-точь моя младшенькая. Мне кажется, ты уже совсем взрослый, и вполне дойдёшь своими ножками. Я, собственно, за вами троими... точнее, выходит, за семерыми пришёл. Буду вашим преподавателем по специальности, пойдёте, покажу, где сегодня пройдёт наше занятие. Руководство до последнего не имело представления, куда и к кому вас пристроить, вот и нет в расписании точного места. Идёмте.

И он отправился к выходу с моей лаской на руках. Конечно, я тут же отправилась следом, все остальные – тоже.

– Простите, эээ... дядюшка Дэн?.. - растерянно обратился к нашему, похоже, преподавателю магии, Аласур.

– По уставу академии, обращаться ко мне полагается «мастер Дэниел», - мужчина сверкнул зубами в улыбке, оглянувшись через плечо. – Слушаю тебя, студент Аласур.

– А как же вы будете учить нас магии, если?.. – голос кентавра сошёл на нет, он явно не знал, как задать такой неловкий вопрос преподавателю.

– Если у вас этой магии нет? – Томасу, похоже, ничего не помешало спросить о том, что интересовало всех нас.

– Магии нет, зато есть дар, - пожал плечами мастер Дэниел, открывая дверь в какое-то помещение на шестом этаже, куда мы так и пришли за ним, словно утята за уткой. - Заходите, я вам всё объясню.

Мы зашли в просторное, ярко освещённое помещение без окон. От стен и двери ощутимо фонило магией, наверное, защитной, я этого определить не могла, лишь само её наличие. Ну, собственно, полигону и положено таким быть – безопасным для тех, кто находится снаружи.

И эта комната мне очень напомнила лавку старьевщика. На столах были буквально навалены вещи, разной степени изношенности, потёртости, поломанности и разбитости, более крупные предметы, вроде мебели или садовых инструментов – это то, что я при беглом взгляде увидела, – громоздились в углу.

– Итак, почему вас буду учить магии именно я, тот, у кого магии, в вашем понимании, просто нет? – мастер Дэниел вышел на свободное пространство и встал лицом к нам, невольно выстроившимся в шеренгу, причём Лапка теперь сидела у него на плече. – Дело в том, что, во-первых, вас, интуитов, нет необходимости обучать привычным для остальных магов способом, это просто невозможно. У вас умение обращаться с магией – врождённое, и заставлять вас зубрить и пытаться применить формулы, без которых все остальные управлять магией просто не могут – только терять зря время и вас мучить.

– Тогда что же с нами делать? - растерянно пробормотал Аласур.

– С вами – ничего. С вашими способностями – дать им развиваться естественным путём. Вы будете учиться точности,

ловкости, оттачивать свои умения, контролировать их, учитывая, что с возрастом ваша сила будет лишь расти. А я вам в этом помогу?

– Но почему именно вы? - не удержалась я.

– А больше некому, – мастер Дэниел широко развёл руками. – Сейчас в Империи нет ни одного мага, который имел бы способность, схожую с вашей. В истории были случаи с такими же способностями, как у вас, студентка Риони, и у вас, студент Иветтомассор...

– А можно просто «Томас»?

– Можно, - кивнул преподаватель. - А о магии, вроде вашей, студент Аласур, нет упоминаний даже в древних хрониках. Конечно, то, что буду делать я – направлять и присматривать, чтобы вы и сами не убились, и никому другому не навредили, – мог бы сделать любой из преподавателей академии, но появляется другая проблема. Обучая новичков одной с ним магии, любой преподаватель ставит на себя и окружающих защиту от воздействий этой самой магии. Но, повторюсь, таких сейчас просто нет.

– А защитники? – напомнил Томас. - Они могут ставить щиты против любой магии и даже просто физического воздействия.

– Не против «любой магии», а лишь против той, противостоять которой их обучили, – уточнил мастер Дэниел.

– Вы сказали, что у вас есть дар, - вспомнила я. – В этом всё дело?

– В точку! – вновь широко улыбнулся преподаватель, словно радуясь моей догадливости. – Это и есть «во-вторых». Я – зеркальщик.

Мы ахнули, во все глаза разглядывая существо из легенд. Точнее – мы все, кроме Аласура.

– А что это значит? – поинтересовался он у нас.

– Абсолютная защита от любой магии! – заворожённо прошептала я. - Врождённая.

– И возможность на время забирать себе и зеркалить направленную во вред чужую магию, – подхватил Томас. – Любой нападающий получит своей же магией в обратку, сам будучи против неё в тот момент абсолютно беззащитным!

– Вот это да-а-а!.. – восхищённо протянул Аласур. - Это же лучше любой магии! Наверное...

– По сути, я такой же интуит, как и вы, поэтому мне будет даже легче понять вас, чем магам с классическим образованием. К тому же,

и ваша магия для меня абсолютно безопасна. Поэтому Фил... кхм... то есть, господин ректор и попросил меня заняться вашей троицей.

— Я всё равно не умею воздействовать на живых, — призналась я. — К сожалению. Так что, рядом со мной любой в безопасности.

— Я могу воздействовать на живых, но только на совсем крохотных, — подхватил Томас, указывая на Лапку. — Для людей я абсолютно безопасен.

— Ещё неделю назад я была совсем старенькой, а сейчас — сами видите, — поддакнула ему ласка.

— Надо будет еще и лабораторных мышей раздобыть, — задумчиво глядя на склад старья, протянул мастер Дэниел. А потом мы все, включая нечисть, вопросительно уставились на кентавра.

— А я могу воздействовать на людей, — признался Аласур. — И себя могу делать прозрачным, и других. Но я так больше не делаю. Один раз попробовал — и всё.

— А почему больше не делаешь? — поинтересовался преподаватель.

— Били... больно... — вздохнул кентавр. — Когда становишься прозрачным, то на это время слепнешь. Мы с друзьями пробрались на территорию другого табуна, чтобы на их самочек полюбоваться, — Аласур бормотал всё тише, смущённо возя носком сапога по полу. — Мы тогда совсем жеребятами были, моя магия только-только проснулась, я тогда только на вещах пробовал, про слепоту не знал. А тут взрослые самцы появились. Друзья знали про мою магию, стали уговаривать их спрятать. Я сделал, мы ослепли, испугались и орать начали...

— И вас засекли, — понимающе кивнул Томас.

— Ага. В общем, сначала нам от тех жеребцов влетело, но от них не очень сильно, мы так перепугались, так орали, что они на нас даже толком и не рассердились, больше ржали. А вот от друзей потом прилетело по первое число. Больше я так ни с кем не делал, только сам прятался, если надо. Но я уже знал про слепоту, просто закрывал глаза — и уже не было так страшно.

— Вот и славно, значит, переживать никому из нас не стоит. Ну, приступим.

И мы приступили. Это был очень странный урок, магистр Дэниел тестировал наши способности, записывая всё в большой журнал. Для начала он замерил силу нашей магии артефактом, очень похожим на

тот, что был на экзамене, только более точным – у Томаса стрелка слегка перевалила за девятку, у Аласура показала шесть с половиной. Потом мы воздействовали на разные предметы, и наш уровень снова замерялся.

У Аласура мастер Дэниел замерял ещё и время, после которого предмет снова обретал видимость, а заодно и расспрашивал о том, что измерить было сложно. Оказалось, кентавр мог и на это влиять, правда, некоторые ограничения всё же были, по его словам, дольше, чем на пять часов какую-нибудь мелочь он сделать прозрачной не мог. Друзей же своих и на полминуты не смог, к их счастью, но это было около трёх лет назад. Себя же, в последний раз, почти перед поступлением, он сделал невидимым минут на десять – сила-то росла.

Нам мастер Дэниел объяснил, что эти записи помогут ему следить за развитием силы нашей магии – больше-то с ней в принципе сделать ничего нельзя. Поэтому здесь, в академии, мы будем, по сути, получать общеобразовательные знания и находиться под присмотром, чтобы дел по неумению не натворили. Хотя, учитывая, что именно мы делаем, навредить кому-либо нам будет очень сложно. Но правила есть правила – раз уж мы поступили в академию, то будем здесь учиться хотя бы так.

Лично я была не против. Кормят-поят, одевают,дают крышу над головой, учат, чему могут, в итоге получу престижный диплом, а может и предложение поработать на Империю, что гарантирует мне и моей нечисти обеспеченную жизнь. А то, что не придётся зубрить какие-то формулы – так это только плюс.

В какой-то момент, после десятого или двадцатого склеенного стакана и починенной кофточки, мастер Дэниел, в очередной раз посмотрев на артефакт,измеряющий магию, скомандовал: «Отбой». Хотя, на мой взгляд, стрелка артефакта осталась на том же месте, что и в начале урока, я совсем не устала и была готова продолжать занятия, наш преподаватель был неумолим.

– Нет. Сила магии упала. Пусть для вас практически незаметно, но вы ещё первокурсники, чувствуете её плохо, а серьёзно нагружать вас пока нельзя. Успеется. Присаживайтесь, - мастер кивнул на рядок стульев, отреставрированных мной и Томасом, – отдохните, а я расскажу вам, отчего ты, Аласур,терял зрение, становясь прозрачным.

И объяснил. И даже глаз в разрезе нарисовал. Сказал, что это мы будем изучать на анатомии, на четвёртом курсе, но объяснить на пальцах азы так, чтобы можно было понять, он нам сумеет. Всё оказалось просто: изображение через зрачок попадало на внутреннюю часть глазного яблока – тут мы все, кроме Ноппи, похихикали над смешным названием, – отражаясь на нём, и уже оттуда попадало в мозг, чтобы мы поняли, что именно видим. А раз это самое «глазное дно» становится прозрачным, изображению попадать было некуда, вот мозг и не получает картинку, и ему кажется, что он ослеп.

– Попробуй оставлять хотя бы один глаз непрозрачным, – предложил кентавру мастер Дэн. Да, за время урока он стал называть нас на «ты» и уже не добавлял «студент». Нам же предложил звать его коротким именем, мы так и делали. Томас разок даже брякнул «дядя Дэн», и мы все вместе над этим посмеялись.

– Нет уж, это перебор, – отсмеявшись, покачал головой преподаватель. – Вот ей можно и дядюшкой меня называть, – он аккуратно погладил Лапку, так и сидевшую у него на плече, оттуда было удобнее за всем происходящим наблюдать. – Остальным лохматым тоже. И даже той, кто должна была бы быть лохматой, – изящный поклон в сторону Ноппи. – Но для студентов я всё же мастер. Хотя самому ужасно непривычно.

– А разве так можно? – удивился Аласур, услышав предложение насчёт глаза.

– Так это ты – маг прозрачности, не я, сам решай, можно ли. Но почему бы и нет? Не сразу, конечно, но попробуй управлять своей магией, ограничивать её. Например, сделай прозрачной, допустим, только руку. Или начни с чего-то более простого, например, вон с той миски – пусть исчезнет лишь половина. А когда получится – возмёшься за что-то посложнее. Но это всё – на следующем занятии, пока – ни-ни! – видя, как Аласур задумчиво и с предвкушением посмотрел на обозначенную миску, мастер Дэн погрозил пальцем. – Первогодок перегружать нельзя!

– Хорошо, – глаза Аласура предвкушающе загорелись. Ещё бы – иметь возможность становиться невидимым практически целиком и при этом не слепнуть самому, было бы, наверное, очень здорово! Ради этого можно и постараться.

– А пока... Есть у меня к тебе просьба, парень, – с лёгкой неуверенностью в голосе обратился к нему мастер Дэн. – Понимаешь, я ведь прежде живых кентавров не видел...

– А каких? Мёртвых? – растерялся Аласур.

– Да нет же, что ты! В кино видел. Ну, в иллюзиях иномирных. Но там же всё ненастоящее. Покажешь себя в полуобороте?

– Но... – Аласур оглянулся, словно ищу у нас поддержки, – в здании академии же в обороте нельзя.

– А кто узнает? – заговорщицки понизив голос, продолжил уговаривать преподаватель. – А я тебе свои крылья покажу.

– У вас есть крылья? – ахнули мы хором.

– Вы – дракон? – предположила я.

– Какой дракон? Я – гаргулья, – гордо сообщил нам мастер Дэн.

– А это кто? – на этот раз за всех высказался Клещ.

– Проще показать. Ну, так что? Согласен?

– Ладно, – Аласур махнул рукой и стащил сапоги и носки, бормоча : – Надеюсь, если и узнает кто, меня всё же не отчислят.

После чего уже знакомо отрастил у себя ниже пояса коня.

– С ума сойти! – мастер Дэн восхищённо обошёл кентавра по кругу, рассматривая во все глаза. – Сколько здесь уже живу – так до конца и не привык к этим чудесам. Хотя вроде бы и сам...

– Ваша очередь, мастер, – напомнил Томас.

– Ах, да, точно. Ты, парень, назад пока не обращайся, до конца урока еще минут пятнадцать успеешь. Ну, смотрите.

И наш преподаватель тоже разулся. Потом снял форменный мундир, под которым оказалась очень странная рубашка – без застёжки, воротника и с короткими рукавами, – на груди которой красовалась надпись: «Интим не предлагать, шоколадки – можно». Интересно, что такое «интим», надо будет у Томаса спросить. Или лучше у Ноппи, она точно всё знает.

Взявшись за свою странную рубаху, преподаватель вдруг притормозил и чуть растерянно взглянул на меня.

– Риони, я сейчас сниму футболку. Если тебя это смутит, можешь выйти, я разрешаю тебе уйти с урока чуть раньше.

– Я приютская, – дёрнула плечом. – Меня сложно смутить обнажённым торсом. И я тоже хочу увидеть крылья.

— Ну, смотрите, - мастер быстро сдёрнул через голову футболку — вот как называется эта странная, но удобная рубашка, - а потом за его спиной выросли огромные чёрные крылья.

ГЛАВА 11. ФИЗКУЛЬТУРА

День седьмой. Понедельник

Мы дружно ахнули. Чёрные кожистые, как у дракона, только без чешуи, крылья распахнулись на половину просторной комнаты. При этом, в отличие от драконов, сам мастер Дэн совершенно не изменился – то есть, мне так поначалу показалось. Пока не услышала восхищённый голос Мони:

– Ого! Ваши когти даже больше моих!

И вот тогда я увидела, что ногти на оставшихся совершенно человеческими руках, и правда превратились в огромные чёрные когти, в мой мизинец длиной. Потом, вспомнив, что наш преподаватель зачем-то тоже разулся, взглянула на его ноги – вдруг и там копыта появились? Нет, ноги тоже остались человеческими, только и на них ногти стали точно такими же когтями, да и пальцы не них удлинились.

В остальном мастер Дэн не изменился. Фигура у него осталась человеческой, что было особенно хорошо заметно сейчас, когда он стоял без рубашки, только с золотым медальоном на груди и белым браслетом с разными блестящими вставками на запястье. Впрочем, такой высокой и мускулистой фигурой скорее могли орки похвастаться, только у них кожа зеленоватая, потому сравнение с человеком в голову пришло раньше.

– Это у вас такой полуоборот? – спросил Аласур. – А полный какой?

– Это и есть полный, – улыбнулся мастер Дэн, блеснув отросшими клыками. – Полуоборота у нас не бывает.

– А у кого это «у вас»? – уточнил Клещ.

– У гаргулий. Это такая раса из другого мира. Точнее – из другой галактики.

Я вспомнила сегодняшний урок и попыталась осознать расстояние, которое преодолел вот этот мужчина, чтобы сюда попасть. #288815761 / 10-сен-2021 Не получалось.

– А как вы сюда оттуда перенеслись? – не удержалась от вопроса. – Это же безумно далеко! Ни один портал так далеко не откроется! И как

вы его открыли? У вас там тоже есть маги?

– Нет, сам я лишь с иного мира сюда перенёсся, это буквально доли секунд. А в другой галактике мои предки со стороны отца живут. Если хотите, на следующем уроке расскажу.

– Да! Хотим! – раздался дружный хор из шести голосов. Ноппи снова сделала вид, что ей и так всё известно.

– Договорились, – кивнул мастер Дэн. – Аласур, можно я тебя для детей сниму, они тоже никогда настоящего кентавра не видели?

– Снимите? – растерялся Аласур.

– Сделает иллюзию, – важно пояснил Моня, довольный своей осведомлённостью. – С меня Рэнди тоже хотела иллюзию снять, а потом забыла.

– Я и с тебя могу сделать, хочешь? – предложил мастер Дэн, а после согласного кивка дотронулся до своего браслета, поводит рукой перед Моней. Потом снова коснулся браслета – и в воздухе появился небольшой экран, как сегодня на уроке, а на нём – Моня.

Увидев это чудо, Аласур тут же согласился, чтобы его «сняли» и с удовольствием покрутился перед поднятой рукой преподавателя, поворачиваясь в разные стороны и откровенно красуясь. Он и правда был очень хорош собой, и сознавал это. Но что странно, вот рядом со мной такой потрясающий парень, да и мастер Дэн просто красавец, сложно сказать, кто красивее, он или перевёртыши. А меня почему-то всё время тянет смотреть на Томаса.

Очень странно...

Когда над дверью начала мигать полоска, указывая на скорое окончание урока, я решила задать вопрос, который мучил меня с начала урока.

– Мастер Дэн, а госпожа Рэнди тоже вашей расы?

– Более того, она моя внучка. Точнее – прапра... впрочем, неважно. Внучка.

– Внучка... – попыталась я осмыслить услышанное. – И у неё есть внучка... Это получается, что вы – тоже бессмертный?

– Получается, что так, – улыбнулся мастер Дэн уже вполне обычными зубами. Спрятав крылья и когти, он как раз застёгивал свой белый мундир. Аласур тоже уже принял человеческую форму, натянул сапоги и выдал:

– А все гаргульи такие, или вы тоже замужем за кем-то бессмертным?

– Женат! Он женат, а не замужем, – расхохотался Томас.

– Верно, женат, – кивнул мастер Дэн. – И я такой от рождения. Третья раса бессмертных, и все мы тесно связаны между собой. Потом расскажу. А скажи мне, Риони, ты и правда загрозила собой Томаса от оборотницы в полуобороте, как мне говорили?

– Правда, – смущённо кивнула я, понимая, как именно это выглядело со стороны. Глупо выглядело, сама знаю. Но не объяснять же всем, что у меня-то оружие против неё было, а у Томаса – нет.

– Береги её, парень, – теперь преподаватель обращался к Томасу, и в его голосе не было даже намёка на смех. – Такая... дружба раз в жизни встречается. Не потеряй.

– Не потеряю, – кивнул Томас.

– Тогда до следующего занятия. До встречи, Лапочка, – мастер Дэн в последний раз погладил Лапку и передал её мне. За весь урок он расставался с ней всего дважды – когда раздевался-одевался. Кажется, я начинаю ревновать.

– Станный он какой-то, – задумчиво протянул Аласур, когда мы уже спустились на пару этажей. – Так-то мастер Дэн мне очень понравился, но он совсем не похож на преподавателя.

– Согласна, – кивнула я. – Не сказать, чтобы встречала много учителей, но всё же он какой-то... Словно играет в учителя, что ли, – с трудом, но всё же сумела я сформулировать свои чувства.

– Так он и играет, – усмехнулся Томас. – Вы разве не поняли? Мы – интуиты, особенные, не такие, как все остальные маги. И в академии просто не знают, что с нами делать. Нас нельзя учить обычными способами. То есть, конечно, нас можно заставить вы зубрить разные формулы, но мы просто не будем знать, что с ними делать. Это будет совершенно бесполезная потеря времени. А мастер Дэн – в каком-то смысле такой же, как и мы. Тоже нестандартный, и для него тоже не подходит обычный способ обучения.

– То есть, он поймёт нас лучше, чем настоящие преподаватели-маги? – догадалась я.

– Верно. Нас зачислили и будут обучать, чему могут – немагическим предметам, например. А магия в нас будет развиваться сама, и мастер Дэн будет просто присматривать за нами, чтобы бед не

натворили. Положено нам иметь преподавателя – вот к нам его и приставили.

– Словно няньку? – предположила Лапка.

– В точку. И мастер Дэн на самом деле просто играет в преподавателя, по сути, ничего нам не преподавая, ты верно подметила, Риони.

– Скучать нам на занятиях точно не придётся, – порадовался Аласур. – И никакой зубрёжки. Здорово быть интуитом!

– Здорово – это верно, – согласилась я. – Но как же мы экзамены сдавать будем? Это всё же специальность, главный предмет.

– Не знаю, – пожал плечами Томас, чем даже слегка удивил меня. Мне казалось, он знает всё. А если не он, то Ноппи, но кошка помалкивала. – Надо будет братьев спросить. Интуиты, конечно, большая редкость, но кто-то из моих мог учиться с одним из них, пусть даже и не вместе, просто одновременно. Что-то редкое – всегда предмет обсуждения, кто-то точно что-нибудь слышал. Сегодня же напишу домой, спрошу.

За разговором мы дошли до раздевалок, где и разошлись – парни в мужскую, я со своей нечистью – в женскую. Где нам снова пришлось разделиться, потому что Клеща и Моню с возмущённым визгом выгнали в коридор на основании того, что они «мальчишки». На конфликт мы решили не идти, и мои «мальчишки» ушли ждать меня с обратной стороны двери в огромную раздевалку, хихикая над этими странными «самками людей».

Переодевшись в удобный костюм для физической подготовки и заплетя волосы в косу, я оставила форму и сумку в выделенном мне шкафчике и вслед за ручейком девушек направилась к стадиону, где уже топталась толпа остальных первокурсников, не очень представлявших, что им делать и куда себя девать.

Часть девушек болтала между собой, часть умилялась моим зверюшкам, часть строила глазки парням. Те тоже разделились – кто-то разглядывал странные сооружения на поле, делясь впечатлениями, кто-то с интересом разглядывал девичьи ножки в непривычно коротких – чуть ниже колен, – юбочках. И не важно, что на ногах этих были просторные штаны, уже сам факт, что юбки у них выше привычных, привлекал внимание мальчишек.

Через пару минут к нам подошли и Томас с Аласуром. Аласур так и щеголял распущенными волосами, что мне показалось странным – все остальные, и девушки, и немногочисленные длинноволосые парни, в основном эльфы, убрали свои шевелюры в косы, хвосты, пучки и прочие сооружения. Неудобно же будет бегать-прыгать – и что там ещё делают на физической подготовке? – с распущенными волосами, которые лезут в лицо и за всё цепляются, особенно учитывая, что у Аласура они были длиннее, чем у девушек, и спускались ниже талии,

Томас подошёл ко мне и протянул Ноппи.

– Присмотри за ней, пожалуйста. Мне сейчас придётся много двигаться, боюсь, ей будет не очень комфортно, а у девочек это практически прогулка. Посидишь возле Риони, моя прелесть?

– Ладно, - согласилась кошка и, потерявшись о щёку хозяина, пошла ко мне на руки, вызвав любопытные взгляды и лёгкие содрогания у окружающих. Но к этому я уже привыкла.

Наконец, когда, видимо, долгая перемена закончилась – сложно ориентироваться, когда нет светящейся полосы над дверью, поскольку самой двери тоже нет, – к нам подошли двое. Оборотень в летах – отец Велоны, которого я в последний раз видела уводящим свою дочь за ухо, – и довольно молодая женщина-дроу. Судя по методичкам, это мастер Хэдлей и госпожа Селбина, наши преподаватели.

– Студентки, пройдёмте за мной, - представившись, велела нам дроу, и группка девушек, которая была гораздо малочисленнее парней, отправилась за ней в сторону небольшой, на фоне всего огромного стадиона, площадки. Я тоже двинулась было следом, но притормозила, услышав:

– Студент, почему волосы не убраны? Ты парень или девчонка? Быстро заплёл волосы, или я тебе их укорочу до длины, которую должен носить настоящий мужчина!

Обернувшись, я увидела, что оборотень, чьи волосы были короче, чем медвежья шерсть, и даже уши толком не прикрывали, навис над Аласуром.

– Но грива – это же признак мужества, в косы её убирают только женщины, – несмело возразил ему кентавр.

– Эй, полегче с гендерными определениями, – возмутился стоящий неподалёку перевёртыш Гейб, которого десять секунд назад

здесь ещё не было, но какого-то настоящего недовольства я в его голосе не услышала, скорее, ситуация его веселила.

Его собственные волосы были заплетены в аккуратную косу, и возмущение было, в общем-то, понятно. Ещё пара эльфов с косами недобро глянула на кентавра, остальные длинноволосики, с хвостами и пучками, неприязни не выказывали.

— Но для наших мужчин и правда позорно убирать волосы, - растерянно ответил уже Гейбу Аласур. - Это как для ваших девушек побриться налысо.

— Не вижу в этом особого позора, - пожал плечами перевёртыш. - Хотя согласен, некрасиво.

— Ваше высочество, — вмешался в разговор мастер Хэдлей, но был перебит:

— Студент Гейб!

— Студент Гейб, — с явным трудом выдавил преподаватель. — Я готов уважать обычаи других рас, если они не противоречат уставу академии и здравому смыслу. Но если этот студент...

— Аласур, - подсказал Томас.

— Если студент Аласур повесится на собственной шевелюре по время прохождения полосы препятствий, спросят с меня. Поэтому, или коса, причём заправленная под одежду, или отстранение от занятия с последующей отработкой и наказанием. Выбор за ним.

— Но... но я не умею косу плести, — сник кентавр, которого совершенно не обрадовала возможность получить наказание в первый же учебный день.

А потом... потом вдруг его волосы оказались заплетены в длинную косу. Вот только что были распущены, и уже коса. Не так чтобы очень аккуратная, из нерасчёсанных волос другую и не заплетёшь, но всё же коса.

Аласур схватился за голову, ощупал косу, растерянно оглядел окружающих, наткнулся взглядом на улыбающегося перевёртыша и слегка поклонился.

— Благодарю вас, ваше высочество!

Тот вздохнул, почему-то переглянулся с Томасом, словно призывая того в свидетели, как же с окружающими сложно, потом слегка похлопал кентавра по плечу.

– Не за что, Аласур. Под одежду косу заправляй уж сам. И пожалуйста, просто Гейб. Я никакого не высочество.

«Говорит как Тобиас», – мелькнула мысль. Тот тоже заявил, что никакой не принц. Хотя, всё верно, они оба, как и Рэнди с мастером Дэном, из иного мира. Там, наверное, принцев не бывает.

– Студентка, долго вас ждать? – слышалось сзади, и я припустилась догонять своих соучениц.

– А что такое «гендерные определения», – спросила я Ноппи чуть позже. Мы немножко побегали, потом сделали то, что дроу назвала разминкой – махали руками и ногами, наклонялись и приседали, – и теперь я ждала своей очереди кидать мяч в корзину. – Только так, чтобы я поняла, пожалуйста.

– Ну, если совсем просто, то в данном контексте...

– Мне уже страшно, – вклинился Клещ.

– Если совсем просто, то Гейб посчитал неправильным его причисление к женщинам на основе заплетённых волос. Гендерный – связанный с полом. Очень-очень упрощённо.

– А почему он сразу на нормальном языке не сказал? – удивился Клещ.

– Это тоже на нормальном.

– Не ссорьтесь, – попросила Лапка. – Пусть говорят, что хотят, а мы новым словам поучимся. Риони, твоя очередь подходит.

Я снова посадила Ноппи на Моню – побоялась на землю, мало ли, вдруг заболит, тем более, они оба не возражали, – и пошла кидать мячик, попала два раза из трёх, получила похвалу от преподавательницы, почувствовала себя трёхлеткой, слепившей пирожок из грязи, за что меня погладили по головке. Отойдя в сторонку, уступая мяч следующей девушке, я стала наблюдать за парнями – вот их-то гоняли по-настоящему.

Сначала их выстроили в длинный ряд по росту, потом преподаватель прошёлся вдоль него, что-то говоря, и часть студентов выходила из строя, делясь на несколько групп, остальные оставались на месте. Поговорив с группами и отправив их бегать вокруг огромного стадиона, оборотень занялся оставшимися, среди которых были и оба моих друга, и перевёртыш Гейб.

Всех, кроме Гейба, он заставил бегать перед ним туда-сюда, потом подтягиваться на перекладине, потом лечь лицом вниз, опираясь на

руки, которые они сгибали-разгибали, при этом мастер Хэдлей смотрел на что-то в своей ладони – кажется, на какой-то артефакт, - потом еще что-то, я не видела, как раз мячик кидала, и в итоге рассортировал всех оставшихся на три группы, большую и две совсем маленькие, и тоже отправил бегать вокруг стадиона.

Когда мимо нас пробежали первые группы, я поняла, что их рассортировали по расам, в трёх последних группах были только человеки и их полукровки с остальными расами, а так же Аласур, которому в первых группах места не нашлось. И поделили их уже просто по силе – в первую из маленьких групп попал Томас и ещё несколько крупных и мощных парней, кентавр был во второй, самой многочисленной, а последними мимо нас пробежали пареньки, которым, наверное, и я фору дам.

А Гейб остался рядом с преподавателем. Они о чём-то спорили, мастер Хэдлей указывал ему на ряды скамеек, расположенные у них за спиной, наверное, для зрителей, а перевёртыш качал головой, возражая, и махал рукой в сторону странных сооружений, до которых уже добралась первая, самая сильная группа парней, в основном орков и самых мощных оборотней. И начали по этим сооружениям бегать, лазить, перепрыгивать, уклоняться от раскачивающихся мешков, ползать и... снова подошла моя очередь кидать мяч.

Когда я закончила бросать мяч – на этот раз попала только один раз и заработала снисходительное «неплохо» от госпожи Селбины, - Гейба рядом с мастером Хэдлеем уже не было, зато рядом с моей нечистью топтался крупный ворон. Кажется, прежде он сидел на одной из скамеек для зрителей.

– Я тут с вами побуду, можно? – уточнил он, когда я подошла. Кивнула, мне не жалко. – Меня зовут Гром, и я фамилльяр Тимрена, – он кивнул в сторону второй группы, как раз подбегавшей к сооружениям для лазания и ползания. Кто из толпы оборотней, дроу и полукровок был его хозяином, было непонятно. – Я из лесных. Тимрен меня много лет назад подобрал еще птенцом-слётком с пораненным крылом.

– Привет, Гром, меня Лапкой зовут, это Риони, это Моня, это Ноппи, а вон там за мячами бегают Клещ. Кроме Ноппи, мы все тоже лесные.

– А я думал, на первом курсе мы единственная нечисть, пока ведьмочкам их фамилльяров не привезут, – Моня помахал новому

знакомому лапой, продолжая лежать на боку, потому что на нём с удобствами разлеглась Ноппи.

– Нет, еще двое точно есть. Вон у того эльфа есть белка Шныр, но он сразу в лес убежал, со мной ему было скучно сидеть, а ещё на нашем этаже кот живёт, не знаю, чей, и имя тоже, но он из питомника, лентяй и задавака, разговаривать со мной не желает, да не очень-то и хотелось. Этот в общаге остался, на уроки не ходил, дрыхнет, наверное.

– Мы всегда поболтать рады, – это снова Лапка. – А ты не слышал, о чём наш преподаватель с тем перевёртышем спорил?

– Слышал, – усмехнулся Гром. – Мастер Хэдлей не знал, что с ним делать, и велел просто на скамеечке посидеть. А тот заявил, что будет страховать студентов, чтобы не падали на полосе препятствий. А мастер Хэдлей говорил, что студенты должны падать, иначе ничему не научатся, а перевёртыш ему про какую-то технику безопасности, и что дети могут травмы получить, а мастер Хэдлей – вон, мол, целитель сидит, подлечит... В общем, перевёртыш переспорил и пошёл страховать. Не очень понимаю, что это значит, я только про страхование от пожара слышал.

– Ловить он их будет, – объяснила Ноппи. – Да сам посмотри.

И мы дружно повернулись к тому, что называлось «полоса препятствий». Перевёртыш Гейб обнаружился стоящим чуть в стороне и внимательно наблюдающим за студентами,двигающимися по ней. Он вроде бы даже с места не сходил, но если внимательно поглядеть на парней, то можно было заметить, что некоторые из них, оступившиеся или сбитые качающимися мешками, на землю не падали, а как-то слишком аккуратно – и быстро! – приземлялись неподалёку на обе ноги. И начинали растерянно оглядываться, прежде чем вновь вернуться к началу сложного пути.

Тут мастер Хэдлей, видимо, тоже за всем этим наблюдающий, кинулся бегом в сторону перевёртыша и снова начал с ним о чём-то спорить. Тот сначала головой мотал, а потом кивнул, соглашаясь. Мы дождались возвращения Грома, который рванул к Гейбу одновременно с преподавателем и, сидя на перекладине, к которой был привязан канат, подслушивал их разговор.

– В общем, мастер Хэдлей снова ругался. Говорил, мол, одно дело – ловить, это ладно, но подсаживать – это уже перебор. А перевёртыш сначала сказал, что это не он, потом куда-то на студентов глянул,

глазами так сердито сверкнул, а потом согласился, что это он. И пообещал больше так не делать. И снова в ту сторону посмотрел, словно прибить кого-то хочет. Я ничего толком не понял.

– Наверное, недоволен, что преподаватель заметил, как он помогает студентам жульничать? – высказалась Лапка.

– Скорее всего, - кивнул Гром. - О, мой хозяин в лес побежал, я за ним полечу, ещё поболтаем как-нибудь!

И ворон улетел вслед за парнями из второй группы, которые, пройдя полосу препятствий, побежали по тропинке в сторону расположенного неподалёку леса. Причём это был настоящий лес, похожий на тот, в котором я жила – отбежав на пару метров вглубь, студенты сразу же скрывались из вида, а вот в том, что рос за моим общежитием, скрыться было бы сложно.

В этот момент бросание мячей закончилось, нам раздали ракетки, поставили в пары и велели перебрасываться воланчиками. Это было уже интересно и требовало сосредоточенности, поэтому больше наблюдать за тем, что происходит у парней, я уже не могла. Когда пришло время уступить место следующей группе девушек, студентов на стадионе не осталось, видимо, все убежали в лес.

Когда две другие группы девушек закончили играть, нас отпустили с занятия, а парни так и не появились, я подхватила Ноппи на руки и отправилась в раздевалку. В целом, урок прошёл скучно, большей частью я стояла в ожидании своей очереди что-нибудь сделать, темы для разговоров с нечистью быстро закончились, а с другими студентками поболтать я не стремилась. Всё та же привычка держаться особняком и здесь себя проявила, да и они не особо рвались со мной сблизиться, хотя с любопытством поглядывали на моих зверюшек.

Удовольствие от урока получил только Клещ, бегающий за улетевшими мячами и воланами, приносящий или прикатывающий их обратно и в целом считавший всё это игрой окружающих лично с ним. А теперь, набегавшись, он висел у меня на плече, изображая тряпочку. И кто ему не давал немного передохнуть, а не бегать несколько часов подряд?

Кстати, на этот раз из раздевалки его не выгнали, он так и проехал туда на моём плече, демонстративно прикрыв глаза лапами и громко всех оповещая, что он ничего не видит, и вообще – умаялся приносить

всем мячи и теперь спит на ходу. То есть, на весу. Дисциплинированно посидел на лавочке, рядом с Лапкой и Ноппи, пока я переодевалась, и снова забрался мне на плечо.

Кажется, Моня всё же научил его плохому!

Сам же барсук предусмотрительно остался поджидать нас в коридоре, и теперь бодро топал рядом, даже не вспоминая про «больную лапку». Впрочем, он провалялся на травке все те часы, что хорёк бегал без перерыва.

В столовой было много народа, но наш столик всё еще чудом оставался свободным. Рассадив свою живность по стульям «караулить места», а я в несколько ходок перетаскала туда сытный обед для нас всех. И когда в столовую приползли вымотанные полосой препятствий и бегом по лесу первокурсники, порадовала Томаса и Аласура тем, что в очереди им стоять не нужно, еда их уже ждёт.

— Ох, и умаялся же я! — пожаловался Аласур мне, жадно накидываясь на суп. — Не привык я на двух ногах бегать, мы двуногую форму обычно только в домах принимаем, а всё остальное в четвероногой делаем. Когда в полуобороте, а когда и в полном, если долгий путь предстоит. Я и не знал, что настолько слаб в таком виде, — и кентавр обвёл себя рукой.

— Это с непривычки, — утешил его Томас, не менее быстро работая ложкой. — Потом будет легче. Да и нагрузка у тебя поменьше, радуйся, что в мою группу не определили.

— Ох, как-то не верится, что когда-нибудь смогу проходить свою полосу препятствий так же легко, как ты свою, хотя твою я не прошёл бы вообще. И знаете, что-то странное со мной случилось. Пару раз падал с бревна, думал — ну, всё, сейчас точно синяков наставлю, а меня словно ветер подхватывал и на ноги ставил. А когда на стену пытался залезть, а всё не получалось, вот клянусь, меня снизу кто-то подпихнул под... — запнулся, кинул смущённый взгляд в мою сторону, — подпихнул, в общем. А сзади — никого. И сам бы я точно не залез.

— А это перевертыш делал, который Гейб, — раскрыл ему тайну Моня, подтягивая к себе тарелку Ноппи с традиционным беконом, раз уж, подцепив всего один ломтик любимого лакомства, она прочно обосновалась в его миске. — Он сказал мастеру Хэдлею, что будет страшить студентов, чтобы они не падали.

– Страховать, – поправила его Ноппи, не поднимая мордочку из миски.

– Я так и сказал. В общем, это он их ловил, и тебя тоже. А потом и подпихивать стал, кто на стену залезть не мог, а мастер Хэдлей на него за это наругался. Он сначала отпирался, что это не он, да кто ж ещё-то? Нам Гром рассказал, это ворон одного из студентов, он подслушивал.

– А зачем ему это надо было? – Аласур так растерялся от откровений Мони, что даже про вилку с куском мяса, зависшую на полпути ко рту, забыл. – Зачем ему нам помогать?

– От скуки, наверное, – предположила я. – Они знаешь, как быстро двигаться могут? Глазом не уследишь, вообще не заметишь. И что ему на физической подготовке делать, он все упражнения сделает быстрее, чем мы с преподавателями поздороваемся.

– Это да, не повезло ему, – усмехнулся Томас. – Перевертыш Гейб, он как мы, только наоборот.

– Это как? – спросили мы хором. Кроме Ноппи, ну, она, наверное, и так знала.

– Мы – интуиты, нам магии обучаться не надо, она и так у нас сама по себе развивается. Зато все остальные предметы мы должны учить, как все. А вот Гейб – не интуит, иначе занимался бы с нами. Ему его порталную магию приходится зубрить, как и всем остальным. Зато на всех остальных предметах ему просто нечего делать. А ходить всё равно приходится.

– Кажется, я поняла, чем он был так недоволен перед историей иного мира! – воскликнула я.

– Ещё бы! Представь, что тебя заставили ходить в школу с малышами, которые только буквы учат и на пальцах считают. И высиживать все уроки. И даже спать на них не разрешают!

– Тут взвоешь, – проникся Аласур.

– Интересно, у того перевертыша, что Риони у реки встретила, те же проблемы? – высказался Моня. – Может, он потому такой грустный в тот раз был?

– У него там что-то не сходилось и не получалось, – возразила Лапка. – Но что-то мне вдруг стало так жалко всех бессмертных, которым приходится здесь учиться.

«Мне тоже», – пришла неожиданная мысль, но озвучивать её не стала. И вообще, хватит думать об этих бессмертных. Лучше подумать

об учёбе, всё же, сегодня – первый день занятий. Поэтому сменила тему:

– Какой у нас следующий урок?

– География, – ответил Томас, отодвигая опустевший стакан из-под компота и оглядывая стол с чисто вылизанными Моней тарелками.

- И начнётся она уже совсем скоро, нужно поспешить.

И мы поспешили на географию.

ГЛАВА 12. ПРЕДСКАЗАННАЯ

День седьмой. Понедельник

А географию у нас вёл дракон. Самый настоящий. Тот самый, с фиолетовыми волосами, чей прилёт мы наблюдали несколько дней назад. И если тогда я содрогалась от одного осознания того, что нахожусь слишком близко – аж в пределах видимости, - от очередного бессмертного, то сейчас, сидя буквально в пяти метрах от него, даже не дрогнула. Просто поразительно, как быстро я привыкла к тем, кого заочно боялась всю сознательную жизнь.

Но я всё равно знала, что какими бы славными они ни казались, узнав про мою тёмную магию, уничтожат меня, не дрогнув. Потому что, по их мнению, такие как я не должны существовать на этой земле.

– Столько бессмертных в один день! – с Аласуром у нас мысли сошлись. – Трое из четырёх преподавателей!

– Из пяти, - поправила Ноппи.

– Предметов-то четыре, – возразил Аласур, кидая свою сумку на стул в соседнем кабинете, куда мы перешли после географии. – Не удивлюсь, если и математику у нас будет вести бессмертный. Например, перевёртыш, их у нас ещё не было.

– Это вряд ли, – покачал головой Томас, выкладывая тетрадь на стол. - Бессмертные преподаватели всё же редкость. Ладно, магистр Ардерик, он преподаёт здесь географию уже несколько десятилетий. Ладно, мастер Дэн – нас, троих интуитов, надо было кому-то навязать. Ладно, история иного мира, кто её лучше всего сможет преподавать, если не представитель этого самого мира? Но с математикой и простые смертные спокойно справятся.

– Добрый день, студенты, меня зовут мастер Гидеон, и я буду вести у вас математику, - раздался голос, заставивший меня посмотреть в сторону двери и нервно захихикать. Потому что, там стоял перевёртыш в белом костюме преподавателя. На этот раз – с коротко стриженными каштановыми волосами.

– Надо было пари заключить, – шепнул Аласур, тоже явно сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

– А он-то что здесь делает? - растерянno пробормотал Томас.

Полистав методичку, я увидела напротив математики надпись «мастер Гидеон», то есть, здесь без сюрпризов, как с мастером Дэном, его в методичке не было, но там по специальности столько преподавателей написано, для каждой магии – свой, попробуй пойми, кто чей. Правда, раса в методичке не указывалась, потому удивление Томаса где-то понятно.

Математика прошла тихо и спокойно. Нам дали самостоятельную работу, по словам мастера Гидеона, чтобы он мог разобраться, что именно мы знаем, в чём у кого-либо проблемы, какие делаются типичные ошибки. В общем, я решала примеры и задачи, а моя нечисть откровенно скучала под столом, Ноппи вообще спала у Томаса на коленях. На географии им понравилось больше, но там магистр Ардерик рассказывал о материке, на котором располагалась наша Империя, и рассказывал очень интересно. А вот математика прошла в тишине, а кое для кого и в скуке.

Последним предметом было управление магическими потоками, и вёл его вовсе не бессмертный, а самый обычный эльф, магистр Закарэль. Ну, здесь у нас проблем не возникло, даже будучи интуитами, мы отлично чувствовали потоки магии в своём теле и умели ими управлять. Взяв себе по коврику, мы расположились на полу и приступили к занятию.

Узнав, что именно представляет собой урок, Лапка и Клещ позорно сбежали, заявив, что лучше погуляют территорию академии исследуют. Моня с удовольствием ушёл бы с ними, но помнил указ ректора и был вынужден остаться. Они с Ноппи улеглись на лишние коврики, сложенные стопочкой в углу, и снова уснули, причём Ноппи вскоре забралась на барсука, кажется, ей очень понравилась такая тёплая меховая подстилка. Всё же, несмотря на костюмчик, лысая кошка чувствовала себя не очень уютно вне пазухи Томаса. А с Мoneй ей было комфортно.

В нашу комнату мы с Мoneй приползли нога за ногу. Вот вроде бы, ничего сложного сегодня не происходило – даже самостоятельная работа по математике особых проблем не вызвала, – но шесть уроков с непривычки вымотали морально. Слишком много впечатлений, слишком много незнакомых людей вокруг, слишком... всего слишком. Я понимала, что это – дело привычки, но сейчас я была совершенно без сил.

Решив разгрузить мозг, я взяла одну из книг и завалилась на кровать. Моня ушёл гулять, сказал, что поищет Лапку и Клеца, но к ужину вернётся. Ужинать мы собирались в своей комнате, «волшебный ящик» был загружен под завязку. Хорошо, что он был рассчитан на орочьи аппетиты, всё же, мне приходилось брать ужин на четверых, но если вниз ставить глубокие миски, а на них плоские тарелки, умещалось многое.

После ужина читать уже не хотелось, теперь я, наоборот, хотела подвигаться, размяться. Вспомнив, что давно не ходила к реке, позвала свою нечисть прогуляться перед сном. Совсем недолго, чтобы вернуться засветло. Лапка с Монеи, сидящие над букварём, отказались, а вот Клещ согласился.

Когда мы дошли до берега, Клещ убежал исследовать окрестности, а я привалилась к торчащему из бревна остатку толстой ветки и меланхолично глядела на медленно текущую воду, чувствуя, как сегодняшняя усталость понемногу уходит. Ни двигаться, ни думать не хотелось.

Спустя какое-то время – темнеть ещё не начало, но прошло не меньше получаса, и я уже лениво подумывала, не пора ли возвращаться, - на противоположный берег неторопливо вышла огромная чёрная пума. И я даже не дрогнула, словно оттуда Моня вышел. Привыкла...

Какое-то время мы смотрели друг на друга, потом я вспомнила, что чёрных пум в академии как минимум две, и напротив меня может стоять вовсе не мой знакомец Тобиас. Впрочем, назвать перевёртыша Гейба совсем уж незнакомцем я тоже не могла, всё же, он спас или Томаса от травмы или меня от разоблачения.

Вспомнив о случае с оборотницей и сложив его с сегодняшним занятием физической культурой, я, наконец, сообразила, что же тогда произошло. Кто-то из перевёртышей, либо Гейб, либо сам ректор – я же не знаю точно, когда именно он там появился, - убрал меня из-под лапы Велоны за спину Томаса. А поскольку это произошло так быстро, что ни я, ни он этого увидеть не могли, вот он и решил, что я сама отпрыгнула, даже про «адрелин» какой-то, или как он там называется, подумал.

Ну вот, одной загадкой меньше. Правда, не очень понятно, почему самого Томаса не отодвинули, он же тоже в опасности был. Но

бессмертным виднее, никто ведь в итоге не пострадал. Кроме Велоны, но она сама виновата.

Поскольку перевёртыш молчал – а что он мог сказать в таком виде? – я решилась:

– Господин Гейб? – уточнила на всякий случай, и когда пума мотнула головой, с некоторым облегчением спросила: – Тобиас?

Кивок, и пума вдруг исчезла. Ещё миг, и рядом со мной появился Тобиас с маленьким букетиком в руках. На нём, как и вчера, была не форма, а странные синие потёртые штаны с карманами и такая же рубашка без застёжки, как у мастера Дэна, только чёрная. Наверное, одежда его мира.

– Ты давно не приходила, – усаживаясь рядом и протягивая мне цветы, сказал он.

– Всегда находились какие-то дела, – словно извиняясь, ответила я. Он меня ждал?

– С тобой рядом так хорошо молчать, – пояснил перевёртыш, смущённо улыбнувшись знакомой кривоватой улыбкой. – От тебя исходит какое-то умиротворение. Во всяком случае, мне после тех наших встреч становилось немного легче.

– Вы страдаете от того, что приходится высиживать скучные уроки, хотя вы и так всё знаете?

– И это тоже, – усмехнулся Тобиас. – Говори мне «ты», пожалуйста.

– Я постараюсь, – пообещала, поняв, что смогу. Вот к тому же Гейбу ни за что бы на «ты» не обратилась, а к Тобиасу смогу. – И спасибо большое за книгу. И за цветы.

– Не за что. Я родственнице в подарок привёз, а она себе уже и сама раздобыла экземпляр. Я рад, что удалось так удачно книгу пристроить.

– У тебя здесь есть родственница? Ой, прости, это, наверное, не моё дело.

– Есть. И много. В этом году просто какой-то аншлаг в академии из моей родни.

– Сюда бы Ноппи, – тихонько вздохнула я.

– Ноппи?

– У моего друга есть кошка-нечисть, она, кажется, всё на свете знает и всегда может объяснить непонятные слова. Правда, порой её

объяснения еще непонятнее этого слова, но обычно помогают.

– Ты о слове «аншлаг»? Так говорят, если в театре все билеты проданы, нет пустых мест. Ну а иносказательно – слишком много народа.

– Это ты о своих родственниках? Что их здесь слишком много?

– Да. Я, конечно, обожаю свою семью, но порой хочется сбежать от них куда подальше, в иной мир, например. Но и это не всегда помогает, – и перевёртыш тихонько рассмеялся, давая понять, что шутит. Было видно, что он и правда очень любит свою семью.

– А о чём ты в тот раз грустил? – не удержала любопытство, но быстро опомнилась : – Если не хочешь, не рассказывай.

– Почему же, расскажу. Ты ведь больше никому не расскажешь?

– Клещ! – вместо ответа позвала я, и когда мой хорёк вынырнул из кустов с мышью в зубах, строго потребовала: – Пообещай, что ничего, что сейчас услышишь, никому больше не расскажешь!

– Что, и Томасу с Аласуром нельзя? – выплюнув мышь, которая, пискнув, исчезла в траве, уточнил Клещ.

– Нельзя!

– И даже Моне и Лапке?

– «Никому» означает никому, – строго ответила я.

– Хорошо. Обещаю, – кивнул Клещ и снова исчез в кустах. Наверное, мышь ловить. Сейчас он был сыт и явно лишь играл – иначе мышь не удрала бы, – вот и пусть развлекается.

– Прости, в прошлый раз он не давал обещание молчать, поэтому выболтал моим друзьям о нашем знакомстве сразу же, как только подвернулась возможность. Но теперь он будет молчать – дав слово, Клещ его держит.

– Это хорошо. Мне хочется с тобой поделиться, но уж точно не с твоими друзьями. В общем, я не просто так здесь нахожусь. То есть, не только потому, что у меня магия проснулась, и её осваивать нужно. Я должен встретиться здесь со своей половинкой. С предсказанной мне истинной парой.

– Это ведь хорошо, да? – уточнила я, потому что, особо счастливым перевёртыш не выглядел.

– Конечно. Только вот узнать свою половинку оказалось не так легко, как кажется. Ты вряд ли это знаешь – об этом вне семьи почти никто не знает, – но истинные пары нам предсказывают.

– Предсказывают? Кто?

– Одна родственница. Такая у неё магия. И это очень удобно. Обычно.

– А у тебя – необычно?

– Можно и так сказать. Большинство предсказаний даёт очень чёткие приметы – место, время, имена, почти всегда – внешность. Большинство – но не все. Мне не повезло.

– И что же тебе предсказали?

– Место, условно время и несколько очень расплывчатых примет. Здесь, в этой академии, я должен встретить свою судьбу, когда проснётся мой очередной дар. И вот я здесь, и как быть дальше – понятия не имею. Моя половинка может оказаться студенткой, преподавательницей, обслугой или вообще родственницей кого-то из студентов, приехавшей, например, на выпускной. Она может уже находиться здесь или появиться лишь спустя четыре года. Есть даже шанс, что она живёт в соседнем городе или приедет туда, например, на ярмарку, и я встречу её во время увольнительной. Представляешь, как это непросто?

– Представляю. Но ты еще сказал про несколько примет.

– Да, но и тут всё сложно. О внешности и возрасте – ни слова, лишь раса названа, она, конечно, не такая распространённая, как человеки или эльфы, например, но не такая уж и редкая. К тому же, раса известна лишь по отцу, то есть, полукровки тоже считаются.

– Да, не повезло тебе, – посочувствовала я, вспомнив студентов в столовой и во дворе. В нашем мире не так и много рас, и среди нескольких тысяч студентов они были представлены большими группами. – Так себе примета. У нас тут только кентавр Аласур единственный в своём роде.

– Увы, мне предсказан не кентавр. Или к счастью, – тихонько засмеялся Тобиас, – он всё же мальчик, а я не по этой части. Есть ещё две приметы, точнее – два факта из её биографии, первый ещё как-то можно выяснить, просто расспросив, второй – нет. По тому же предсказанию моя половинка этот факт своей биографии тщательно скрывает. И как мне об этом узнать – даже и не представляю!

– Сочувствую. Очень. И что ты собираешься делать?

– Придётся пообщаться со всеми встретившимися девушками нужной расы. Как-то выяснить тот пункт биографии, который не

тайный. Или просто ждать.

– Чего ждать?

– Половинки всё равно притянутся. Предсказание, конечно, вещь удобная, но оно лишь подсказывает, помогает узнать друг друга. Истинные пары встретятся и так. На то они и истинные.

– Удачи тебе. Я буду очень рада, если ты найдёшь свою истинную как можно скорее.

– Спасибо, Риони, что выслушала. Давай-ка, я тебя домой отнесу, а то темнеет уже.

И правда – за разговором я и не заметила, как над поляной сгустились сумерки, а в лесу снова будет толком не видно, что там под ногами. Поэтому я не стала отказываться, лишь поблагодарила. Тобиас быстро отнёс меня к общежитию, как и в прошлый раз, посадил на подоконник, Клещ туда сам запрыгнул, используя перевёртыша как лестницу. Тобиас поздоровался с высунувшейся из окна Лапкой, помахал рукой и исчез.

– Этого самца вычёркиваем, - уже укладываясь спать, расстроенно вздохнул Клещ, задумчиво молчавший остаток вечера. – А жаль – большой, сильный, защитит тебя бы смог. И детёнышей ваших – тоже. Но ты явно не той расы, что ему нужна. И человеков, и эльфов он отверг.

– Я лишь на одну восьмую эльфийка, это вообще не примета. Но ты прав – вычёркиваем, – согласилась я, молча порадовавшись, что хотя бы в отношении Тобиаса Клещ больше не будет ко мне приставать.

– Значит, остаётся только Томас.

– Ты опять?! – застонала я.

– Впрочем, мы еще мало кого из местных самцов знаем, может, ещё кого приглядим, – не обращая внимания на мои стоны, продолжал рассуждать Клещ.

– Спи уже, - буркнула я, поняв, что хорёк, с чего-то решивший заделаться свахой, с пути уже не свернёт. – Мне ещё пять лет учиться, рано мне замуж.

О том, что вообще вступать в брак не собираюсь, напоминать не стала. Надоело.

Утро вторника началось уже как-то привычно. Подъём по хрустальной мелодии, рывок в уборную – благо она через дверь, и

сегодня уже я отодвигалась в сторонку, уступая местечко слегка опоздавшей соседке, завтрак в дружной компании. Я заметила, что сегодня Томас сел так, чтобы лучше всего видеть столовую, и внимательно осматривал тех, кто находился в столовой и кто в неё заходил. Но так как я и сама вглядывалась во всех орков, которых здесь было десятка два, если не больше, да еще и с десятков полукровок, гадая, кто из них может оказаться Тобиасом, то внезапное любопытство Томаса к окружающим комментировать не стала.

Учебный день прошёл без особых сюрпризов. Зоологию, историю магии и основы права вели простые смертные – человек, оборотень-полукровка из волчьих и наяда, - уроки были вводными, ни опросов, ни самостоятельных заданий. Мастер Гидеон на математике начал учить нас искать «неизвестное», обозначенное кривым крестиком со странным названием «икс». Объяснял он понятно, включал экран для иллюзий с табличками и картинками на нём и всё наглядно показывал.

Я вспомнила учительницу математики в приюте, которая вбивала знания в наши головы в прямом смысле – подзатыльниками, причём мне доставалось больше всех, поскольку за парту я впервые села уже подростком и, по её мнению, должна была схватывать всё быстрее остальных. Главными методами её обучения были счёт на пальцах и зубрёжка, сколько получится, если сложить какие-то два числа или наоборот, отнять одно от другого, а пальцев не хватает. По её мнению, приютским детям больше и не нужно.

И лишь позже, когда библиотекарша объяснила мне принцип счёта, я поняла, насколько ужасный мне попался преподаватель. Собственно, я даже не уверена, что это была её профессия, она была племянницей директрисы и, скорее всего, понятия не имела, как учить детей. А может, и сама не знала, как правильно считать? Приютская школа – это не Имперская академия, мы, в отличие от домашних детей, проводили больше времени в мастерских или на приютском огороде, чем за партой, а тех, кто постарше, частенько отдавали на ближайшие фермы «в аренду».

Не просто так мне понадобилось пять лет, чтобы подготовиться к поступлению в академию. Если бы не магия, меня бы ждал путь на ближайшую ткацкую фабрику, куда отправляли всех выпускниц нашего приюта. Но у меня была моя магия, дающая пусть небольшой – потому что, легально зарабатывать без диплома я не могла, – но доход,

домик в лесу и мечта, которую поддерживала моя пушистая и пернатая семья. И поэтому я сейчас здесь, старательно нахожу этот таинственный икс и радуюсь тому, что у меня всё получается.

А мастер Дэн притащил в класс клетку с мышами – белыми с красными глазами, я таких прежде не видела. Томас применил к ним свою магию, но ничего не изменилось – седина с мышей не ушла.

– Потому что, они не старые, а альбиносы, – выдала Ноппи.

– Кто? - хором спросили мы, и напрасно.

Ноппи подробно объяснила, что это означает, от такого объяснения мои глаза собрались в кучку, потому что, вместо одного непонятого слова мне выдали ещё минимум четыре совершенно непроизносимых.

Посмеявшись, мастер Дэн перевёл слова Ноппи на человеческий:

– У них не вырабатывается вещество, ответственное за окраску кожи и шерсти. Это врождённое. И наследуемое.

– Я так и сказала, - надулась Ноппи.

– Зря ты ей давал энциклопедии читать, – усмехнулся мастер Дэн, обращаясь к её хозяину.

– Ноппи нравится узнавать новое, – заступился Томас за свою питомицу. - И память у неё на прочитанное фотографическая. Не лишать же её такого удовольствия.

В общем, на занятии по специальности мы больше болтали, чем что-то делали. Мастер Дэн расспрашивал Аласура о том, как устроена жизнь в сообществе кентавров, повеселился от гаремов, сказал, что в ином мире подобное и у людей было не редкостью, хотя в нашем мире встречается в основном у животных, да ещё вот у кентавров. И тут же уточнил, что судит лишь по Империи, а что творится на остальных, пока не исследованных континентах – неизвестно.

А дальше шёл увлекательный рассказ о древних гаремах иного мира с множеством запертых в них бесправных женщин, которые или никогда не выходили наружу, или носили чёрные одеяния так, что видны были одни глаза, и то не всегда. И про охранявших их мужчин, которые женщин уже не хотели. Почему именно – мастер Дэн не объяснил, смущённо на меня поглядывая. Не хотели, и всё. Может, старые совсем были?

– Ха, попробовал бы у нас кто-нибудь своих самок запереть, да еще и лица им закрыть. Тут же проснулся бы с обритой головой, а то и

вообще в пещере! – Аласур содрогнулся.

– Пещера – это так страшно? – поинтересовалась я, потому что, только слышала о них, но сама никогда внутри не бывала.

– Очень. Там не видно неба, нет солнца, камни вокруг словно давят. У нас возле посёлка есть одна, большая, метров на сто, наверное. Туда в наказание закрывают. Меня всего разок так наказали, ещё мелким жеребёнком, за то, что без спроса удрал за взрослыми самцами, и мать меня полдня найти не могла. Всего на час закрыли, мне хватило. Лучше бы отпороли или заставили навоз на поля таскать!

– А мне нравится в пещерах бывать, - пожал плечами Томас. – Там так всё таинственно, уютно и очень интересно, что там дальше, за углом.

– Это потому, что у тебя клаустрофобии нет, – пояснила Ноппи. – Боязни замкнутого пространства, – тут же пояснила, услышав тихий Монин стон.

– Кстати, а вы слышали, что пещеру Уинд открыли для туристов? – сказал мастер Дэн.

– Какую пещеру? - удивился Томас.

– Ах, да, здесь она не так называется. Собственно, она пока никак не называется, её недавно открыли, где-то с год назад, за это время исследовали, сделали удобные проходы и лестницы, и три недели назад туда впервые пустили посетителей. Мы с женой и детьми там уже побывали – дети были в восторге.

– А это далеко? – поинтересовалась я. Боязни замкнутого пространства у меня вроде бы не было, и стало очень любопытно посмотреть, что это за пещеры такие, которые так нахваливает мастер Дэн.

– Нет, не очень. Меньше пятисот километров от академии.

– Тогда я мимо, - вздохнула я. - И ехать долго, за выходной не управиться, и денег на билет у меня нет.

– Ехать не так уж и далеко. В этот выходной бессмертные организуют туда экскурсию для приютских ребятишек, в качестве благотворительности. А для этого откроют к пещерам портал из соседнего города, как он называется-то?

– Академический, – подсказал Томас.

– Вот, из него. И студентов, желающих тоже на экскурсию пойти, тем же порталом готовы отправить. Так что, достаточно купить

билет в сами пещеры, но они не дорогие и продаются там же, в мэрии, возле которой и откроют портал.

— Лучше бы они приютским детям новые ботинки купили, чем на ерунду всякую тратить, - буркнула я, понимая, что даже без оплаты проезда всё равно билет в пещеру не потяну.

— Есть у них ботинки, бессмертные хорошо обеспечивают приюты, находящиеся под их патронатом.

— А, ну если только эти приюты, тогда понятно, - скривилась я. — Если ботинки есть, можно и на экскурсии деньги потратить. Хотя лучше бы еды остальным сиротам послали, они тоже есть хотят.

Может, императорская семья и взяла под своё крылышко приюты, только, видимо, лишь те, что поближе. На остальные им плевать, всех сирот не обогреешь.

— Объяснись, — жёстко сказал мастер Дэн. Сияющая улыбка и беззаботный вид исчезли с его лица, словно корова слизнула, взгляд стал острым и напряжённым. Он казался незнакомцем, ничем не напоминая того весельчака, что развлекался с нами, играя в преподавателя.

Я напряглась и почувствовала, как накатывает паника, как прежде, когда приходилось видеть бессмертных и даже просто думать о них. Совсем забыла, что мастер Дэн, хоть и другой расы, но такой же, как они.

Рука Томаса легла мне на плечо. Сразу стало легче дышать. Непроизвольно сделав шаг назад, я прижалась спиной к его большому телу, такому сильному и надёжному.

— Что объяснить? — выдавила из себя, отвернувшись от преподавателя и уткнувшись взглядом в пол. Руки, лежащие уже на обоих моих плечах, дали на это силы.

— Не пугай её, — голос Томаса прозвучал не менее жёстко. Я содрогнулась, представив реакцию преподавателя на подобное обращение от студента. - Риони только-только начала преодолевать свой страх перед бессмертными, а ты всё портишь!

И руки парня обхватили меня, укутывая и защищая. А к ногам прижался зад Мони, барсук встал передо мной в защищающей позе, легко уловив мой испуг.

— Эй, ты что, испугалась меня? - голос мастера Дэна звучал не просто удивлённо, а скорее поражённо. - Девочка, ты чего?

– У вас лицо было злое, - сердито ответил за меня Клещ. Я почувствовала, как он прижимается к моей ноге рядом с Моней. – И глаза сверкали!

– Ну, прости, я не хотел тебя пугать, – мужчина присел на корточки и попытался заглянуть мне в глаза. – Просто ты сказала кое-что, меня зацепившее. Не могла бы ты пояснить, что имела в виду.

– А то она и имела, что сказала! – Лапка вскарабкалась по Томасу и устроилась на обнимающих меня руках, чтобы оказаться на одном уровне с лицом присевшего преподавателя. - Риони тоже приютская, и у них там жрать было толком нечего, что сами заработают, то и едят. И никаких новых ботинок, что люди пожертвуют, старое, дырявое и ненужное, то и надевали. А вы – экскурсии!

– Это правда? - огромные пальцы мастера Дэна осторожно приподняли мой подбородок, но взгляд я упорно отводила. Но всё же выдавила:

– Да.

– Руку убрал! – буквально прорычал Томас, и пальцы с моего лица исчезли.

– Так, – преподаватель встал и отошёл от меня. – Прости, девочка, не на тебя я зол. И пугать не хотел. Скажи только, где твой приют находится?

– В Юмидвее. Это на восточном побережье.

– Далековато, - констатировал мастер Дэн.

– Больше двух месяцев добирались, - высказался Моня. Как только мужчина отошёл и извинился, он расслабился, хотя, как и Клещ, продолжал жаться к моим ногам, но уже скорее приободряя, чем защищая. – Риони пять лет на дорогу копила.

– Ясно, – кивнул мастер Дэн, и потёр бровь, словно что-то обдумывая. - Так, Аласур, ты свободен, – молчавший всё это время кентавр молча кивнул и исчез за дверью. - Риони, тебе придётся рассказать об этом всё, что знаешь. И не только мне. Томас, пойдёшь с нами, возьмёшь записку для преподавателя, что Риони находится у ректора, чтобы прогул ей не ставили. Пойдёмте.

Только руки Томаса, продолжающие меня обнимать, не позволили мне упасть. Во что я снова вляпалась?

ГЛАВА 13. ПРИЮТ

День восьмой. Вторник

– Ты как? – услышала я голос Томаса. – Идти сможешь?

– А выбор есть? – вздохнула я. Паника отступала. Давно со мной такого не происходило, я уж обрадовалась, что старый, въевшийся в тело и душу страх меня окончательно оставил, но стоило бессмертному посмотреть на меня этим своим пронзительным взглядом – и всё вернулось.

А сейчас еще и к ректору пойдём. И что-то мне подсказываем, что он там будет не один.

– Выбор есть всегда, - ответил Томас, раскрыл объятия – Лапка перебралась к нему на плечо, – убедился, что я твёрдо стою на ногах. Потом взял Ноппи, которая сидела возле клетки с белыми мышами, с интересом наблюдая за их вознёй, мыши, кстати, её совершенно не боялись, сунул её мне в руки, закинул на плечо обе наши сумки и подхватил меня на руки. Я и охнуть не успела.

– Отличный выбор, – покивал мастер Дэн и открыл перед нами дверь.

– Не надо, я тяжёлая, - смущённо шепнула, испытывая странное чувство, словно не в первый раз нахожусь у Томаса на руках. Наверное, все мужчины одинаково женщин на руках держат, вот мне и показалось. Сравнивать-то не с кем, кроме Томаса и Тобиаса меня только мама носила и папа Клык, но он в основном на закорках.

– Тяжёлая? Да Моня после обеда тяжелее тебя бывает, – усмехнулся Томас, неся меня так, словно я для него была не тяжелее обьевшегося барсука. Какой же он всё-таки сильный!

В коридоре мастер Дэн подхватил на руки Моню и Клеща, последний попытался что-то недовольно буркнуть, но Лапка ему напомнила, что через портал нечисть сама пройти не может, и он притих, да так и ехал дальше на бессмертном, даже после портала. А Моня был только рад, он обожал, когда его таскали на руках, наверное, потому, что это случалось очень редко.

Мы довольно быстро добрались до кабинета ректора и ввалились туда всей компанией, минуя секретаршу, которая никак на нас не

отреагировала. Наверное, бессмертным можно и без предупреждения в кабинет главы академии врываться. Ссадив мою нечисть на пол, мастер Дэн спросил:

– Слышал?

– Нет, – ответил ректор, откладывая какой-то документ, который изучал, и внимательно рассматривая нас.

– Жаль. Ладно, всё равно для всех повторять. Эй, – он слегка повысил голос, – кто свободен – срочный сбор в кабинете ректора. Есть серьёзный разговор. Фил, выпиши для девочки освобождение, мальчик отнесёт.

– Я останусь, – набычился Томас. – У нас сейчас физкультура, перемена перед ней большая, успею.

– Студент Иветтомассор, будьте добры покинуть помещение, – нахмурился ректор, подмахивая какую-то бумагу. – Вот освобождение для студентки Риони, передадите её преподавателю.

– Давай, парень, сажай её вот сюда, – мастер Дэн указал на кресло, которое выдвинул на середину комнаты. – Не бойся, я за ней присмотрю.

– Это меня и пугает, – едва слышно буркнул Томас, устраивая меня в мягкое просторное кресло. – Присмотрел уже разок, её до сих пор трясёт.

Меня и правда стало слегка потряхивать, стоило покинуть его объятия, в которых я как-то очень быстро успокоилась, а теперь паника стала возвращаться. Но всё, что смогла, это сказать:

– Я справлюсь. И присмотрю за Ноппи.

Потому что, не хватало еще Томасу ректора сердить и за прогул наказание получать.

Не успел мой друг покинуть кабинет, как в него вошёл магистр Ардерик, наш учитель географии, потом мастер Гидеон, учитель математики, и незнакомый мне дракон с тёмно-синими волосами, тоже в белом костюме преподавателя.

– Итак, все здесь? – мастер Дэн оглядел присутствующих. – У Рэнди и Саманты урок, Гейб и Хизер на занятиях, Лили и Мароша присматривают за детьми, а Урлила – за своей подопечной. Значит, все. Можем начинать.

– Так что случилось? – поинтересовался магистр Ардерик.

– В целом ничего страшного, но кое-что неприятное, что касается некоторых из нас, я только что узнал. Думаю, это будет интересно услышать и Мелануиру, и министрам образования и финансов, уж не знаю, кто у вас сейчас на этих должностях.

– Связаться с ними? – спросил синий дракон.

– Не стоит их сейчас дёргать, достаточно записи. Да и девочке будет сложнее рассказывать всё перед ними.

Я сидела, ни жива, ни мертва, прижав к себе Ноппи, словно пытаюсь за ней спрятаться, и переводила взгляд с одного говорящего на другого. Моя нечисть тоже помалкивала. Услышав про связь с императором, я чуть в обморок не упала, но поняв, что наше знакомство отменяется, слегка воспрянула духом.

– Риони, расскажи нам, пожалуйста... – начал мастер Дэн, и тут дверь распахнулась, и в кабинет шагнул Тобиас. На нём были белые брюки и такая же рубашка без застёжки с надписью: «Да всё у меня в порядке с самооценкой. Давай, кланяйся!» Кивнув присутствующим, он прошагал к моему креслу и устроился на подлокотнике, положив руку мне на плечо, практически приобняв.

– Знакомая футболочка, – хмыкнул мастер Дэн.

– А ты что здесь делаешь? – нахмурился ректор.

– Трубили общий сбор, и вот я здесь, – Тобиас пожал плечами.

– Дэн звал лишь тех, кто не на занятиях, так что, спрашиваю ещё раз – почему ты здесь, да ещё и в таком виде?

– Прогуливаю, – Тобиас широко улыбнулся. – Фил, ты же напишешь мне освобождение?

– Ещё один Форест, понятия не имеющий, что такое субординация, – ректор закатил глаза. – Ты своему брату случайно не родственник?

– Родственник, – с серьёзным лицом кивнул Тобиас. – Но что случайно – слышу впервые. Папаша делал меня абсолютно целенаправленно.

– Клоун, – буркнул ректор. – То есть, уходить ты отказываешься?

– Отказываюсь. Риони – мой друг. И, как я понимаю, сейчас ей потребуется поддержка.

– Да никто её обижать не собирается! – практически простонал мастер Дэн. – Ну да, был не прав, не рассчитал, сорвался. Только то, что она сказала, меня дико взбесило, ты же знаешь, как мы относимся к

детям,и когда я понял... Так, ладно. Фил, пусть он остаётся, если девочке так легче. Напиши ты ему это освобождение.

– Да напишу, напишу. В конце концов, это не настолько принципиально, – скривился ректор. – Лучше объясни, что же такого случилось, что до конца занятий подождать было нельзя?

– Ещё четыре часа? Да я бы взорвался. Так, всё, я и правда всех взбаламутил, ничего толком не объяснив. Запись включена?

– Да, - мастер Гидеон указал на своё запястье, где находился точно такой же браслет, как и у мастера Дэна. К этому моменту трое пришедших расположились на стульях у стены, с интересом наблюдая за перепалкой ректора и Тобиаса. – Я включил её, как только ты сказал о необходимости вести запись.

– Начало потом обрежь, – посоветовал ректор. - Итак, Дэн, мы все внимательно тебя слушаем.

– Не меня. Вот, это Риони, она выросла в приюте городка Юмидвей, возле восточного побережья. И сегодня, в процессе другого разговора, случайно всплыли кое-какие факты, которые все вы должны услышать, а кое-кто там, – он ткнул пальцем в потолок, - и меры принять.

– Императорский дворец – там, – Тобиас ткнул пальцем куда-то в бок. – Или ты от высших сил ждёшь принятия мер?

– От них дождётся, – фыркнул мастер Дэн. – Все отлично поняли, о ком я, не цепляйся. В общем, Риони, расскажи, пожалуйста, как именно ты жила в приюте?

– Да как все, - я растерянно пожала плечами.

– Хорошо, скажи, как вас там кормили?

– Обычно. Каши, лепёшки, овощные супы, овощное рагу. На праздник – куриный суп,иногда яйца варёные, но это совсем редко – у нас при приюте курятник был и корова, но молоко малышам шло.

– А мясо? Фрукты? – уточнил мастер Гидеон. - Про сладости даже не спрашиваю.

– Иногда нам яблоками платили, но редко. Ими не наешься, директриса предпочитала овощами брать, крупой или мукой.

– Что брать? Кому платили? – ректор подался вперёд.

– Оплату за нас брать. Нас фермерам на работу отдавали, мы для приюта продукты и зарабатывали. Только мясом не платили. Хотя, один раз на свиноферме двух поросят молочных дали, мы там навоз

вычищали. Но директриса их на два мешка пшена обменяла, сказала, толку с них, маленьких, никакого, а откармливать дорого. А с пшена можно много каши наварить.

– Я правильно понял, – уточнил синеволосый дракон, имени которого я не знала, – что дети сами зарабатывали и себе, и малышам на пропитание?

Я кивнула. Мужчины переглянулись, и взгляд у них стал точно такой же, как у мастера Дэна в классе. Я поёжилась, и в ту же минуту оказалась сидящей на коленях у Тобиаса, который неувловимым движением скользнул с подлокотника в кресло, устроив себя в моих объятиях.

– Они не на тебя сердятся, – шепнул он мне на ухо.

– Риони, а что ты еще про одежду говорила? – снова повернулся ко мне мастер Дэн.

– Это я говорила, – уточнила Лапка, высунувшись из-за Ноппи, за которую шмыгнула, когда Томас опускал меня в кресло. – В обносках они ходили!

– Одежду люди жертвовали, – пояснила я. – Если кто-то вырос, или порвалась, или просто надоела – это у богатых, – то её нам отдавали. На крыльце под навесом корзина стояла, туда люди всё и складывали, что не жалко. Одежду, одеяла, посуду, учебники старые, иногда продукты, иногда младенцев, – я даже нашла в себе силы усмехнуться, глядя на становящиеся всё ошеломлённее глаза бессмертных. – С обувью хуже всего было, её всегда не хватало, летом-то босиком можно было бегать, а вот зимой бедствовали. Если от денежных пожертвований что-то оставалось – директриса закупала нам ботинки, но это редко бывало, денег всегда не хватало – надо же и дров закупить, и учителям заплатить, и масло для ламп, и дранку на крышу, и чернила, и тетради... Да много чего надо! Поэтому обувь носили, пока совсем не развалится. Когда у меня магия проснулась, я смогла её чинить. Стало полегче. Сейчас, наверное, снова там всё плохо.

Собственно, чинить приютским ребятишкам обувь я начала сразу же, как в приют попала, но тайком. Считалось, что мне всего двенадцать, и магия проснуться ещё вроде как не могла. Но в последний год я стала это делать уже в открытую, не скрываясь.

– То есть, деньги вам жертвовали? – уточнил магистр Ардерик.

– Да. Чаще всего мэр, иногда другие семьи, побогаче. Но их всё равно не хватало, поэтому нас и отправляли на подработку. Ну и в приюте в основном всё сами делали – в огороде работали, там свой тоже был, дрова кололи, малышей нянчили, корову доили. А куда деваться?

– И какой же смысл в приюте, где дети сами себе на пропитание зарабатывают? – сдавленным голосом поинтересовался мастер Гидеон.

– Там всё же крыша над головой, – пожала я плечами. – Еда для младших, они же себе не заработают. Одежда, пусть и пожертвованная – её ж именно приюту жертвовали, а не кому-то лично. Учили нас. С математикой там совсем беда, но хотя бы на пальцах считать научили, с чтением и письмом получше было. Да и много ли приютским нужно, если потом или на фабрике работать, или в поле батрачить. Подпись поставить можем – и нормально.

– Мне уже просто дурно от всего этого! – мастер Гидеон схватился за голову.

– И это учитывая, сколько денег выделяется из казны на содержание приютов и на образование, – магистр Ардерик едва зубами не скрежетал.

– Без приютов всё равно нельзя, – вновь подала голос Лапка. – Даже таких. Без них ненужных младенцев просто убивали бы! А в приюте их бездетные семьи разбирали. Не будь приютов, куда б они пошли, где нашли бы детей, которым семья нужна?

– Да, старшие работали, – кивнула я. – Да, жили впроголодь и в обносках ходили. Но жили же. Это у меня домик был, я бы могла в нём и дальше жить, лес прокормил бы, но папа перед смертью велел к людям идти, учиться. Сам он неграмотный был, не мог меня учить, а мама только и успела, что читать печатными буквами научить, и умерла. Вот я и пошла в приют, зная, что мне всегда есть, куда вернуться. А остальным сиротам – куда? Тем, у кого не нашлось родных, которые о них позаботились бы, а не выгнали из дома после смерти родителей – им-то куда?

– Но нельзя же так, нельзя! – простонал мастер Гидеон. – Это же дети!

– Кого-то ждёт тщательная проверка, – жёстко произнёс ректор. – И не только в Юмидвее. Как только император узнает – полетят головы. На детях наживаться. На сиротах, которые и так судьбой

обижены. Кстати, - это он уже ко мне, – ты ведь говорила на экзамене, что никто тебя не предупредил, что магически одарённые сироты доучиваются в Имперской школе, специально для них и созданной.

– Никто, – кивнула, соглашаясь.

– И то, что дорогу в ту школу мэрия должна была оплатить, тебе, разумеется, тоже никто не сказал, - ректор не спрашивал, он утверждал, но я всё равно снова кивнула. – Мне даже интересно, у того мага с мэром договор был о сокрытии таких сведений от юных магов, в расчёте, что те всё равно не смогут никуда добраться и никому пожаловаться, или он просто настолько наплевательски к своим обязанностям относился?

– И ведь не узнал бы о них никто. Задохнут на той фабрике – и концы в воду, – подхватил мастер Гидеон, сжимая и разжимая кулаки.

– Это тебе повезло, ты интуит, и могла магией пользоваться даже без обучения, – это уже мастер Дэн. - Другим повезло меньше. Интересно, сколько ещё выпускников приютов с магией остались без обучения?

– Но не у всех же сила такая, чтобы сюда приняли, - напомнила я. – А в остальных академиях обучение платное.

– Для сирот – бесплатное, – возразил ректор. - Но этого тебе тоже никто не сказал, верно?

Я кивнула в очередной раз, понимая, что даже знай я это – что бы изменилось? Знаний для сдачи вступительных экзаменов у меня всё равно не было, хоть в Имперскую академию, хоть в любую другую. А вот узнать, что я могла бы обучаться всему необходимому не в своём лесном домике, стараясь заработать на дорогу и чем-то при этом питаться, а в Имперской школе, куда меня бы доставили за счёт короны – это было обидно. То, что такой возможности мне не дали.

– Думаю, мы узнали достаточно, - мастер Гидеон что-то делал со своим браслетом. - Я во дворец, покажу императору и министрам.

– Перекинь видео Лили на браслет, - попросил магистр Ардерик, вставая. – Мы с ней рванём в поселение, думаю, нужно будет организовать одновременную проверку во всех подотчётных приютах, чтобы не успели узнать раньше времени и хвосты подчистить.

– Думаю, понадобятся общие силы, чтобы застать всех врасплох, – подхватил синий дракон, тоже поднимаясь. – Вот когда пожалеешь,

что артефакты связи так распространены. Поэтому, нужно задействовать только своих.

– Вызовем помощь из Долины, – решил мастер Дэн. – Лишние крылья и быстрые лапы не помешают.

– И идти нужно сразу в приюты, минуя мэрии, говорить с воспитанниками, а еще лучше – с выпускниками, им-то уже точно скрывать нечего и покрывать некого, – сказал Тобиас, и остальные мужчины кивнули, соглашаясь с ним.

– У нас есть еще полдня и ночь на то, чтобы всё это организовать, – уже стоя у двери, мастер Дэн обвёл всех взглядом. – Будем на связи. С утра можно будет начать операцию.

– Может, всё же сначала с императором посоветуемся? – поднял бровь ректор, с лёгкой насмешкой глядя на раскомандовавшегося мастера Дэна.

– Думаешь, он не одобрит? – в ответ тот продемонстрировал, что иронично поднимать брови умеет не хуже.

– Одобрит, – вздохнул ректор. – Но давайте изобразим хотя бы видимость субординации.

– Ладно, мы с Риком всё организуем, но будем ждать от Мелануира отмашку, – пошёл на компромисс наш преподаватель.

– Договорились, – согласился ректор, и четверо мужчин исчезли из кабинета. Только что были тут – а потом исчезли. Остались только мы с Тобиасом, нечисть и ректор.

– Риони, пожалуйста, не рассказывай пока никому о том, что сейчас услышала, – попросил меня последний.

– Я буду молчать, – кивнула я, помня о необходимой секретности. Если на самом деле деньги, выделенные Империей на то, чтобы нас нормально кормить, одевать и учить, были разворованы, я очень хочу, чтобы виновные были наказаны, а для этого – не успели скрыться или подделать отчётность. – Клещ, Моня, Ноппи?

– Обещаю, – Клещ вытянулся в струнку, понимая серьёзность ситуации. Даже уточнять ничего не стал. В отличие от Мони.

– Что, даже Томасу? – барсук, сидящий у ног Тобиаса, задрал мордочку, заглядывая мне в лицо. – Он же и так понял, что это касается твоего приюта.

– Томасу – можно, – разрешил ректор. – Но больше никому. Да и с ним постарайтесь это громко не обсуждать, мало ли, кто может вас

услышать. Я, конечно, не думаю, что кто-то из студентов связан с этой коррупционной схемой, но учитывая опыт прошлых лет, уверенным нельзя быть ни в ком, кроме своих.

Я не очень поняла, кто имелся в виду под «своими», но снова кивнула.

– Я сама Томасу расскажу, – предложила Ноппи. – Тихонько. На ушко. Так, что никто не услышит.

– Спасибо тебе, Риони, - тепло улыбнулся мне ректор. - Если бы не ты, неизвестно, как скоро мы бы узнали о том, что творится в твоём приюте, а может, и ещё во многих. Империя огромная, всё не проконтролируешь, особенно когда в отчётах всё идеально. Можешь идти. Кстати, – тут он как-то совсем по-мальчишечьи хитро улыбнулся, – освобождение у тебя на весь урок, можешь сразу идти отдыхать. Не думаю, что пропустив урок физической подготовки, ты многое потеряешь.

– Спасибо, - я слегка обалдела от того, что сам ректор советует мне прогулять урок, который только-только начался. – До свидания.

Я неловко завозила – встать с чужих колен, когда тебя уютно держат в объятиях, да ещё и с кошкой на руках, непросто. Но в следующую секунду оказалась не на коленях, а полужёжа на руках уже стоящего Тобиаса – кажется, я начинаю к такому привыкать, – причём кроме Ноппи и Лапки у меня в объятиях оказался ещё и Клещ, а Моня сидел на моих коленях.

– Держитесь крепче и зажмурьтесь, домчу с ветерком, - весело предупредил нас Тобиас. – Фил, я потом забегу за освобождением.

– Для тебя – только оправдание задержки, не более. На урок пойдёшь! Нечего наглеть! – раздалось из кабинета, который мы уже покинули.

А потом был свист ветра в ушах, смазанные стены коридоров – впрочем, глаза я закрыла почти сразу, слезились, - и не прошло и десяти секунд, как вся наша компания оказалась перед моей дверью. Тобиас наклонился, давая моей живности спрыгнуть на пол, потом аккуратно поставил и меня.

– Прости, что так быстро, но вдруг кто-то ещё прогуливает, я не хотел бы рисковать, – улыбнулся мне перевёртыш, аккуратно перевешивая мне на плечо мою сумку. - Ты как? Сильно переволновалась.

И я вдруг поняла, что нет, не сильно. Были моменты паники, но она быстро отступала, стоило мне оказаться в объятиях либо Томаса, либо Тобиаса. Удивительно, как одинаково эти двое на меня действуют. И как здорово, что у меня есть такие друзья.

– После твоего прихода – уже практически не волновалась. Спасибо тебе, что поддержал, – улыбнулась я перевёртышу. – Наклонись, пожалуйста.

А потом чмокнула Тобиаса в щёку. Если бы не Ноппи, которую я продолжала держать на руках – обняла бы. Но и так нормально вышло.

– Не благодари, – улыбнулся парень, ласково погладив меня по щеке костяшками пальцев. – Мы же друзья. Приходи иногда к речке, с тобой так хорошо молчать. И разговаривать тоже. Здесь я мало перед кем могу открыться, а с тобой не нужно притворяться кем-то другим.

– Может быть, когда-нибудь ты покажешь мне свою личину?

– Может быть, – загадочно улыбнулся Тобиас и исчез.

– Ну что, Ноппи, погостишь у меня, пока Томас не придёт с уроков? – спросила я, заходя в свою комнату.

– С удовольствием, – кошка потёрлась о мою щёку и с довольным мурчанием приняла ласковое почёсывание за ушком.

– Может, расскажешь нам, что такое «коррупционная схема», – спросил Клещ. – Только так, чтобы мы поняли.

– Постараюсь, – и Ноппи задумалась, видимо, выбирая слова. – Если совсем просто – то это когда воруют, пользуясь своим положением. Мне проще пример привести, чтобы наглядно.

– Давай! – Моня взгромоздился на мою кровать и с удобствами улёгся, готовый слушать.

– Вот, например, мэру города выделили деньги из казны на приют. А он взял и украл их. Что будет?

– Приют ничего не получит, и директриса на него нажалуется в столицу, – ответила я.

– А если он честно отдаст все деньги директрисе, а она их украдёт?

– Мэр заметит, что приютские ходят в обносках и работают на фермах, и спросит у директрисы, где деньги, – мне даже понравилось эта игра в вопросы-ответы.

– А если он украдёт деньги, но поделится с директрисой? А министру напишет, что деньги потрачены на сирот. А директриса не

будет на него жаловаться.

— Тогда... Тогда никто ничего не узнает, — вздохнула я. - Думаешь, у нас именно так?

— Я не знаю, - Ноппи спрыгнула с моих рук на кровать и свернулась клубочком на Моне. - Я просто привела пример коррупционной схемы. Самой простой, чтобы стало понятно. Но всё может оказаться намного сложнее. Или проще. Пусть бессмертные сами разбираются, потом расспросишь Тобиаса, что они узнают и что сделают.

— Обязательно, — кивнула я. Не успокоюсь, пока не узнаю, что выяснится по моему приюту, и что там изменится. Ноппи дала дельный совет — уж Тобиас-то точно будет в курсе.

Время до прихода Томаса я провела, решая примеры и задачи с поиском неизвестного. Домашних заданий нам не задавали, но я была настроена учиться только на лучшие оценки, раз уж с таким трудом — и нарушив чью-то коррупционную схему, — смогла сделать то, что не удалось другим одарённым сиротам с окраин Империи — попасть в академию. Может, теперь и у остальных появится шанс?

Моня и Ноппи дрыхли бутербродом, Лапка читала книгу о неуловимой драконице, Клещ удрал на улицу, а точнее в «наш» лес побегать. Наверное, снова мышей гоняет. Время до прихода Томаса пролетело незаметно.

— Ты как? В порядке? — спросил он первым делом, возникнув у меня на пороге.

— Да, - широко и радостно улыбнулась я ему, показывая, что со мной и правда всё хорошо.

— Что они от тебя хотели? — взгляд парня всё равно выражал тревогу.

Я выглянула в коридор, заметила пару девушек, идущих по своим делам, но с любопытством глядящих на Томаса, затянула его в комнату и плотно прикрыла дверь. Потом велела:

— Наклонись! — и когда он покорно склонил голову, уцепилась за его плечи и, встав на цыпочки, зашептала ему в ухо : — Они хотели узнать всё о моём приюте. И теперь будут ловить тех, кто ворует деньги у сирот. Только это секрет, никто не должен об этом знать!

— Но мне ты рассказала, — довольно улыбнулся Томас.

– Тебе – разрешили, – это я уже обычным голосом сказала. Даже если и подслушает кто – мало ли, какие у нас с моим другом секреты. – Но я бы всё равно тебе рассказала, ты же мой друг. Ноппи знать подробности, она тебе расскажет. Но больше никому!

– Обещаю, - торжественно поклялся Томас. Лицо такое серьёзное, а в глазах смешинки. И поскольку всё ещё не выпрямился, я не удержалась и чмокнула в щёку и его тоже.

– Спасибо, что заступился. Без тебя я бы не справилась.

– Да ничего такого я не сделал, – смутился парень.

– Ты ради меня преподавателю нагрубил и даже с ректором спорил, - возразила я. Потому что сделал! – Надеюсь, тебе это потом не аукнется.

– Да они вроде адекватные, - пожал плечами Томас. – Дэн и сам понял, что переборщил, а ректор... Братья говорили, что он нормальный дядька, не злопамятный, по пустякам не цепляется.

Я мысленно хихикнула, вспомнив совет ректора прогулять урок, раз уж получила освобождение. Не удержавшись, рассказала об этом Томасу, вместе посмеялись. И у меня окончательно отлегло от сердца – всё же я побаивалась, что Томасу могло выйти боком его попытка меня защитить.

– Завтра день самоподготовки, – сказал он, отсмеявшись. - Рефератов мы пока не заработали, отработку – тоже. Есть планы?

– Хочу позаниматься, подтянуть знания. Жаль, нельзя посмотреть свою экзаменационную работу.

– Зачем?

– У меня там ошибки. Мне сказали, что они не страшные, проходной балл я набрала. Но всё же хотелось бы понять, в чём именно я ошибалась и, возможно, проработать эти ошибки.

– Можно сходить в учебную часть и спросить, сохранились ли эти работы. Не вижу причины, почему тебе не дали бы твою для работы над ошибками.

– Как-то неловко, – поёжилась я.

– Хочешь, я с тобой пойду?

– Хочу! – радостно вскинулась я, а потом сникла. – У тебя, наверное, свои планы были.

– Абсолютно никаких планов. Делать мне совершенно нечего, хоть иди и отработку какую-нибудь заслуживай. Поэтому с

удовольствием тебе помогу.

— Спасибо, - если бы Томас уже не выпрямился, я бы его точно еще раз поцеловала.

— Зайду за тобой через час после подъёма, вместе на завтрак пойдём, — и, подхватив Ноппи, Томас ушёл. А я ещё минуту, не меньше, простояла, глядя в закрытую им дверь и глупо улыбаясь, сама не зная, почему.

ГЛАВА 14. ВЫЧЕРКНУТЫЙ

День девятый. Среда

Экзаменационную работу мне выдали. Совершенно без проблем. Но это только потому, что Томас точно знал, к кому подойти с вопросом, где находится архив, куда нас послали, и что именно говорить гноме, которая им заведовала. И часа не прошло – у меня на руках были листы, исписанные моим почерком и с разбросанными там и тут пометками зелёными чернилами.

Мы устроились в библиотеке. Моня и Лапка расположились за соседним столом, изучая новые буквы, Ноппи свернулась на коленях Томаса, Клещ удрал исследовать огромное незнакомое пространство. А мы с Томасом уселись бок о бок, я вооружилась листком и ручкой, и мы разбирали мою работу, выясняя, где простая описка, где ошибка по невнимательности, а где и провал в знаниях.

Читальный зал библиотеки был полон, но в нём было очень тихо – в каждый стол был вмонтирован артефакт купола тишины, его можно было активировать зарядом магии, как лифтовые порталы или ручки. Очень удобно для тех, кто пришёл не в одиночестве, кроме нас таких пар было ещё четыре – в том числе и знакомые мне эльфийки, поддерживавшие нас в случае с Велоней. Условно знакомые – мы обменивались кивками и улыбками в столовой, но так ни разу и не поговорили, я даже имён их не знала.

За одним столом расположилось сразу трое оборотней из волчьих в зелёной форме, они о чём-то азартно спорили, листали учебники, тыкали найденное там друг другу в нос, дружно чертили что-то на большом листе бумаги – но при этом ни звука с их стороны не доносилось. Удобная вещь этот купол тишины, жаль, что дорогая и редкая.

Прерывались мы только на обед, поскольку дыры в моём самостоятельном обучении обнаружились заметные, хорошо, что удалось сдать экзамены на проходной бал, я качалась на грани, спасла лишь сила магии. Томас объяснил, что студентов принимают, ориентируясь именно на неё, хотя, конечно, не напиши я на необходимый минимум баллов – и сила бы не спасла.

Впрочем, мой друг тут же меня успокоил, объяснив, что меня просто отправили бы в ту самую Имперскую школу, добирать знания, и приняли бы в академию на следующий год. Потому что, математику или историю можно подтянуть, а сила – она либо есть, либо её нет, никакими занятиями не увеличишь. Можно научить с ней управляться – или хотя бы просто контролировать, как у нас, у интуитов, – но заставить силу вырасти нельзя.

И я поняла, наконец, почему нас с ним зачислили в академию в день экзамена, а остальным пришлось четверга ждать. Имея высокий показатель магии, достаточно сдать общеобразовательные предметы на минимум – или на максимум, как Томас, написавший экзаменационную работу без единой ошибки, - и всё, уже студент. Тех, кто при проверке силы не показал нужного результата, до остальных экзаменов просто не допускали, тех же, кто написал их совсем плохо, тоже отсеивали в первый день. А у остальных был конкурс – сначала все желающие сдавали экзамены, на что давалось три дня, и уже потом из них выбирались лучшие.

Наверное, если бы на экзамен отводился один день, результаты могли объявляться сразу. Но Имперская академия была огромной, желающих в неё поступить было раз в десять больше, чем имелось мест, потому вступительные испытания и растягивались на три дня.

– Как же не повезло тем, кто три дня ждал результат, а потом узнал, что не прошёл, - посочувствовала я неудачникам. – Надеюсь, хотя бы на экзамены в другие академии они успели.

– Конечно, успели. Там и экзамены, и сами занятия на неделю позже начинаются, как раз потому, что изначально все рвутся именно сюда. Кстати, при желании туда можно экзамены не сдавать, а взять работы, написанные здесь, они магически заверены и засчитываются в остальных учебных заведениях. Конечно, это имеет смысл, если в целом сдал неплохо, просто конкуренты оказались чуть-чуть сильнее. А если написал совсем уж провально, то лучше попробовать пересдать письменный экзамен заново.

Томас оказался отличным учителем – он терпеливо отвечал на мои, наверное, глупые и наивные вопросы, был готов по нескольку раз объяснять непонятное, раз за разом помогал, подсказывал и показывал, в чём я ошибаюсь или заблуждаюсь.

В знании законов я оказалась сильнее всего – не ошиблась ни разу, в географии напутала лишь с двумя названиями, причём одно просто не совсем верно написала, мне подчеркнули название реки, но как ошибку не засчитали. Мы не стали трогать историю, где я плавала в датах, подтяну сама по учебникам. А вот с задачами по математике Томас мне очень помог, объясняя их практически на пальцах, и вдруг оказалось, что если задачи представить наглядно – например, нарисовать, – то не такие они и сложные. Жаль, что в детстве у меня не было такого учителя. Надеюсь, бессмертные что-нибудь придумают, чтобы в моём старом приюте детей учил тот, кто это умеет.

– Не будь ты магом, мог бы стать отличным учителем. У тебя талант.

– Да это я просто вспомнил, как старший брат когда-то точно так же, наглядно, объяснял мне задачи, – Томас тепло улыбнулся, глядя куда-то вдаль, а точнее – в прошлое. – Только у меня были проблемы не с трубами и бочками, а с... кхм... дилижансами, которые едут навстречу друг другу. Вот Ге...ктор и сидел со мной часами, рисуя их, хотя дел на ферме у него всегда было много.

– Тебе очень повезло с братом, – я тоже улыбнулась, слегка завидуя другу.

– Очень, – серьёзно кивнул он. – Ну что, с математикой вроде бы слегка разобрались, давай теперь с правописанием разбираться. Объясни, почему ты написала в этом слове букву «у»?

Мы просидели в библиотеке до ужина, штопая прорехи в моих знаниях. И выходили на улицу уставшие, но довольные своими достижениями. Когда мы спускались с крыльца академии, к нему, вывернув из-за угла со стороны стадиона, распуская немногочисленных прохожих, примчался здоровенный тирекс, сразу за ним – конь светло-гнедой окраски, а потом, отстав секунд на десять, крупный лис.

Конь быстро перетёк в Аласура в его четвероногой форме. Два остальных оборотня остались в звериной форме.

– Это было здорово! – запыхавшись, но широко и радостно улыбаясь, Аласур дал пять тирексу, а лис просто высоко подпрыгнул и кувыркнулся в воздухе, довольно потяфкивая. – Нужно будет как-нибудь еще повторить. Давно я так не разминался.

Тирекс что-то рыкнул и махнул короткой лапкой сначала в сторону академии, мотая при этом головой, а потом куда-то за неё.

– Ага, идите, одевайтесь, я вам стол займу.

И когда оба оборотня умчались туда, откуда появились, кентавр принял двуногую форму. На нём были лишь уже знакомые по первой встрече штаны, наверное, больше ничего Аласур зачаровывать не умел, или не хватало сил.

– Хорошо побегали? - с улыбкой уточнил Томас. Кентавр вздрогнул, оглянулся.

– О, ребята, привет! Вы на ужин или уже всё?

– Всё, – хором ответили мы. Кроме Ноппи, она почему-то никогда не говорила одновременно со всеми.

– Надеюсь, там ещё что-то осталось, а то мы что-то задержались, - пошутил Аласур, отлично зная, что еда в столовой есть круглосуточно, что ей в стазисе сделается? - Ох и набегался я. Всё же тяжело почти всё время в двуногой форме находиться, я к такому не привык.

– Сложно, наверное, оборотням в академии, мало возможностей как следует размять вторую форму, – посочувствовал ему Томас.

А я вспомнила чёрную пуму у реки и подумала, что Тобиасу, наверное, тяжело не только на скучных для него уроках, но и из-за того, что приходится почти всё время ходить на двух ногах. Когда-то я завидовала оборотням, мне хотелось становиться зверем и бегать по лесу вместе со своей нечистью. Но теперь я поняла, что и у оборотней могут быть моменты, когда они завидуют существам с одной формой.

Кстати, о Тобиасе. Нужно будет сходить к реке, вдруг встречу его – можно будет узнать, есть ли новости о моём приюте. Бессмертные были настроены разбираться с этим делом немедленно, не откладывая, значит, хоть что-нибудь можно будет узнать. А если он сегодня не придёт... ну, просто у реки посижу, отдохну, подышу лесным и речным воздухом. Не только оборотни могут тосковать в академии по чему-то привычному.

Так и сделала. Распрощавшись с Томасом и Ноппи, спросила свою нечисть, кто хочет со мной прогуляться. Хотели все, даже Моня, тот еще лежебока, не прочь был размять лапы после целого дня сидения в библиотеке, что уж говорить о неугомонном Клеще и Лапке, всё еще не насладившейся до конца своим вновь обретенным молодым телом.

Прихватив с собой немного конфет, в очередной раз порадовалась, что глупая Велона сидит на диете, и мне достались все её сладости, даже половину которых я ещё не прикончила. Кстати, саму оборотницу я с того случая так и не видела, хотя, ничего удивительного – в общежитии я почти всё время проводила в своей комнате, а уборная у неё, как у платницы, была личная, то есть, даже там шанса столкнуться у нас не было. Ну и хорошо, не особо я и хотела её видеть.

К тому моменту, как появилась пума, я успела съесть конфеты, запить их водой из речки – я выросла в лесу, так что, подобное для меня было нормальным, а вода в реке была достаточно чистой, – и начать раздумывать, не вернуться ли обратно в комнату. Нечисть моя где-то бегала, тоже соскучившись по природе, а я сидела, глядя на воду, и тихо улыбалась. На душе было светло и спокойно.

– Привет, - Тобиас уселся рядом и уже привычно протянул мне букетик цветов. – Как день прошёл?

– Продуктивно, – не сдержала я улыбку. - Восполняла свои знания. Мне друг помог, без него бы не справилась. Сейчас понимаю, что поступила просто чудом. Будь моя магия хотя бы чуть-чуть слабее...

– Значит, поступила бы на год позже. Как только стало бы известно, что ты сирота – тебя уже не оставили бы на произвол судьбы.

– Кстати, о сиротах, - разговор так удачно вынырнул к нужной мне теме. На всякий случай я оглянулась и понизила голос. – Есть какие-нибудь новости о моём приюте?

– Можешь не шептать, вокруг на четверть километра ни души, если не считать твою нечисть и всякую лесную мелочь вроде птах, мышей и кузнечиков. Обратни так далеко нас не услышат, а бессмертные и так в курсе. Впрочем, они не имеют привычки подслушивать, закрываются.

– Что делают?

– Перестают замечать разговоры, которые к ним не относятся. Такая у нас способность, иначе мы сошли бы с ума, слыша все разговоры на несколько километров вокруг. Новообращённым очень сложно приходится, пока научатся закрываться, - вздохнул Тобиас, явно вспомнив тот нелёгкий период в своей жизни.

И я осознала, что даже у бессмертных могут быть неудобства от их сверхспособностей. Хорошо слышать что-то, происходящее вдалеке, можно что-то важное узнать, можно зов о помощи услышать, можно от врагов успеть скрыться, да мало ли. Но с другой стороны – это же словно постоянно находиться в огромной галдящей толпе.

Помню, как мне было тяжело после жизни в лесу оказаться в приюте. Да, я не жила в полной изоляции, вокруг меня всегда была нечисть, но обычно звери занимались своими делами, приходили мне помочь, пообщаться, но никогда не навязывались, и у меня всегда была возможность побыть в одиночестве.

Было очень сложно после этого попасть в шумную толпу детей и подростков, ночевать в общей спальне, где в разное время спало от пятнадцати до тридцати обитателей всех возрастов, причём к нам поселяли всех малышей до пяти лет – именно на старших девочках лежала обязанность за ними присматривать. И если в спальне поселялся горластый грудничок – то ночами не спали все. К счастью, совсем крох разбирали довольно быстро, задерживались лишь те, кто попадал в приют в более старшем возрасте. Но даже когда совсем уж малышей в приюте не было – мне, прожившей почти всю сознательную жизнь в лесу, было сложно, очень сложно.

Конечно, вряд ли можно сравнить эти ситуации, но посочувствовать бессмертным я всё же смогла. И пусть даже не всем бессмертным, а только Тобиасу – всё равно.

– Так что с моим приютом? И с остальными? Есть новости?

– Есть. И не самые утешительные. Твой и ещё два приюта временно расформированы, детей передали в другие учреждения, благополучные. Ещё в пяти заменили директоров, будут сделаны некоторые кадровые перестановки, что-то подправят, но в целом их работа может продолжаться. В твоём – пока нет. Во-первых, здание нуждается в капитальном ремонте, во вторых, директриса набрала на работу своих родственников, которые совершенно на эти должности не подходили. К тому же, штат был укомплектован меньше чем на треть, и то непрофессионалами.

– Это как?

– Например, ты знала, что у малышей должно было быть минимум две няни, работающие посменно? Забота о них не должна была поручаться самим воспитанницам. Или то, что в приюте должны быть

трое подсобных рабочих – чинить здание, присматривать за животными, которых тоже должно быть больше, и за садом – знала? К тому же, подростков должны были отдавать в ученики тем, кто обучил бы их профессии – к плотникам, кузнецам, скорнякам, каменщикам, да мало ли в городе мастеров? А для девочек должны были нанимать учительниц по домоводству – на всё это из казны выделялись немалые средства.

– Нас должны были учить профессиям? – удивилась я. По реакции бессмертных на мой рассказ, я догадалась, что деньги на наше питание из казны выделялись, но что еще и это?! И в голову не приходило.

– Да. Выходя из приюта, воспитанники должны были иметь шанс устроиться на работу хотя бы подмастерьем. Да и девочки тоже могли бы найти работу в швейной лавке или в пекарне, да мало ли! А детей отправляли батрачить без какого-то, самого минимального шанса устроиться в жизни чуть лучше, чем горбатить спину за гроши в поле или на фабрике.

– Я не знала, – шепнула, осознав, сколько судеб загубили те, кому доверили заботиться о самых бесправных. И как мне повезло, что я смогла избежать этой участи. Вот тебе и: «Ты должна идти к людям, Риони. Ты должна учиться, только так ты сможешь чего-то достичь в этой жизни!» Будь я обычной сиротой, не магом, остаться в лесу точно было бы лучше.

– И уж конечно, на своё питание дети не должны были зарабатывать собственным трудом. И ходить в обносках они тоже не должны были. Ты не должна была, – поправился Тобиас, крепко сжав кулаки и стиснув челюсти так, что казалось – зубы раскрошатся.

– И что теперь будет с приютом? – я погладила сжатый кулак, и он тут же поймал мою ладошку, которая в огромной ладони перевёртыша просто потерялась. «Как у Томаса», – мелькнула мысль. – Его в Юмидвее больше не будет?

– Будет, – вздохнул Тобиас, чуть расслабившись, может, помогло то, что я гладила его свободной рукой по плечу, стараясь успокоить. – Приют всё равно нужен, туда свозят сирот со всей округи. Не будь его, боюсь, многие ненужные младенцы будут просто брошены где-нибудь в лесу, или от них ещё как-то избавятся. Нет, приют нужен, просто сейчас предстоит много работы – ремонт и набор нового персонала.

– А со старым что будет?

– По-разному. Директрису и её помощницу, по совместительству золовку, будут судить и посадят на большие сроки с конфискацией, то же, кстати, ждёт и мэра. Остальных – и в приюте, и в мэрии, – в зависимости от вины, либо просто уволят, либо ещё и оштрафуют. Сейчас с ними работают следователи, и как же я жалею, что не могу быть сейчас там. Не могу врезать этой мрази за то, что она творила с детьми. С тобой творила!

Перевёртыш вдруг схватил меня за плечи – руки сильные, но хватка осторожная, он мог бы меня сломать двумя пальцами, но едва касался. Склонившись ко мне так близко, что я каждую ресничку могла разглядеть, он практически простонал:

– Как представляю тебя, маленькую, слабую, потерявшую родителей. Пришедшую к людям за помощью, которую тебе обязаны были оказать – и вынужденную зарабатывать себе на кусок хлеба. Мне дурно от этих мыслей становится! Как бы я хотел изобрести машину времени, вернуться назад и забрать тебя из этого кошмара. Чтобы тебе не пришлось батрачить ради того, чтобы эти твари набивали свои кошельки. Чтобы ты могла нормально питаться, нормально. Есть мясо, фрукты, творог, и что там еще нужно, столько, сколько положено ребёнку, а не подрывать своё здоровье.

Голос Тобиаса звучал полузадушенно, глаза горели, словно у безумца, руки с моих плеч переползли на спину, он меня практически обнимал, продолжая горячно говорить:

– У тебя были бы нарядные платья, тёплая комната, мягкая постель, куклы. Обувь круглый год, а не только зимой. Ты могла бы учиться, и, как любой ребёнок, играть и веселиться, а не горбатиться, зарабатывая себе на пустую кашу, а жене мэра – на очередное ожерелье. Я просто с ума схожу, когда думаю об этом. Просто. Схожу. С ума!

А потом... Потом он и правда сошёл с ума. Он меня поцеловал! Прижал к себе, одной рукой за затылок, другой – за спину, и поцеловал. А я тоже сошла с ума, потому что ответила ему. Когда губы перевёртыша коснулись моих, меня вдруг накрыло странным осознанием, что это правильно. Так и надо. То, как тёплые мягкие губы Тобиаса играют с моими, ловят их, прихватывают, посасывают – всё это правильно.

И я отвечала, неумело – мой первый, самый-самый первый поцелуй! – но так старательно, с таким энтузиазмом, что потом мне, наверное, будет стыдно. Но не сейчас. Я вся отдалась этому чуду, сама прижимаясь к Тобиасу как можно крепче, запустив руки в его локоны и боясь только одного – что он остановится.

И в этот момент на мои руки шлёпнулось что-то маленькое, но увесистое, и заголосило:

– А ну, отпусти её! Отпусти немедленно. Не смей целовать Риони. Мы тебя вычеркнули! Не смей её целовать!

Губы мужчины с моих губ исчезли, и вместе с ними схлынуло наваждение, словно меня окатили ледяной водой. Распахнув глаза, я увидела, что по голове перевёртыша скачет Клещ и лупит его по макушке передними лапами.

– Отпусти сейчас же, а то укушу! – продолжал блажить хорёк. – И всю кровь высосу! Моня, ты что стоишь, как пень. Он нашу Риони целует, а мы его вычеркнули!

– Она его тоже целовала, – рассудительный голос Мони заставил Клеща притихнуть и удивлённо на меня посмотреть.

– Ты тоже его целовала? Зачем? Это чужой самец, не наш. Он нас вычеркнул, и мы его тоже. Нельзя чужого самца целовать, когда свободных полно.

– Риони... – голос Тобиаса сорвался, – Риони, девочка, прости меня. Я не понимаю, что на меня нашло, я не хотел тебя обидеть. Прости, пожалуйста, прости!

– Я тоже... не понимаю, – растерянно пробормотала в ответ. – И ты меня прости. Я не должна была... Я же знаю, что ты ищешь... – И замолчала, даже в таком состоянии помня, что обещала хранить его тайну.

– Вот! Он ищет, да не тебя! – Клещ спрыгнул на плечо Тобиаса, который, хотя и отстранился, но всё равно меня придерживал, словно опасаясь, что если отпустит, я потеряю равновесие и рухну с бревна. Возможно, он был прав, я себя сейчас чувствовала очень странно. – Тебя он вычеркнул, – после этих слов хорёк перепрыгнул на моё плечо и обвиняюще ткнул в Тобиаса лапой. – А мы вычеркнули тебя!

– Ты меня совсем запутал, – перевёртыш потёр висок, продолжая меня придерживать другой рукой. – Кто кого откуда вычеркнул? Я ничего не понимаю.

– Ты Риони вычеркнул. Сказал, что человечки и эльфийки тебе не подходят. А Риони – человечка и немножечко эльф. А раз так, мы тебя тоже вычеркнули. Нам чужой самец не нужен.

– Прости, – я смущённо пожала плечами. - Этот список существует лишь в воображении Клеща. Он почему-то решил заделаться свахой и выбирает мне... самца. Но сама я замуж не собираюсь и никого не ищу. Ты не думай, что я на тебя вешаюсь. Просто... не понимаю, что со мной случилось. Но этого не повторится, обещаю.

– Риони, это я должен просить прощения, не ты. Я старше, опытнее, я мужчина, в конце концов. И я это начал. Я не должен был к тебе даже прикасаться, но... не понимаю, я просто не понимаю! Но твоей вины в этом точно нет, не кори себя, Риони, пожалуйста.

– Не буду, – пообещала, точно зная, что обещание своё не сдержу.
– Мне возвращаться пора.

В своей комнате, когда Тобиаса не будет рядом, я попытаюсь понять, что же со мной случилось. А сейчас, когда он так близко и всё ещё ко мне прикасается, думать сложно, очень сложно.

– Я отнесу, – и, не слушая возражений о том, что не так уж и темно – что было откровенной неправдой, - и что я отлично дойду до общежития сама, перевёртыш подхватил нас с Клещом на руки. Точнее – меня с сидящим на моём плече Клещом. – Лапка, подбросить?

– Не откажусь, – и всё это время молчавшая ласка забралась ко мне на колени.

– А бедного Хромоножку никто не предлагает донести, – раздалось горестное откуда-то снизу. - Ну и ладно, сам дойду, делов-то!

Это мой барсук сейчас сказал? Сначала внезапно открывшаяся тяга к знаниям, теперь вот это. Мне точно нечисть не подменили?

– А я и не знала, что ты вычеркнул Тобиаса, - Лапка укоризненно посмотрела на Клеща. – И чем это ему человечки с эльфийками не угодили?

– Не могу сказать, – надулся Клещ, недобро поглядывая на Тобиаса. – Я клятву дал. Просто поверь, что этот самец нам не подходит.

– Жаль. Мне он нравился, - вздохнула Лапка.

– Ребята, ничего, что я вот здесь, рядом, а? - вкрадчиво поинтересовался Тобиас.

– Да нет, ты нам не мешаешь, - пожал лопатками Клещ.

– Знаешь, меня очень заинтересовал этот список, откуда меня вычеркнули. И много там осталось кандидатов?

– Половина, – буркнул хорёк.

– То есть, ещё кто-то один? – догадался Тобиас.

– Пока да. Но я ещё мало кого видел. Нашей Риони абы кто не подойдёт!

– Я заинтригован. Не назовёте ли мне имя моего более счастливого соперника?

– А тебе не всё равно? – фыркнул Клещ. - Нет тебя там. Всё!

– Томас там остался, – раздалось снизу.

– Томас? - брови перевёртыша удивлённо взлетели. - Это тот громила, которого вы от оборотницы защищали?

– Ты тоже видел, да? – смутилась я. И немного испугалась – не заметил ли он у меня в кулаке комок тьмы? И тут же мысленно выдохнула – если бы заметил, я бы уже не в академии находилась, а в застенках императорского дворца к казни готовилась. Комок был небольшой, увидеть его можно было, лишь специально взглядевшись в мою руку. Да и то можно было подумать, что это просто тень.

– Видел. Вы храбрые ребята, - Тобиас улыбнулся Лапке. – Но вот насчёт того парня... Вы действительно считаете, что он подходит Риони?

– Ещё как подходит! – выпрямился Клещ, как всегда делал, стараясь придать веса своим словам. – Большой, сильный самец, а значит, защитить сможет, добытчик хороший, детёныши здоровые родятся.

– Добрый. Меня на руках иногда носит, когда у меня нога болит, – высказался Моня.

– Заботливый. И красивый, – добавила Лапка.

– Красивый? – брови перевёртыша вновь исчезли под волосами. - Думаю, вряд ли кто-то ещё, кроме нечисти, может посчитать его красивым.

– Орчанки считают, - ехидно парировал Клещ.

– Томас очень красив, - тихо ответила я перевёртышу. – Его красота вот здесь, – я приложила ладонь к груди. – А внешность – это

не главное. Какая разница, как выглядит тот, кто дарит тебе заботу и чувство защищённости? Кто всегда оказывается рядом, когда он нужен. Кто откладывает свои дела, чтобы позаботиться о тебе. Какая разница, каким его считают другие, для меня Томас самый лучший.

– Я не включаю в свой список кого попало, – голос Клеца звучал очень серьёзно. – Только тех, кто по настоящему нравится Риони.

Оставшуюся дорогу мы молчали. Тобиас шёл не торопясь, обычным шагом, чтобы идущий рядом Моня не отставал. И уже посадив меня и всю мою нечисть на подоконник, он тихо спросил:

– Этот Томас... Он тебе на самом деле нравится?

– Я не собираюсь выходить замуж, – я была серьёзна, как никогда.
– На это есть свои причины. Но если бы собиралась, а Томас предложил – вышла бы за него, не раздумывая. Но он не предложит, потому что он – мой друг. Самый лучший на свете друг, а за друзей замуж не выходят.

ГЛАВА 15. ПОДАРОК

День десятый. Четверг

Вставать утром было очень тяжело – большую часть ночи я проворочалась, вновь и вновь прокручивая в голове случившееся у реки. Тот поцелуй... Я не знала, почему Тобиас меня поцеловал, если ищет свою истинную пару, с другой стороны, бессмертные столетиями их ищут, не живут же они все эти годы совсем уж одинокими. Я не сблизилась ни с кем из своих соседок или одноклассниц, но это не мешало мне слышать их разговоры, и бессмертные красавцы занимали львиную долю их болтовни.

В основном это было обсуждение красоты и прочих достоинств роскошных мужчин, но так же и расстройство от того, что на данный момент все бессмертные академии женаты, а значит, на остальных женщин как на женщин не реагируют вообще. А вот холостые драконы и перевёртыши вполне открыты для флирта и не редко заводят романы со студентками и не только с ними. Но сейчас в распоряжении девушек – лишь пара холостых преподавателей помоложе, ну и остальные студенты, конечно. И многих это печалило. Стать даже временной возлюбленной дракона или перевёртыша – про гаргулий они могли и не знать, – было мечтой половины студенток, не меньше.

В общем, поцелуй Тобиаса меня удивил, конечно, но вот то, как я отреагировала на него, для меня было совершенно непонятно. Ошеломительно просто. Раз за разом проживая в мыслях те секунды – или минуты, не знаю, – я не могла понять, что же со мной случилось. Почему мозги отключились совершенно? Почему я в тот момент не хотела больше ничего, кроме как оставаться в объятиях своего друга.

Друга!

Я никогда не думала о Тобиасе как-то иначе, даже когда Клещ надоедал мне со своим списком. Только друг – с которым хорошо посидеть рядом молча или поговорить о чём-то важно, который пришёл мне на помощь и прогнал страхи в кабинете ректора. Почти такой же замечательный, как Томас, хотя второго такого, наверное, просто не существует.

Друг!

Тогда почему я словно сошла с ума от прикосновений его губ?

Не понимаю...

И вот так, по кругу, по кругу, эти мысли крутились в моей голове, а я крутилась в постели. В итоге моя нечисть, не выдержав, отправилась спать на свои подстилки, а я забылась тяжким сном уже под утро. И если бы меня не начали будить в три голоса, стащив на пол одеяло, а потом шлёпнув мокрым хвостом по лицу, я бы точно проспала. Будильник я, конечно же, не слышала.

Томас с Ноппи и Аласуром уже почти доели свой завтрак, когда я плюхнулась на стул рядом и присосалась к чашке с горячим чаем, надеясь, что это поможет мне окончательно проснуться.

– Ты себя хорошо чувствуешь? - с тревогой глядя на меня, спросил Томас.

– Нормально, - пробулькала я, не вынимая носа из чашки. Смотреть на него почему-то было неловко.

– У тебя синяки под глазами вот такие! – Аласур нарисовал у себя на лице пальцами круги на полщеки. – Ты что, всю ночь не спала.

– Почти, – широко зевая, ответила за меня Лапка. - Бессонница у нас была.

– А сейчас-то почему? Вот мне пару первых ночей не спалось, всё чужое, всё не так, стены давят. А теперь сплю без задних копыт. А тебе что мешало?

– Известие Риони получила из прошлой жизни, – выкрутилась Лапка, я же продолжала цедить чай, не решаясь поднять на собеседников глаза. – Переволновалась. Всю ночь вертелась, никто толком не поспал.

– Бедняги, - искренне посочувствовал кентавр. - Может, получится на специальности подремать.

– Нам-то да, но не Риони, – вздохнул Клещ и сочувственно погладил меня по руке. - Мастер Дэн, конечно, не вредный, но всё равно – преподаватель же. И вряд ли разрешит студентке спать на уроке, даже если она на ногах не держится.

– Извини, что вмешиваюсь, - раздалось рядом, и, подняв глаза, я увидела «знакомую» эльфийку. Ту, что с косой, кажется, она в их паре была за главную. – Я тут случайно услышала о твоей проблеме, а скорее её увидела. Не возражаешь, если попробую помочь?

– Чем? – растерялась я, даже забыв поздороваться.

– А вот этим, - и она выложила на стол мешочек со странной застёжкой, потянула за какую-то штучку, провезла её по металлической полоске – и мешочек открылся. Я такого прежде не видела, поэтому застыла, заворожённо глядя, как эльфийка достаёт оттуда какие-то шкатулочки, трубочки, кисточки, круглые тряпочки, что-то ещё, непонятное. – Глаза закрой.

Не знаю, почему, но я тут же подчинилась и почувствовала, как по моим векам и щекам что-то размазывают, чем-то возят, делают еще что-то непонятное. Это было не больно, лишь чуть-чуть щекотно, пахло приятно, руки эльфийки были аккуратными и нежными, я едва не уснула подо все эти поглаживания, но тут услышала:

– Всё, можешь смотреть.

Открыла глаза и увидела перед собой маленькое круглое зеркальце в розовой оправе из непонятного материала. А в зеркале... ну, собственно, свой глаз. Обычный глаз, который каждый день видела в большом зеркале, когда умывалась. И тут до меня дошло – синяков, которые почти напугали Аласура, под ним не было.

– Волшебство, – пробормотал кентавр куда-то в сторону, и, подняв глаза, я увидела, что он смотрит куда угодно, но не на мою спасительницу. Ну конечно, к нам же подошла «незнакомая самка», у которой может быть сильный самец.

– Ты просто волшебница, – а вот Томас смотрел на эльфийку открыто, с широкой улыбкой, и почему-то мне это совсем не понравилось. - Спасибо тебе.

– Спасибо! – спохватилась и я. И добавила : – Меня Риони зовут.

– Я знаю. Тебя вся академия знает, три питомца одновременно – такого здесь ещё не бывало. А я Урлиэль, а это Ондриэль, моя двоюродная сестра, - эльфийка кивнула на свою спутницу, сидящую за столиком неподалёку и с аппетитом доедающую что-то из блюдечка. – Она годом младше, вот и приходится нянчиться.

Улыбка Урлиэль показала, что забота о сестре ей совсем не в тягость, в отличие от Сайды. А у меня при взгляде на Ондриэль даже аппетит проснулся, с таким удовольствием она ела. Но увы, себе я ничего, кроме чая, не взяла, а идти к прилавкам было поздно – прозвенел сигнал, означающий, что первый урок начнётся совсем скоро, и оставшиеся в столовой студенты кинулись на выход.

Выхватив последний кусок яблока из-под носа Мони, как обычно, подчищавшего всё недоеденное со всех тарелок, я потопала на выход. Уже на лестнице Томас сунул мне в руку пирожок.

– Жуй, а то в обморок от голода упадёшь.

Не упала бы. Пропущенный завтрак – это разве голодовка по сравнению с тем, что мне приходилось испытывать раньше. Но в последнее время я совершенно отвыкла ограничивать себя в еде, потому с благодарным урчанием вцепилась в пирожок зубами. С мясом. Ещё тёпленький. Даже спать расхотелось.

Ненадолго. К тому моменту, как в класс вошёл мастер Дэн, я снова клевала носом и с трудом держала глаза открытыми.

– Итак, кое у кого была бессонная ночь? - с порога поинтересовался мужчина, с улыбкой глядя на меня.

– Как вы узнали? - удивилась Лапка.

– Ты произнёс моё имя вслух, – мастер Дэн улыбнулся ласке, но обратился к Клещу. – Так что, я более-менее в курсе. А потому... Видишь, вон те коврики?

Это уже мне, указывая на лежащую в углу стопку ковриков, на которых мы сидели на занятии по управлению потоками. До этого я на них внимания не обратила, поскольку комната снова была полна разными вещами, над которыми нам предстояло потрудиться.

– Устраивай себе постельку и ложись, час у тебя точно есть, точнее – два, если по-вашему. Не волнуйся, прогул не поставлю. А мы пока с парнями позанимаемся.

Я подумала-подумала, а потом пошла и легла. Раз предлагают, почему бы и нет? Тем более что следующим уроком у нас математика, там подремать не получится. Если бы какая-нибудь лекция – ещё можно было бы, но не на математике. Ноппи, как нормальная кошка засыпавшая при любой возможности, пристроилась мне под бочок, Моня примостился в ногах. Уже проваливаясь в сон, я почувствовала, как меня чем-то накрывают.

Проснувшись я от того, что меня осторожно трясут за плечо, приговаривая:

– Вставай, девонька, почини нам пару вещичек – и я с чистой совестью поставлю отметку, что на уроке ты присутствовала.

Открыв глаза, обнаружила сидящего на корточках мастера Дэна в уже знакомой рубашке. Как же она называется? Вспомнила –

«футболка». Хотя, надпись сегодня была другая : «Мне много не надо. Власть над миром и печеньку». Улыбнувшись, я закопошилась, выбираясь из-под укутывавшего меня... чего-то. Не сразу сообразила, что сверху на мне лежит огромный белый мундир преподавателя, а ниже, укрывая ноги, – другой мундир, не менее огромный, но уже сиреневый.

И эти два часа сладкого сна на жёстких ковриках под мужскими мундирами и с собственной рукой вместо подушки дали мне больше бодрости, чем целая ночь на мягкой кровати под уютным одеялом. Теперь я готова была к учебному дню.

Поблагодарив мастера Дэна и Томаса, я показательно «склеила» разбитую чашку и порванный носовой платок. Стало интересно, парни весь урок что-то обновляли и делали прозрачным или болтали с мастером Дэном на отвлечённые темы? Если второе, то жаль, что я это проспала. Но будут и другие уроки, специальность в расписании – четыре раза в неделю, успею расспросить иномирца обо всём.

Когда я уже подходила к двери, мастер Дэн окликнул меня, попросив задержаться. А потом протянул конверт.

– Это тебе, Риони. В благодарность за то, как ты нам помогла.

Очень удивившись, я заглянула в конверт и обнаружила красочно оформленный билет на посещение Пещеры Ветра, а так же два билета на дилижанс между академией и соседним городом.

– Портал к пещере будет открыт в двадцать пять часов* возле мэрии, постарайся не опаздывать, - улыбнулся мне мужчина. - Присоединишься к экскурсии, организованной для старших обитателей местного приюта. Мы решили, что так будет справедливо, раз уж, будучи воспитанницей, ты ни на какие экскурсии не ездила. И оденься потеплее, пещера не зря так называется.

– На это тоже деньги выделялись? – не удержалась я от вопроса. - Ой! Спасибо большое!

– Тебе спасибо. Кстати, нечисть может пройти без билета. Возьмёшь их с собой.

– Меня не надо! – тут же сообщил Моня. – Что я, нор не видел?

– Таких – нет, - усмехнулся мастер Дэн. – Но решать, конечно, тебе.

– Ему всего лишь лень бродить по той пещере и просто на неё смотреть, – сдал приятеля Клещ. - Это мы с Лапкой, если устанем,

сможем на руки к Риони забраться, а Моня и раньше был тяжеленный, а теперь совсем разъелся, она его не поднимет.

– Я просто не хочу! – надулся Моня.

– Ну и не надо, если не хочешь, – умиротворяюще проговорила Лапка. – Останешься дома, буквы поучишь. А мне вот любопытно.

– Вот и славно, – улыбнулся преподаватель. – Бегите, а то на следующий урок опоздаете.

Я вышла из класса, продолжая разглядывать красивый билет в пещеру. Вот ведь как бывает – на одном краю империи сирот на экскурсии возят, на другом – заставляют зарабатывать себе на еду. Надеюсь, теперь контроль над приютами бессмертные усилят, раз уж сами выделяют такие большие деньги на сирот.

– Тебе дали билет в пещеру? – слегка расстроено протянул Томас, немного меня этим удивив. Но следующая фраза всё объяснила: – А я хотел сам тебя пригласить. Даже билеты на двоих забронировал. Нужно будет отменить бронь.

– Что ты сделал? – не поняла я.

– Позвонил на кассу и попросил оставить мне два билета, – поправился Томас.

– Позвонил? В колокольчик? – теперь наше общее удивление высказал Моня.

– Ох, простите, опять я иномирных словечек нахватался. Я имел в виду, что связался по переговорному амулету, когда по нему приходит вызов, раздаётся звонок. И «позвонил» – говорить короче.

– Привыкайте, Томас часто употребляет слова, прочитанные в иномирных книгах, – захихикала Ноппи.

– Зато ты всегда изъясняешься только понятными словами, ага, – закатил глаза Клещ. – Уж кто бы говорил!

– Я тоже все эти книги прочла, – кошка зевнула и полезла Томасу за пазуху, где и затихла.

– Аласур, может, всё же с нами? – предложил её хозяин. – Пока я бронь не отменил. Говорят, там очень красиво. И безопасно.

– Нет уж, – кентавра аж передёрнуло. – Самому идти за наказанием, да еще и деньги за это платить? Я что, идиот?

– Значит, впятером пойдём, – подвёл итог Томас. – Нужно будет заскочить в деканат и одну бронь отменить.

– В деканат? – не поняла я.

– У секретаря есть переговорный амулет, по нему студенты могут звонить, главное – напитать его магией, как ручку или кнопку портала. В инструкции же было написано.

– Аааа... Я про это не читала. Мне звонить некому, – я поймала себя на том, что легко повторила иномирное слово, так и правда короче, чем «разговаривать по переговорному амулету».

За разговором мы дошли до кабинета, где нас ждала математика. Урок прошёл интересно, вчерашние занятия с Томасом мне очень помогли, стало намного проще воспринимать новое и понимать уже изученное раньше. На расоведении и истории Империи было скучновато – вводные лекции редко бывают захватывающими. Но носом я уже не клевала, как опасалась, спасибо мастеру Дэну.

Во время физической подготовки Ноппи расстроила минимум половину студенток. Пока проходило ожидание очереди покидать мячик, девушки, как обычно, шушукались кто о чём, разбившись на группки «по интересам», но потом кто-то из них сказал, что вроде бы до неё через пятые руки дошёл слух, что мастер Гидеон, учитель математики, не женат.

Это известие взбудоражило всех, девушки загомонили, высказывая идеи, как и чем привлечь его внимание – о романе с холостым перевёртышем мечтали, похоже, все девушки Империи, кроме меня, конечно. Но тут Ноппи, вроде бы уже привычно спящая на спине Мони, выдала, даже глаз не открывая:

– В ином мире женатые мужчины носят не брачную вязь на запястье, а кольцо на безымянном пальце левой руки. И замужние женщины тоже.

После этих слов девушки негромко, но очень дружно расстроено взвыли, потому что все уже заметили неширокое золотое кольцо именно на этом пальце преподавателя. Даже госпожа Селбина обернулась на многоголосое тоскливое «Уууу», правда, о причине общего расстройства не догадалась.

– Надоело уже? Ну, давайте в новую игру поиграем. Делитесь по трое.

После этого мы начали играть в детскую игру, когда двое перекидываются мячом, пытаясь попасть в третью. Мне игра была знакома, только мы в приюте играли не мячом, которого у нас просто не было, а узелком, в который насыпан песок, так что, уворачиваться я

умела очень ловко – это если мячом попадут, почти не больно, а песок заметные синяки оставляет.

Поэтому меня так и не удалось «вышибить», в итоге госпожа Селбина своей преподавательской властью поставила меня кидать мяч, хотя по правилам такая перемена ролей в тройке играющих происходила только после удачного попадания.

Парни же во время наших весёлых игр всюду пыhtели на полосе препятствий. Я заметила, что Аласур пришёл на урок с волосами, заранее заплетёнными в аккуратную косу. Интересно, он сам за эту пару дней научился, или ему кто-то из длинноволосых парней помогал? Но с распущенными волосами на полосе действительно бегать было опасно.

Повезло мне, что в этой академии никто не требовал от девушек тренироваться наравне с парнями, как, например, в военной академии. Мы играли на свежем воздухе, разминались после долгого сидения за партой – что может быть лучше? Поэтому все девушки обожали урок физической подготовки, а большинство парней ненавидело. Во всяком случае – на первом курсе. Потом, говорят, привыкали и втягивались.

Вечер мы с Томасом провели в его комнате за решением задач, стараясь подтянуть мои знания и заполнить пробелы в них. Я впервые побывала в комнате для платников. В целом отличий было мало, набор мебели стандартный, а вот сама комната немного просторнее и, главное – имелась небольшая уборная – комнатка с душем, горшком и умывальником – вот и все различия.

Моня пришёл вместе со мной, чтобы послужить матрасиком для обрадовавшейся Ноппи, а Клещ и Лапка отправились гулять. Когда, за пару минут до отбоя, уставшая, но довольная, я вернулась в свою комнату, там меня ждал букетик полевых цветов всё в том же стакане, который я не убирала со стола, а так же озадаченная нечисть.

– Они появились вот прямо сейчас, - доложил Клещ, глядя на цветы. – Не было-не было, я моргнул – и вот они. И тут ты заходишь! Словно кто-то специально подгадал.

– Кто-то, - фыркнула Лапка. - Словно не знаешь, кто нашей Риони цветы носит.

– Не знаю, – огрызнулся Клещ. - Не видел никогда. Мало ли, кому наша девочка понравилась, она у нас красавица.

– А много ли среди них тех, кто может вот так: нет цветов, моргнул, есть цветы?

– Да любой бессмертный!

– И сколько среди них истинных пар не имеют? - ехидно поинтересовалась Лапка. – Или сегодня на физической подготовке тебе слух отказал?

– Но речь-то шла о преподавателях, – вмешался Моня, в то время как я складывала сумку на завтра, сверяясь с расписанием и делая вид, что не слышу, о чём спорит моя нечисть. – Про существование Тобиаса никто, кроме нас, не знает, но это не значит, что таких, как он, в академии больше нет.

– Да какой смысл спорить, если можно понюхать? – воскликнула Лапка, забралась на стол, обнюхала стакан и край рамы прикрытого, но незапертого окна. - Вот! Я же говорила!

Клещ повторил все её действия, недовольно фыркнул:

– Наверное, прощения так просит. Но мы его всё равно вычеркнули, пусть не подлизывается. И вообще, эти цветы Риони и сама набрать может, лучше бы конфеты подарил.

– Конфет у меня – ещё на две недели хватит, а то и на месяц, а цветы красивые, - всё же вступила я в разговор, взяв стакан и понюхав слабо пахнущие цветочки.

Где-то в груди защемило. Я прекрасно знала, что и Тобиас не свободен в своём выборе, и самой мне нельзя с ним быть, но всё равно накатила такая тоска. Я старалась убедить себя, что это из-за того, что мне нравились наши разговоры у речки – хотя, сколько их, тех разговоров, было-то?

Есть ли смысл обманывать саму себя – я думала о Тобиасе не просто как о друге, с друзьями так не целуются, голову настолько не теряют. Но нельзя, нельзя...

Я улеглась в постель, очень надеясь, что мне не предстоит ещё одна бессонная ночь. Весь день и вечер я почему-то даже и не вспомнила о Тобиасе, а сейчас вновь накатила тоска. Я саму себя не понимала, а поделать ничего не могла. И сколько бы ни повторяла себе вновь и вновь, что Тобиас скоро встретит свою истинную, что он – бессмертный, и пусть отрицает, что принц, но всё равно, даже будучи из другого мира, он всё равно принадлежит к императорской семье,

что я – обладатель тёмного дара, за который казнят, а значит, ни детей иметь, ни сблизиться с кем-то мне просто нельзя – это не помогало.

Тоска окутала меня коконом, заставляя тихонько хлюпать носом и сглатывать слёзы. Лапка гладила меня по щеке, утешая, как когда-то в детстве, Клещ и Моня крепче прижимались, молча выражая сочувствие, но легче мне не становилось. Почему жизнь так несправедлива? Как же давно мне не было так больно и обидно.

К счастью, вчерашняя бессонная ночь меня слишком вымотала, и уснула я быстро.

Наутро я встала еще до будильника, рано заснув и отлично выспавшись. За завтраком поняла, что вчерашнее отчаяние куда-то испарилось – я смеялась над шутками Томаса и с удовольствием уписывала сытный завтрак. Вот что с человеком делает крепкий полноценный сон.

Когда мы уже сидели в полупустой аудитории, дожидаясь остальных студентов и преподавателя по истории Императорской семьи, я заметила, как перевёртыш Гейб, привычно устроившийся за задней партой в углу, недалеко от нас, раскрыл учебник на вкладыше с фамильным древом, взгляделся в него, после чего несколько раз несильно стукнулся лбом о парту. Несильно – потому что парта лишь слегка затрещала, но не сломалась.

– А кому сейчас легко? – насмешливо кинул в пространство Томас, тоже заметив телодвижения перевёртыша. Гейб злобно глянул в нашу сторону.

– Не надо, – зашипела я, дёргая соседа за рукав. – Не зли его!

– Почему? – широко улыбнулся Томас, и я какое-то время не могла подобрать слов для ответа. Что значит «почему»? Да потому что это бессмертный, к тому же – член императорской семьи, вот почему.

– Он принц, – только и смогла я выдавить, делая большие глаза, мол, ты с ума сошёл?

И за это уже сама удостоилась недовольного взгляда. А на меня-то за что?

– Я не принц! – раздалось шипение из угла, объясняя недовольство сидевшего там перевёртыша.

– Вот видишь? – Томас говорил со мной, но продолжал с насмешкой смотреть на Гейба. – Он не принц, а простой студент. Так

же, как и мы с тобой. Знаешь, я тоже заранее скучаю в ожидании этого урока, но мебель же не ломаю.

– Я не сломал! – снова шипение из угла.

– Риони, а я его найти не могу, - Лапка показала на схему фамильного древа, которую развернула, пока мы с Томасом и перевёртышем шипели друг на друга.

– А здесь не все указаны, - Клещ указал на надпись внизу листа : «Полное фамильное древо семьи перевёртышей хранится в личной библиотеке императора». - Только ближайшие родственники прямой линии до третьего колена.

Я с интересом взгляделась в схему, пробежалась по именам – Гейба не было. Зато нашёлся Тобиас – в той ветви семьи, что происходила из другого мира. Собственно, для неё даже пришлось сбоку от схемы приклеить полоску, потому что у Александра, сына третьего императора Девиора от его иномирной истинной пары, о вжбжбыв существовании которого в императорской семье узнали всего четверть века назад, было около сотни детей. И потомки этого самого Александра, точнее, его дети и внуки – следующие поколения здесь указаны не были, – занимали почти столько же места, сколько и остальное древо, к которому эту новую ветку пририсовали совсем недавно.

– Надо же, тут даже имя «Томас» есть, – следя за моим пальцем, путешествующим по иномирной ветке, заметила Лапка.

– Он ведь на самом деле не Томас, а Иветтомассор, - напомнила я. - Томаса мы из его имени «вырезали». Но всё равно – удивительное получилось совпадение.

И тут палец того, кого мы негромко обсуждали, ткнул в одно из имён – старшего сына Александра.

– Но тут написано «Габриель». Это же имя той иномирянки, которая нечисть защищает, – вспомнила я.

Палец слегка сдвинулся, указывая на жену того, кто значился на схеме под именем Габриель.

– Миранда? – прочла я. – Это же полное имя госпожи Рэнди, которая у нас ведёт историю иного мира. Так его, – перешла на шёпот, - зовут не Гейб, а Габриель?

Из угла раздался стон, а потом шипение:

– Гейб! Меня зовут Гейб!

– Похоже, у них с женой это семейное – не любить свои полные имена, – тихо, так, чтобы услышала только я, хихикнул Томас.

– Я тоже своё полное имя не люблю, – Моня встал на задние лапы и зацепился когтями за столешницу. – И ты не любишь! – это он Томасу.

– А вы точно не родня? - поинтересовался Клещ у моего соседа, а из угла донеслось ехидное хихиканье.

– Я бы не отказался, - вздохнул Моня. - Во дворце, наверное, очень хорошо кормят.

– Да уймись вы, – раздалось шипение с другой стороны. – Урок уже начался. Сейчас преподаватель зайдёт, и влепит вам наказание прямо накануне выходного.

Я испуганно оглянулась на Аласура, потом на переставшую мигать полоску над дверью, которая как раз начала открываться, чтобы впустить преподавателя, и притихла. Ещё не хватало схлопотать отработку, имея в кармане билет на первую в моей жизни экскурсию! Все остальные тоже притихли, глядя на старенького магистра Мавеника, который вчера вёл у нас историю Империи, а сегодня будет вести историю Императорской семьи.

После этого пятница покатилась спокойно и без происшествий. Я старательно записывала на вводных лекциях по истории Императорской семьи, основам целительства и пользовании артефактами и амулетами, решала на математике, кидала мяч на физической подготовке и чинила вещи на специальности.

Большую часть урока заняли попытки Аласура сделать невидимой часть себя, а не всего целиком, но у него так ничего и не получилось, тогда мастер Дэн посоветовал ему попробовать сделать прозрачной лишь половину чашки, разрешив немного потренироваться во время выходного. Отдельно подчеркнув, что только на чашке и только немного, поскольку происходит это будет не под его наблюдением. Нам с Томасом это было запрещено, причём запрет сопровождался сурово нахмуренными бровями.

И мы дали искреннее обещание, поскольку собирались завтра на экскурсию и использовать свою магию не планировали. По крайней мере – я. Первая в моей жизни экскурсия – какая уж тут магия, не до того мне будет!

** Двадцать пять часов – двенадцать часов дня.*

ГЛАВА 16. ЭКСКУРСИЯ

День двенадцатый. Воскресенье

Сегодня я снова проснулась рано. Если бы по воскресеньям звучал будильник – то раньше него, а так мне об этом сообщил Клещ, сбегавший в холл, где напротив входной двери висели часы – очень полезная вещь для тех студентов, у которых не было личного артефакта.

Настроение было таким же солнечным, как и погода за окном. Хотя вчера, после того, как вернулась от Томаса и увидела новый букетик на окне, снова накатила тоска, хотя на этот раз обошлось без слёз. Клещ и Лапка к этому времени ещё не вернулись, и некому было рассказать мне о волшебном появлении цветочков на моём столе.

Наши занятия с Томасом стали уже чем-то постоянным и, что удивительно, доставляли удовольствие не только мне, но и самому Томасу. Ведь это именно он предлагал позаниматься, а я с радостью принимала приглашение.

Какое всё же чудо, что у меня есть такой замечательный друг. Рядом с ним даже тоска по Тобиасу куда-то исчезала, хотя вечерами возвращалась, и сейчас одна только мысль, что мы вместе отправимся на экскурсию, уже заставляла меня порхать по комнате, напевая кто-то весёлое.

Я и за завтраком продолжала улыбаться, наблюдая за тем, как Томас шутливо уговаривает Аласура присоединиться к нам, а тот наигранно-испуганно отмахивается. Я набила «волшебный ящичек» вкусняшками для Мони, а кентавр пообещал накормить его обедом, после чего, прихватив Лапку, Ноппи и Клеща, мы отправились на остановку дилижансов.

Но дилижанса ждать не пришлось, Томас, оказывается, отменяя бронь на билет с переговорного артефакта в деканате, еще и извозчика умудрился для нас заказать на определённое время – очередной сюрприз, я и не знала, что такое тоже возможно. Впрочем, на извозчике я вообще второй раз в жизни ехала, и оба раза – с Томасом, самой мне ни вызывать его, ни оплачивать не пришлось.

Когда мы уже садились на извозчика, над нами пролетел ярко-оранжевый дракон, взлетел он откуда-то из-за здания академии и направлялся в сторону города Академического,туда же, куда и все мы.

— А в академии есть еще дракон? — проводив красивую крылатую огромную ящерицу взглядом, удивилась я. — Мне казалось, там только магистр Ардерик и магистр Киллиан преподают.

Теперь я уже знала имя того синеволосого дракона, который присутствовал в кабинете ректора, когда я рассказывала о приюте. Больше мы не виделись, поскольку он вёл специальность у защитников, то есть, у нас ничего не вёл. Но девушки на физической подготовке и в раздевалке много сплетничали о бессмертных,и я точно знала — драконов в академии двое. Синий и фиолетовый.

— Преподают — да, - кивнул Томас. - Но мы не знаем, кто из них в академии учится.

— Он, как и Тобиас, под артефактом личины? — догадался Клещ.

— Она, - поправила Ноппи. — У мужчин-драконов не бывает такого яркого цвета чешуи,только у женщин.

— Какие же эти драконы счастливые, — вздохнула я, высунувшись из окна кареты и глядя на крохотную оранжевую точку, вскоре совсем пропавшую где-то вдали. — Как бы я хотела полетать вот так, высоко-высоко!

— Попроси мастера Дэна тебя покатать, — хитро улыбнулся Томас. - Думаю, он не откажет.

— Ой, нет. Ты что?! — я даже растерялась от такого предложения. — Я ни за что на такое не решусь. Он же преподаватель. К тому же из бессмертных. Нет-нет! И сам за меня не проси! Ни в коем случае.

— Ладно-ладно, не буду, - пообещал Томас, веселясь над моим испугом. Но я не обиделась, я вообще на него обижаться не могла. Он же мой самый лучший друг!

В город мы приехали намного раньше нужного времени, но, по утверждению Томаса,так и было задумано. Потому что, он решил показать мне рынок, который по выходным увеличивался в несколько раз за счёт того, что со всех близлежащих — а порой и далёких, — деревень люди привозили товар или приезжали за покупками и развлечениями.

До открытия портала к пещерам было около пяти часов, и их мы провели, бродя по базару. Пугливая Ноппи вновь спряталась за пазуху

Томаса, зато моя нечисть смотрела вокруг, раскрыв рот. Я, собственно, тоже.

Мы посмотрели представление кукол, которых люди, спрятавшиеся за пёстрой ширмой, надевали на руки и говорили за них. Я такое видела всего однажды, в раннем детстве, когда мама ещё была жива, и в наш посёлок приехала ярмарка. И хотя с тех пор я уже успела посмотреть такое чудо, как кинофильм, весёлые, хотя довольно глупые, поступки кукольных персонажей заставили меня смеяться и хлопать в ладоши так же, как и остальные зрители.

Потом мы бродили среди самодельных прилавков, и Томас купил мне три вышитые ленты и красные туфельки, которыми я залюбовалась. Я пыталась отказаться, но Томас оказался настойчивым.

– Я очень люблю делать подарки, а здесь мне их делать некому, разве что Ноппи. Если ты не примеришь эти туфельки, я очень расстроюсь.

– Очень расстроится, – слышалось у него из-за пазухи. – Плакать будет!

Я рассмеялась и разрешила надеть мне на ноги чудесные туфельки, красивее которых у меня ничего не было. А потом пришлось их принять, потому что:

– Горько плакать буду! – Томас скорчил уморительную гримасу.

– Всю ночь! – поддакнула Ноппи.

– Не выспится и не сможет задачки решать! – влился в дружную компанию Клещ.

– Отработку назначат, – вздохнула Лапка. – Фонари отмывать заставят.

– Ты хотя бы фонари пожалей! – добивал Томас.

Фонари я пожалела, туфельки взяла. И ленты тоже. И маленький осветительный амулет, который Томас назвал «фонарик». И небольшую сумочку на длинном ремешке, на вид совсем простенькую, но с вшитым в неё амулетом стазиса – продукты, в неё положенные, не портились. Это был очень полезный подарок. И для меня – безумно дорогой. Но устоять перед дружной просьбой своих спутников не смогла.

Сумочку я повесила через плечо, освободив руки, а ленты и туфельки положила в неё. Было жаль снимать такую прелесть, но я понимала, что мягкие зачарованные форменные сапожки гораздо

удобнее для долгого хождения по пещере. Томас порывался сам её нести, предлагал положить в свою заплечную сумку, в которой он нёс наши плащи, но я не дала – не такая я и слабая, чтобы пару туфель не донести.

Потом мы зашли в кафе, и хотя я ещё особо не проголодалась, но понимала, что на экскурсии вряд ли будут кормить, так что слегка перекусила. А ещё Томас, который, несмотря на недавний завтрак, наелся от души, взял несколько бутербродов, пару варёных яиц – Клещу и Лапке, – немного бекона и фрукты «на вынос», чтобы можно было, как он выразился, удавить червя в животе во время прогулки по пещерам.

Вспомнив моменты, когда мой желудок сжимался от голода, я нашла это выражение очень образным и забавным. А моя новая сумка снова пригодилась. И снова я отказалась отдавать её Томасу. Мне понравилось её носить.

Когда мы подошли к мэрии – её я узнала по походу на иномирную иллюзию, – возле неё уже собралась небольшая толпа – в основном студенты и пара преподавателей нашей академии, судя по форме, а так же с десятков людей в обычной одежде, причём дорогой и нарядной.

Я узнала магистра Ардерика – дракона с фиолетовыми волосами, – рядом с ним стояла черноволосая девушка, если бы не цвет волос, я бы решила, что это госпожа Рэнди. Ещё из преподавателей я узнала мастера Гидеона – рядом с ним стояла молодая женщина в обычной одежде, но, судя по внешности, тоже перевёртыш, – и госпожу Куанда, пожилую преподавательницу основ целительства. Среди студентов тоже было несколько знакомых лиц, но по именам я знала лишь Урлиель и Ондриель. Мы обменялись с эльфийками кивками и улыбками, но и всё – не настолько мы ещё были дружны, чтобы подойти и заговорить.

Мы зашли в мэрию, и в той же кассе, в которой продавались билеты на иллюзию, Томас купил себе билет на посещение пещеры. Причём, стоящая передо мной пара горожан попросила в кассе два билета на посещение пещер и четыре – «на переход». Томас же такого не покупал.

– А чего мы ждём? – глядя на часы на стене ратуши, большая стрелка на которых уже почти стояла вертикально, поинтересовалась я, когда мы вышли из мэрии и встали с краю толпы.

– Ребятишек из приюта. Это же всё ради них затевалось, а мы только открытым порталом воспользуемся.

– И они? – я кивнула на разодетых горожан.

– И они. Только за плату. Мастер Ардерик, конечно, занимается благотворительностью, но не для тех, кто способен сам оплатить себе дорогу. Это, кстати, обойдётся им гораздо дороже наёмного экипажа. Зато быстрее.

– Так это и есть билет «на переход», – догадался сидящий у меня на плече Клещ, оглядывая толпу. Лапка сидела на плече у Томаса, ей оттуда, по её словам, лучше видно было. – На портал, значит. А нам его точно не надо?

– Наша форма – и есть наш билет, – усмехнулся Томас.

В этот момент подъехало аж сразу три больших дилижанса, из которых высыпало несколько десятков детей и подростков, точно больше полусотни, скорее ближе к сотне. Значит, этот приют был намного больше нашего, тем более что совсем малышей среди них не было, младшим из приехавших было на вид лет по восемь-десять.

Эти ребятишки заметно отличались от тех, с которыми я вместе росла – весёлые, говорливые, чистенькие – насколько могут быть чистыми дети, собравшиеся толпой, – даже на вид сытые. И что меня поразило больше всего, в одинаковой, почти не поношенной, явно форменной одежде синего цвета, в одинаковых тёмно-серых плащах и в крепкой обуви, мальчики в ботинках, девочки в туфлях. На их ноги я смотрела просто заворожённо, для меня хорошая обувь на приютских детях была каким-то чудом.

Вместе с детьми вышло четверо взрослых, которые старались как-то организовать весь этот хаос, причём, что меня сильно удивило – на детей они не орали и прутком не стегали. Но, как ни странно, дети их слушались. Конечно, шумели, толкались, несколько мальчишек помладше даже умудрились затеять потасовку, но были растащены и отруганы ребятами постарше, но в целом ребятня топталась на указанном им куске площади, не разбегалась и даже послушно выстроилась во что-то вроде колонны.

– Риони? Это ты? – послышался вдруг чей-то удивлённый голос. Оглянувшись, я заметила среди старших сирот несколько смутно знакомых лиц.

Девушка заметно старше остальных детей что-то сказала воспитательнице, указывая на меня, и та кивнула, разрешая выйти из строя и подойти ко мне.

– Бреджа? - удивилась я, с трудом узнав девочку из своего приюта. Когда я выпускалась, ей было около двенадцати, а значит, сейчас она должна была работать на фабрике, если, конечно, не попала куда-нибудь на ферму. И что же она делает здесь, почти на другом конце Империи?

– Ага, это я, – разулыбалась девочка. – Ты всё же поступила в академию? Здорово.

– Да, вот, получилось в этом году, – чуть смутившись, что она помнит даже мои мечты, а я с трудом её имя вспомнила, кивнула в ответ. – А ты как здесь? Разве тебя ещё не отправили на фабрику?

– Отправили. А три дня назад обратно забрали. Ну как – «обратно», в другой приют. Ой, что у нас было, что было! Наш приют закрыли, директрису арестовали, мэра тоже, и, говорят, из мэрии много народа тоже. А нас всех собрали, ну, кого за последние пять лет выпустили, и спросили, кто хочет назад в приют, профессию получше получать. Я тут же согласилась. У меня же в приюте сестрёнки и брат остались, я скучала по ним очень.

– Всех вернули назад в приют? – я не могла поверить своим ушам.

– Нет, не всех, а кто сам захотел. Но нас таких немного было. Кто-то из девочек уже замуж выскочил, кто-то просто привык – еда и крыша над головой есть, не так чтобы хуже, чем в приюте, зато хоть деньги на руки дают. Да и остались не все – кто-то умер, кто-то спился, некоторых посадили.

– За что? – ахнула я.

– Воровство в основном. Или в пьяных драках кого покалечили. Плесанту помнишь?

– Да, - кивнула, вспомнив угрюмую и вспыльчивую девочку, как и я попавшую в приют уже подростком, её мать зарубила топором отца, распускавшего по пьяни руки, за что была отправлена на виселицу. Плесанта была годом меня младше, но с ней я общалась еще реже, чем с Бреджей, в основном лишь, когда нас вместе посылали на одни работы.

– Мужа зарезала – он её поколачивал по пьяни. Казнили. Дочка осталась крошечная, к нам же и попала. Но её быстро удочерили,

повезло.

– Да, повезло, – согласилась я. Может, хотя бы она не повторит судьбу матери. Хоть какая-то польза даже от такого ужасного места всё же была.

– В общем, из всех, кто за эти годы выпустился, только двенадцать осталось. Из них только семеро согласились снова учиться. Причём трое – маги, оказывается, их бесплатно учить должны были, представляешь?

– Представляю.

Теперь-то представляю, да. А три дня назад даже не догадывалась.

– В общем, этих троих в специальную школу для магов отправили, а нас – обратно в приют. А оказалось, что мы в нём и не останемся, нам сказали, что его закроют, а нас по другим рассуют, где места есть. Представляешь, нас спросили, кто между собой дружит! Чтобы не разлучать. Ну и братьев с сёстрами тоже. А я всё равно сначала испугалась, что нас разделят. Я в своих как вцепилась, так и не отпускала, пока в другой приют не попали, и нам кровати не показали и одежду не выдали. Тогда только поверила, отпустила. Кроме нас в этот приют еще четверых отдали наших, остальных кого куда.

– И ты теперь будешь учиться дальше? – поинтересовалась я, когда Бреджа замолчала, чтобы воздуха в грудь набрать. – Профессию получать? На кого тебя учить будут.

– Я пока не знаю. Мне сказали – выбирать пока. Можно на повара, можно на портниху, ещё на кружевницу, а можно на няню. Ещё на садовода можно, только мне работа на земле уже вот где стоит, – девушка приложила ребро ладони к горлу. – Наверное, выберу готовку, работа сытная, только ещё не решила – поваром или хлебопёком. Думаю. Мне сказали – на той неделе решать, а пока отъедаться велели. Ты не представляешь, как там кормят! Мясной суп – каждый день! И на ужин тоже мясо дают. И пряники с молоком на полдник. Это такая еда между обедом и ужином, представляешь?! Четвёртая еда в день! И тётушка Флули, она в приюте готовит, всегда добавку даёт, смотрит, как мы едим, головой качает, слёзы потихоньку вытирает и еще еды подкладывает!

– Я очень за вас рада, – у меня ком в горле вставал, когда я осознавала, насколько изменилась жизнь сирот из нашего приюта, и

какой же она прежде была неправильной. - В академии тоже вкусно кормят. Я за всю прежнюю жизнь отъедаюсь.

— А ещё нас к целителю отвели! Представляешь, прям бесплатно! И он мне спину вылечил, теперь не болит.

— А раньше болела? — что-то я прежде об этом не слышала.

— Ещё как! Два года у ткацкого станка по четырнадцать часов в день простой-ка! Не просто так с той фабрики бегут, хоть за кого замуж, хоть за косого, хоть за рябого. А ещё! Помнишь Завину, сестрёнку мою младшую, её ещё дурочкой считали, потому и не удочерил никто, хоть она совсем малая была, как родители померли? Так она, оказывается, глухая была, потому и не понимала, что ей говорят. Вылечили её, слышит теперь. На экскурсию не взяли, она сейчас всего пугается, не привыкла слышать-то. Ну и слова пока не понимает. Целитель сказал, что надо было её маленькую лечить, а теперь уже поздно, нормальной вряд ли станет. Но хотя бы немножко понимать слова потихоньку научиться. Вот почему нашим приютом только сейчас занялись?

— Бессмертные ничего не знали, — хриплым голосом ответил Томас. - Мэр посылал отчёты, что всё у вас хорошо. Риони только недавно им рассказала, что же у вас там происходит.

— Так это благодаря тебе?! — Бреджа кинулась мне на шею, чуть не придавив Клеца, шустро перепрыгнувшего на Томаса. — Спасибо! Я бы точно на той фабрике сгнула, а Завина так бы и считалась дурочкой — что с ней стало бы? Спасибо.

— Да не за что, — смутилась я. — Главное, теперь всё будет хорошо.

— Ещё как хорошо! Ты видела эту форму? А плащ? А туфельки? И это не всё. Мне еще три платья дали, целых три, представляешь? Новых совсем!

— Бреджа! — послышался детский крик. - Ну, ты идёшь?

Оглянувшись, я поняла, что почти все сироты уже исчезли в портале, открытом лордом Ардериком, а девочка и мальчик лет десяти-двенадцати приплясывают от нетерпения, маша сестре руками.

— Бегу! — крикнула она им. — А ещё сапожки выдали. Вообще без дырок! Тёплые, сказали — на зиму. — Девушка подхватила, рванула к порталу, схватила брата и сестру за руки и, прежде чем шагнуть в переход, обернулась и крикнула: — И ещё тапочки!

После чего скрылась в лёгком сиянии портала. А я стояла, глядя, как туда заходят студенты, и чувствовала, как по моим щекам текут слёзы. Не желая, чтобы их кто-то увидел, я отвернулась к стене мэрии, с этой стороны людей не было.

– Риони! Риони, не плачь! – всполошился Томас. – Не надо, пожалуйста.

– Опоздаем! – воскликнул Клещ.

Я невольно оглянулась на портал, и поняла, что возле него стоят лишь магистр Ардерик и темноволосая девушка. В ту же минуту оказалась на руках Томаса, который в несколько широких шагов подошёл к дракону и его спутнице.

– Что случилось? Почему слёзы? – нахмурился магистр Ардерик.

– Риони встретила подругу по приюту. Болезненные воспоминания, – пояснил Томас.

– Понятно, – кивнул дракон. – Ладно, идите, развейтесь. Приятных впечатлений. Обратный портал открою отсюда в тридцать три часа, не опаздывайте, иначе придётся возвращаться своим ходом.

– А вы разве не идёте в пещеру? – спросил мой спутник.

– Нет, – улыбнулась девушка. – У нас с Риком другие планы. Пока Дейзи с моими родителями, хотим по ярмарке побродить, у нас с ней связаны приятные воспоминания.

– Тогда и вам приятных впечатлений.

С этими слова Томас шагнул в портал, и мы вновь очутились в толпе людей. В довольно организованной толпе, выстраивающейся в очередь к еще одному portalу, на этот раз стационарному, очень похожему на те, которыми мы в академии перемещались с этажа на этаж. И рама этого портала была вделана в каменную «стену» – небольшая часть горы была стёсана снизу именно для этого. Чуть в стороне я заметила другой такой же портал, из него люди выходили.

Я заметила, что они что-то складывали в стоящий у выхода лоток и направлялись в сторону, где стояло несколько карет и дилижансов, а так же располагались лотки уличных торговцев, предлагающих окружающим перекусить и утолить жажду. Кстати, выходило гораздо меньше народа, чем заходило, наверное, потому, что мы-то все прибыли сразу и толпой.

– Поставь меня, пожалуйста, – попросила я, видя, что на нас начали оборачиваться, и Томас опустил меня на землю. Мне почему-то

показалось, что он слегка помедлил, словно не хотел меня отпускать, но это, конечно же, было не так. Зачем бы ему?

Очередь бодро двигалась, уже все дети исчезли в портале, остались студенты и горожане, но и они, отдавая билет стоящему возле портала гному и получая от другого что-то маленькое, шагали в портал.

Вот и наша очередь. Томас отдал наши билеты, мне в руку сунули что-то, размером с медную монетку, привычно буркнув:

– Держать при себе, вернуть при выходе. За утерю – штраф.

Томас дважды прижал палец к кнопке портала, и мы вошли внутрь.

Я замерла, оглядывая довольно большую – с два учебных класса, не меньше, – пещеру, освещённую разноцветными огоньками, развешанными под потолком, и тут штучка в моей ладони заговорила:

– Пройдите вперёд, не загораживайте выход.

Я вздрогнула, но торопливо шагнула вперёд. Потом глянула на ладонь – «монетка» оказалась крохотным артефактом.

– Добрый день, – продолжил тот же голос. – Я ваш гид. Будьте добры, идите вперёд по указателям.

Обнаружив, что некоторые огоньки складываются в стрелки, мы пошли по ним и увидели, новое ответвление, в котором пещера становилась намного больше, а под ногами появился деревянный настил с перилами.

– Будьте добры идти строго по настилу. Перелезать через перила и заходить в ответвления категорически запрещено и может грозить вашему здоровью и жизни. Пещера Ветров представляет собой объёмный лабиринт с густой сетью галерей, общей протяжённостью около трёхсот километров, с амплитудой более двухсот метров. Сейчас для туристов оборудован безопасный и комфортабельный путь длиной около полутора километров. Пещера Ветров – самая протяжённая из всех известных пещер Империи, она была выработана в известняковых горах термальными водами и богата минералами. Приятной прогулки.

Наш гид умолк, и мы, переглянувшись, направились по настилу вслед за остальными студентами, успевшими уйти далеко вперёд. Через пару шагов я поёжилась, поскольку пещера Ветров своё название оправдывала, и сквозняки здесь гуляли нешуточные. Томас тут же достал из заплечной сумки наши плащи, Клещ нырнул с моего

плеча под защиту тёплой ткани, а Лапка привычно обосновалась у меня в кармане.

– А амплитуда – это что такое? - спросил Клещ, высунув наружу из-под плаща лишь мордочку.

– Расстояние от самой верхней, до самой нижней точки. В данном случае – от потолка верхнего до пола нижнего коридора этой пещеры, – привычно пояснила Ноппи, не дожидаясь, когда ответит кто-то другой.

– Ого, - прикинула я размеры. – Это же выше академии!

– Гораздо выше, – кивнул Томас. - Потому и портал на входе – слишком глубокий и крутой спуск у природного входа. Да и сам вход слишком маленький, неудобный. Но мы на всю глубину опускаться не будем, для туристов открыта лишь самая малая и оборудованная часть пещеры.

– Триста километров, – поёжилась я, поглядывая на виднеющиеся тут и там коридоры, отходящие от того, по которому мы шли. Какие-то из них были размером с дверь, где-то пришлось бы ползти на четвереньках, но встречались и ответвления, ничуть не уступающие в размерах тому, по которому проходил помост. - Тут если заблудишься – найдут не скоро. Если вообще найдут.

– Значит, всегда нужно иметь при себе нить Ариадны, - засмеялся Томас. – В лабиринты только с ней и нужно ходить. А мы её не взяли. Горе нам.

– Что это такое? – спросили мы практически хором, и дальше уже шли по пещере, слушая рассказ Томаса о сказке из другого мира про страшное чудовище, живущее в лабиринте, про героя, который его победил, и про чудесную нить, подаренную герою его любимой, которая помогла ему спастись из лабиринта.

Помост, по которому мы шли, иногда изгибался, иногда поднимался или опускался на несколько ступеней, порой, в очень больших залах, он становился широким, чтобы те, кто хотят постоять и подольше посмотреть на окружающие красоты, не мешали тем, кто проходит мимо без остановки.

А посмотреть было на что. Во многих залах и стены, и потолок были так разъедены водой, что казались кружевными, а разноцветные шарики подсветки придавали этим кружевам отдельную красоту. Порой мы останавливались сами, чтобы полюбоваться волшебным

зрелищем, порой обгоняли застывших людей, что-то разглядывающих и обсуждающих.

Мы шли около двух часов, но я ни капельки не устала, так красиво было вокруг, и такой интересной оказалась история, рассказанная Томасом. Да и рассказчиком он был чудесным, порой я ёжилась не от сквозняка, пробирающего даже сквозь плащ – надо было взять тот, что для зимы предназначен, а не для осени, – а от того, что казалось – из соседнего коридора вот-вот выйдет огромное чудовище с головой быка.

Мы сжевали бутерброды и очень пожалели, что не сообразили взять что-нибудь, чем их можно запить. Поэтому непроизвольно прибавили шаг, помня о лотках торговцев неподалёку от выхода в пещеры. Постепенно мы обогнали и студентов, и горожан, и к тому моменту, когда гид-артёфакт, перекочевавший в мой карман и время от времени подававший голос, чтобы сказать, сколько нами пройдено, и сколько идти осталось, сообщил, что до выхода – сто метров, мы шли уже посреди группы сирот.

И в этот момент по пещере прокатился гул, помост под нашими ногами заметно качнулся, а с потолка пещеры посыпался песок и мелкие камушки.

Люди замерли. Кто-то присел с перепугу, кто-то из детей заплакал, кто-то завизжал. И тут всё повторилось – новый гул и встряска. Крики усилились, среди них послышался мужской голос:

– Все к выходу. Бегом! Старшие – взять за руки младших.

Подчиняясь команде, дети побежали по помосту, под команды всё того же голоса:

– Держать строй! Не толкаться. Младших не выпускать.

– Я должен помочь отстающим, – крикнул Томас и, буквально оторвав от себя Ноппи, сунул её мне в руки. – Бегите к выходу. Тут рядом. Я догоню.

После чего перепрыгнул через перила и помчался назад с невероятной скоростью, ловко прыгая с камня на камень. А я, прижав к себе перепуганную, вырывающуюся Ноппи одной рукой – в другой был Клещ, – помчалась к выходу.

Двадцать шагов, поворот за угол – и вот он, портал. Возле него стоял ещё один гном, без конца нажимая на кнопку, а стоящие рядом с

ним два преподавателя помогали бегущим детям прыгать в портал. Ещё немного – и мы окажемся на воле.

В этот момент бегущая рядом со мной девочка-подросток споткнулась и, пытаясь удержать равновесие, взмахнула рукой, чудом не попав по мордочке Ноппи. И без того сильно нервничающая кошка зашипела, впиалась когтями мне в руку, и когда я от боли ослабила хватку, вывернувшись, прыгнула на доски помоста, потом с него на каменистый неровный пол и, не слушая моих криков «Ноппи, вернись!», фиолетовой молнией шмыгнула в один из коридоров.

– Мы поймем! – послышался детский крик, и две невысокие фигурки, поднырнув под перила, кинулись следом за кошкой.

В общем паническом бегстве, кажется, никто не заметил, как два ребёнка сбежали, этой стороны помоста нельзя было увидеть от выхода. Дети и Ноппи могут погибнуть – и это будет на моей совести, ведь это я не удержала доверенную мне кошку. Не раздумывая ни секунды, я сунула Клеща пробегающему мимо пареньку и, освободив руки, перебралась через перила и кинулась за детьми.

Практически сразу стало совсем темно, но я вовремя вспомнила про подаренный Томасом фонарик, порадовавшись мельком, что именно сегодня он настоял на этом подарке, а еще радовало, что коридор, по которому я бежала, был достаточно высоким, чтобы я могла по нему идти, даже не пригибаясь. А еще – что он имеет очень мало ответвлений. Помня сказку иного мира, я стала их считать. Впереди раздавались крики детей: «Вон она! Стой, стой!» и крик самой Ноппи: «Я здесь!» Она продолжала убегать, но при этом давала знать, где находится. Странное поведение, но сейчас мне было некогда об этом думать.

В какой-то момент кошка оказалась в тупике, где ребяташки сумели её поймать, а я – догнать всю троицу.

– Вот, мы поймали! – на меня взглянули две довольные мордашки.
- Держите!

– Спасибо, – я подхватила Ноппи, которая теперь совсем не пыталась убежать, а наоборот, крепко вцепилась в меня. Бедную кошку било крупной дрожью.

– Прости, прости, – причитала она. – Я не смогла её удержать, я не владею этим телом.

– Ладно, ничего, бывает, - кивнула я. Не ругать же и так до смерти перепуганную кошку, которая даже заговариваться начала с перепугу, не то сейчас время и не то место. – Ребята, бежим обратно.

Схватив того, кто стоял ближе, за руку, я развернулась и побежала назад, напоминая себе, куда именно сворачивать нельзя. Второй ребёнок обогнал меня и мчался там, куда не доставал луч моего фонарика – я держала его в той же руке, которой прижимала к себе Ноппи, так что, светил он не под ноги, а куда-то вбок, но бежавший впереди парнишка словно бы видел, куда нужно двигаться.

Когда, по моим ощущениям, мы были уже на полпути к главной пещере, вновь послышался знакомый гул, но более громкий, а с потолка сыпался уже не песок, а крупные камни, хуже того – известковый потолок пошёл трещинами и начал обваливаться.

– Назад! – крикнула я, но бежавший впереди ребёнок уже и сам это понял. Но развернувшись, мы увидели, что и там, откуда мы бежали, происходит то же самое.

– Туда, – ребёнок, которого я держала за руку, ткнул пальцем в сторону, где был ещё один ход, и вроде бы там ничего не сыпалось. Пока не сыпалось.

Мы кинулись в проход, причём мне пришлось нагнуться, чтобы не стукнуться головой о потолок. Коридор оказался коротким, мы упёрлись в очередной тупик, а позади нарастал треск и грохот осыпающихся камней. Забившись в угол, я прижала к себе детей и в ужасе глядела, как камни осыпаются всё ближе. Ещё секунда – и нас просто засыплет.

И в этот момент в тусклом, мечущемся луче фонарика мелькнуло что-то огромное и чёрное и накрыло нас. А грохот раздался прямо над головой, сверху сыпался песок, дышать стало трудно, я закашлялась и постаралась натянуть на себя и детей свой плащ.

Грохот утих. Мы всё ещё, каким-то чудом, были живы. Стало так тихо, что казалось – слышно биение собственного сердца. И в этой тишине вдруг раздался голос:

– Ваша прогулка подошло к концу. Надеюсь, пещера Ветров вам понравилась. Не забудьте сдать меня при выходе, и счастливого вам пути.

ГЛАВА 17. ПЛЕННИКИ

День двенадцатый. Воскресенье

Я нервно захихикала, но потом резко замолчала, потому что смех грозился перейти в рыдания. «Счастливого пути»? Вот только куда именно? За грань?

Рядом закопошились дети, пытаюсь выбраться из-под моего плаща, которым я накрыла нас с головой. Осторожно отодвинув его, я почувствовала, как с нас посыпались мелкие камушки. Почувствовав, что всё ещё сжимаю в кулаке едва-едва горящий фонарик, нащарила на нём нужный выступ и пустила импульс магии.

Фонарик засветился ровным светом, позволяя увидеть, что мы трое – точнее, пятеро, считая Ноппи и Лапку, сидящую в моём кармане, сжались в комок в маленьком пространстве, «стены» которого состоят из каменной насыпи, а «потолок» покрыт густой чёрной шерстью. Не сразу до меня дошло, что мы сидим под брюхом огромной пумы, такими огромными бывают только перевёртыши.

– Тобиас? – спросила наудачу. Я не заметила в группе студентов орка, но я и не особо присматривалась, к тому же, он мог прийти и позже, не тем порталом, что мы, а просто приехать на чём-нибудь. Или прибежать. Или на драконе прилететь.

Тут, конечно, было еще как минимум два перевёртыша, но мастер Гидеон был светловолосым, а у его спутницы волосы были светло-каштановыми, значит, точно не они.

В ответ на мой вопрос над моей макушкой раздался вздох чего-то очень большого. Такой, что осевшая вроде бы пыль взвилась лёгким облачком, заставив меня чихнуть.

– Тобиас, кто же ещё? - печально ответила Ноппи. Но она же не была знакома с этим перевёртышем. Или была?

– Что теперь с нами будет? – прошептал один из детей.

– Нас найдут, – твёрдо ответил другой.

– Найдут, - вновь вздохнула Ноппи. - Только, боюсь, слишком поздно.

– Почему поздно, – Лапка высунулась из-под плаща, щекоча мне шею.

– Ой, какая крошка! – восхитился кто-то из детей.

А я в это время вытянула свободную руку и, извернувшись, приложила ладонь к целой стене у себя за спиной. А потом выпустила свою магию.

Камни начали подниматься с пола, потолок над нами – точнее, над перевёртышем, – восстанавливаться. Это стоило мне немалых усилий, но к тому моменту, как я устала так, как ни разу не уставала после занятий по специальности, мы сидели в крохотной, но целой пещерке, в которой я с трудом встала бы во весь рост и смогла бы сделать не более пяти шагов в длину и трёх в ширину.

Вход в эту камеру – иначе не назовёшь, – так и остался завален камнями. Я прекрасно понимала, что даже истрать я и всю магию, и все жизненные силы, починить весь коридор, по которому мы бежали, я точно не смогу.

Тобиас слегка отодвинулся и теперь сидел рядом, упираясь головой в потолок. Он один занимал больше половины всего пространства, ну, или мне так казалось. Вблизи чёрная пума была ещё огромнее, чем прежде, может, потому, что пещерка была совсем крохотной.

– Потому что, воздуха нам хватит ненадолго, – ответила Ноппи Лапке. – Точнее – кислорода в нём. Пространство замкнутое, и дышать мы сможем... если учесть, что изначально здесь и кубометра не было, сейчас, конечно, побольше, но кислорода-то не прибавилось, – забормотала Ноппи, – и если Тобиас не будет дышать, а перевёртыши в четвероногой форме могут не дышать несколько часов, – звук дыхания перевёртыша моментально прекратился, – но сколько-то он уже выдышал, а лёгкие у него...

– Ноппи, не томи! – не выдержала я.

– У нас минут пятнадцать, от силы двадцать, – снова вздохнула кошка. Причём привычно – я слышала лишь звук вдоха, сама кошка при этом не шевелилась, сжавшись комочком у меня на груди под плащом.

– Мы умрём? – всхлипнул один из детей.

– Может, нас найдут быстрее? – не особо в это веря, спросила я. Мы бежали довольно долго, неизвестно, в какую сторону. И нас могут не сразу хватиться. Конечно, Клещ поднимет тревогу, но услышат ли в

той суматохе маленького хорька? Как быстро нас начнут искать? И главное – как узнают, где искать?

– К тому же, Тобиас при обороте потерял браслет. Не было времени снять? – Пума кивнула. – Я так и подумала. Но иначе нас бы просто завалило сразу. Хотя... шансов у нас всё равно нет. Очень жаль.

– Зря ты за нами побежал, - едва не расплакалась я, глядя огромную лапу. – Нас всё равно не спасти, но хоть ты бы жив остался.

– Он-то останется, – обнадежила меня Ноппи. - Перевертыш в четвероногой форме и сквозь гору прокопается, и сквозь завал. Беда лишь в том, что на это потребуется слишком много времени, которого у нас, смертных, просто нет.

Дети всё же расплакались. Я обняла их, не зная, чем утешить, как поддержать.

– Я-то уже пожила, а вот вас, молодых, жалко, – тихонько вздохнула Лапка. – Хотя бы Моня и Клещ в живых останутся. Томас о них позаботится.

Тобиас кивнул, с тоской глядя на меня. Наверное, согласился с Лапкой.

– Если бы была хотя бы маленькая щёлочка, в которую поступал бы воздух, - снова послышалось у меня из-под плаща. – Мы бы дождались помощи. Человек может прожить без воды три дня, за это время бессмертные всю гору бы своротили, или Тобиас смог бы прокопаться сквозь обвалившийся коридор и привести помощь. Нас бы вывести он не смог, мы бы не выжили во время этого пути, но шанс дожидаться помощи, сидя здесь, у нас бы был. А сейчас его просто нет.

– Может и есть, – прошептала я, зацепившись за слова кошки о щёлочке для воздуха. - Ноппи, ты, похоже, знаешь всё. Как ты думаешь, далеко от нас этот воздух? Если напрямую.

– Ну, собственно, примерно указать могу, - кажется, кошка задумалась. – До того коридора, где помост, если напрямую, метров семьдесят-восемьдесят. А вот если вверх – не более тридцати, а то и чуть меньше. Но не везде.

– А где? С какой стороны? Покажи!

– Ты что задумала? – воскликнула Лапка спрыгивая мне на грудь и заглядывая в глаза. – Риони, это опасно! Тебе нельзя!

– Всё равно умирать, - горько уронила я. - Так какая разница? Хотя бы вы, четверо, выживете.

– Но тридцать метров... Ты уверена, что справишься? Ты уже стены пещеры чинила.

– Я должна попробовать. Я ничего не теряю. Ноппи, с какой стороны поверхность земли ближе всего?

– Поверхность горы, – поправила кошка. – До земли дальше. Это слева, возле плеча Тобиаса.

– Ноппи, лапой покажи! – взмолилась я.

– Не могу. Я этим телом не владею.

– Это как? – растерялась я.

– Не важно. Если у тебя есть план – осуществи его, а то будет поздно. Если получится, потом расскажу, кислорода всё меньше.

– Но как мне найти нужное направление?

– Протяни руку в том направлении, я буду командовать, – велела Ноппи. Я выпустила из объятий притихших детей, которые уже не плакали, внимательно слушая наш разговор. Придерживая кошку, на коленях подползла к указанной стене и подняла руку.

После нескольких указаний «левее-правее» и «выше-ниже» я нашла нужную точку и угол, под которым нужно проделать крохотный тоннель для воздуха. После чего сосредоточилась и выпустила из ладони тьму тонким жгутом, заставляя её прогрызть в стене дыру. Какое счастье, что это известняк, а не гранит, с таким количеством гранита я бы точно не справилась, а с мягкой породой есть шанс.

– Что это? – зачарованно шепнул один из детей.

– Это вторая магия Риони, – пояснила Лапка. Я молчала, стараясь не отвлекаться, полностью сосредоточившись на том, что делаю. Пока было не сложно, но я просверлила лишь несколько метров, впереди ещё двадцать пять, а если Ноппи ошиблась, то и больше.

– Целых две магии?! – восхитился второй ребёнок. – Это так здорово!

– Не в этом случае, – голос Лапки звучал глухо. – За тёмную магию людей казнят.

Тобиас дёрнулся и что-то рыкнул, потом снова замер, не дыша. А ребёнок воскликнул вновь:

– Разве можно казнить за магию?

– За эту – да, – глухо уронила Лапка. – Поэтому Риони её и скрывала. Не по своей воле она этот проклятый дар получила, да только кто ж на это посмотрит? Казнят – и всё.

– А если никто не узнает? - это первый ребёнок. – Мы никому не скажем!

– Считаете, никто не задумается, откуда эта дыра взялась? - подала голос Ноппи. - Если у Риони получится – об этом все узнают. Если нет...

– Получится, - сквозь зубы процедила я, чувствуя, как меня покидают силы, зато и дыра становилась всё глубже. – Должно получиться.

Все притихли, а я всё вгрызалась своей магией в толщу горы. Почувствовала, что колени трясутся, привалилась к перевёртышу, вцепившись в его лапу свободной рукой. Для этого пришлось отпустить Ноппи, и она тихо сползла по мне на пол, а потом шмыгнула куда-то под живот перевёртыша, найдя там уютное убежище.

– Придержи её, - раздался голос кошки из нового укрытия. – Жизненные показатели падают, Риони скоро свалится.

Огромная лапа и правда придержала меня, помогая удерживаться, стоя на коленях.

– Может, тебе лучше обратиться? – предложила Лапка. - Удобнее будет.

Тобиас мотнул головой, а Ноппи пояснила:

– Опасность еще не миновала. Если будет новый обвал, так будет проще и быстрее вас прикрыть.

И снова тишина, все, замерев, наблюдали за мной и ждали, получится или нет. Время шло, дышать становилось всё тяжелее, я обливалась холодным потом и почти висела в лапах Тобиаса, но упорно сверлила толщу горы. Ещё немного, ещё, ещё... И вдруг в нашу камеру буквально ворвался свежий воздух.

Я несколько раз глубоко вдохнула его, а потом обмякла и буквально стекла по Тобиасу на пол. Не было сил даже сидеть. Но я это сделала! Мы все можем дышать. И дети будут жить. И Ноппи с Лапкой. А я... Мне ведь всё равно уже не спастись, но так хотя бы смогу попрощаться с Томасом и Клещом. С Мoneй, наверное, уже нет...

– Ты молодец, Риони, – раздалось из-под живота перевёртыша. - Теперь выживем. Осталось только ждать, нас обязательно найдут. Жаль, нельзя подать какой-нибудь знак, где нас искать.

– Знак? – я посмотрела на дыру, в которую можно было бы засунуть большой палец. – Лапка, как ты думаешь?..

– Пролезу! – вскарабкавшись по перевёртышу повыше, ласка изучила дыру. – Тобиас, подсади.

И уже с его поднятой лапы забралась в дыру и быстро исчезла в ней.

– Крикни, когда выберешься, – напутствовала её Ноппи.

И мы снова сидели, замерев, слушая сначала тихое шуршание, потом тишину. А потом Тобиас негромко рыкнул и кивнул огромной головой, и я поняла, что Лапка наверху. Пусть нам ничего не слышно, но у перевёртышей невероятный слух.

– Вот теперь и правда остаётся только ждать, – повторила Ноппи. – Может, устроимся поудобнее и поговорим? И дыши, Тобиас, кислород можно уже не экономить.

Тобиас глубоко вдохнул и выдохнул, а потом, несмотря на огромные размеры, очень ловко, одним плавным движением буквально перетёк на пол, почти свернувшись клубком так, что я оказалась полулежащей словно в огромном кресле. Стало мягко и уютно. И почти не страшно. Как когда-то в кабинете ректора, когда Тобиас усадил меня на колени. Ноппи устроилась у меня на животе, свернувшись клубочком.

– Ты такая странная, – подползая к нам и приваливаясь к боку перевёртыша, сказал один из детей, тот, что казался чуть старше. – Говоришь непонятные слова и рот не раскрываешь.

– И сказала, что не владеешь этим телом. Это как? – подхватил другой.

– Может, познакомимся сначала, – всё так же, не раскрывая рта и глаз, предложила Ноппи.

– Я Гейрон, – ответил первый ребёнок. – А это Гейла, моя сестра. Мы двойняшки. Нам семь лет.

Сестра? Всего семь? Мне казалось – лет девять-десять, а оказалось... Я удивлённо посмотрела на действительно очень похожих ребятшек, едва ли не впервые внимательно их рассмотрев. Оба были в брюках и с короткой стрижкой, хотя у Гейлы волосы были чуть длиннее – до плеч. Дети были полукровками – наполовину орками, что объясняло мою ошибку с возрастом, наполовину оборотнями, причём раса была несколько смазана, то ли из волчьих, то ли из шакальих,

возможно, их родитель-оборотень тоже был смеском. Но не из лисьих точно.

Теперь и то, что они легко бежали в темноте в нужном направлении, стало понятным.

– Я иногда надеваю вещи Гейрона, – пояснила девочка. – Юбки такие неудобные. В приюте не сильно ругаются, велят только в школу в юбке ходить, а остальное время – как хочу, так и хожу.

– В брюках и правда удобно, – кивнула я, вспомнив детство, когда приходилось воровать одежду, какую получится. Тогда я тоже поняла, что бегать по лесу и лазить по деревьям в платье совсем неудобно. – Меня зовут Риони, это Тобиас, а это Ноппи, но вы и так это уже знаете.

– Знаем, – кивнул Гейрон. – Мы привыкли внимательно слушать и запоминать. В жизни это всегда пригодится.

– Нам только на себя рассчитывать придётся, больше ни на кого, – поддержала брата Гейла. – Родных у нас нет, да и не будет уже.

– Почему? – не удержалась я. Ладно, родня умерла или еще что, но кто ж им мешает в будущем свои семьи создать? Или в семь лет об этом ещё не думается?

– А не нужны мы никому. Полукровки же, да ещё и неудачные. Нас, как в приют сдали, пытались сначала предлагать тем, кто за детьми приходил, а потом рукой махнули.

– Сдали? – нахмурилась я.

– Ага. Как мамку в проруби утопла – дед и сдал. Сказал – нечего его семью позорить.

– А отец? – это Ноппи спросила.

– А кто ж его знает? Вроде как войска какие-то имперские через наше село проходили, мамка с кем-то там и спуталась. А мы неудачные получились – оборачиваться не можем, папкина кровь нашу перебила. Нас потому и не брали в приюте – оборачиваться не умеем, для орков слабые слишком, ну а для людей – большие уже, им бы малышей. Да чтобы похожие были, а мы – вот такие выродились.

Гейрон равнодушно дёрнул плечом, мол, ну, бывает, ничего особенного, а в глазах такая боль. Я даже на мгновение забыла о своей беде, так стало жаль этих ребяташек.

– А мамку с папкой всё равно хочется, – печально сказала Гейла. – Хоть мы и большие уже. Мы и за кошечкой твоей потому и побежали.

– А я-то тут причём? – удивилась Ноппи.

– Ну, мы же видели, твой парень тоже орк-полукровка, - Гейрон смущённо опустил голову. - Ну и подумали – поймаем вашу кошку, понравится вам, может, вы нас и взяли бы. Ну, раз он тоже как мы – то мы б ему не показались бы... неудачными.

– Томасу только девятнадцать, – грустно ответила я, прижав к себе парнишку. - Куда ему детей? Но знаешь, у него очень большая семья, много-много старших братьев, и они ведь тоже, наверное, на него похожи. Может, кому-нибудь из тех, кто постарше, вы и приглянетесь? Всё бывает.

– Теперь, наверное, ему не до нас будет. Если тебя казнят, – буркнул Гейран, пряча лицо у меня на груди. – А может, тебе сбежать, а?

Тобиас что-то рыкнул и замотал головой, кажется, возражал. Ну да, какой может быть побег от бессмертных?

– Поймают, - вздохнула я. – Давайте о грустном не будем.

И в этот момент Тобиас поднял морду, прислушался и посмотрел прямо на дыру, которую я сделала.

– Приближается что-то маленькое и тёплое, – тут же доложила Ноппи.

– Какая-нибудь мышка в дыру провалилась? – предположила Гейла. - Или решила, что это подходящая норка.

– Надеюсь, она там не застрянет, а то нам снова дышать будет нечем, – нахмурился Гейрон.

– Это не мышь, - возразила Ноппи. – Это ласка.

– Лапка? – удивилась я. – Но зачем она возвращается? И как ты узнала? По запаху?

– Нет, использовала эхолот и тепловизор.

– Ноппи, что ты вообще такое?! – не выдержала я.

– Ноппи – кошка. Самая обычная кошка, ну, не совсем обычная, лысая, это порода такая. Но она – не нечисть. Разума у неё не больше, чем у любого другого животного. И говорить она не умеет.

– Ноппи, почему ты говоришь о себе как о ком-то другом? - спросила Гейла.

– Потому что, говорит не Ноппи. Она сейчас вообще спит. Перенервничала, бедняжка. А говорю за неё я. Искин.

– Кто? – переспросили мы хором.

– Искусственный интеллект. Это такой артефакт иномирный. Разум без тела.

– И ты вселился в Ноппи?! – кажется, я что-то похожее встречала в страшных детских сказках.

– Нет, я вишу у неё на шее. Ошейник Ноппи – это я и есть.

– Но зачем? – удивилась я. Очень смутно понимая то, что сейчас услышала, я главного понять не могла – зачем всё это?

– Зате́м, что Ноппи – обычная кошка. Очень нежная, деликатная, тихая, ласковая, послушная и чистоплотная. Абсолютно не агрессивная и не вредливая. Всё, что ей нужно – это быть рядом с хозяином, с которым она чувствует себя в безопасности. Она никому не причиняет неприятностей – сегодняшний случай не в счёт, поддаться панике в такой ситуации и люди могут. От неё в академии нет и не будет никаких проблем, но она всего лишь кошка, а обычным животным в академию нельзя. Зато можно нечисти.

– И с твоей помощью из Ноппи сделали нечисть? – догадалась я.

– Да. Я за неё разговариваю – и для многих этого достаточно. А учитывая, что почти всё время она или спит, или прячется у Томаса за пазухой, никто не обращает внимания на то, что она разговаривает с закрытым ртом.

– Я обратила. Но подумала – нечисть сама по себе волшебное существо, мало ли, какие у кого особенности.

– Вот и остальные так думают. Но большинство просто не замечает. Томасу нужно было ехать на учёбу, а расстаться с Ноппи он не мог.

– Почему? – спросил Гейрон. – Если у Томаса много братьев, разве нельзя было её у них оставить.

– У бедняжки Ноппи была очень тяжёлая жизнь до того, как она попала к Томасу. Лишь ему она доверяет, лишь рядом с ним чувствует себя в безопасности. Ещё рядом с тобой, Риони, и, пожалуй, с Моне́й. Если её оставить кому-то другому, у неё будет тяжёлый стресс.

– Ты такие странные слова всё время говоришь, я многое не понимаю, – вздохнула Гейла.

– Это потому, что ты – иномирный артефакт, да? – высказал догадку Гейрон.

– Да. И поэтому тоже. Я...

И в этот момент практически мне на голову свалилось что-то маленькое и мягкое.

– Ю-ху! – воскликнула Лапка, возбуждённо прыгая по мне. – Вот это был спуск! Всё, теперь нас точно найдут. Только надо вот на эту кнопку нажать.

Тут я заметила, что к хвосту ласки тонким, но крепким шпагатом привязано что-то, размером с горошину, с одной стороны серебристого цвета, с другой – красного. Вот по этому красному Лапка и шлёпнула ладошкой, и красное стало зелёным.

– Готово, маячок включён. Теперь нас быстро откопают. Ой, что там творится, что творится! Риони, помнишь оранжевую драконицу, которую мы утром видели? Так она в этой горе уже новую пещеру выкопала, да только не там, где надо. Мне сказали, что нас бы давно спасли, если бы Томас не потерял браслет.

– Может, Тобиас? – уточнила я.

– А я как сказала? Оговорила, наверное. Ай, не важно! В общем, они копали туда, где ты браслет уронил, – ласка ткнула лапой в Тобиаса, – на нём тоже маячок был. Браслет нашли, а нас – нет. И тут я. Ну, пока добежала, пока искала, кто меня услышит и послушается. Нашла мастера Гидеона, он меня знает. Ой, там такое творится! Людей никого нет – ни сирот, ни горожан, ни торговцев.

Я мысленно вздохнула – надежда попить сразу, как нас откопают, растаяла. Впрочем... какая разница, напьюсь я перед казнью или нет? За рассказом Ноппи я снова отвлеклась от главного – чем дольше мы здесь просидим, тем дольше я буду жить. Но не радоваться близкому вызволению из заточения всё равно не получалось, слишком давила на меня эта огромная масса земли над головой. В имперской тюрьме окошки, наверное, есть.

– Зато там теперь и маги из имперского дворца, и драконы, и перевёртыши. Я и мастера Дэна видела, и Гейба с Рэнди, и ректора, и обоих наших драконов из академии. Драконы рвутся сами копать, а та, оранжевая, огрызается, что и сама отлично справляется, и нечего под лапу лезть, там и одной не развернуться. А когда я рассказала, что вы все тут сидите – обрадовались очень. Дали мне маячок, велели ак-ти-рир... тьфу, слово, прям как Ноппи любит говорить...

– Активировать, – раздалось от Ноппи. Точнее – от Искина. – Это значит – включить.

– Вот-вот, включить. А после этого велели ждать, а когда услышим за стенкой шум – отойти к другой стенке, прикрыться Тобиасом и не высовываться. Так что – ждём.

– А Томаса ты видела? Он в порядке? А что с Клещом?

– Клещ точно в порядке, на руках у госпожи Рэнди сидит, это же он тревогу поднял, сказал, что ты и дети в тоннель побежали. А Томаса я не видела, наверное, его с остальными студентами обратно порталом отправили. Я там из студентов только эту эльфиечку видела, как её?.. Ондриель. Почему-то одну, без сестры, она возле синего дракона и его жены стояла, ну, я думаю, что жены, она еще тогда на нём в академию прилетела.

Томаса отправили обратно в академию. Значит, даже попрощаться с ним не получится. Может, удастся попросить эту Ондриель отвезти ему Ноппи и мою нечисть? Томас добрый, он обязательно о них позаботится.

И эта мысль натолкнула меня на другую:

– Ноппи... Искин...

– Зови Ноппи, я привыкла.

– Ноппи. А откуда у Томаса иномирный артефакт с искусственным разумом?

– Ну, ты же знаешь, что семья у него непростая? И связана с иным миром, – напомнила Ноппи, а Тобиас насмешливо фыркнул. С чего это он?

– Да, помню. Кто-то книги переводит и печатает, кто-то иномирные иллюзии... то есть, кинофильмы привозит.

– А кто-то артефакты. Вот меня для него и сделали. В том мире такие как я давно существуют, в основном мы помогаем, делимся информацией, например.

– Ты тоже это делаешь всё время, – усмехнулась Лапка. – А что такое «искин»?

Ноппи ещё раз, вкратце рассказала, кто она такая, и кто за неё разговаривает.

– Значит, ты – это как невидимый друг? – сделал вывод Гейрон. – Тебя не видно, но ты можешь разговаривать?

И я поразилась тому, как точно мальчик описал то, что я так до конца и не сумела осмыслить. Невидимый друг. Это я осознать могла, так намного проще.

– Только об этом никому нельзя рассказывать, - спохватилась Ноппи. – Моя носительница не переживёт разлуку с Томасом, она слишком сильно, даже несколько болезненно к нему привязана. Возможно, спустя какое-то время она станет чуть более самостоятельной, но сейчас их разлучать нельзя.

– Мы не скажем! Никому! – хором воскликнули двойняшки.

– Мы тоже, – подхватила Лапка. – Даже Клещу и Моне не расскажем.

Тобиас, увидев направленные на него взгляды, молча кивнул, и тут в тишине у кого-то из двойняшек забурчало в животе.

– Ой, у меня же тут кое-что осталось! – спохватилась я. Открыла сумку, достала два варёных яйца, грушу и свёрточек с беконом. Бутерброды и остальные фрукты мы с Томасом на ходу съели, а то, что для нечисти брали – осталось, прячась под нашими плащами от сквозняков, есть неудобно. – Держите. Ноппи спит, можете спокойно съесть её бекон. А Лапке отломите кусочек яйца, она много трудилась и устала.

Дети накинулись на еду, но ласке щедро отдали половину яйца, даже больше, чем ей было нужно. Пока эта троица жевала, я вспомнила рассказ Лапки.

– Интересно, а имперских магов-то зачем пригнали? С бессмертными более-менее понятно, а эти для чего?

А про себя подумала – вот они-то меня и заберут. Наверное. Или бессмертные? Мама писала, что обладателей тёмного дара убивали бессмертные, но с другой стороны – разве не имперские службы казнят преступников? Хотя, какая мне, собственно, разница?

– Так разобраться же надо – отчего всё это случилось, – пояснила Ноппи. – Не землетрясение точно, разломы тектонических плит слишком далеко отсюда. Больше похоже на взрывы, но какой идиот это сделал? Теракт? Глупо, если хотели убить народ, нужно было порталы взрывать и потолок в галерее рушить, а тут откуда-то издалека взрывные волны пришли. Несчастный случай? Вполне возможно. Впрочем, что зря гадать, пусть спецслужбы сами разбираются, им за это деньги платят.

– Ты хоть что-нибудь понял? - шепнула Гейла брату.

– Немножко понял. Это не тряска земли, это кто-то что-то взорвал, непонятно зачем.

– Отлично сказал, - хмыкнула Лапка. – Коротко и ясно. А Ноппи снова увлеклась.

– Простите, – покаялась Искин. - Я привыкла выдавать знания, в меня вложенные. Подстраиваться под интеллектуальные возможности окружающих порой непросто.

И в этот момент Тобиас вскинул голову, прислушался, а потом снова каким-то плавным движением развернулся, и я оказалась между ним и стеной. Лишившиеся удобного упора двойняшки с трудом удержали равновесие, но быстро сообразили, в чём дело, и шустро заползли за перевёртыша. Я же в свою очередь взяла на руки Ноппи, которая заворочалась, зевнула, потянулась и снова уснула.

Сначала мы сидели в тишине, пытаюсь хоть что-то расслышать, потом раздался сначала еле слышный шорох, он становился всё громче, переходя сначала в гул, а потом в грохот. Тобиас громко зарычал, словно что-то крикнул тому, кто был за стеной, а потом прижал меня к стене, нависнув сверху.

Грохот стал чуть тише, словно копающий начал действовать осторожнее. В последний момент я догадалась натянуть на себя, детей и кошку плащ, Лапка сама спряталась мне за воротник. И тут, в крохотную щёлочку между Тобиасом и полом, я увидела, как дальняя от нас стена задрожала, потом в ней появилась небольшая дыра. Посыпались камни, вновь поднялась пыль, и я порадовалась, что догадалась прикрыться.

В дыру влезли два огромных – с мою руку, наверное, - оранжевых чешуйчатых пальца с длинными когтями, подцепили край дыры, потянули – и ещё кусок стены исчез, к счастью, упав с другой стороны, а не в нашу крохотную пещерку. В увеличившуюся дыру просунулись уже три пальца, снова выломав большой кусок. И ещё,и ещё... Минуты не прошло, как в стене зияла дыра, в которую можно было легко пройти, лишь слегка пригнувшись.

А потом всё случилось очень быстро. Драконья лапа исчезла, в дыру шагнул незнакомый перевёртыш и, подхватив на руки Гейлу, исчез, на его месте возник мастер Гидеон – и так же быстро исчез уже с Гейроном. Третьим в нашу пещеру вошёл мастер Дэн и протянул ко мне руки.

– Нет! – вот только что я сжималась в комочек у стены, прячась за огромную пуму, и вот уже лежу на руках у Тобиаса, который, прижав

меня к груди, едва не рычит на моего преподавателя: — Она моя!

— Дошло, наконец, - улыбнулся рыжеволосый мужчина. — Давно пора.

ГЛАВА 18. ЛИЧИНА

День двенадцатый. Воскресенье

Я не очень поняла, о чём говорит мастер Дэн, но инстинктивно прижалась крепче к Тобиасу. Вновь нахлынуло то странное чувство, что только рядом с ним я в безопасности, только он способен защитить меня от всего мира. И тут же я мысленно дала себе подзатыльник – обладателя тёмного дара не спасёт никто и ничто.

Я прижалась щекой к плечу мужчины – и потому, что от ужасной слабости голова кружилась, и чтобы никто не увидел, что у меня глаза на мокром месте. Ноппи, которую я невольно крепче прижала к себе, подняла голову, огляделась, потёрлась щекой о грудь Тобиаса и снова закрыла глаза. Кажется, рядом с ним она тоже испытывала это странное чувство защищённости.

– А почему глазки на мокром месте? – удивился мастер Дэн, склоняясь надо мной, чтобы заглянуть в лицо. Тобиас раздражённо рыкнул, словно всё ещё оставался пумой, и сделал шаг назад. – Да не трону я твою девочку, не трону. Просто понять пытаюсь. Риони, вас спасли, всё позади, нужно радоваться, а не плакать.

– Какой смысл радоваться спасению, если её всё равно скоро казнят? – Лапка высунулась у меня из-за пазухи.

– В смысле – казнят? – мастер Дэн растерянно застыл, и Тобиас, обогнув его, вышел в невысокий коридор, и мы погрузились в темноту.

– Мой фонарик, – пробормотала я, жалея об оставшемся в пещерке подарке Томаса.

– Никаких казней! – услышала я шёпот на ухо, а потом – легчайший поцелуй туда же. – Выдумала тоже!

Ах, если бы. Тобиас из другого мира, может, он даже не знает, что здесь случилось ещё до моего рождения? И потому не понимает всей серьёзности ситуации.

В этот момент вспыхнул свет, показавшийся мне очень ярким. Я прижмурилась, а потом, осторожно открыв глаза, увидела, что мы находимся в просторном тоннеле, причём свежепрокопанном – ничего общего с тем, по которому мы шли во время экскурсии. А недалеко от нас стояла красивая, но чумазая молодая женщина с ярко-оранжевыми

волосам до талии и с висящим над ладонью, излучающим свет небольшим шаром, размером с яблоко.

– Об освещении-то мы и не позаботились, сами-то отлично в темноте видим, – широко улыбнулась она нам. – Забыли, что у людей иначе зрение устроено.

– Спасибо, - выдохнула я, и не только за свет. Просто поняла, что это и есть та самая драконица, которая нас выкопала. Причём она была в голубой форме студентки нашей академии, хотя прежде я её там не видела. Ах, да! Она же тоже под личиной была, как все бессмертные. – Спасибо вам большое, что нас спасли.

– Как я поняла, если бы не твой воздуховод – я бы просто не успела, так что, героиня здесь ты. - Красавица подошла ближе и окинула нас внимательным взглядом. – Отлично смотрите вместе. Впрочем, чему удивляться?

– Ты что, тоже догадалась? - удивился Тобиас.

– Да все уже давно догадались, ещё с того момента, как она встала перед медведицей в полуобороте. Один ты разгадку под своим носом не увидел.

– Вы о чём? – растерялась я. Причём здесь вообще тот случай?

– Так, я не понял, про какую такую казнь я только что услышал? – нас догнал мастер Дэн. – Или у меня со слухом что-то, или галлюцинации, или же ты, Лапочка, мне только что сказала, что эту девочку кто-то и почему-то собирается казнить?

– Всё ты правильно услышал, – кивнул ему Тобиас, шагая по тоннелю, путь ему освещала идущая с другой стороны драконица. - Риони почему-то считает, что её казнят за наличие у неё тёмной магии.

– Что за глупость?! – мастер Дэн аж воздухом поперхнулся. - Риони, да с чего ты взяла-то?

– Мама написала в прощальном письме. Тёмная магия под запретом. Мракобесов за неё казнили. И меня тоже казнят, – и, не удержавшись, я всё же разревелась, уткнувшись в плечо Тобиаса. – Меня и тогда казнили бы, если бы догнали.

– Когда «тогда»?

– В детстве, - всхлипнула я. – За нами с собаками гнались, но мама их увела от меня. Если бы схватили – казнили бы!

– Так, я уже ничего не понимаю, - мастер Дэн в растерянности запустил руку в волосы, – но думаю, сейчас не совсем то время и

место, чтобы разбираться во всех этих странностях.

– Абсолютно верно, – голос Тобиаса звучал жёстко. – Риони измучена. Ей нужно поёсть и отдохнуть в тишине и покое, набраться сил, а не вести тяжёлые для неё разговоры.

– Он прав, – подала голос драконица. – Я и сама в шоке от услышанного, но расспросить девочку всегда успеем, она вон бледненькая какая. Просверлить гору – это не каждому выпускнику под силу, а тут первый курс.

– Да-да, конечно, – закивал мастер Дэн. – Ты отдыхай, девочка, и забудь про какую-то там казнь. Уж не знаю, кто тебя в такое заблуждение ввёл, но за одно только наличие магии никто никого казнить не будет. В голове не укладывается! – он покачал этой самой встрёпанной головой и ушагал куда-то вперёд, быстро исчезнув из вида.

А я попыталась осознать, что бессмертные узнали о том, что я – мракобеска, а казнить меня не собираются. И не могла в это поверить. Может, меня просто успокаивают? Чтобы сбежать не пыталась. Или мастер Дэн сам всего не знал, он всё же тоже из иного мира. Но драконица-то точно из нашего!

Я была в полной растерянности.

Но Тобиас так уверенно говорил о том, что меня не казнят. Его голос... Он верил тому, что говорит, а я верила ему. Но что, если он тоже заблуждается?

Я боялась поверить, потому что, если и Тобиас, и мастер Дэн ошибаются – поверить в спасение, а потом узнать, что напрасно, будет в десять раз больнее. Поэтому я решила просто ждать. И давить эту крохотную, зародившуюся в сердце надежду.

– Держи свой браслет, – сказала драконица, когда впереди показался сияющий солнечным светом выход из пещеры, и она погасила свой огненный шар, больше не нужный. – И личицу мы твою нашли, рядом валялась. Сейчас наденешь?

Я встрепенулась, вынырнув из своих терзаний, даже слабость на миг отступила – настолько мне стало любопытно увидеть личину Тобиаса. Но тут же пришло разочарование, поскольку он мотнул головой:

– Нет, – пройдя еще пару шагов, уточнил: – Не сейчас. Чуть позже.

Это значит, что он мне свою личину всё же покажет? Или, наоборот, хочет надеть её, когда я не буду видеть?

– Как знаешь, – пожала плечами драконица, засовывая Тобиасу что-то в карман. – А я свою, пожалуй, надену. Наверху все свои, да и здесь теперь – тоже.

И с этими словами она достала из кармана и надела на шею какую-то загогулину на цепочке. Я моргнула – и ахнула:

– Урлиель?

– Вообще-то, моё имя Урлила. Но в академии зови меня Урлиель, – и «эльфийка» начала быстро заплетать теперь уже светлые волосы в привычную косу.

– У неё даже запах изменился! – восхищённо шепнула мне на ухо Лапка.

– А... Ондриель?.. – решила я уточнить вспыхнувшую догадку.

– Моя внучатая племянница Ондрия. Она ещё совсем юная, пока без крылатой формы и в целом уязвимая. Так что, я за ней присматриваю.

И снова широко и дружелюбно мне улыбнувшись, драконица под личиной эльфийки первой шагнула из пещеры. Мы, точнее Тобиас, на котором мы трое ехали, вышли следом.

Меня ослепило и оглушило – после полумрака от фонарика или шарика и тишины пещеры яркий солнечный свет и радостный гул множества голосов ошеломляли. Самый громкий из них истерично выкрикивал моё имя, а потом на меня запрыгнул голосащий Клещ и заскакал по мне, словно пытаясь на ощупь удостовериться, что я жива и невредима. Он тыкался мордочкой мне в лицо, ерошил лапками волосы, нырял под плащ и обратно, разбудив Ноппи.

– Риони! Моя Риони! Ты жива, ты вернулась ко мне. Я так испугался, так испугался! Но теперь всё будет хорошо. И ни в какие пещеры мы больше никогда не полезем. Никогда-никогда!

К нам подошли Гейб и госпожа Рэнди, оба дракона-преподавателя с жёнами, какие-то незнакомые мне перевёртыши, драконы, маги и существа, удивительно похожие на мастера Дэна. Рэнди меня обняла, осторожно, потому что на мне сидело сразу три зверюшки, Гейб похлопал по плечу Тобиаса, магистр Ардерик радостно хлопнул его по спине, а его жена, подпрыгнув, умудрилась чмокнуть моего друга в

щёку. И почему-то от этого дружеского чмока мне стало неприятно. Зачем она целует моего Тобиаса, у неё свой дракон для этого есть.

И все окружающие радовались нашему спасению, а еще с чем-то поздравляли Тобиаса. Всё время звучало: «Наконец-то», «Давно пора!», «Прозрел всё же», а я никак не могла понять, о чём они говорят, и от этого всего – непонимания, усталости, непонятной даже мне злости на красавицу, целующего чужого парня, а еще от шума и яркого света, у меня кружилась и звенела голова и мошки перед глазами летали.

– Ну-ка, подвиньтесь! Пропустите меня! – требовал возмущённый женский голос. - Да пропустите же меня к пациенту!

Бессмертные вокруг нас слегка расступились, пропуская госпожу Куанду, нашу преподавательницу по основам целительства, которая тоже была здесь на экскурсии. Взяв меня за руку, она сосредоточенно нахмурилась.

– Так, серьёзных травм и ранений нет, тут всё в порядке, несколько мелких синяков, царапин и ссадин не в счёт, я их уже залечила. Но общее состояние ужасно. Тяжелейшее физическое и магическое истощение, немедленно в постель и сытное, но нетяжёлое питание, начните с наваристого куриного бульона. И дайте девочке напиться, наконец!

Перед моим лицом тут же появилась открытая фляжка, я даже не посмотрела, кто именно её протянул, а просто присосалась к живительной влаге, о которой так мечтала. Когда оторвалась от горлышка, чувствовала себя заметно лучше.

– Тобиас, Лапка? Хотите пить? - спросить Ноппи не решилась, сложно было с ней разговаривать как прежде.

– Меня напоили уже, когда я в первый раз вылезла, - покачала головой Лапка.

– Ты сама пей, не у меня истощение, – слегка нахмурился Тобиас. А потом оглянулся на фиолетового дракона. – Рик, открой нам портал домой, пожалуйста. Риони нужно отдохнуть.

– Отдохните какое-то время, - вместо магистра Ардерика, к которому Тобиас обращался, ответил перевёртыш с каштановыми волосами. - Но слишком долго не получится, император захочет узнать подробности, в том числе и то, как эта девочка обрела тёмный дар,

если сама такая возможность была наглухо перекрыта нами задолго до её рождения. Поэтому... у вас пять часов*, не более.

– Этого мало! – рыкнул Тобиас.

– Это всё, что я смогу выторговать у Мелануира, - развёл руками перевёртыш.

– Хотя бы десять, – попросил Тобиас. - Дед, постарайся, пожалуйста. Мёл тебя послушает.

– Сделаю всё, что смогу. Сам понимаю, что вам сейчас о многом нужно поговорить.

– На разговоры у нас будет вся оставшаяся вечность. А сейчас Риони нужно отдохнуть, поесть и поспать. Это важнее.

– Ладно, идите, отдыхайте, – кивнул перевёртыш. – Рик?

– Открыл уже, - слышалось чуть в стороне, и кольцо вокруг нас распалось, открывая стоящего метрах в десяти мастера Ардерика, а рядом с ним – портал, вроде того, которым мы попали сюда из города.

Пока Тобиас решительно шагал к тому portalу, я быстро огляделась, ища Гейрона и Гейлу. Успела увидеть, что здоровенная дыра в горе, через которую мы вышли, находилась в стороне от порталных входа и выхода, где-то метрах в ста или побольше. Значит, это не прежний вход раскопали, а Урлила новый проделала.

Двойняшки нашлись немного в стороне – они жевали пирожки и яблоки, одновременно что-то эмоционально рассказывая мастеру Гидеону и его, наверное, жене, а те, присев на корточки, чтобы быть с детьми на одном уровне, внимательно их слушали. Эти четверо были так поглощены общением, что, в отличие от всех остальных, собравшихся возле свежевыкопанной пещеры и провожающих нас сейчас взглядами, в нашу сторону даже не обернулись.

Я едва успела порадоваться, что у двойняшек пока вроде всё хорошо – накормлены и под присмотром, – как Тобиас шагнул в портал и вышел в просторную, с учебный класс, наверное, роскошно обставленную комнату.

– Я домой просил, а не сюда! – развернувшись к уже исчезнувшему portalу, возмущённо воскликнул перевёртыш. – Не мог в Долину отправить?

– Он всё равно тебя не слышит уже, – хмыкнула Ноппи... то есть Искин... то есть... И как мне теперь воспринимать эту зверюшку,

состоящую из тела и разума по отдельности? - Да и логично – всё равно ж на аудиенцию идти придётся, а тут гораздо ближе.

– Словно бы я из Долины ногами шёл, - фыркнул Тобиас, обернулся, осматривая комнату и давая мне тоже увидеть и резную мебель, и тяжёлые шторы на трёх окнах, и пушистый ковёр, и большой камин, и огромную кровать, к которой он и направился. - Ладно, воспользуемся тем, что имеем.

Меня опустили на мягкую постель, в мгновение ока сняли с меня сапоги, животных, сумку плащ и мундир – вещи отложили на стоящее неподалёку кресло, зверюшек – на соседнюю подушку. Потом, не успела я и глазом моргнуть – как уже полулежала, обложенная подушками и укутанная в лёгкое покрывало. А Тобиас – всё ещё в сиреневом плаще, значит, на иллюзорном учится, и в одном со мной общежитии живёт, мелькнула у меня мысль, - навис надо мной, пристально глядя в глаза.

– Никакой казни, – твёрдым голосом, с нажимом произнёс он. – Тебя никто и никогда даже пальцем не посмеет тронуть. Ты мне веришь? – я робко кивнула. – Вот и умница.

И легко поцеловал меня в губы. Совсем легонько и очень быстро, я даже вообще никак отреагировать не успела, а Тобиас уже шагнул к письменному столу у окна, что-то там нажал и чётко сказал в пространство:

– Сытный обед в эту комнату. Наваристый куриный бульон немедленно, остальное – как соберёте. Из едоков – человек, кошка, ласка, хорёк и голодный перевёртыш, меню на ваш вкус, но включите лёгкие, но сытные блюда для человека с физическим и магическим истощением. И горшок для нечисти принесите.

– Будет исполнено, ваше высочество, – раздалось от стола, на что Тобиас скрипнул зубами.

– Вот зараза! Сколько просил! – отходя от стола, буркнул он.

– Не факт, что главный повар в курсе, какой именно из голодных перевёртышей поселился в этой комнате, местный или иномирный, потому подстраховался, - выдала Ноппи. Пусть будет Ноппи, Искин сам говорил, что привык... привыкла... Всё, Ноппи и только Ноппи, обе – Ноппи, а то я так с ними с ума сойду, а мне и без искусственного разума поводов хватит.

– Где мы? – спросила я, когда «голодный перевёртыш» присел рядом со мной на корточки и взял мою руку, утонувшую в его ладони.

– Императорский дворец, семейное крыло, одна из гостевых комнат.

– Ничего себе! – даже присвистнул Клещ. - Настоящий дворец? Вот Моня обзавидуется!

– Думаешь, вы здесь в последний раз? - усмехнулась Ноппи. Голосом усмехнулась, не мордочкой. - Успеет и Моня здесь побывать, ещё и весь дворец исследует, и на кухне любимчиком станет, со своей больной лапкой и взглядом кота в сапогах.

– Каким взглядом? – растерялась я.

– А вот таким, – и в воздухе рядом с Ноппи появился маленький экран, уже знакомый по иномирным иллюзиям, а на нём – кот.

Ну, наверное, кот, только ненастоящий, а нарисованный, с огромными глазами и выражением морды – ну, точь в точь Моня на больную лапку жалуется, чтобы вкусненькое выпросить. Вообще-то, нога у Мони не болела, просто была немного короче остальных и кривоватая, а боли он не чувствовал, но разжалобить окружающих умел виртуозно.

– Вылитый Моня! – рассмеялась Лапка.

– Ты и так умеешь? – удивился Клещ.

– Упс... – кажется, Ноппи только что вспомнила, что хорёк не в курсе её особенности. – Забылась, расслабилась... Ладно, дай клятву, что никому не расскажешь.

Пока, взяв слово с Клеща – и зная, что его он не нарушит, – Ноппи рассказывала ему то, что мы уже знали, Тобиас подошёл к небольшому навесному шкафчику и, открыв дверцу, вынул оттуда большую чашку и вернулся ко мне. По комнате разлился аромат наваристого куриного бульона.

Достав откуда-то ложку, перевёртыш стал аккуратно скормливать мне этот вкуснейший бульон, а я лишь послушно открывала рот, хотя и мелькнула мысль – уж ложку-то я удержу. Если постараюсь. Но геройствовать совершенно не хотелось, бульон был вкусным, забота Тобиаса приятной, кровать мягкой, веки тяжёлыми... В общем, доесть я не успела – уснула.

Не знаю, сколько я проспала, но разбудили меня лёгкие поцелуи в висок и шёпот:

– Риони, просыпайся, тебе еще поесть нужно перед встречей с императором.

Просыпаться не хотелось, но слова про императора подействовали так, словно на меня ведро ледяной воды вылили. Я подорвалась, резко сев в кровати и тут же со стоном рухнула обратно – голова закружилась.

– Ну зачем же так вскакивать? – укорил знакомый голос. – Физическое и магическое истощение за шесть часов никуда не денется, тут минимум сутки отдыхать нужно. К сожалению, суток у нас нет, поэтому просто открой глазки.

Открыла. Рядом, на краю кровати сидел Тобиас с тарелкой в руках, умытый и причёсанный. Глядя на него, сияющего чистотой, я осознала, насколько же он был грязным и запylённым после того, как мы выбрались из пещеры, и догадалась, как сейчас выгляжу я сама. Взяла прядь волос, поднесла к глазам – ужас. И волосы, и рука были точно такими же, какими и должны быть у человека, побывавшего под завалом.

Зато манжет рубашки сиял чистотой – форма-то зачарованная. В отличие от меня самой.

– Мне бы умыться, – смущённо улыбнулась мужчине.

– Это потом, – отмахнулся он. – Сначала нужно покушать. Ты любишь овсянку?

Я молча пожала плечами. Съесть я могла что угодно, но в приюте овсянка, как и остальные каши, вкусной не была, а в академии я каши не ела, налегая на мясные и молочные блюда, которые прежде были мне недоступны.

– Ясно. Я её тоже не люблю, хотя говорят, что она очень полезна. Как насчёт мясной подливки? Сытно, питательно, и жевать почти не надо. – И перед моим носом возникла ложка, источающая дивный аромат.

Против подливки я не возражала и съела всё, что подносилось к моему рту. Разок пискнула смущённо, мол, и сама могу есть, но на меня посмотрели взглядом Мони и попросили: «Не лишай удовольствия», и я больше не рыпалась, лишь покорно открывала рот.

После подливки Тобиас, всё так же, с ложечки, скормил мне воздушный омлет и творог с кусочками фруктов. От предложенного десерта я отказалась – наелась, наконец. И сил заметно прибавилось,

кажется,теперь я и на ноги встать смогу, а то давно мечтаю посетить одно уединённое местечко, но не просить же в таком деле помощи у мужчины!

Моя нечисть вместе с Ноппи расположилась на столе, на котором был накрыт целый пир – они о чём-то негромко беседовали, неторопливо чем-то лакомясь – там ещё много всего несъеденного оставалось. Эх, Мони здесь нет, уж он бы навёл на этом столе идеальную чистоту.

– Можно мне умыться? – повторила я, отказавшись и от пирожного, и от груши и клубники, которыми соблазнял меня перевёртыш.

И была без слов подхвачена на руки и отнесена в примыкающую к спальне просторную уборную.

– Стоять сможешь? – Тобиас опустил меня на пол и какое-то время придерживал за плечи, пока окончательно не убедился, что падать я не собираюсь. – А давай, я тебе голову помою? Ты не стесняйся, раздеваться не понадобится, вот здесь осушающий артефакт, он и одежду высушит, если намокнет.

– Нет, я сама смогу, спасибо, – даже слегка напугалась я.

И не столько этому странному, на грани приличия, предложению, а тому, что мне вдруг очень захотелось согласиться. Мне безумно нравилось, как Тобиас обо мне заботится – носит на руках, кормит с ложечки, разувает, укрывает, - а ведь это неправильно! Он, конечно, мой друг, но... ну, неправильно это. Он о своей половинке должен так заботиться, а не обо мне.

После объяснений, как именно тут включается вода и артефакт сушки,и где лежат мыло, губка и полотенца, если понадобятся, я была, наконец, оставлена одна. Быстро воспользовалась горшком, а потом разделась и встала под душ – набирать огромную, рассчитанную на перевёртышей ванну, которая тоже здесь находилась, было бы слишком долго. Сначала стояла, держась за стену, а потом вообще уселась на пол – но зато вымылась сама!

Мелькнула взявшаяся неизвестно откуда мысль, что Томасу я, наверное, разрешила бы вымыть мне волосы. И, наверное, даже помочь мне с купанием. Ой, нет! Откуда взялась эта глупая мысль?! Меня ни один мужчина голый не видел, даже Моня с Клещом. И не увидит! Никогда!

Но как же жаль...

Так, стоп! О чём ты думаешь, Риони?! Тебя ждёт встреча с самим императором – и встреча вовсе не дружеская. И Тобиас, и Дэн, и, кажется, драконица Урлила уверены, что казнить меня не будут, но и это ещё не факт.

Но, допустим.

Это же всё равно не означает, что меня погладят по головке и скажут: «Тёмная магия? Какая прелесть! Иди своей дорогой, Риони». Что, если мне всё равно уготовано какое-нибудь наказание? Пожизненное заключение в тюрьму, например? Или каторга? Или еще что-то?

Я прочла о таких, как я, всё, что смогла откопать в библиотеке – учебники истории, старая пресса, да просто слухи собирала. Мракобесы – преступники, которых бессмертные уничтожали поголовно, без исключений, если кто и остался в живых – то те, о ком просто не знали, как моя мама, например. Или как я. Мне нужно не о парнях думать, а переживать, что станет со мной и с моими зверями, как это на них отразится.

И не начнутся ли неприятности у моих друзей за то, что общались с обладательницей тёмной магии? А вдруг решат, что я как-то на них повлияла, что попыталась обратить их в какой-нибудь культ тьмы, или что там я могла еще придумать? Очень надеюсь, что ни Томасу, ни Аласуру это никак не аукнется. За мастера Дэна можно было не волноваться, он бессмертный, его точно свои не тронут, а вот за парней я уже начала всерьёз переживать.

Дверь уборной слегка приоткрылась, и внутрь скользнула Лапка. Оглядела меня, сидящую под струями воды, сжавшуюся в комочек, с мочалкой в безвольно опущенной руке. И, оглянувшись, крикнула в сторону двери.

– Живая и даже в сознании! Просто сидит. - И уже мне: – Риони, там Тобиас уже тропинку в ковре протоптал, бегая под дверью и переживая, почему ты так долго не выходишь, не упала ли, не потеряла ли сознание, не обессилила ли настолько, что на помощь позвать не можешь. Имей в виду, здесь можно вызвать горничных, и они тебе помогут, не обязательно геройствовать.

– Простите, я просто задумалась, – сказала я в сторону щёлочки между дверью и косяком. То, что меня услышат, я знала, учитывая, что

воду я после появления Лапки выключила. – Сейчас высушусь и выйду. Дайте мне несколько минут.

– У тебя столько времени, сколько тебе нужно, - слышался голос Тобиаса. – Я просто волновался – кроме шума воды последние двадцать минут из санузла не доносилось никаких звуков. Твоё сердце стало биться учащённо, но ты молчала и не двигалась. Я просто испугался.

– Я за ней присмотрю, - пообещала Лапка. - Риони, не хотелось бы тебя торопить, но император уже интересовался по переговорному амулету, когда вы с Тобиасом появитесь.

Меня её слова взбодрили лучше, чем ледяной душ после утреннего пробуждения. Я заметалась по уборной – да, держась за стену, но передвигалась максимально быстро, насколько могла в своём обессиленном состоянии. Быстро высушилась, включив для скорости артефакт на максимум, и оделась, возблагодарив магию за то, что вся моя одежда, включая бельё, была идеально чистой и отглаженной. Потом посмотрела на себя в зеркало и, не удержавшись, застонала.

Ладно, бледное, осунувшееся лицо, ладно, круги под глазами – было бы странно при физическом и магическом истощении сиять румяными щеками и здоровым цветом лица. Но на то, что находилось у меня на голове после использования осушающего артефакта, смотреть было страшно. И раздирать я эту паклю буду теперь неделю.

– Что? Что случилось? - раздался испуганный голос Тобиаса за дверью. – Риони, почему ты стонешь?

– Зайди и сам посмотри, – посоветовала Лапка. - Это не описать, это надо видеть. Не бойся, Риони одета.

– У вас здесь чепчика какого-нибудь не найдётся? – буквально проскулила я, когда перевёртыш ворвался в уборную и застыл, глядя на воронье гнездо у меня на голове.

– Если поискать, то найдётся, – кивнул Тобиас и достал откуда-то расчёску. - Но он не понадобится.

А потом он исчез. Только за моей спиной двигался воздух, шевеля мои волосы, и мелькала какая-то смутная, неразличимая тень. А спустя три удара сердца перевёртыш вновь возник у меня за спиной, с довольной улыбкой укладывая мне на плечо идеально заплетённую косу. И волосы у меня были расчёсаны волосок к волоску. А я даже ничего не почувствовала!

– Потрясающе! – я была в полном восторге. – Спасибо, спасибо!

– Да не за что, – смутился Тобиас, осторожно поглаживая косу. Я видела это в зеркале, перед которым мы стояли – большую, сильную, но такую нежную руку и обшлаг мундира с золотисто поблёскивающим тонким шнуром отделки...

Что?

Золотистым?!

Всё это время на Тобиасе был либо плащ, либо рубашка, на которых практически не было отделки, а я была не в том состоянии, чтобы мелкие детали разглядывать, да и смотрела в основном на лицо перевёртыша. А сейчас он надел мундир – и золотистая отделка буквально бросилась в глаза. Не серебряная, как у иллюзионистов, к которым я уже мысленно причислила перевёртыша за сиреневый плащ, а золотая. А сиреневое с золотом – это магия вне классификации. И нас, таких, в академии было всего пятеро.

– Тобиас, – срывающимся голосом, вцепившись в раковину, у которой стояла, потому что ноги вдруг отказались слушаться, прошептала я. – Почему ты в этой форме? Я хорошо знаю двоих, у кого магия вне классификации, и видела двух остальных – эльфа и гнома, их фигуры никак не тянут на то, чтобы скрывать под ними перевёртыша. Тобиас, кто ты?

Мужчина потупился, вздохнул, потом подхватил меня на руки – и в следующую секунду я уже сидела в кресле в комнате. А Тобиас опустился рядом со мной на колени и вынул из кармана уже знакомую мне загогулину – артефакт личины, я такой у Урлилы видела.

– Не так я хотел рассказать тебе правду. Собирался хотя бы немного подготовить, но прокололся с формой. Прости.

После чего надел артефакт на шею. И я увидела то, о чём уже начала догадываться. Того единственного студента с магией вне классификации, у кого была такая же фигура, что и у перевёртышей. Своего самого лучшего друга.

Томаса.

** Любое время того мира делите пополам*

ГЛАВА 19. ДОПРОС

День двенадцатый. Воскресенье

– Томас! – выдохнула я, ещё не до конца поверив своим глазам. А потом всхлипнула и кинулась ему на шею. – Томас! Я так за тебя волновалась.

Надёжные руки обняли меня, прижали, ласково глядя по спине и волосам, знакомый голос утешающе пробасил:

– Ну что ты, Риони, ну что ты! Плакать-то зачем? Лучше стукни меня – должно полегчать.

– Стукну ещё, – буркнула я куда-то в шею своему самому лучшему другу. – Мне так тебя не хватало.

– Я был рядом, – по голосу было слышно, что он улыбается, непонятно чему.

– Типично женская реакция, – послышался голос Ноппи. – Сейчас поплачет, потом побьёт, по крайней мере – обещает.

– Ты вспомни, что бедняжке сегодня пережить пришлось, – голос Лапки звучал укоризненно. – От её нервов вообще ничего не осталось.

– Да, стресс за стрессом, – согласилась Ноппи.

– Эта личина ещё и запах меняет? – удивлённый голос Клеща.

– И запах, и тембр голоса, – согласилась Ноппи. – Это люди почти не чувствуют запахов, а те же оборотни сразу бы узнали запах перевёртыша. Только фигура остаётся, потому что личина на осязание не действует. Попробуй его пощупать, Риони, сама всё поймёшь.

Я потихоньку успокаивалась, прижимаясь к Томасу... точнее – к Тобиасу, чувствуя его ласковые поглаживания, слушала болтовню нечисти и медленно, но верно ко мне приходило понимание – оба моих лучших друга, таких разных и таких похожих – один и тот же человек. То есть, совсем не человек.

И тут нахлынула другая мысль, заставившая болезненно сжаться сердце, и уже притихшие вроде бы слёзы вновь хлынули, только уже не от облегчения, а от горя.

– Ну что такое? – всполошился Тобиас, каким-то чудом уловив смену моего настроения. – Что случилось?

– Томас... Его нет! Он не существует! – выдавила я сквозь всхлипы.

– В смысле – не существует? – растерялся перевёртыш. – А я тогда кто?

– Ты – Тобиас. А Томаса просто нет. Моего самого лучшего друга – нет. Он – выдумка. Личина.

И тут я уже разрыдалась в голос. Потому что потеря была слишком болезненной.

– С ума сойти! Нет меня. Не существую... – растерянно пробормотал Тобиас. – Риони, да здесь я, здесь. Я именно Томас.

– Это пока на тебе личина. Но она ненастоящая.

Вспомнив совет Ноппи, я, так и не отрывая зарёванного лица от шеи мужчины, нащупала его лицо. Под моими пальцами был именно Тобиас – нос прямой, аккуратный, про такой говорят «точёный», а не картошкой, как у Томаса. И глаза совсем не маленькие, близко посаженные, как у него, и рот не такой, и подбородок. Даже под артефактом личины – это был не Томас. Не мой Томас!

И это понимание заставило меня взвыть еще горше, было такое чувство, что мой друг умер.

– Риони, какая разница, как я выгляжу? Для тебя ведь никогда не была важна внешность, ты видела то, что под ней. Ты видела душу – и она никуда не делась. Это всегда был я, да, чаще в маске, но я. Это со мной ты сидела за соседней партой, это я помогал тебе решать задачи, это со мной ты ела за одним столом и смеялась над моими шутками. Это я рассказывал тебе о своей семье, водил на иномирную иллюзию и таскал твоего Моню подмышкой, хотя он тот ещё симулянт. Это всегда был я. И я никуда не исчез. Я здесь, с тобой, и уже никуда не исчезну, обещаю.

Слова Тобиаса заставили меня притихнуть и задуматься. И попытаться уложить в голове то, что он говорит, осознать, что Томас и правда никуда не делся, и пусть я знаю, что это лишь личина, но мне ведь на самом деле никогда не было важно, как он выглядит. И сняв маску, он остался всё тем же.

– Вот и хорошо, не надо больше плакать, – обрадовался он тому, что мои рыдания прекратились. Бедняга, как же ему со мной сложно. Но я не виновата, на меня сегодня столько всего свалилось... – Теперь

можешь меня стукнуть. Только аккуратнее, а то руку ушибёшь, как Рэнди об Гейба.

Я вспомнила, как Рэнди хлопала по спине закашлявшегося мужа, а потом трясла отбитой ладонью, и невольно улыбнулась. Бить Тобиаса совершенно не хотелось. Да, обида на его обман во мне ещё не улеглась, всё же, я считала его лучшим другом, а он от меня скрывал своё истинное лицо.

А я скрывала от него свою тёмную магию. И о родителях врала, и о возрасте, и даже об имени! И чем я лучше? Да ничем! У каждого свои тайны и свои поводы их скрывать. И когда я это осознала, остатки моей обиды улетучились окончательно.

– Тобиас, а... – я хотела спросить, кто еще знал, что он не Томас, но тут откуда-то со стороны стола раздался недовольный мужской бас:

– Томас, имей совесть! Мы здесь сидим и ждём уже почти час, бросив все остальные дела, а ты всё не появляешься. В конце концов, ты обязан подчиниться прямому приказу императора.

– Мел, я гражданин Соединённых Штатов и подчиняться приказам вашего величества не обязан, а если и делаю это, то исключительно по своей доброй воле, – недовольным голосом высказался Тобиас, в то время как я замерла в ужасе, поняв, чей голос слышу. – Моей девочке сейчас непросто, ей нужно немного времени, чтобы прийти в себя, не дёргай, а!

– И откуда вы все взяли на мою голову, авторитетов не признающие и императорскую власть игнорирующие? – буквально простонал император, но мне почему-то послышалось в его голосе веселье. – Томас, будь так добр, поспеши.

– А то останешься без моих котлет на месяц! – послышался весёлый женский голос. Очень знакомый голос.

– О, это аргумент! – Тобиас изобразил сильный испуг. – Рэнди, мы уже бежим!

Послышался дружный мужской смех, которому вторила Ноппи, потом разом стих – видимо, переговорный артефакт отключился. Ноппи продолжала хихикать.

– Страшная угроза! – пояснила она Лапке и Клещу. – Томас с детства обожает котлетки Рэнди, при том, что и сам отлично умеет их готовить. Но стоит её пригрозить отлучением...

– А, я поняла – это у них игра такая! – теперь захихикала и Лапка.

А Тобиас взял меня на руки и отнёс в уборную, чтобы я умылась. Рыдания красоты мне не прибавили, но это было последнее, о чём я сейчас переживала.

На аудиенцию к самому императору мы отправились впятером – Клещ и Лапка решительно отказались оставлять меня, а Ноппи, конечно же, не могла расстаться с хозяином. И вот когда Тобиас со мной на руках широким шагом – но вовсе не бегом, как обещал, – двигался по роскошно украшенным коридорам дворца, я вспомнила ещё одну странность. Собственно, вопросов у меня было много, но я понимала, что сейчас не время для долгого разговора, и всё же не задать конкретно этот не смогла.

– Почему они называли тебя Томасом? То есть, император назвал, а госпожа Рэнди его не поправила? – о том, кем и Гейб, и его жена приходится Тобиасу, я догадалась, ещё когда просматривала фамильное древо императорской семьи, а точнее – его иномирную ветвь. – Они же не знали, что ты сейчас под личиной.

Он под ней, кстати, так и остался. Наверное, просто забыл снять.

– Потому что именно так меня зовут. Томас – моё настоящее имя. Помнишь, Лапка ведь и его на схеме нашла.

– Но... Ты же Иветтомассор. Ну, то есть, это имя твоей личины, – окончательно запуталась я. – А Томас – это же я сама сократила.

– И ты даже не представляешь, как я тебе за это благодарён! – и меня чмокнули в лоб, демонстрируя эту самую благодарность. – Ты так удачно вырезала моё собственное имя из этого ужаса, да еще и прямо на глазах кучи народа – это был отличнейший шанс его легализовать. Иначе уж и не знаю, сколько мне пришлось бы с этим громоздким кошмаром мучиться.

– А зачем же ты себе этот кошмар выбрал? – спросил Клещ.

– Если бы я! Один из моих родственничков, Тайлер, готовил мне документы для поступления в академию к этой личине. Своё имя я оставить не мог – слишком иномирное. Сейчас, конечно, стало модно давать такие имена детям, но лучше было не рисковать. А Тайлер сказал, что нашёл в этом мире какое-то имя, вроде бы даже принадлежащее древнему легендарному герою, которое вполне созвучно моему. Нужно было ещё тогда задуматься, а с чего это он так довольно улыбается, и насторожиться, но у меня голова была немножко другим занята. Прочёл своё новое имя уже по дороге в академию. И

ведь не солгал гад, моё имя чётко видно внутри этого безобразия. Так что, спасибо вам с Монеи, что так быстро избавили меня от него, вернув моё настоящее имя.

– Мою тоже поцелуешь? – съехидничала Лапка.

– Нет. Я целую исключительно девочек, – и Тобиас... Томас чмокнул в макушку Ноппи. – Зато я буду делать вид, что верю его жалобам на больную лапку. И таскать его подмышкой, если попросит.

– Но на древе был и Тобиас, – я всё ещё пыталась осмыслить очередную новость – это не Тобиас назывался Томасом, а наоборот.

– Да, мой старший брат. Когда ты спросила моё имя, я чуть не проговорился, на полуслове опомнился и вывернулся, назвав имя брата – первое созвучное, которое в голову пришло. А сам я, с самого своего рождения, Томас. Им и останусь. Так что, никуда я не делся.

Говоря это, Томас вошёл в просторную комнату, заполненную людьми.

– Нет, ну вы видели? – послышался наигранно-возмущённый голос. – Он ещё и дверь к императору ногой открывает! Гейб, ты точно его воспитывал?

– Эту жуткую рожу – определённо нет, – фыркнул в ответ черноволосый перевёртыш. – Мой маленький братик – красавчик.

– Томас не жуткий! – взвилась я, на секунду забыв про свой страх перед бессмертными в целом и недовольным императором в частности. – Нормальное у него лицо!

– Что и требовалось доказать, – а это уже мастер Дэн вступил в разговор. – Если бы кому-то из нас ещё нужны были какие-то доказательства.

– Доказательств не нужно, а вот кое-какие детали узнать хотелось бы, – это сказал незнакомый мне перевёртыш. – Данита никогда не ошибается, а она дала чёткие приметы.

Я вертела головой от одного говорившего к другому, окончательно перестав понимать, о чём идёт речь.

– Всё узнаем, – ответил ему Томас, закрывая за собой пяткой дверь. – Личину сейчас сниму, а если твоё величество не желало, чтобы дверь в твой кабинет открывали ногой, мог бы и сам её открыть, знал же, что у меня руки заняты.

– Всё бы тебе императоры лакеями подрабатывали, – явно забавляясь этим разговором, покачал головой светловолосый

перевёртыш, чьи портреты украшали... да всё, что можно, то и украшали. Император же!

— Томас, попаданка здесь я, а хамишь власть имущим и открываешь к ним дверь с ноги почему-то ты. Не по канону! — тихонько рассмеялась черноволосая копия Рэнди — Габриель, жена магистра Ардерика и защитница прав нечисти.

Теперь, сообразив, кем Томасу приходится Гейб и Рэнди, я уже не сердилась на неё за тот поцелуй возле пещеры после нашего спасения. Габриель — родная племянница Томаса, и чмокнуть дядюшку в щёчку — совершенно нормально.

— Думаю, нам всем стоит сесть и спокойно поговорить, — предложил перевёртыш, с которым Томас разговаривал у пещеры, называя дедом. — Именно ради этого мы здесь и собрались — получить ответы на вопросы. Поиграть в свою любимую игру в нахальных попаданцев сможете позже.

Все послушно расселись кто куда — на стулья, кресла, диван, подлокотники, Рэнди и Габриель — единственные женщины, кроме меня, находящиеся здесь, — на колени мужей, кое-кто остался стоять вдоль стен. Теперь, когда все присутствующие не толпились среди комнаты, я смогла их рассмотреть. Шесть драконов, из них только магистр Ардерик мне знаком, мастер Дэн и четырнадцать перевёртышей, считая императора, ректора, Томаса и Гейба.

Ещё четверо смертных — человек, два оборотня и орк, — в незнакомой мне одинаковой форме. Кстати, некоторые из перевёртышей тоже были в такой же. Ну и, в дополнение ко всем этим мужчинам — три девушки и три зверюшки. Просторный кабинет, буквально набитый бессмертными гигантами, казался тесной каморкой.

Мы с Томасом устроились на кресле, как я понимаю, специально для нас поставленное возле стола императора таким образом, что все остальные могли нас видеть, ну а мы — их. Ноппи, увидев такое количество народа, ещё в дверях полезла в своё любимое убежище — Томасу за пазуху, Лапка согласилась на предложение мастера Дэна посидеть у него на плече, а любопытный Клещ отправился осматривать огромный стол императора — тот не возражал и даже погладил хорька, когда тот подошёл поближе.

Ну а я, уже как-то привычно, оказалась сидящей на коленях у Томаса. Учítывая, где сидели другие женщины, для бессмертных это, похоже, абсолютно нормально. Наверное, поэтому никто не обратил внимания, когда Томас, тогда еще Тобиас, усадил меня на колени во время разговора в кабинете ректора.

— Прежде чем начнутся вопросы, - Томас сурово взглянул на императора, - я хотел бы, чтобы ты, Мел, дал моей девочке своё императорское слово, что за одно лишь наличие у неё тёмной магии никаких репрессий не последует.

— Репрессии — это наказания, — донеслось у него из-за пазухи. Спасибо тебе, искусственный разум Ноппи.

— Разумеется, нет, — пожал плечами император, но Томас кашлянул, и он поправился. - Даю тебе своё императорское слово, Риони, что за наличие у тебя тёмной магии никто тебя наказывать не будет. Но мы должны знать, как ты её получила. Мы были уверены, что больше никто и никогда не сможет стать её обладателем — и тут появляешься ты. Будь добра, расскажи, как это произошло.

— Эту магию я получила ещё до рождения, - ответила я, сев ровнее при первом обращении императора. Тянуло встать и выпрямиться по струнке, но обнимающие меня руки дали чётко понять — мне не позволят. — Мама была мною беременна, когда сама прошла этот обряд.

— Этого не может быть, — сказал один из перевёртышей в форме. — Сама возможность прохождения подобного обряда уничтожена нами почти двадцать шесть лет назад. А тебе вряд ли больше двадцати.

— Мне двадцать пять, но я всегда выглядела младше, — призналась я, поняв, что настало время выложить все свои секреты — не было смысла больше их хранить. - Моё настоящее имя Рионелла Ловэль. Я родилась и прожила первые семь лет в рыбацкой деревушке Сосновке, это около пятидесяти километров от Юмидвея.

— Ловэль из Сосновки? - повторил тот же перевёртыш. — Погодите-ка, погодите... — Он выпустил из браслета в воздух такой же экран, как мастер Дэн и недавно Ноппи, и начал быстро водить по нему пальцами, а там мелькали какие-то списки, картинки и что-то ещё, я не успевала разглядеть. — Ага, нашёл! Восемнадцать лет назад в отделение магической полиции городка Бережки, что как раз недалеко

от Юмидвея, поступил сигнал из Сосновки, что Ринка, малолетняя дочь Файонолы Ловэль, обладает тёмной магией. Ринка?

– Так меня называла тётка, у которой мы жили, и её сыновья, – пожала я плечами. – Одного из них тётка Нута отправила за магами в Бережки, наверное, он так там меня и назвал.

– Понятно, – кивнул перевёртыш и снова уставился в экран. – Группа магов была переброшена в Сосновку порталом с приказом задержать обеих и доставить в участок для допроса. К приходу магов женщина с ребёнком уже сбежала. Тогда же, от свидетеля Нутыны Ловель были получены сведения, что Файонола Ловель так же обладает тёмной магией. Среди магов не было оборотней, чтобы отыскать её по следу, поэтому они взяли у кого-то охотничьих собак. Женщину смогли догнать лишь спустя несколько часов на берегу океана, увидев преследователей, она прыгнула с обрыва с ребёнком на руках. Обе утонули – сильное подводное течение, тело женщины нашли спустя неделю в пятнадцати километрах от места падения, тела ребёнка найти так и не удалось.

Он поднял голову от экрана и внимательно посмотрел на меня, все остальные – тоже. А я словно вновь пережила тот страшный день, разломавший мою жизнь на «до» и «после».

– Как же ты выжила, девочка? – разорвал тишину негромкий голос мастера Дэна, смотревшего на меня с огромным сочувствием.

– Мама держала в руках не ребёнка, а куст, завёрнутый в шаль, – проглотив комок, сдавивший горло, с трудом выдавила я. – А меня спрятал папа Клык, за его запахом собаки меня не почувствовали.

– Папа Клык? – переспросило сразу несколько голосов.

– Медведь. Нечисть. Мы наткнулись на него в лесу. Мама попросила его спрятать меня, а сама увела за собой магов. Папа Клык оставил меня у себя и вырастил.

– Дочь медведя. Ну, конечно же... – почти простонал Томас. – Не оборотень, а настоящий медведь! Кто бы мог подумать?! А я-то считал это самой простой приметой.

– И мать, отдавшая жизнь, чтобы жило её дитя, – покачала головой Рэнди. – Мы-то все почему-то про смерть от родов подумали. Но ведь можно сознательно отдать жизнь, чтобы увести смерть от своего ребёнка...

— Данита никогда не ошибается, — кивнул тот перевёртыш, которого Томас называл дедом. Всё же надо было внимательнее изучать фамильное древо императорской семьи, да кто же знал!

— У неё ведь был шанс на жизнь, — нахмурился император. — Если эта Файонола и была виновата, получая тёмную магию, то за давностью лет могла отделаться тюремным сроком. Но она не хотела рисковать и пошла на смерть, чтобы её дочь оказалась в безопасности.

— В лесу, в лапах медведя — сомнительная безопасность, — высказался кто-то.

— Папа Клык был очень хороший, — возразила я. — Мама ему поверила, и он меня не бросил. Она просила только от собак меня спрятать, но когда он узнал, что к людям мне нельзя, то сам обо мне позаботился. Меня нечисть всем лесом растила, но папа Клык стал мне настоящим отцом, единственным, который у меня был, — я тяжело вздохнула. — Жаль, что он уже старым был, только девять лет со мной и пробыл.

— А как он узнал, что к людям тебе нельзя? — спросил ректор. — И почему, собственно, нельзя?

— Потому что, во мне уже проснулась магия, а мне было всего семь, к тому же, выглядела я ещё младше.

— И любой встречный маг мог это определить, — подхватил Томас.

— Да. Поэтому мама и пряталась со мной в Сосновке — там ни одного мага не было, кроме неё. И меня. Нам там непросто жилось, но переехать туда, где мама нашла бы работу получше, чем в рыбацкой артели, мы не могли. А папа Клык узнал об этом из маминого письма. Она оставила его мне, я тогда уже умела читать.

И, закрыв глаза, я стала по памяти пересказывать сто раз читанное и выученное наизусть письмо. Само его, к моему большому сожалению, пришлось оставить в тайнике в лесном домике — слишком опасно было брать с собой такую улику. Хотя оно уже давно истёрлось до дыр, и слова можно было разобрать с большим трудом — но рисковать я всё равно не могла.

Пока я пересказывала письмо, в комнате стояла тишина, даже Клещ притих и больше не шуршал чем-то, роясь в ящике стола. Когда я закончила просьбой мамы жить, послышался чей-то всхлип. Открыв глаза, я увидела, что госпожа Рэнди тихонько плачет, с жалостью глядя на меня.

Ту же жалость я читала и в глазах всех, кто находился в комнате. Жалость к той девушке, которую обманул любимый человек, и которая отдала жизнь, чтобы увести преследователей от своего ребёнка. И жалость к этому без вины виноватому ребёнку, потерявшему мать и вынужденному выживать в лесу, потому что среди людей его ждала смерть. Во всяком случае, в тот момент я в это искренне верила.

— Если хочешь, мы узнаем имя того, кто был твоим отцом, — странно хриплым голосом предложил мастер Дэн.

— Зачем? — удивилась я. Мне никогда не приходило в голову искать этого человека. Точнее — человека на три четверти, и на четверть эльфа, это единственное, что мне о нём рассказала мама. Просто упомянула, в кого у меня такие светлые волосы.

— Разве тебе не интересно? — спросил тот же перевёртыш в форме, который так и не убрал свой экран и снова в нём рылся. — Данных предостаточно — имя твоей матери, время, когда она обучалась в одной из магических академий, то, что твоим отцом был декан этого заведения. Мракобесы раскинули свою сеть довольно широко, вербуя своих сторонников и среди студентов, и среди преподавателей, но всё же деканов среди них было — по пальцам одной руки сосчитать.

— Мне не интересно, — я дёрнула плечом. — Он всё равно погиб ещё до моего рождения. И я не питаю к нему родственных чувств, вообще никаких чувств не питаю, кроме ненависти за то, как он поступил с мамой, и на что её обрёл.

— У него могла остаться семья, — сказал Гейб, тщательно и очень нежно стирая слёзы со щёк своей половинки. А заодно и нос ей, как ребёнку, деловито вытер, вызвав у меня невольную улыбку. — У тебя могут быть живы бабушка и дедушка, тётки-дяди, братья-сёстры.

— Если бы они знали о моей маме, то нашли бы нас — мама, бросив академию, вернулась в родной дом, адрес был в её документах. Нашли хотя бы для того, чтобы узнать, не оставил ли погибший сын-брат-отец после себя ребёнка. Раз не нашли, то либо я была им не нужна, либо, что больше похоже на правду, мой отец вообще своим родственникам ничего о моей маме не говорил. Скорее просто использовал её, задушив голову якобы любовью. И с какими глазами я перед его роднёй предстану? Нет уж. Не нужно мне другой семьи, мне своей хватит. У меня был папа Клык, самый лучший папа на свете. И есть тётушка, братик и сынишка — мне достаточно.

– Сынишка? - удивился Томас. - У тебя есть сын? И где он сейчас? С твоей тётушкой? Только не говори, что где-нибудь в приюте!

– Ещё чего! – возмутился Клещ, вынырнув откуда-то снизу на столешницу. - Вот он я, никуда не делся. Риони меня подобрала слепым щенком, когда моих родителей и весь остальной помёт дикие лисы загрызли. Папа Клык её вырастил, а она – меня.

Томас облегчённо выдохнул и заулыбался.

– Я уж подумал – нужно срочно за твоим малышом ехать, забирать, где бы он ни был. Да и тётушку заодно.

– Тётушка – это я, - пояснила Лапка окружающим. – Мы с Риони ровесницы, но когда впервые встретились, я была уже взрослой, а она совсем малышкой.

– А имя прожорливого братца даже я знаю, – усмехнулся ректор. – Впрочем, то, какой он отличный защитник, видел своими глазами.

– Не ты один, – улыбнулась Рэнди.

– Мы противостояли с ним общему врагу, - тихонько засмеялся Гейб, а я вспомнила тот эпизод с Велоней и задумчиво посмотрела на Томаса.

– Это ведь ты меня за свою спину переставил, да? Я ведь так и не поняла, как там очутилась. И виной вовсе не этот... ад...адер... который «с перепугу».

– Адреналин, – подсказали мне из-за пазухи.

– Да, он. Я в тот момент вообще ничего не боялась.

– А вот я перепугался до безумия. Я бы легко увернулся от когтей оборотницы, и тут перед ней вырастаешь ты, такая крохотная, хрупкая и беззащитная.

– Ты даже не побоялся выдать себя, – усмехнулся Гейб. - Хорошо, что все в тот момент на меня смотрели, а не на тебя. Ничего не заметили.

– Не такая я и беззащитная, - напомнила я очевидное. – У меня есть тёмная магия.

– И ты была готова её применить у всех на глазах? – император, чуть прищурившись, внимательно посмотрел на меня. – Веря, что за это могут казнить?

– Я в тот момент об этом не думала. Потом жутко перепугалась, конечно.

– Что за вопрос? – мастер Дэн удивлённо посмотрел на императора. - Та оборотница на Томаса когтями замахнулась. Девочка же не знала, что он неуязвим.

– И ты была готова убить за него? - всё так же, пристально глядя на меня, уточнил император.

– Убить? – я попыталась вспомнить, что чувствовала в тот момент. – Нет, вряд ли. Но лапу отрубить могла. Ей бы её всё равно целители прижили.

– Лапу отрубить? - удивился кто-то из перевёртышей. – Когда в кого-то попадает тёмная магия, она испепеляет его целиком.

– Это если её не контролировать, – дёрнула я плечом. - А моя мне давно подчиняется, с самого детства. Я использовала бы её... как меч. Мечом можно убить, можно ранить, а можно просто обезоружить.

– Тёмная магия настолько тебе подчиняется? - это кто-то из драконов спросил.

– Да. Я много ею пользовалась, научилась делать то, что мне нужно.

– Дважды интуит! – восхитился мастер Дэн.

– А не могла бы ты нам рассказать, Риони, как именно ты использовала запрещённую тёмную магию? – чуть подавшись вперёд, поинтересовался император.

И я поняла, что придётся сознаться в самом постыдном.

ГЛАВА 20. АМНИСТИЯ

День двенадцатый. Воскресенье

Но начать я решила с нейтрального.

– Я использовала свою тёмную магию, когда мне нужно было что-то... уничтожить. Убрать.

– И что же именно ты уничтожала? – император буквально сверлил меня взглядом.

– Да разное. Сорняки на грядках, лишние деревья, когда место под огорожок освобождала, дно у ручейка углубляла, чтобы воду было брать удобнее. Жильё для нечисти делала – норы и дупла. Валежник после бурь убирала, если тропы заваливало. Старые капканы, оставшиеся с времён до заповедника, уничтожала. Уборку делал – просто приказывала тьме сожрать пыль и грязь. Много делала, всего и не упомянуть.

– Обалдеть! Просто обалдеть! – тихо выдохнул кто-то. Я не видела, поскольку не могла отвести глаз от императора, он словно бы удерживал меня взглядом.

– Это не всё, – сделал вывод мой собеседник.

– Иногда я с помощью тьмы защищалась от диких животных, которые забредали к моему домику. Я не убивала – это же заповедник, - но знала, как ранить так, чтобы отпугнуть. А если тупое зверьё всё равно пёрло на меня или мою нечисть – я могла и лапу отрубить.

– Это самооборона! – воскликнула Габриель. – Не считается!

– Не считается, – кивнул император, соглашаясь, и я мысленно выдохнула. Хищник с отрубленной лапой всё равно не жилец, так что, зверей в заповеднике я всё же иногда убивала. Пусть не специально, не ради охоты, но убивала. А чаще их добивала моя нечисть. - Но это тоже не всё.

Как он узнал?

– Император Мелануир – менталист. Среди прочего, - шепнул мне Томас. И я поняла, что скрыть главное не получится.

– Ещё я с помощью своей магии... воровала, - глаза отвести у меня всё же получилось, и я опустила их, глядя на стол, на ковёр, куда угодно, только не в эти внимательные глаза, не позволяющие соврать. -

Срезала замки или проделывала дыры в стенах, чтобы животные могли забраться внутрь.

И замолчала, ожидая всеобщего осуждения. Потому что, воровать – это плохо. Я это знала. Но умереть от голода и холода еще хуже.

Было тихо. Никто меня не осуждал, во всяком случае – вслух.

– И что конкретно ты крала? - уточнил император. В его голосе я осуждения тоже не услышала, только любопытство.

– Много всего, – каяться, так уж каяться, тем более перед менталистом. И я начала перечислять, мысленно загибая пальцы. – Два одеяла, плащ, три пары ботинок, кофту, два платья, три пары штанов, четыре рубашки. Лопату, мотыгу, ведро, два ножа, моток верёвки, три огнива, котелок, сковородку, кружку, ложку. Соль, муку, трёх курочек и петушка, зерно для них. Семена для огорода. Восемь книг. А расчёску, мыло, сухарики и ещё немного одежды мне нечисть принесла в первый год – я тогда в город не ходила ещё.

– И... за какой промежуток времени ты всё это... ukrала? – голос императора стал странно хриплым, как прежде у мастера Дэна.

– За восемь лет, пока папа Клык был жив. Потом в приют попала, а после него стала своей новой магией зарабатывать, не тёмной.

– То есть, с восьми до шестнадцати лет? – уточнил кто-то из мужчин. Я кивнула. – А выглядела в свои шестнадцать на сколько?

– Лет на двенадцать. Я когда пришла в приют, сказала, что не знаю свой возраст, потому что считать умею только до десяти. Мне на глазок написали, что двенадцать, а потом решили, что ошиблись, и продержали в приюте лишний год. И по документам, которые там выдали, я на пять лет младше своего настоящего возраста.

– Ребёнок, – прошептала Рэнди. - Голодный ребёнок. Раздетый, замёрзший, в лесу! За восемь лет – два одеяла и плащ! Как же ты выжила, Риони? Как пережила зимы?

– В домике было довольно тепло, - я всё же решилась поднять голову и посмотреть на ту, что снова роняла слёзы от жалости ко мне. – Мы печку топили – я к холодам научилась. Нечисть законопатилла все щели мхом. И укрывала меня, согревая в холодные зимы. А вот на улицу выходить очень холодно было, это да.

– Поскольку в то время ты была не просто несовершеннолетней, а малолетней, то своей императорской властью я объявляю тебе амнистию за все преступления, совершённые ради выживания, –

твёрдо сказал император. – Включая убитых ради самозащиты животных в заповеднике. А документы... Тебе могут вернуть настоящую фамилию и возраст или оставить нынешние, решай сама.

– А смысл сейчас что-то менять? - спросил кто-то. - Всё равно скоро новую фамилию получит.

О чём это он? Ой, неважно! Главное сейчас – меня не будут наказывать не только за тёмную магию, но даже за воровство.

– Не форсируйте, – недовольно ответил этому кому-то Томас. - Здесь вам не Земля, Риони нужно время. Не надо давить, я сам разберусь. И пока Риони учится в академии, её фамилия вообще не имеет никакого значения.

– То есть, вы собираетесь продолжать учёбу? - уточнил ректор.

– Разумеется. Риони столько лет упорно трудилась, чтобы в академию попасть, она это заслужила. Девочка моя, ты же не собираешься оставлять учёбу? – это уже ко мне, и я вскинула глаза на его лицо, точнее – личину, но такую родную.

– Нет! – и испуганно оглянулась на ректора: – Вы хотите меня исключить? За мою тёмную магию или за воровство?

То, что меня не собираются казнить или в тюрьму сажать ещё не значит, что вообще никак не накажут. Вдруг таким, как я, нельзя обучаться в Имперской академии?

– Глупости какие! – мотнул головой ректор. – Никто тебя исключать не собирается, не за что пока.

– Пока? – напряглась я.

– Вот нахватаешь плохих отметок, не сдашь экзамены, запустишь учёбу... да мало ли, за что у нас отсеивают студентов. Но уж точно не за то, о чём мы сегодня узнали. Учись как следует – и никто тебя ни откуда не отчислит, обещаю.

Я выдохнула. Всё же исключение было бы для меня страшным ударом, хотя, на фоне того, чего я ожидала еще совсем недавно, показалось бы ерундой. В сравнение с казнью всё кажется ерундой, а когда опасность исчезает – всё возвращается на свои места. И прежние страхи вновь возвращаются.

– Что-то мне подсказывает, что с таким помощником успеваемость Риони взлетит до небес, - с улыбкой глядя на нас, сказал мастер Дэн.

– Томас помогал Риони задачи решать, - сообщила всем Лапка, сидящая у него на плече. – Два дня с ней занимался!

– А я о чём? - развёл руками мастер Дэн. - Так что, не волнуйся, Риони, в академии ты проучишься ровно столько, сколько сама захочешь.

– Мне диплом очень нужен, без него хорошую, а главное, легальную работу не получить, – пояснила я. – А мне семью кормить.

– Кажется, кому-то предстоит очень долгий разговор, – хмыкнул Гейб. – Но мы молчим, не форсируем.

– Ноппи? – шепнула я.

– В данном конкретном случае – ускорять события, торопить, - донеслось из-за пазухи Томаса.

– Вы ещё что-нибудь хотите выяснить, или всё же вспомните, что у моей девочки сильнейшее истощение, и целителем ей предписан покой? – поинтересовался у окружающих Томас.

– Вопросов-то масса, – хмыкнул император. - И у каждого свои. Но мы узнали самое главное и сейчас вполне можем отпустить вас с миром, остальные вопросы подождут. А вам и правда нужно о многом поговорить, видно же, что Риони ничего не понимает. Поэтому, идите, отдыхайте. Ещё встретимся, и не раз. Кстати, малыш, можешь взять её себе, раз так понравилась.

Последняя фраза императора была обращена к Клещу, который облюбовал красивую и, кажется, золотую ручку на его письменном столе и, держа её обеими лапками, что-то царапал на листе бумаге.

– Правда? Спасибо! – хорёк положил ручку, подбежал к императору, схватил лапками его за палец, изобразив рукопожатие, потом подхватил ручку зубами и в мгновение ока перебрался мне на руки.

– Клещ, нельзя! – перепугалась я. – Она слишком дорогая!

– У Мела есть ещё, не обеднеет, – с этими словами Томас встал и решительно зашагал из комнаты, приговаривая: – Всем спасибо, все свободны, мы отдыхать, - не сбавляя шага, оглянулся: – Фил, организуешь нам освобождение от уроков на завтра.

– Нет, вы это слышали? - возмущённый вопль ректора у нас за спиной.

– А чего ж ты тогда улыбаешься? – поинтересовался у него мастер Дэн, пересаживая мне на плечо Лапку.

– И это был даже не вопрос, – хохотнул Гейб. – Мой мальчик!

– Учитывая, что его... Риони плохо себя чувствует, чего вы ожидали? – голос Рэнди.

– Нельзя так с ректором, – шепнула я, едва дверь за нами закрылась, на этот раз кем-то, а не ногой Томаса. – И с императором тоже.

– Ты фамильное древо видела? – усмехнулся перевёртыш. – Я Филу пра-пра... надо глянуть точно, сколько раз прадед. Не переживай, они не обижаются, это у нас игра такая.

– В нахальных попаданцев? – уточнила Лапка.

– Да. Габриель подсадила местных на наше фэнтези, и вот результат.

– Фэнтези – это сказки такие, – пояснила Ноппи, выбираясь на свободу, поскольку толпа осталась в кабинете, и мы вновь были одни в коридоре. – Про выдуманные миры с магией и сказочными существами – драконами, перевёртышами, эльфами и так далее.

– То есть, про наш мир? – уточнила я. – Но он же не выдуманный.

– В ином мире ничего этого нет, для них это выдумка. Хммм, интересно, а что считалось бы фэнтези для местных? Компьютеры, автобусы, пылесосы, солнечные панели? Тоже нечто, несуществующее в этом мире, а значит, сказочное.

– Скорее уж это считалось бы научной фантастикой, – улыбнулся ей Томас. – Ну, что, Риони, выбирай, где будешь отдыхать? Варианты – комната во дворце, где мы уже были, или общежитие академии?

– Общежитие! – тут же откликнулась я. И пояснила: – Там Моня один. Переживает, наверное, почему я не возвращаюсь.

– Логично, – Томас круто развернулся и пошёл в обратном направлении. – Только чур – в мою комнату. У меня свой санузел.

– Уборная, – тут же перевела Ноппи.

– Хорошо, – кивнула я, соглашаясь. Томас прав – я пока могла ходить, лишь держась за стену, а носить меня в уборную женского крыла он вряд ли сможет.

Завернув за угол коридора, мы обнаружили у кабинета императора небольшую группу бессмертных – всех тех из находившихся с нами в кабинете, кто тоже обитал в академии.

– Ну, что я вам говорил? – довольно улыбнулся Дэн. – Какие императорские апартаменты, у них там «братишка» один остался.

Голодный!

– Этот-то голодный? – рассмеялся Гейб. – Да его всей академией обкормят, скоро как шарик перекатываться начнёт.

– Ладно, идёте, – ректор кивнул на портал, открытый магистром Ардериком. – Будет освобождение вам обоим, дедуля. Кстати, без всяких пра-пра, сам-то фамильное древо давно видел?

Мы вышли в незнакомый мне коридор, не менее просторный, чем в королевском дворце.

– Открыть вам портал в общежитие, или сами доберётесь? – спросил магистр Ардерик.

– Сами, – дёрнул плечом Томас. – Заодно в столовую заглянем, запасы сделаем. Не хочу оставлять мою девочку одну.

– Едой мы вас обеспечим, не переживай, иди сразу в общежитие, – посоветовала Рэнди.

– Тогда мы пошли, – кивнул Томас, но его остановила Лапка:

– Подожди секундочку, пожалуйста, – а когда и он, и все шестеро наших спутников, уже развернувшись, чтобы идти, как я поняла, в свои преподавательские апартаменты, притормозили, обратилась к Габриель: – Я давно хотела сказать вам спасибо от всех нас, обитателей заповедника. Я старше, чем выгляжу, спасибо Томасу, что омолодил, и ещё помню те времена, когда лесную нечисть уничтожали наравне с дикими животными. Спасибо вам за то, что все мы живы, и живём в безопасности.

– Да, спасибо вам, что я рос, не зная, что такое стрелы и капканы, – подхватил Клещ. – И что опасался лишь хищников, но не охотников. Мы только здесь, от Томаса узнали, кому обязаны всем этим.

– Пожалуйста, – жена магистра Ардерика широко улыбнулась, а потом погладила сначала Клеща, а потом Лапку. – Я очень рада, что теперь нечисть живёт в безопасности. Вы же разумные, я не понимаю, как люди могли этого не осознавать и уничтожать вас?

– Я тоже выжила благодаря вам, – я с восхищением смотрела на черноволосую девушку, которая выглядела моей ровесницей. – Если бы тот лес не стал заповедником... Не знаю, что бы со мной стало. И папа Клык мог бы не дожить до нашей встречи, и заброшенная охотничья хижина не была бы свободной и не стала бы для меня убежищем, и найти меня могли бы быстро. Да многое, что помогло мне остаться в живых, произошло благодаря вам.

– Я этому рада, не нужно благодарности, - и при этом Габриель посмотрела на Томаса. - И говори мне «ты», Риони, мы же теперь... друзья.

– Я всё равно благодарен, – ответил ей Томас, не совсем для меня понятно. – Кстати, Риони, а ты знаешь, какая у меня фамилия?

– Халлоран, – меня очень удивила внезапная смена темы, но я ответила без раздумий.

– Не-а, это фамилия императорской семьи, а у нас, иномирной ветви, другая. Форест.

Форест? Фамилия звучала очень знакомо, но я не могла сообразить, где именно её слышала. А Томас расплылся в предвкушающей улыбке:

– А первое имя Габриель – Лилиан.

И всё встало на свои места. Потому что автора моих любимых книг звали Лилиан Форест.

– Так это ты написала «Неуловимую драконицу»? - обрадованно воскликнула я. Ректор почему-то обречённо застонал:

– У Габриель четырнадцать книг. Четырнадцать! Почему все первым делом вспоминают именно это позорище?

– Простите, - смущённо пробормотала я. – Просто вы тогда упомянули эту книгу, ну, когда Моня форменный мундир напялил. Мне стало интересно, я спросила сначала у Томаса, потом у Тобиаса... то есть... И он раздобыл мне эту книгу.

– Интересно, как? – недобро прищурился ректор на моего друга, но тот совсем не испугался.

– Я дала, – ответила Габриель. - Тебе понравилось?

– Очень! А у тебя правда еще тринадцать книг? А то мне в библиотеке только четыре дали.

– Правда. И если хочешь, дам тебе остальные почитать.

– Очень хочу! – выдохнула я, в восторге от будущего удовольствия.

– Договорились.

– Вот и славно, – Томас развернулся и направился прочь от своих родственников, приговаривая: – Наболтаетесь ещё, а сейчас тебе нужно отдохнуть. Мало тебе было случая в пещере, ещё и допрос этот! Денёк потерпеть не могли, всё им некогда!

Он шёл и ворчал, а я пыталась уложить по полочкам недавний разговор. И в кабинете императора, и вот тут, в коридоре – даже здесь мне всё время слышался какой-то подтекст, а уж во дворце все явно о чём-то не договаривали, на что-то намекали, но «не хотели форсировать».

Ну, ничего, Томас пообещал мне «важный разговор», вот все вопросы и задам. Хотя даже и не знаю, с чего начать, столько всего в голове крутится. Ладно, что первое на язык придёт, то и спрошу.

В академии было малоллюдно. Во дворе – тоже. От ворот к общежитиям тянулись тонкие ручейки возвращающихся из увольнительного студентов, но сам путь от академии к нашему общежитию был почти пуст. А те, кто по какой-то надобности всё же прогуливались по территории академии, на нас внимания не обращали – Томас так и остался в личине.

Войдя в здание, Томас скомандовал:

– Клещ, сбегай, позови Моню, - после чего направился в свою комнату, где с удобствами устроил меня на своей кровати. Сначала поверх покрывала, чтобы снова оставить без верхней одежды, обуви и животных – мою сумочку он ещё во дворце повесил на своё плечо, – а потом устроил меня уже более удобно и укутал в покрывало. А я позволяла ему вертеть меня, как куклу, потому что весь крохотный заряд бодрости, который дал мне недавний сон и перекус, куда-то испарился.

К тому момент, как я была уложена, в приоткрытую дверь скользнули Клещ с Мoneй, после чего Моня запер дверь – наловчился, закрывая мою, - и с недовольной мордой повернулся к нам.

– Ну, теперь-то можете сказать, где так долго пропадали, и с чего такая секретность? А то кроме «потом, всё потом, здесь могут услышать», я никаких объяснений не получил.

– Минутку, - Томас достал из шкафа что-то небольшое, поставил на стол и что-то на этой вещичке нажал. – Вот теперь можно разговаривать.

– Это артефакт, полог тишины, – пояснила Ноппи, утаптывая гнёздышко на подушке, лежащей в ногах кровати – гораздо шире и длиннее моей, – а потом укладываясь там калачиком.

– Да что у вас случилось? – почти взвыл Моня. – Я сейчас лопну от любопытства и нетерпения.

– Знаешь, тут, похоже, назревает очень важный и довольно срочный разговор, - Лапка тоже устроилась на краю той же подушки. - Так что, давай, мы тебе очень коротко расскажем, а подробности – потом, хорошо?

– Хоть что-нибудь расскажите! – Моня плюхнулся на толстую попку и приготовился внимать.

– В общем, если в нескольких словах – в пещере был обвал, пока неясно, почему...

– Это выясняется, нам обязательно расскажут, – вставил Томас, усаживаясь возле кровати и беря меня за руку.

– В общем, нас засыпало, но сначала нас спас Томас, превратившись в пуму и закрыв собой от камней, потому что на самом деле он – перевёртыш Тобиас под личиной, а потом – Риони, проделав в горе дыру своей тёмной магией, чтобы мы могли дышать, и теперь у неё сильное магическое и физическое истощение. Нас откопали, Риони допросил император, казнить её за тёмную магию не будут, наказывать тоже. Сейчас Риони нужно отдыхать, а у Томаса есть к ней важный разговор.

Лапка замолчала, давая Моне осмыслить сказанное, а я поразилась, что такой долгий и насыщенный день уместился в три фразы.

– То есть, ты Тобиас? - уточнил барсук, глядя на парня. Тот улыбнулся и снял личину.

– Да, я тот, кого вы знали, как Тобиаса. Но моё настоящее имя Томас. Не Иветтомассор – это придумано для личины, причём не мной. А просто Томас.

– Ага, – задумчиво покивал Моня, потом повернулся к Клецу. – И что теперь с твоим списком? Томаса ты тоже оттуда вычеркнешь?

И тут я поняла, что именно мне не давало покоя всё это время.

– Томас, то, что ты говорил мне, когда был Тобиасом – правда?

– Да. Я скрывал лишь своё имя и то, что мы уже знакомы. Остальное – правда.

– И о поиске своей половинки – тоже?

– Да.

– Но если ты ищешь свою половинку... Тебе же предсказана встреча с ней. Здесь, в академии. Ой! – я поняла, что проболталась и оглянулась на Моню. - Это секрет, об этом никому ни слова!

– Уже не секрет, по крайней мере – для твоих близких. Да, Риони, мне действительно предсказали встречу с моей половинкой в академии. И я её уже встретил, - Томас широко улыбнулся, с нежностью глядя на меня.

– Тогда почему ты сейчас не с ней? Почему заботаешься обо мне, носишь на руках, называешь своей девочкой? Даже целуешь! Ты же сам говорил, что если бессмертный встретил свою половинку, он на других женщин даже не смотрит. Я не понимаю.

– Риони, вот ты обычно такая умненькая, - вздохнул Клещ, тоже забираясь на кровать и заглядывая мне в лицо, – а вот сейчас – дура-дурой! Даже я поняла, что ты и есть его половинка.

– Но... – я оглянулась сначала на хорька и Лапку, которая кивала, поддерживая приятеля, потом вновь на Томаса, который прижался губами к моей ладони и смотрел на меня так... На меня никто и никогда так не смотрел. С такой любовью, с таким восторгом, с таким обожанием, словно я – сказочная принцесса и небесная красавица в одном лице, а не нечто измученное, бледное и с синяками под глазами – то, что я недавно видела в зеркале. - Ты же говорил, что её раса – не человечка и не эльфийка...

– Мне предсказали «дочь медведя», – пояснил Томас, прижавшись щекой к моей ладони. – И я решил, что речь о расе. Я был таким глупым и слепым – не увидел того, что поняли все окружающие еще неделю назад. Все поняли – один я цеплялся за своё предсказание, которое точно указывало на тебя, только я об этом не догадывался.

– То есть, я и есть твоя половинка? - я пыталась осмыслить услышанное, понять это – не выходило. Сегодня столько на меня всего навалилось – включая то, что два моих самых дорогих, самых любимых лучших друга оказались одним человеком... то есть, не человеком. А теперь ещё и это...

Я была в растерянности. Просто не понимала, что сейчас чувствую. Я так давно смирилась с тем, что останусь одна, и внушала себе, что мне нельзя влюбляться ни в Томаса, ни в Тобиаса... И вот теперь я – та, кто предсказан ему... им...

– Да, моя хорошая. Моя долгожданная. Моя самая чудесная девочка.

– Я запутался, - вздохнул Моня.

– Я тоже, – призналась, жалко улыбаясь Томасу.

– Я понимаю, – он нежно погладил меня по щеке, потом легонько коснулся её губами. – День был и так непрост и богат открытиями, теперь еще и это. Но я не буду тебя торопить, мы будем двигаться постепенно. Времени у нас впереди сколько угодно, особенно учитывая, что нам еще пять лет здесь учиться. А сейчас тебе просто нужно отдыхать и набираться сил. Кушать хочешь?

Я немного растерялась от такой резкой смены разговора, но, прислушавшись к себе, поняла, что да, хочу. Вроде бы только недавно сытно поела. Или не очень сытно? Я тогда была такая уставшая, что даже от десерта отказалась. А сейчас поняла, что опять голодная.

– Хочу, – смущённо шепнула.

– Это хорошо, – довольно кивнул Томас. – Тебе сейчас нужно как можно больше кушать, и раз организм просит есть, значит, восстанавливается. Сейчас посмотрим, что нам здесь вкусенького наложили. Стазис, конечно, уже снят, но вряд ли всё уже остыло.

Он начал вынимать из шкафчика тарелки, стоящие в три этажа, и расставлять на столе, приговаривая:

– Сейчас я буду тебя кормить и рассказывать всё, что ты захочешь узнать. А ты будешь кушать и задавать вопросы. Договорились?

Я кивнула, не удержав улыбку в ответ на такое жизнерадостное предложение – сам Томас сиял улыбкой от уха до уха. Мне стало легче воспринимать его настоящее лицо, ведь улыбка-то осталась прежней. Когда-то я заметила это сходство, но решила, что улыбка Тобиаса мне знакома, потому что он похож на других перевёртышей. А на самом-то деле уже тогда могла бы что-то заподозрить.

Но не сумела. Мне и в голову не приходило, что эти два парня – точнее, парень и молодой мужчина, Тобиас выглядел далеко не на девятнадцать, скорее уж на тридцать, как и остальные взрослые перевёртыши, хотя реальный его возраст я не знала ни тогда, ни теперь, – могут быть одним и тем же существом. Хотя с обоими мне было очень легко общаться – когда прошёл первый страх перед бессмертным. С обоими нравилось проводить время. В объятиях обоих мне было легко и безопасно, и только их двоих я решилась поцеловать в щёчку в благодарность.

Да, вспоминая всё это, я поняла, что была такой же слепой, как и Томас.

Передо мной появилась тарелка с густым супом, к губам приблизилась ложка, я жадно глотнула – голод от вкусного аромата проснулся нешуточный. Тут же снова появилась полная ложка, а Томас, убедившись, что я послушно ем, заговорил:

– Мы с тобой многое друг от друга скрывали, у каждого была на это своя причина, но теперь этих причин больше нет. Сегодня я многое о тебе узнал, думаю, позже узнаю ещё больше, а сейчас хотел бы, честно и без утайки рассказать о себе. Итак, меня зовут Томас Блейк Форест – в моей стране принято иметь два имени, но вторым я никогда не пользовался, так что, можешь его даже не запоминать. Сразу после рождения моя мать получила от отца кругленькую сумму денег и передала ему меня на воспитание. Я никогда её больше не видел.

– Мне жаль, - шепнула я, прикасаясь к руке Томаса, стараясь выразить своё сочувствие. Я помню, он говорил, что рано потерял мать, но я не думала, что это случилось... вот так.

– К сожалению, в нашей семье это долгое время было чем-то привычным. Отец делал ребёнка, выкупал его у матери и сбегивал Гейбу. А тот нас всех растил. Я был уже достаточно большим, когда в нашей жизни появилась Рэнди, она уже не могла стать мне матерью, как моим младшим сестричкам, но зато стала лучшим другом. Она научила меня...

По воздуху проплыл знакомый хрустальный звук, заставив меня расстроенно вздохнуть. Отбой. Мне больше нельзя находиться в мужском крыле общежития.

Я завожилась, собираясь встать и уйти в свою комнату, но Томас придержал меня, качая головой. А перед моим носом появилась очередная ложка. Ну, я и её содержимое съела, раз предлагают. Только не очень понимала, на что он надеется? Что моё присутствие здесь никто не заметит?

И в этот момент раздался стук в дверь и голос коменданта Илуса:

– Студент Иветтомассор, студентка Риони находится в вашей комнате?

ГЛАВА 21. ПОЛОВИНКИ

День двенадцатый. Воскресенье

– В моей, – спокойно ответил Томас.

Причём голосом именно Томаса, то есть, своей личины. Отведя взгляд от двери, я увидела, что рядом снова сидит простой деревенский парень с примесью орочьей крови. Когда именно он снова надел личину, да и полог тишины отключил, я не заметила. Но и не удивилась – все знали о невероятной скорости перевёртышей.

– Я должен в этом убедиться лично, – настаивал гном.

– Моня? – попросил Томас, и барсук понятливо метнулся к двери и открыл замок.

Вошедший комендант окинул цепким взглядом открывшуюся картину – я, полулежащая в подушках, изображая бледную немочь, вся облепленная зверьём. Причём, укрывавшее меня до подмышек покрывало не скрывало того, что на мне – форменная рубашка, застёгнутая почти под горло. И сидящий рядом Томас, с тарелкой и ложкой в руках.

Оглядев нас, гном хмыкнул, покивал своим мыслям и сообщил:

– Мне пришло распоряжение от ректора – разрешение вам двоим ночевать в одном помещении, на основании того, что студент Иветтомассор должен присматривать за своей невестой, студенткой Риони, поскольку эта героиня спасла сегодня пять жизней, получив при этом тяжелейшее истощение. Что ж, доказательства налицо. Точнее, на лице. Ладно, набирайся сил, девочка. Иветтомассор, если будешь ночевать в комнате у студентки Риони, уборную посещай всё же в мужском крыле.

Он закрыл дверь, потом вновь открыл, засунув внутрь лишь голову.

– И поздравляю с помолвкой, детки, совет да любовь. С первого взгляда на вас было понятно, что к этому идёт, – и исчез окончательно.

– Надо же, даже он заметил! – сокрушённо покачал головой Томас. – Хотя и не догадывался, кто я такой. А я...

– Ректор ему сказал, что мы... помолвлены? – ошеломлённо выдохнула я.

– Я же говорил – он славный дядька. И не обращай внимания на его недовольное ворчание.

– Да-да, я помню, это у вас игра такая, – покивала я, всё ещё пытаюсь осознать услышанное. – Но мы же...

– Должен же был Фил как-то объяснить твоё нахождение в моей комнате, а это – один из легальных способов разнополым студентам ночевать вместе.

– А, то есть, это тоже игра? – догадалась я.

– Риони, ты сегодня на удивление плохо соображаешь! – возмутился Клещ. – Вы – половинки, и всё равно поженитесь. Ректор никого не обманывал, просто поспешил.

– Но... мне нельзя! – воскликнула я, скорее машинально, то, что знала всю свою жизнь.

– Что нельзя? – растерялся Томас.

– Замуж нельзя.

– Почему? – брови мужчины взлетели так, что скрылись за чёрными локонами чёлки.

– Мне нельзя иметь детей... – буркнула я, отворачиваясь к стене, чтобы не видеть разочарования на любимом лице. Да, уже давно любимом, что от себя-то скрывать?

– Ты больна? – встревожился Томас, но тут же, судя по голосу, расслабился, тревога сменилась озабоченностью. – Ничего страшного, вылечим. Кровь гаргулий лечит всё. Только почему ты молчала? Если раньше не было денег на целителей, то здесь-то, в академии, лечение студентов бесплатное. Так, прямо сейчас идём к целителям, пусть ставят диагноз, потом к Рэнди... Нет, лучше к Дэну, пусть крови нацедит. Давай, одевайся, хотя нет, не надо, я тебя и так донесу...

Оглянувшись, я в изумлении смотрела, как Томас заметался по комнате, то хватая мой мундир, то снова его откладывая и пытаюсь меня завернуть в покрывало как куколку бабочки. Наконец, очнулась.

– Не надо к целителям, я здорова. И могу детей иметь. Ну, наверное, могу, я не проверяла. Мне просто нельзя!

– Почему? – перестав заматывать покрывалом мои ноги, Томас снова удивлённо на меня посмотрел.

– У меня тёмная магия! – Он что, не понимает? – А если мой ребёнок её унаследует? Ему тоже всё детство в лесу прятаться? А потом всю жизнь трястись, боясь себя выдать, как я сегодня?

– Так... – Томас размотал мои ноги, аккуратно расправил покрывало, уселся обратно на стул и взял отставленную тарелку. – Не с того я свой рассказ начал. Исправлюсь. Итак... открывай ротик, вот умничка! Вот сегодня про твою магию узнали, и что? Тебя казнили?

Я попыталась ответить, но получила в приоткрытый рот ложку супа, поэтому просто помотала головой.

– Во-от! Ты кушай-кушай, пока не остыло, говорить я буду. Ребята, а вы не прячьтесь, забирайтесь обратно на кровать, – это он зверям, которые во время его бурной деятельности по заматыванию меня в покрывало, предпочли спрыгнуть на пол. Кроме Ноппи, которая спокойно дрыхла на своей подушечке.

– Значит, так. Всех обладателей тёмной магии, именуемых мракобесами, казнили, тут ты права. А почему? Глотай-глотай, вопрос риторический, твоего ответа не требует. Так вот, для того, чтобы эту самую дополнительную магию получить, мракобесы заключили сделку с дьяволом. Прости, это фольклорное выражение моего мира, но оно очень близко к сути. В общем, в обмен на эту самую магию они поставляли иномирной сущности – не с моего мира, с другого, нам неизвестного, – жертвы. Жизни разумных существ. То есть, каждый из получивших магию, либо убивал этих несчастных своими руками, либо же заманивал на жертвоприношение.

Я вновь попыталась что-то сказать, но вновь была остановлена ложкой с супом.

– Да-да, как твоя мама, которая сама не убивала, но... В общем, кровь была на руках у каждого получившего тёмную магию – настоящая или условная, – но у всех. Кроме тебя.

Я смотрела на Томаса зачарованно, машинально открывая рот и глотая суп, пытаюсь осмыслить то, о чём прежде никогда не задумывалась – казнили не за саму тёмную магию, а лишь за преступный способ её получения. Вот почему меня помиловали – не за что меня было наказывать. На моих руках крови нет!

– Всё верно, – глядя в мои широко распахнувшиеся от озарения глаза, кивнул Томас. – И если наши дети унаследуют от тебя эту магию – они тоже не будут в этом виноваты.

– Но... это же магия уничтожения! С её помощью можно убить, – придержав очередную ложку, выдала я последний аргумент. – А значит, плохая магия, неправильная. Запрещённая!

– Думаешь, с помощью огня нельзя убить, разрушить или уничтожить? Или вода абсолютно безопасна? А телекинез? Или воздух?

– А воздух-то чем опасен? - удивился Моня, который тоже залез на кровать и сейчас внимал словам Томас вместе с остальной нечистью.

– Ураган – весьма разрушительная сила, - напомнил Томас очевидное, и мы дружно кивнули. – Так же, воздухом при желании можно наполнить лёгкие противника и не позволять им двигаться – и он задохнётся. Это всё, конечно, запрещено, как и любое убийство или прочее причинение вреда здоровью, но в теории-то возможно.

– Ага, – кивнул Клещ. – То есть, дело не в магии, а в её применении?

– Верно. Вспомни, Риони, что ты сама с помощью своей магии делала. Облегчала свой быт и защищалась. Не нападала. В твоих руках тёмная магия не была агрессивной. Как и любая другая. Это как нож, которым можно убить, а можно просто нарезать хлеб. Именно поэтому всех, в ком проснулась магия, обучают в академиях – и учат не только как пользоваться магией, но и как с её помощью не навредить. Учат ответственности!

Томас отставил в сторону пустую тарелку, заглянул в остальные, а я смотрела на него и пыталась уложить в голове новое открытие – мне можно иметь детей. Потому что, даже если они унаследуют мою магию – это ничем им не грозит.

Было сложно. Всё, во что я верила столько лет – почти всю свою сознательную жизнь, – оказывалось ошибочным. Причём, не успевала я осознать что-то одно – как тут же узнавала что-то новое, тоже требующее осмысление. Я не успевала! Просто не успевала. Столько всего!

И каким-то чудом Томас это понял. Повернувшись ко мне с выбранной тарелкой, он сочувственно покачал головой.

– Слишком много всего и сразу? – Я молча кивнула. - Да, так бывает. В нашей семье подобное не редкость, при паре таких случаях я даже сам присутствовал. Знаешь, в чём-то тебе даже легче – ты знаешь о существовании бессмертных в целом и перевёртышей в частности. А представляешь, каково приходилось нашим избранницам из

немагического мира, когда им рассказывали, в какую семью им предстоит войти?

Я представила и посочувствовала незнакомым мне девушкам. Может, мне и правда проще? Хотя, они, наверное, не ждали всю жизнь разоблачения и казни, не верили, что семья и дети для них – табу, два их друга не превращались в одного. И это не говоря о том, что сегодня я могла просто погибнуть под завалом!

– Всё будет хорошо, – Томас погладил меня костяшками пальцев по щеке, потом нежно поцеловал в лоб. – Сейчас всего слишком много, но постепенно ты всё осознаешь, во всём разберёшься, ну и... Доберёмся до самого главного, – он улыбнулся своей чудесной кривоватой улыбкой. – А пока тебе нужно набираться сил, а значит, кушать и спать. Открывай ротик!

– А ты расскажешь мне еще о себе? – попросила я, прежде чем, не глядя, проглотить то, что было поднесено к моему рту. Картофельное пюре с подливкой и кусочками жареной курочки – вкуснятина. Чуть тёплое, но это неважно. Я подумала, что Томас прав – всё, на меня свалившееся, лучше осмысливать постепенно, а не разом, поэтому решила сменить тему и задала давно интересовавший меня вопрос: – Сколько тебе лет?

– Сто тридцать девять, – тут же ответил он. – Для перевёртыша это практически юность. Мы медленно взрослеем, на один год за три, лет до пятидесяти оставаясь детьми физически, а до перерождения – у меня оно произошло в восемьдесят девять, – фактически. И не важно, что выглядел я к тому времени... да вот как сейчас, взрослым и очень большим мужчиной, не важно, что получил к тому времени три высших образования и построил успешную карьеру. До перерождения перевёртыши смертны и уязвимы, как люди, потому – дети, без вариантов. И отношение к ним в семье именно такое.

– Поэтому меня спросили, на сколько лет я выглядела, попав в приют?

– Да. Мы привыкли, что возраст – просто число, важно лишь физическое состояние. Ты была ребёнком, требующим заботы и не способным себя обеспечить. Будь у тебя в то время родитель или опекун, за твои преступления отвечал бы он. Но уж точно не ты.

– Меня поэтому не наказали, да? За воровство.

– И поэтому тоже. То, что ты – моя половинка, сыграло свою роль. Половинка для нас – величайшая драгоценность, которую оберегают всей семьёй. Никому и в голову не пришло бы как-то тебя обидеть. Но даже без этого наказывать тебя было просто не за что. Осознай это раз и навсегда – теперь ты в полной безопасности, под защитой всей огромной семьи бессмертных, всех трёх рас. И больше никогда и ничего не бойся.

Я осознала и... расплакалась. Не вслух, просто слёзы потекли, при этом я продолжала глотать всё, подносимое к моему рту – голод проснулся нешуточный и супом не утолился абсолютно. Я ела и роняла слёзы, одно другому не мешало.

– Это хорошие слёзы, от облегчения, – пояснила всем Лапка, прибежав на моё плечо и глядя меня по щеке. – Всю жизнь прожить в страхе – это очень тяжкая ноша.

– Теперь всё будет хорошо, – улыбнулся мне Томас. – Впереди полная безопасность, большая любящая семья...

– И много-много еды! – подхватил Моня.

Я не удержалась и рассмеялась. Настроение прыгало, словно играющий Клещ в детстве, меня качало от слёз к веселью и обратно. Я понимала, что это последствия магического истощения и всего, что на меня сегодня свалилось, и очень надеялась, что к утру всё наладится, и я снова смогу контролировать себя и своё настроение.

Томас тоже рассмеялся, потом махнул рукой на стол с тарелками:

– Налетай. Для Риони я принесу тёплое, а тут всё ваше.

И Моня налетел. И Клещ с Лапкой. Лишь Ноппи продолжала спать, да Томас остался на своём месте, скармливая мне картошку.

– Итак, на чём я остановился?

– А ты не голодный? – не удержалась я от вопроса.

– Я о себе позабочусь, не волнуйся, столовая открыта круглосуточно. Я большой и крепкий, а ты маленькая и истощённая, так что кушай. У меня ещё полночи впереди, перевёртыши мало спят.

– Это очень странно, – Лапка подняла голову от тарелки. – Кошки обычно только и делают, что спят, – и указала на Ноппи.

– Мы в обороте лишь выглядим как огромные кошки, но это лишь... доспехи. Кошачьих повадок мы при этом не приобретаем – ещё одно наше отличие от оборотней. Поэтому, не переживай за меня,

Риони, пока ты будешь спать, я наемся досыта и сверх того. А сейчас принесу тебе еще что-нибудь. Подожди минутку.

Он отставил тарелку и исчез. Действительно, на минутку. Вернулся со стопкой книг и с огромной – в столовой я таких не видела, - миской с котлетами.

– Вот! Это тебе – ну и мне немножко, ты столько, к сожалению, не съешь, - от Рэнди и Лили. То есть, от Габриель, но я привык к имени Лили, большую часть жизни её именно так звали, это попав сюда, она назвалась вторым именем. В общем, от Лили книги – она не знала, какие ты взяла в библиотеке, дала всё, что есть, лишнее верну. А от Рэнди – её фирменные котлетки.

– Которых она обещала тебя лишить? – улыбнулась я, вспомнив переговоры по амулету во дворце. – И которые ты сам умеешь готовить?

– Да-да, они самые. И да, готовить умею, но у Рэнди всё равно вкуснее выходят. У гаргулий нет магии – только дар зеркальщика и целебная кровь, что тоже немало, – но у меня огромное подозрение, что кое-какой магией она всё же обладает. Во всяком случае, в её волшебные котлетки влюблены все мои родственники. Сейчас и ты влюбишься, гарантирую.

Влюбилась, да. И правда, можно заподозрить Рэнди в кулинарной магии. Котлетками я, наконец-то, утолила голод и согласилась на пирожное просто потому, что захотелось сладенького – оказалось, что Томас уже успел вновь наполнить «волшебный ящик» под завязку, когда его перехватили родственницы с дарами. Он очень радовался моему аппетиту, повторяя, что раз хочется есть, значит, я поправляюсь, и развлекал меня рассказами о своей жизни в ином мире, в основном о детстве и семье.

– Ты сказал, что построил успешную карьеру, – доедая второе пирожное и понимая, что всё, больше не смогу, иначе лопну, напомнила я. – А кем ты работаешь?

Я уже поняла, что хотя бессмертные очень богаты – как наши, местные, так и иномирная ветвь, - но предпочитают чем-то заниматься, каким-нибудь любимым делом. Если бы я была бессмертной – тоже не смогла бы вечно бездельничать.

Ой, но если я половинка Томаса – я тоже стану бессмертной. Нет, сейчас я об этом думать не буду, а то снова или разрыдаюсь, или глупо

хихикать начну, а потом всё равно разрыдаюсь. Завтра, всё завтра! Лучше рассказ Томаса послушаю – это так интересно.

– Я режиссёр, – ответил он на мой вопрос. – А заодно и продюсер, иногда оператора подменяю – с этого я, собственно, и начинал.

А потом последовал рассказ, что означают эти три иномирных слова, Ноппи помогала. Спустя недолгое время я начала отчаянно зевать, была отнесена в уборную и оставлена там под присмотром Лапки – мало ли, вдруг упаду, хотя чувствовала я себя заметно лучше. А после того, как умылась и переоделась, была уложена обратно в кровать, где вскоре и уснула под негромкий рассказ Томаса о съёмках его первого, тогда еще документального фильма о животных.

Не помню, что мне снилось, но проснулась я с улыбкой на губах и чувством счастья в сердце. Было хорошо, тепло и уютно – и это было ощущение не столько тела, сколько души. Открыв глаза и оглядевшись, я увидела, что так и лежу на кровати Томаса, а самого его не видно. Зато кровать кроме меня оккупировали все наши животные – Клещ привычно дрых под одеялом, прижавшись к моему боку, Лапка устроилась на подушке у моей щеки, а Моня и Ноппи свернулись в общий узелок на её подушке.

Услышав совсем рядом ровное дыхание кого-то явно крупнее нечисти, я приподняла голову и обнаружила Томаса, сладко спящего на полу у кровати, прямо на ковре, подложив под голову выданную Ноппи казённую подстилку. Артефакт личины он снял, и я залюбовалась удивительно красивым лицом перевёртыша.

Какой же он всё же... Просто идеальный! Я опёрлась локтём на кровать и, положив на ладонь подбородок, смотрела и смотрела, вглядываясь в каждую чёрточку лица этого прекрасного мужчины и медленно, но верно, осознавала, что он – мой. На самом деле мой. Словно бы за ночь в моём мозгу улеглось всё, что я узнала вчера, и сейчас уже не было тех вчерашних эмоциональных качелей, лишь тихая радость.

Уже не нужно внушать себе, что Томас – в обеих своих ипостасях, – всего лишь друг. Не нужно запрещать себе влюбляться в него, не надо отгонять мечты о нём, воспоминания о том поцелуе – потому что всё это было правильным. И тот поцелуй, и моя тяга к нему – кем бы он ни был, Томасом или Тобиасом. Мне хорошо было с обоими, так,

как ни с кем и никогда — я подсознательно чувствовала тягу половинки к нему, единственному.

И захотелось снова испытать тот поцелуй. Каким-то шестым чувством я понимала, что Томас тоже этого хочет, но будет сдерживаться, даря мне лишь лёгкие, мимолётные поцелуи, опасаясь напугать, не желая форсировать — хорошее слово. И если мне хочется настоящего поцелуя, то придётся дать ему это понять. Или даже самой проявить инициативу.

А я этого не умела. Совсем. Опыта у меня — только сам Томас, и больше никто. Но если вспомнить тот наш поцелуй — всё отлично получилось и без всякого опыта. И теперь понятно — почему. Половинки же. Истинная пара. Так что, подожду чуть-чуть, вдруг и дальше всё само собой получится.

Я протянула руку и осторожно убрала упавший на лоб локон. Так хотелось провести пальцами по лицу Томаса — по точёному носу, по бровям вразлёт, коснуться ямочки на подбородке и полной нижней губы, такой неуместной на этом мужественном лице и в то же время — так идеально ему подходящей. А ресницы какие. Кажется, что полщеки закрывают. Вот так смотрела бы и смотрела.

Не получилось — раздался сигнал побудки, и Томас проснулся. Открыл свои прекрасные чёрные глаза и широко мне улыбнулся своей чудесной, чуть кривоватой улыбкой.

— Доброе утро, моя Риони. Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, - улыбнулась я в ответ. — Готова идти на занятия.

— О, нет, это ты пока лежишь — такая бодрая. А вот когда встанешь... На занятия — только когда целитель разрешит, не раньше! Но то, что тебе лучше, очень меня радует. Сон и еда — лучшее и единственное лечение при физическом и магическом истощении, тут ни целительская магия, ни кровь гаргулий не поможет. Потому что, это не болезнь как таковая. Иначе ты ещё вчера вечером лежала бы под капельницей.

— Под чем?

— Я тебе покажу видео. Но не сейчас, - Томас встал и легонько чмокнул меня в губы. Совсем легонько, как я и предполагала. Ладно, это даже хорошо, а то я ещё зубы не чистила. — Есть, конечно, пара эликсиров, которые помогают восстановить магическое истощение в короткие сроки, но это не твой случай.

– Почему? – поинтересовался Клещ, опередив меня.

– У этого эликсира не самый приятный побочный эффект – он восстанавливает магический резерв лишь на время, а спустя несколько дней наступает откат. Его применяют где-нибудь на поле боя, где пустой резерв может послужить причиной гибели из-за невозможности защититься от врага. А потом, когда, в теории, боец уже оказывается в безопасности, слабость наступает вновь, причём в троекратном размере. Здоровые мужики неделю отлёживаются. А тебе никакая опасность не грозит, поэтому, рецепт простой – много есть и валяться в кроватке, и через пару дней будешь как новенькая. Помочь тебе добраться до уборной?

– Я сама! – аккуратно, чтобы не задеть Моню и Ноппи, которые продолжали спать, несмотря на звонок и на наш разговор, я встала с кровати. Стою. Не шатает – уже хорошо.

– Лапочка, будь добра, – попросил Томас, и ласка тут же спрыгнула с кровати.

– Не волнуйся, если что – позову!

Звать никого не пришлось. Я умылась и причесалась, даже ни за что не придерживаясь, стоя на ногах вполне крепко. Впрочем, к тому времени, как я вернулась в комнату, у меня было чувство, что я пробежала пару кругов вокруг стадиона вместе с парнями. Или отработала полдня на прополке.

Томас отлично понял моё состояние, хотя и я бодрилась.

– И какие тебе сейчас занятия, а? – с доброй улыбкой поинтересовался он.

– Да, рано, признаю, – согласилась я, усаживаясь на кровать и печально вздыхая. – А Рэнди сегодня об ином мире рассказывать будет.

– Хмм... Просмотр видео, никаких записей и прочих телодвижений – это тебе, пожалуй, уже по силам. Что там у нас еще сегодня? Специальность – сразу нет, пока целитель не разрешит, а это не скоро. Физкультура – тут тебе освобождение недели на две положено, хотя можешь посидеть на лавочке, подышать свежим воздухом – это даже полезно. Управление потоками – туда же, к специальности, то есть мимо. На математике сидеть, писать два часа... давай, я лучше сам с тобой позанимаюсь в более щадящем режиме?

– Давай, – кивнула я, вспомнив наши с ним занятия, которые и правда мне помогали лучше, чем уроки в самой академии.

– Остаётся география. Там достаточно сидеть и слушать, лекцию я сам за тебя запишу, так что, если хочешь... А можно просто остаться в постельке и почитать книги Лилиан Форест? – и Томас искушающе мне улыбнулся.

– Заманчиво, – я не удержалась от ответной улыбки. – Но у меня на чтение будет минимум три урока. А прогуливать то, что я смогу высидеть, не хотелось бы. Особенно на второй неделе занятий.

– Ладно, география, так география. Но, – Томас посерьёзnel, – только после того, как тебя осмотрит целитель и даст добро.

– Что даст? – растерялась я.

– Разрешение, – слышалось из клубка «Ноппи плюс Моня». И я вдруг осознала, почему Ноппи приходилось так часто «переводить» мне слова Томаса – он использовал выражения своего мира. Хотя другую часть составляли слова нашего, просто мне не знакомые.

– Хорошо, – согласилась я, поңимая, что он прав.

– Томас, ты идёшь завтракать? – слышался из-за двери голос Аласура.

Томас протянул руку к артефакту, что-то там нажал и ответил:

– Нет, я сегодня в комнате перекушу, иди один.

И когда он снова коснулся артефакта, я не удержалась:

– А как это работает?

Мне продемонстрировали изобретение некоего Эндрю, родственника Томаса из его мира и самого сильного и талантливого артефактора обоих миров.

– Вот, смотри. У вас здесь и раньше были подобные артефакты, но они словно бы накрывали находящегося внутри звуконепроницаемым куполом, и всё. Помнишь, на экзамене такие были?

– Да, помню.

– И чтобы позвать кого-то, тебе приходилось подавать сигнал кнопкой, иначе тебя не слышали бы. Ну, можно было бы записку написать или сплясать, привлекая внимание, но звуки просто не проходили бы в обе стороны. Это достаточно простые артефакты, выпускаются массово. А вот это – недавняя разработка Эндрю, существует пока лишь в нескольких экземплярах, и часть из них раздали нам – бессмертным студентам «под прикрытием».

– Под личиной, – уточнила Ноппи, выбираясь из объятий Мони, потягиваясь и широко зевая – жутковатое зрелище.

– Да, верно. И вот этот полог тишины многофункционален. Может много разного, – на этот раз он сам поправился. – Можно сделать так, чтобы не проходил вообще никакой звук, можно, чтобы только снаружи – когда там шум и гам, а хочется выспаться. Хотя, учитывая мой слух, проще закрыться, но артефакт изобретался не только для бессмертных, просто на нас его пока тестируют.

– Испытывают, - Ноппи подошла ко мне, потёрлась щекой, прося ласки, получила её и перепрыгнула на руки Томас.

– Верно. Прости, у меня частенько вылетают более привычные словечки, но если что-то непонятно – сразу спрашивай.

– Или я подскажу, - порадовала нас Ноппи.

– Если сама сильнее не запутаешь, – оказывается, Моня тоже проснулся, но продолжал валяться на мягкой подушечке.

– Бывает. Я всё же искусственный интеллект, порой меня заносит.

– Итак, продолжу, – Томас, как и я, не сдержал улыбки. – Сейчас я использую третью функцию полога – чтобы мы всё слышали, а нас снаружи – никто, пока я не отключу эту функцию. А вот здесь ещё есть возможность регулировать силу его воздействия, например, совсем убрать звуки снаружи или лишь приглушить их. В общем, вещь очень полезная.

– Очень, - согласилась я, разглядывая кнопочки и колёсики на небольшой изящной коробочке с четверть моей ладони.

– А кушать мы сегодня будем? - поинтересовался Моня.

– Будем. Делайте заказы, сейчас принесу всё, что захотите, из столовой.

Ела я уже не в постели, меня выпустили из неё, потребовав клятвенных заверений, что как только почувствую слабость, тут же сообщу. Но сидеть оказалось совсем не тяжело, сытный завтрак – раза в полтора больше обычного, что очень порадовало Томаса, – придал мне сил, но в кабинет целителя я всё же отправилась у него на руках.

Госпожа Глиниса, главный целитель академии, обследовала меня, сравнила показатели с данными, переданными ей госпожой Куандой, порадовала нас, что восстановление идёт отлично, и что на занятия, не требующие физических и магических усилий, я ходить могу. Одобрив план Томаса по поводу физической подготовки, сказав, что свежий воздух всегда полезнее сидению в помещении. Согласилась с его

доводами, что писать в тетради целый урок для меня пока будет сложно.

Потом выдала мне официальное освобождение от специальности, управления потоками и физической подготовки на неделю – Томас настаивал на двух, но они сторговались на возможности продления, – и свободное – по самочувствию, - посещение общеобразовательных предметов на два дня. Договорились на очередной осмотр сегодня после уроков – и нас отпустили с миром. Причём всё это время я помалкивала, как и наши зверюшки, говорил за меня Томас. И мне это почему-то очень нравилось – что кто-то за меня переживает и отстаивает мои интересы, хотя я и сама вполне могла справиться.

Как всё же здорово быть чьей-то половинкой.

ГЛАВА 22. ОСВОБОЖДЁННЫЕ

День тринадцатый. Понедельник

«История иного мира» вновь прошла на ура. Студенты заворожённо слушали Рэнди, потом смотрели удивительную иллюзию, показывающую появление первых живых организмов на безжизненной прежде планете, а потом засыпали её вопросами.

– На прошлом уроке мы с вами наблюдали за появлением Земли и формированием её континентов, - рассказывала наша преподавательница, предваряя просмотр фильма. - Этот процесс проходил в относительно недавнее время – недавнее, по отношению к самой Земле, – и не прекращается до сих пор. А сейчас мы вновь перенесёмся на несколько миллиардов лет назад, когда на земле появились первые, крохотные, ещё даже не видимые простым глазом живые организмы. Предваряя вопросы – никто пока не знает точно, откуда они взялись, есть теория, что были занесены на нашу планету – точнее, планеты, – из космоса с метеоритами. Узнать точнее невозможно, мы просто примем это как факт. Итак, вернёмся на три с половиной миллиарда лет назад и погрузимся в пучину океана.

С этими словами Рэнди ушла к парте мужа, а мы смотрели развитие растений из крохотной, не видимой глазу водоросли до пышных лесов на суше. Урок пролетел на одном дыхании, я даже о своей слабости забыла, и лишь когда после окончания урока встала, поняла, что умудрилась устать, просто сидя на стуле.

Я очень старалась этого не показывать, бодро затопала к выходу из класса, но была с ворчанием подхвачена на руки.

– Передай Дэну, Рику и Гидеону, что у нас с Риони освобождение от ректора, а у неё еще и от госпожи Глинисы, - обратился Томас к Гейбу, который задержался, помогая Рэнди упаковывать артефакт, из которого и появлялась показанная нам иллюзия. Ну как – «помогал»? Отстранив её, сам занимался упаковкой.

– А Гидеона сегодня не будет, – ответила вместо мужа Рэнди. – Его кто-то из наших заменяет, они с Самантой вчера в академию не вернулись.

– Неужели нашли? – приятно удивился Томас. – Так быстро?

– Кажется, да, – расплылась в улыбке Рэнди. - Просто я не представляю, что ещё могло такого ответственного челове... тьфу ты, так за сто лет и не привыкла! Что могло заставить Гидеона прогулять работу, на которую он сам вызвался, никого не предупредив. Да и Саманту тоже. Только это.

– Очень за них рад. Но у нас освобождение от урока в любом случае, передайте, кому получится, ладно? А мы отдыхать.

– Спасибо, это было очень интересно, - успела я поблагодарить Рэнди, а после Томас унёс меня и всех наших зверюшек обратно в общежитие.

При входе в него, в холле, в нас едва не врезалась Велона – она выбегала из женского крыла, что-то на ходу запихивая в свою сумку, наверное, какую-то тетрадь забыла, вот и бегала за ней. Если бы не ловкий манёвр Томаса, от которого Моня едва не свалился с моих колен, мы бы обязательно столкнулись. Потому что, узнав, что Томас перевёртыш, а значит, суперсильный, Моня стал делать жалобные глазки в два раза чаще, в итоге сегодня катался на нём, а точнее – на мне, так же, как Лапка с Ноппи. А вот неугомонный Клещ предпочёл бегать сам.

– Эй, поосторожнее! – возмутился барсук, восстанавливая равновесие.

– Простите, я не думала, что здесь кто-то будет, – откликнулась оборотница, не поднимая головы, потом увидела, с кем именно чуть не столкнулась, и буквально шарахнулась от нас. А точнее – от Мони, на которого посмотрела с ужасом, машинально прижав к груди руку, на запястье которой я заметила парочку маленьких розовых шрамов.

– Почему у тебя шрамы остались? – очень удивившись, не удержалась я от вопроса.

– Отец запретил мне идти к целителям, – делая ещё шаг назад, ответила девушка. – Сказал, нашей регенерации достаточно, а шрамы пусть мне напоминают, как поступать нельзя. Я ведь и правда нарушила одно из главных правил, хорошо ещё, что из академии не выгнали. Но ты меня тогда действительно достал!

– Достаточно было просто сказать «нет», - нахмурился Томас. – Я понятливый. И ничего против твоей воли не сделал бы.

– И что такого плохого, если подарки дарят? - спросил Клещ, вскарабкавшись по Томасу, как по дереву, чтобы оказаться на одном

уровне с лицом девушки. - Или на иллюзию пригласили. Мы ходили тогда вместо тебя, хорошо, конечно, что ты не пошла, нам понравилось. Но Томас же тебя не на верёвке туда тащил, отказалась бы и всё, зачем когтями-то махать?

— Да потому что бесил. Сам в неё влюбился, — Велона обвиняюще ткнула в меня пальцем, - а за мной с конфетами и цветами таскался. Думаешь, приятно себя душой чувствовать? Я же не слепая!

— А я вот, как оказалось, слепой, - вздохнул Томас. — Прости, если сможешь.

— Ладно. Я и сама виновата, гадостей тебе наговорила. Если твоё лицо ей нравится, ну и ладно, будьте счастливы. Только от меня подальше.

— Постараемся, — кивнул Томас и решительно зашагал к своей комнате. Через его плечо я оглянулась на Велону. Та смотрела нам вслед, точнее — в спину Томаса с таким выражением лица, словно пыталась понять, что я в нём нашла — и не могла.

— Красота — в глазах смотрящего, — выдала Ноппи, очень удачно повернувшая в тот момент мордочку в сторону оборотницы. Та смутилась и выбежала из общежития.

Когда меня вновь расположили на кровати — на этот раз скорее сидящую в подушках, а не лежащую, - я спросила:

— А что такое нашёл мастер Гидеон, что даже уроки пропустил? Или это секрет?

— Для тебя — уже точно не секрет, ты теперь член семьи... я не форсирую, просто это уже для всех свершившийся факт, ты ведь не возражаешь?

— Мы не возражаем! — влез Клещ. - Семья у вас замечательная. Я же тебе сразу говорил, — это уже мне, — отличный самец, надо брать!

— Клещ, прекрати девочку смущать, - шикнула на него Лапка. - Спросили не тебя.

— Ну и что, что не меня, я же прав был!

— Кончайте спорить, а то мы так и не узнаем про мастера Гидеона, - осадил обоих Моня. — А мне тоже интересно.

— Не возражаю, — шепнула я, поскольку Томас так и смотрел на меня в ожидании ответа, не обращая внимания на переругивающуюся нечисть.

– Вот и славно! Всё же жаль, что мы не в нашем мире, там всё проще, ну да ладно. Итак, насчёт Гидеона. Я, пожалуй, зайду немножко издалека, так тебе будет проще, да и побольше узнать о нашей семье не помешает. Ты знаешь, что бессмертные дети у нас рождаются только от половинок?

– Знаю. Это все знают. Поэтому вы их и ищете, – кивнула я.

– Но это верно не для всех бессмертных. Лишь для местных – и для драконов, и для перевёртышей. Гаргульи и наши женщины-перевёртыши в принципе могут иметь ребёнка только от половинки. А вот с мужчинами-перевёртышами моего мира всё немного иначе.

– А в чём разница? – я даже вперед подалась. Что с ними может быть не так?

– Мы можем иметь бессмертных детей не только от половинок, а от любой женщины. Собственно, о половинках мы вообще узнали около ста лет назад, когда Гейб встретил Рэнди, и мы познакомились с семьёй гаргулий, от них и узнали.

– Но если вы можете иметь бессмертных детей от кого угодно, зачем ищете своих половинок? – удивилась я.

– Потому что, хотим себе такое же счастье, как и те, кто их нашёл – примеры перед глазами, разница очевидна. Но пока мы об этом не знали, то спокойно создавали семьи и заводили детей с обычными человеческими женщинами.

– А у тебя есть дети? – осторожно спросила я. Всё же Томасу уже сто тридцать девять лет. Я еще не до конца осознала эту цифру, но бессмертные всегда были в нашем мире, потому сам его возраст меня не удивил и не напугал.

– Нет. Я никогда не был женат, хотя женщины у меня, конечно, были, – чуть смущённо улыбнулся Томас. – Но в тот единственный раз, когда я мог завести ребёнка, я сознательно не вступал ни с кем в отношения. Не хочу своему папаше уподобиться.

Я вспомнила то, что знала об иномирной ветви его семьи – отец Томаса завёл почти сотню детей, а воспитывал их Гейб, – и поняла, что перевёртыш имел в виду. Кроме одного.

– А почему единственный?

– Потому что, мы можем зачать ребёнка очень редко. С половинкой – раз в пятнадцать лет, с кем-то другим – раз в тридцать. Счёт идёт со дня перерождения, так что, наш с тобой первенец родится

лишь через одиннадцать лет. Ничего, проживём вдвоём, лучше друг друга узнаем. Хотя, о чём это я? Вдвоём точно не получится, – и он обвёл рукой наше зверьё.

– Через одиннадцать? – растерялась я. - Мне же тридцать шесть уже будет. Старая совсем...

– Ты же будешь бессмертной, - напомнила Ноппи. – И останешься такой же, как сейчас, навсегда.

– Ой... – она была права, а я снова всё забыла. Просто... слишком много всего и сразу.

– Так что там с Гидеоном? – напомнил Моня.

– С Гидеоном... Ну, я к нему и веду. В общем, наши мужчины размножаться не с половинками могли, а женщины – нет. И до недавнего времени, до того, как мы узнали о феномене половинок, они считались просто бесплодными. Да и семью с простым смертным создать они не могли.

– Почему? - удивилась я.

– В ином мире бессмертные – другие. Это здесь мы хоть и сильные, но всё же мягкие. Там – твёрдые, словно каменные. Хотя, конечно, не каменные, просто так кажется людям. И если мужчины всё же могли иметь близость с человеческой женщиной, то пары «наоборот» существовать не могли. Чистая физиология.

Я вспомнила, что знала о размножении, покраснела, но, кажется, поняла, что имел в виду Томас. И очень посочувствовала иномирным бессмертным женщинам.

– В общем, единственные сёмы, которые могли иметь наши женщины – только с мужчинами своего вида, а точнее – сёмьй. Да, они были родственниками, но достаточно дальними, такие браки и у людей не возбранялись. Но эти браки оставались бесплодными.

– Но... вы же всё равно размножались как-то? Вон сколько вас много!

– Да. Но размножались именно мужчины. Брали себе смертных жён, не часто, две-три за жизнь, и получали от них детей. Женились исключительно по любви, никакого расчёта, и какое-то время были с ними счастливы. Но человеческие женщины живут так мало, а терять любимых слишком больно. Поэтому, заведя пару детей, а значит, схоронив несколько жён, наши мужчины искали себе пару уже в семье.

Чтобы прожить с любимой женщиной остаток вечности, больше её не теряя.

– Логично, – кивнула Лапка. – И детей завели, род продолжили, и пару на всю оставшуюся бессмертную жизнь нашли. Очень умно.

– Это, конечно, полумеры, но повторяюсь – о том, что можно дожидаться свою половинку, мы тогда ещё не знали. В общем, Гидеон и его жена Саманта – как раз такая пара. Очень любящая пара, но... не половинки.

– А что будет, когда они встретят своих половинок? – заволновалась я.

– Не встретят. Те, кто счастлив в браке, половинок не находит. Судьба, вручая нам половинку, хочет сделать подарок, а не причинить боль. У нас, конечно, статистический материал не велик, а вот у гаргулий с этим всё в порядке. У них тоже бывали отношения с женщинами, не являющимися половинками, но половинок находили исключительно одинокие мужчины. Кстати, за последнюю сотню лет половинками у нас, иномирных перевёртышей, обзавелись уже десятка два как мужчин, так и женщин, и никто из них в тот момент не состоял в браке. Ни один.

– Это утешает, – кивнула я, порадовавшись, что появление половинки не разбивает любящие пары. Потому что, находит-то половинку один из двух, он – или она, – счастлив, а второму каково? Но теперь я спокойна за совершенно чужих мне существ, у которых, оказывается, тоже бывают проблемы и сложности.

– Итак, вернёмся к Гидеону и Саманте. Они женаты уже более четырёхсот лет. И общих детей у них, как ты понимаешь, нет и не будет. Когда-то давно у наших женщин была практика брать на воспитание человеческих сирот. В то время мы еще не скрывали свою сущность, да и сделать это было проще. В последнее время – практически невозможно.

– Почему?

– Мы же, по сути, скрываемся, живём по поддельным документам, не то, чтобы в подполье, но всё же, взять в семью чужого ребёнка – это впустить в свою жизнь посторонних людей, позволить им рыться в личной жизни и грязном белье, изучать документы, в общем, подставляться. Тебе сложно это осознать, здесь совсем иные реалии, можно прийти в приют и просто забрать оттуда ребёнка. У нас же

семейные пары годами живут под микроскопом, чтобы их, наконец-то, посчитали достойными взять в семью ребёнка.

– Под чем живут? - спросил Моня.

– Увеличительный прибор такой. Чтобы все-все мелочи разглядеть, – пояснила Ноппи. - Это образное выражение.

– А, лупа! – сообразила Лапка.

– Вроде того, - кивнул Томас. - В общем, понимаешь, о чём я?

– Кажется... И они приехали сюда, чтобы взять ребёнка на воспитание?

– Да. Гидеон и Саманта хотели приобрести здесь ферму, обжиться, освоиться, всё приготовить к приёму ребёнка, а потом усыновить одного-двух сироток. Заодно согласились поработать преподавателями в академии – если честно, им просто было любопытно посмотреть на представителей фэнтези-рас, как у нас их называют. Саманта взялась преподавать ботанику у третьего и четвёртого курса – она маг растений. И вот, проработав всего неделю, они оба вдруг не выходят на работу, никого не предупредив. Какой можно сделать из этого вывод?

– Они нашли себе детёныша! – воскликнул Клещ. – Что еще с ними могло случиться? Они же бессмертные.

– Ой! – я вдруг вспомнила сцену у пещеры и широко заулыбалась. – Я, кажется, даже знаю – кого именно!

– Знаешь? - Томас не просто удивился, он выглядел ошеломлённым. Действительно – рассказывал-рассказывал мне то, что я не знаю, и вдруг я заявляю, что мне известно то, о чём он даже не догадывается. - Откуда?

– Я не то, чтобы точно уверена, но после твоего рассказа... Когда там, у пещеры, мы уходили в портал, я оглянулась в поисках двойняшек и увидела, что они разговаривают с мастером Гидеоном и его, я так понимаю, женой. И они все были так поглощены друг другом, что единственные из тех, кто там находился, не смотрели нам вслед. Тогда я лишь порадовалась, что за двойняшками кто-то присмотрит, но теперь, после того, что ты рассказал – могу предположить только одно.

– Пожалуй, ты права, - задумчиво кивнул Томас. – Конечно, нужно дождаться подтверждения от них самих, но я склонен согласиться с твоими выводами. Знаешь, за последнюю пару сотен лет в нашей семье было лишь два приёмыша. Точнее – три, но третий не в

счѐт, это младший братишка половинки моего брата,и он пришѐл в семью вместе с ней. Но остальные двое... Это не было сознательным выбором, никак не планировалось, они случайно попали в руки моим родственникам, причѐм в самом прямом смысле.

– Это как? – спросил Моня.

– Оба раза этих детей взяли на руки будущие приёмные родители, чтобы куда-то нести – и они так и остались в тех руках. Образно говоря. Кстати, что забавно – если первой была восьмилетняя девочка,то вторым – двадцатилетний парень, впрочем, для нас, бессмертных, это всё равно ребёнок. К тому же, парнишка был в тяжелейшем состоянии, болен с головы до ног – и как-то умудрился пробудить в моѐм родственнике отцовские чувства.

– То есть, его даже не женщина усыновила? – уточнила Лапка.

– Нет. Там и усыновления, как такового, не было, у Кайла были родители, просто по ряду причин находиться рядом с ними он не мог – для него это было смертельно опасно, вот парнишка к нам и прибился. Но Пирс над ним трясся, как над любимым сыночком или внучком, что, учитывая разницу между ними в сто с лишним лет, особо странным не казалось. Потом как-нибудь расскажу тебе эту историю подробно, в нашей семье их немало, гораздо больше, чем успела описать в своих книгах Лили.

– А мастер Гидеон вынес Гейрона из пещеры, – вспомнила я. – То есть, тоже взял на руки!

– Скорее всего, это просто совпадение, статистических данных слишком мало, – подхватила Ноппи, - но если сложить все детали воедино,то процент вероятности очень велик.

– Я уже даже начинаю привыкать к тому, как ты разговариваешь, – хмыкнул Моня. - А у нас есть время перекусить до следующего урока?

Мы рассмеялись. Моня – такой Моня.

– Ты – точно успеешь, – усмехнулся Томас. – Можешь с нами даже не ходить, всё равно проваляешься всю физическую подготовку. Я тебе сюда еды принесу, отдыхай.

– Лучше в комнату к Риони, у тебя тут дыры в двери нет, а вдруг мне прогуляться захочется? - тут же решил Моня. И правда – если на других уроках он хотя бы слушал,то на физкультуре откровенно дрых.

– Договорились, - кивнул Томас. – Подождѐшь меня минуточку?

Конечно, я согласилась. Томас вернулся очень быстро, уже переодевшись и с персиком для меня – ни я, ни остальные звери есть пока не хотели, это Моня у нас бездонный.

– Выбирай, какую книгу с собой возьмёшь, - предложил он, выпуская за дверь Моню. - Беги, я всё, что ты любишь, набрал, наслаждайся. И надо будет сделать заявку на дыру в моей двери для вас, троих.

Потом подхватил всю нашу компанию на руки и пошёл в сторону стадиона. Перемена только началась, и мы пришли туда первыми. Усадив меня на лавочку, Томас вновь исчез, и тут же появился с очень знакомым креслом.

– Только не говори, что ты унёс его из кабинета ректора! – перепугалась я.

– Ладно, не скажу, – пожал плечами Томас. – Да Фил и не возражал бы.

– То есть, он даже не в курсе? – хихикнула Лапка.

– Зачем его беспокоить? – перевёртыш ухмыльнулся и устроил меня в кресле, сама я пересаживаться не хотела, неловко было, только кто ж меня спросил?

– Я бы и на лавочке спокойно посидела, – всё же попыталась я возразить. - А принесённое кресло тебя может выдать.

– Не выдаст, все на Гейба подумают. Не впервой, - и Томас очень хитро улыбнулся. И глядя на его улыбку, я вдруг сообразила:

– Это ты в первый день Аласуру косу заплёл, да? Ты, а не Гейб. А ему пришлось согласиться, что это он сделал.

– Да. Стало жаль парня, влип на ровном месте. А с Гейба не убудет.

– И когда ему от мастера Хэдлея влетело за то, что студентов подсаживал – тоже «не убудет»? - захихикала Лапка. - Не удивительно, что, по словам Грома, он сначала отказывался, говорил, что это не он, а потом согласился.

– Не удержался, – ничуть не смутившись, кивнул Томас. – Студенческая солидарность, и всё такое. А у Гейба шкура толстая. Посверкал на меня глазами, да и всё. Мне от его злющих взглядов ни горячо, ни холодно, дальше-то всё равно дело не пойдёт, не побьёт же. Он меня за всю мою жизнь ни разу пальцем не тронул.

— А так бывает? - удивилась я. — Что, даже совсем-совсем ни разу не шлёпнул? Ты был, наверное, чудо-ребёнком.

— Нет, я был обычным ребёнком, в меру шkodливым, в меру непослушным. Только перевёртыши детей не шлёпают. Вспомни, насколько мы сильные. Нам и в голову не приходит прикоснуться к ребёнку никак иначе, кроме как с заботой и лаской. К женщинам это тоже относится.

— И тебя вообще никак не наказывали?

Нет, я, конечно, понимала, что вряд ли бессмертные использовали розги, но уж на что меня мама любила, но иногда я и от неё шлёпки получала, и считала это нормальным. Правда, в отличие от тётки Нуты или приютских воспитателей, боли она не причиняла, так, обидно немного было, но и шалить уже больше не хотелось.

— Наказать ведь и как-то иначе можно, но ставить меня в угол уже поздновато, согласитесь. Или мультиков лишать. Или на три дня запира́ть мой велосипед. Особенно учитывая, что у меня его и нет теперь.

— А что такое «велосипед», — спросил Клещ.

— Я тебе объясню, - пообещала Ноппи. - С картинками. — Но тут на стадион потянулись студенты. — Ладно, дома покажу.

— Прости, Риону, мне придётся идти изображать из себя простого человека, — Томас встал с лавочки. - Помнишь, как мы с Аласуром сочувствовали Гейбу. Посочувствуй и мне заодно, мне ещё сложнее.

— Очень тебе сочувствую, — улыбнулась я, понимая, что он прав. Гейб хотя бы магии учится, а самому Томасу, как интуиту и перевёртышу, здесь вообще делать было нечего. А он решил остаться. Ради меня. Потому что я очень хотела учиться.

Первокурсники подтягивались к стадиону, выстраиваясь на привычных местах, поглядывая на меня, но никто не подходил, все и так знали, что со мной случилось, и насмотрелись на первом уроке, по крайней мере, те, с кем я была в одном классе. Думаю, их вообще не столько я заинтересовала, сколько моё кресло, но пусть себе догадки строят, версия с добрым Гейбом была вполне жизнеспособной, учитывая, что все уже знали, что он ловит падающих с брёвен и лестниц парней, несмотря на недовольство мастера Хэдлея. Почему бы и мне, бедной-несчастной-истощённой, кресло не принести?

Томас подошёл к госпоже Селбине, что-то ей сказал, показывая на меня, та спокойно кивнула, наверное, тоже знала про моё освобождение. Потом он какое-то время что-то доказывал мастеру Хэдлею, но оборотень с этим решительно не соглашался, качал головой и указывал Томасу на полосу препятствий. В итоге тот вздохнул, глядя на меня развёл руками, а потом встал в строй студентов на своё привычное место. Наверное, пытался отпроситься, чтобы рядом со мной побыть, но не получилось. Я уже не выглядела умирающей немочью, как вчера, и в ежесекундном присмотре не нуждалась, это было очевидно всем. Кроме Томаса, но подчиниться преподавателю ему всё же пришлось.

Клещ умчался к девушкам, чтобы приносить им улетевающие мячи и воланы – его любимое занятие. Выматывался он за урок сильно, но при этом был очень доволен тем, что считал игрой лично с ним. Ноппи потопталась у меня на коленях, потом забила в уютный уголок между мной и подлокотником – в это кресло поместилось бы две меня, так что, свободного места оставалось много, – и привычно заснула.

Ноппи-искин озвучил нам, что Ноппи-кошка печалится от того, что с нами нет Мони, на котором так уютно и тепло лежать. Искусственный разум очень хорошо изучил свою «носительницу», как он её называл, и отлично понимал все её потребности, чуть ли не мысли кошки читал.

А я открыла новую книгу Лилиан Форест и погрузилась в волшебный мир бессмертных, их любви и приключений. Лапка, устроившись на моих коленях, с удовольствием читала вместе со мной. Время от времени я поднимала глаза от книги и наблюдала за Томасом, скорее даже любовалась. Но в какой-то момент сюжет книги так меня увлёк, что я вынырнула из него, лишь услышав раздавшееся рядом:

– Нравится?

– Очень, – машинально ответила я, а потом, подняв глаза, увидела сидящего рядом Гейба. Смутившись, я только и смогла от неожиданности пробормотать: – Здравствуйте.

– Виделись уже, – ухмыльнулся перевертыш. – Да не пугайся ты так, сестрёнка. Просто Томас, убегая в лес, попросил меня за тобой присмотреть. Переживает очень. Ты как себя чувствуешь?

– Хорошо, - ответила, слегка расслабляясь. Наверное, нужно теперь привыкать к тому, что бессмертные появляются, словно из ниоткуда. Томас старался меня не пугать, убегая за едой в столовую, заходил в комнату нормальным шагом, а вот Гейб обычно возникал – в классе или на стадионе, – совершенно неожиданно. Просто раньше – не так близко от меня.

– Это радует, – улыбнулся Гейб, и стал в этот момент удивительно похож на Томаса, когда тот был без личины. Нет, они и так похожи были, как и все перевёртыши, и я к этому уже привыкла, но сейчас у них с братом даже мимика была одинаковая. Хотя, не так это и удивительно – учитывая, что Гейб вырастил Томаса. Говорят же, что даже приёмные дети становятся похожими на родителей. – И не надо меня бояться, я совсем не страшный. Ладно, не буду тебя больше нервировать, пойду...

Он не договорил, что собирается сделать, застыл, словно его кто-то окликнул, потом оглянулся на академию, к которой мы сидели спиной, помолчал, словно бы прислушиваясь, потом в удивлении поднял бровь.

– Даже так? – задумчиво протянул перевёртыш, с интересом глядя на меня, словно прежде не видел.

Мы с Лапкой с не меньшим интересом посмотрели на него в ответ.

– Мне тут сейчас сообщили, - начал он, и я поняла, что его действительно окликнули. Бессмертные могут слышать на огромном расстоянии, но обычно не слушают, пока их не окликнуть по имени, я это знала от Тобиаса, то есть Томаса, когда он был Тобиасом... ай, ладно. И вот сейчас увидела воочию. – Твоя родня нашлась.

– Да они вроде не терялись, – пробормотала я, растерянно. - Тётка Нута и её сыновья как жили в Сосновке, так и живут до сих пор, наверное. Куда они от родного дома денутся?

– Я не об этой родне, а о той, что со стороны отца. Знаю-знаю, тебе это было не интересно, но если уж Райли взялся что-то расследовать, его и ядерный взрыв не остановит. Мы не планировали тебе рассказывать о результатах, зная твоё нежелание, но... Об этом ты точно должна узнать!

ГЛАВА 23. РОДСТВЕННИК

День тринадцатый. Понедельник

Я должна об этом узнать? Именно «должна»? Мне даже любопытно стало, что же там такого интересного узнали о моей неизвестной родне имперские спецслужбы.

Я вопросительно посмотрела на Гейба, ожидая ответа, но тот покачал головой.

– В двух словах этого не объяснишь. Давай-ка, я отнесу тебя к ректору, а там тебе всё расскажут.

– Да я и сама дойду, – смутилась я. Когда Томас носит на руках, это чуть-чуть неловко – я же не настолько умирающая, – но при этом удивительно приятно. А вот оказаться на руках у его брата будет неловко в десять раз сильнее.

– Мне же всё равно кресло назад относить, раз уж именно «я» его сюда принёс, – усмехнулся Гейб, давая понять, что отлично слышал рассуждения Томаса. – И для меня нет никакой разницы, пустым оно будет, или с пассажирами.

И он взял кресло в руки так, словно это корзинка с котёнком, и котёнок – это я. Но в следующую же секунду меня из кресла вынули.

– Кресло можешь отнести, а Риони – моя! – заявил ему Томас, возникая словно из ниоткуда. Кажется, я рано порадовалась, что он старается не появляться рядом со мной слишком неожиданно.

– Твоя, кто же спорит? – пожал плечами Гейб. – Ладно, неси сам. Кошку забирать будешь?

Мы дружно посмотрели на Ноппи, оставшуюся в кресле. Томас покачал головой.

– Пусть спит. Я же всё равно рядом буду, не испугается, если проснётся.

– А тебе не попадёт, что ты с урока сбежал, – заволновалась я.

– А как мастер Хэдлей узнает? – Томас расплылся в хитрой улыбке. – Он обычно бежит позади самых медленных дохляков и следит, чтобы никто не свернул с тропы и не срезал путь через лес. По запаху следы отслеживает. А я с тропы не сходит, кросс честно пробежал до самого финиша. Просто чуть быстрее, чем остальные, это

да, но кто станет проверять в толпе? Так что, моя девочка, я иду с тобой, без вариантов.

– Хорошо, – шепнула я, кладя голову ему на плечо. Потому что, это и правда было хорошо. Не знаю, что собирались мне рассказать о родне моего отца, судя по поведению Гейба – вряд ли что-то плохое, но я всё равно нервничала. А когда Томас взял меня на руки – перестала. Заволновалась лишь, не будет ли у него неприятностей из-за этого. Но если нет – я буду очень рада, что он рядом.

Так мы и добрались до кабинета ректора – Томас со мной и Лапкой на руках, Гейб – с креслом и спящей на нём кошкой. Картина получилась довольно странная, благо, шёл урок, и нас никто не видел, но на всякий случай перевёртыши шли обычным шагом, потому что, Томас оставался в личине. Выйдя из лифта, мужчины резко прибавили шаг и добрались до кабинета в считанные секунды.

– Так вот куда оно делось, – недовольно буркнул ректор, когда первым в кабинет вошёл Гейб. – А спросить или хотя бы предупредить – слабо?

– Я подумал, что вряд ли оно тебе понадобится вот прямо сейчас, а девочке было бы неудобно сидеть на скамейке весь урок, – пожал тот плечами в ответ, потом оглянулся и послал Томасу наигранно-злющий взгляд, обещающий разные кары.

Но при этом, не задумываясь, взял на себя эту, пусть и совсем крохотную, вину брата. Да, Томас действительно отлично его знал. И что-то мне подсказывало, что будь его вина, в чём бы то ни было, достаточно серьёзной – он не позволил бы Гейбу взять её на себя. А вот всякую несерьёзную мелочь, вроде позаимствованного кресла или жульничания со студентами на полосе препятствий – это пожалуйста.

Кресло было поставлено на привычное место, Томас, так и держа меня на руках, спокойно в него уселся, при этом даже не потревожив Ноппи, а я оглядела присутствующих.

Кроме ректора здесь находились оба дракона – магистры Ардерик и Киллиан, – мастер Дэн – сегодня на его футболке было написано «Да, я великолепен. И извиняться за это не собираюсь», – а так же тот перевёртыш в форме, который находился в кабинете у императора и нашёл в своём иллюзорном экране сведения о нас с мамой.

А ещё он тогда сказал, что найти моего отца будет несложно. Неужели нашёл?

Я вопросительно посмотрела на перевёртыша в форме, тот – на меня с лёгкой ласковой улыбкой, так на маленьких детей обычно смотрят.

– Рад снова тебя видеть в более добром здравии, Риони. Я всё же вычислил твоего отца, уж извини.

– Райли не смог не принять вызов, – усмехнулся Дэн. – Его хлебом не корми – дай что-нибудь расследовать.

– Зато какой в итоге результат интересный вышел, – дёрнул плечом ему в ответ Райли. – Итак, я нашёл академию, в которой училась твоя мать, а дальше уже дело техники – из трёх деканов, замешанных в деле мракобесов, лишь один преподавал именно там. К тому же, он был на четверть эльф, что послужило лишним доказательством того, что мы не ошиблись.

– И кто же это был? Чем же он так интересен? – спросил Томас, поскольку Райли замолчал, почему-то переглянувшись с драконами.

– Его звали Райордан, лорд Лундervон. Граф Лундervон, – уточнил перевёртыш.

Я вслушалась в имя – оно ничего мне не сказала и не вызвало в душе никакого отклика. Граф? Ну, я предполагала, что мой отец не из простолюдинов, раз уж целый декан, ну так и что? Я – незаконнорожденная, так что, это вообще никакого значения не имело, будь он хоть самым императором!

Хотя нет, именно с императором было бы иначе. Учитывая, сколько они жили, всё старшее поколение в официальные браки не вступало просто потому, что подобные ритуалы появились лишь несколько сотен лет назад, а тот же император гораздо старше. Императорская семья вообще не в счёт, как и род драконов. Но вот у смертных законность браков и отпрысков имеет большое значение, как минимум – в вопросе наследования титулов. Так что, хоть граф, хоть герцог, хоть конюх – для меня разницы никакой. Отец для меня – лишь набор звуков, не более.

– Он погиб при попытке убить Рика... то есть, магистра Ардерика, – поправился Райли, оглянувшись на дракона с фиолетовыми волосами. – Причём, от своей же собственной магии, нарвавшись на зеркальщика, – теперь взгляд на Дэна.

– Нет-нет, не на меня, – тот перехватил наши взгляды. – Это Лили защитила своего истинного. Даже жаль, что я не смог поучаствовать в

той заварушке, но увы – меня тогда здесь просто не было. Попроси Томаса показать тебе фильм... то есть, иллюзию «Предсказанная дракону», там всё расписано в красках.

Я вспомнила, что такая книга была среди тех, что передала мне племянница Томаса, и решила, что следующей обязательно прочту именно её.

– Риони отлично знает, что такое фильм, – даже слегка обиделся за меня Томас. – Так что же такого любопытного в том, кем оказался её отец. Кстати, а другие родственники у неё есть? Я имею в виду – живые?

– Ну, как сказать... – слегка замялся Райли. – У Райордана было двое детей. Сына он привёл в свою секту, и тот погиб вместе с ним. Дочь, узнав о случившемся, отреклась от рода, вышла замуж едва ли не за первого, кто подвернулся – то ли за лакея, то ли за садовника из отцовского поместья, лишь бы имя сменить, и уехала с мужем на юг Империи. С тех пор от неё ни слуху, ни духу. Титул и поместье перешли к «ближайшему» кровному родственнику – шестияродному племяннику. Ближе никого не нашлось. Вряд ли тебе интересно настолько отдалённое родство.

– Это вообще не родня, – дёрнула я плечом. – Не интересно.

– Саму твою сестру найти, конечно, можно, но надо ли?

– Не надо, – покачала я головой. – Если бедняжка сделала всё, чтобы отмахаться от подобного родства, это её право. Зачем напоминать ей о больном? Не надо.

– Как скажешь, – Райли пожал плечами. – У меня тоже нет желания её искать, азарт, который я испытывал, разгадывая тайну твоего рождения, себя исчерпал после того, как я отыскал еще одного твоего родственника. Условно родственника.

– Почему условно? – удивилась Лапка, так же внимательно, как и я, слушая рассказ перевёртыша.

– Он не кровный родственник, а через брак. Муж твоей прабабушки, отчим деда.

– И он ещё жив? – поразила я. – Да, эльфы долго живут, но настолько?..

И попыталась высчитать, сколько лет могло быть этому так называемому прадедушке? Мне двадцать пять, если ещё лет по двадцать на каждое поколение... Хотя, если у моего отца еще до моего

рождения были взрослые дети, то есть, мне он сам годился в дедушки...

– А эльфы сколько вообще живут? – решила уточнить, потому что, никогда не интересовалась точными цифрами. Просто знала, что дольше людей, люди вообще меньше всех жили, но сколько именно? – Он, наверное, уже старенький, да? И его даже правнучка бросила, а больше никого не осталось, раз кроме него только она и была. Если ему нужна моя помощь, то я хотела бы с ним познакомиться.

– Он не эльф, и хотя уже довольно старенький, – вмешался ректор, и магистр Килиан, дракон с синими волосами, почему-то поперхнулся воздухом и закашлялся, – но вовсе не одинок. У него молодая жена, есть кому за ним ухаживать на старости лет. Но познакомиться с тобой он будет рад.

– Старенький? – прокашлявшись, возмутился магистр Килиан. – Да мне еще и трёхсот нету, я почти в два раза тебя моложе!

– Для человека или даже эльфа это многовато, согласись, – усмехнулся ректор в ответ.

– Но я не человек и не эльф! Я дракон! – гордо выпрямился... собственно, дракон. – И по нашим меркам – практически юноша!

– Юноша, юноша, – согласно закивал мастер Дэн, успокаивающе похлопав магистра Килиана по плечу. – Только правнучку не пугай, она вон как глазки широко раскрыла от удивления.

Ну, наверное, да. Глаза у меня сейчас, похоже, огромные. Граф там мой незнакомый – и ненавидимый за всё, что натворил, – отец, или не граф, для меня было безразлично. А вот дракон в прадедушках, пусть даже не кровный – это да, это что-то невероятное. Прав был Гейб – я должна была это узнать.

– А знаешь, ты на него похожа, – улыбнулся мне синий дракон, и эта улыбка почему-то показалась мне грустной.

– На моего отца? – уточнила я.

– Этого я не знаю, никогда его не видел. А вот на Форбеса, моего пасынка – очень. В моей памяти он остался подростком, таким, каким был в то время, как уехал к своему деду. Позже мы встречались несколько раз, но запомнился он мне всё же ребёнком. Ни взрослым, ни старым я его не видел.

– Почему? – мне стало очень любопытно. Всё, что я слышала о бессмертных – они детей любят. Даже чужих. Вон, мастер Гидеон и

его жена в другой мир перебрались, чтобы приёмышей взять. А здесь что-то странное случилось.

– Это не очень красивая история, – вздохнул дракон. – Я женился, потому что девушка, с которой я провёл одну случайную ночь, заявила, что беременна от меня. И хотя сомнения у меня были, конечно, но и шанс на то, что это мой ребёнок, существовал. Она не была моей истинной парой, и ребёнок в любом случае родился бы смертным, это никого бы не удивило. И я воспитывал бы его в любом случае, не пытаясь как-то выяснить, мой он, или нет – да и не было в то время таких возможностей.

– А сейчас есть? – удивилась я.

– Да, из нашего мира, – пояснил Томас.

– Как бы то ни было, то, что ребёнок не мой, стало ясно сразу же, – продолжил мастер Килиан. – Эльфийские уши чётко дали это понять. Кстати, кто его настоящий отец, мы так никогда и не узнали, Мевисса, его мать, не сказала его имя даже сыну. Так что, прости, Риони, кто твой кровный прадед, узнать уже невозможно.

Я лишь пожала плечами. У моего кровного отца, кроме неизвестного деда-эльфа была ещё и мать, и бабушка по материнской линии, и с той стороны могли остаться живые родственники – троюродные или ещё какие, подальше. Но мне это было не интересно, так же, как и имя того эльфа, который бросил соблазнённую им девушку.

– Первые годы жизни Форбеса я был ему отцом – как бы я ни относился к его матери за её обман, ребёнок, по моему мнению, ни в чём виноват не был и заслужил нормальное детство. К сожалению, подрастая, он узнал правду – такое не скроешь. Рассказал ему кто-то, или он сам догадался – не знаю. Но годам к десяти называть меня отцом он перестал и начал сторониться. И когда его дед по матери, потерявший других наследников, предложил его усыновить – тут же согласился.

– Но если вы его растили...

Я понять не могла, как так можно? Да предложи мне кто-нибудь стать даже принцессой, я бы отказалась оставить папу Клыка, хотя тоже отлично знала, что он мне не родной. Какая разница, что я человечка, а он – нечисть, если он растил меня, заботился обо мне? Нет, не понимаю.

– Форбес осознавал, что оставаясь моим сыном – по крайней мере, по документам, – в глазах окружающих он всегда будет ублюдком. Скрыть это было бы невозможно. А будучи усыновлённым дедом, он словно начинал жизнь с чистого листа. В академии, где он учился, никто не подозревал о его истинном происхождении, и даже уши не были помехой – его гипотетическая мать вполне могла быть эльфийкой, якобы умершей, когда он был еще младенцем. #288815761 / 10-сен-2021 Его дед был к тому времени вдовцом, мать человеческой расы не смогла бы своим существованием опровергнуть эту теорию. В итоге он порвал все связи между нами, и я уважил его решение. А потом случилась та ужасная история с моей женой... Мне стало уже не до воспоминаний о Форбесе.

– А что случилось? – спросила Лапка, когда дракон замолчал. Сама я не решилась, потому что, в его глазах мелькнула настоящая боль.

– Я тебе всё расскажу, – пообещал Томас, и магистр Килиан посмотрел на него с благодарностью и облегчением.

– В общем, о своём пасынке я вновь вспомнил лишь во время той заварушки с мракобесами, когда выяснилось, что его сын был правой рукой руководителя той секты. А теперь вот – новый привет из прошлого. Ты.

– Простите, – смутилась я. – Не хотела напоминать вам о печальном.

– Ты напомнила о радостном. О том времени, когда Форбес был совсем малышом. Я любил этого мальчика. К сожалению, я не знал других его внуков, но рад, что половинкой нашего Томаса оказалась ты, Риони. Добро пожаловать в семью.

– Спасибо, – я запнулась и неловко продолжила: – дедушка?

Грянул дружный мужской хохот, лишь синий дракон слегка наигранно застонал.

– Просто Кил. Если сложно, пусть будет «дядя Кил», на дядю я ещё согласен. Но, умоляю, только не дедушка!

– Хорошо, – послушно согласилась я, понимая, что вряд ли в ближайшее – а то и в более дальнее, – время хоть как-то обращусь к дракону.

– Ну вот, всё и выяснилось, – отсмеявшись, улыбнулся Гейб. – Думаю, теперь...

О чём именно он думал, сказать перевёртыш не успел, потому что, раздался какой-то звук, вроде коротенькой, повторяющейся мелодии, и исходил он от фиолетового дракона. Тот полез в карман, достал какую-то штучку – звук стал громче, – положил её на стол ректора, ткнул пальцем, и мелодия оборвалась. Зато над, как я понимаю, артефактом связи, о котором я только слышала, но живую видеть не доводилось, появилось изображение мужчины с тёмно-зелёными волосами.

Ещё один дракон.

– Рик, ты в академии? – поинтересовался он, не здороваясь.

– Да, дедушка, - откликнулся магистр Ардерик. Этот дракон против подобного обращения не возражал, хотя выглядел ровесником магистра Килиана, да и магистра Ардерика тоже.

– Отлично. У меня тут слегка безумный пришелец из иного мира, только что получивший указания, где искать свою истинную пару. Открой ему проход в академию, а то он порывается к вам лапами бежать, совершенно не зная дороги.

– Компас изобрели даже в этом мире, – слышался чей-то недовольный голос, и Гейб с Томасом переглянулись, совершенно одинаково подняв брови. - Но если мне откроют портал, буду очень признателен.

– Добро пожаловать, – фиолетовый дракон повёл рукой – и прямо в кабинете открылся портал, через который внутрь шагнул ещё один перевёртыш.

У этого волосы были светлыми, коротко подстриженными, и одет он был... Ну, точно не в местную одежду. Уронив на пол большую сумку и задвинув её ногой под стол ректора, он оглядел присутствующих и обратился к Гейбу.

– А Томас сейчас здесь? Он ведь должен быть в академии. Можно его позвать?

– Здесь. И даже звать не надо, - откликнулся разыскиваемый, снимая с шеи личину.

Вновь прибывший оглянулся на голос, его глаза довольно сверкнули, потом он осмотрел меня, особо внимательно – как Томас меня держит на коленях, заботливо обнимая, после чего расплылся в счастливой улыбке.

– Значит, ты её уже нашёл?

– Да, как видишь, - кивнул Томас. – Риони, познакомься – этот забывший об элементарной вежливости субъект – мой, точнее, наш с Гейбом братец Синклер. Помнишь, я говорил тебе о брате, который издаёт здесь книги иного мира? Так это он.

– Здравствуйте, – я смущённо посмотрела на еще одного перевёртыша, испытывая неловкость от того, что сижу на коленях у Томаса, а он стоит, нависая надо мной горой. Нет, если бы я встала, положение не сильно изменилось бы, просто... неловко мне было.

Словно услышав мои мысли, перевёртыш присел на корточки перед нашим креслом, аккуратно взял мою руку, которой я придерживала лежащую на коленях книгу – которую, похоже, именно он и издал, – и галантно её поцеловал.

– Прости моё поведение, Риони, просто не каждый день внезапно узнаёшь, что та, о которой мечтал, но не надеялся в ближайшие столетия обрести, совсем рядом. Я очень рад, что мой братишка обрёл тебя, добро пожаловать в семью. Но не могла бы ты ответить на пару вопросов, если тебе не трудно, конечно.

– Не трудно, - кивнула я. Мне ведь и правда было не трудно, говорить-то я могла свободно, это с передвижением у меня пока не очень.

– Благодарю, – перевёртыш широко улыбнулся. – Скажи, пожалуйста, Риони, а тебе уже доводилось вставать между моим маленьким братиком и чьими-то когтями?

– Да, – кивнула я, очень удивлённая вопросом. Как он узнал, если только прибыл?

Перевёртыш взглянул куда-то вверх, что-то с облегчением пробормотал на незнакомом мне языке, потом снова взглянул на меня.

– Это была девушка? - я кивнула. - Каштановые волосы, каре-зелёные глаза, розовая одежда?

Я кивнула, пожала плечами, снова кивнула. Никогда не обращала внимания на цвет глаз Велоны, но остальное совпало.

– А её можно назвать дочерью медведя? – глядя на меня так, словно от моего ответа зависила его жизнь, спросил Синклер.

– Определённо можно, - вместо меня ответил Томас. – Я сам из-за этого поначалу не там искал – сам знаешь, кого мне предсказали. Отец Велоны – оборотень из медвежьих, так что, да – можно.

Синклер снова пробормотал что-то потолку.

– Это он высшие силы благодарит, – пояснил Томас, видя, как я удивлённо смотрю на нашего собеседника.

В это время Синклер подскочил и обернулся к ректору.

– Фил, это она. Всё сходится. Фил, пожалуйста!..

– Сейчас, – улыбнулся ректор родственнику. – Потерпи пару минут.

После чего достал из стола очередную незнакомую мне штучку, нажал на ней что-то и чётко произнёс:

– Студентка Велона, немедленно проследуйте в кабинет ректора. – После чего спокойно убрал штучку в стол. – Потерпи чуток, сейчас увидишь свою половинку.

– Надеюсь, она не очень испугается? – глядя на дверь, покачал головой Синклер. – Такой внезапный вызов к ректору обычно ничего хорошего не предвещает.

– Ничего, ей полезно, – пробормотал Гейб и тут же получил злющий взгляд от брата. Выставил ладони в защитном жесте. – Прости, прости, только не бей. Я ещё просто не до конца осознал, что она – твоя половинка. Но я привыкну.

Ещё какое-то время посверлив Гейба взглядом, Синклер вновь устоял на двери, мы все – тоже. Но когда она, наконец, приоткрылась, внутрь скользнула вовсе не Велона.

– У вас тут всё такое интересное, – широко улыбнулась нам Рэнди. – Простите, но одной трансляции мне мало, я хочу присутствовать. Кто-нибудь уже записывает?

– Я.

– И я.

– Я тоже, – раздалось в кабинете.

Выяснилось, что записывали все, кроме нас с Лапкой. Даже Ноппи, как оказалось, записывала, что не мешало ей спокойно дрыхнуть в уголке кресла. Удобно, наверное, иметь запасное, никогда не спящее сознание.

– Отлично, – кивнула Рэнди. – И... мальчики, может не стоит так нависать? Рассоситесь по углам, что ли, напугаете девочку.

Ей вняли. Теперь здоровенные бессмертные уже не стояли кружочком вокруг нашего с Томасом кресла. Миг – драконы и мастер Дэн подпирают свободные участки стен, Гейб и Рэнди устроились на диване, там же уселся и Райли. Даже наше кресло кто-то переставил к

книжному шкафу. Единственные, кто не тронулся с места – Синклер, оставшийся посреди комнаты, да ректор на своём законном месте.

Сразу стало намного просторнее. Мы снова уставились на дверь, и вскоре в неё осторожно постучались. Услышав разрешение войти, в приоткрытую дверь робко проскользнула на самом деле встревоженная Велона.

Поняв, что в кабинете кроме ректора ещё куча народа, она заволновалась еще сильнее, а заметив нас с Томасом – вновь надевшим личину, – побледнела и закусила губу. Кажется, решила, что сейчас её всё же серьёзно накажут за то происшествие.

– Студентка Велона, – ровным голосом начал ректор, заставив оборотницу вздрогнуть и оглянуться на него, – я хотел бы познакомить вас с мастером Синклером, нашим новым преподавателем математики, он заменит мастера Гидеона, который покинул нас по семейным обстоятельствам.

И вот теперь Велона уже более внимательно посмотрела на Синклера, заметно при этом расслабившись – вряд ли, собираясь устроить нахлобучку, её стали бы зачем-то знакомить перед этим с новым преподавателем. Синклер, удивлённо взглянувший на ректора – назначение преподавателем явно стало для него сюрпризом, – вновь посмотрел на Велону, и оба замерли, глядя в глаза друг другу. Потом девушка моргнула, опустила взгляд, легонько тряхнула головой, словно стараясь избавиться от наваждения, а потом снова вопросительно посмотрела на ректора.

– И у меня есть для вас задание, – продолжил тот, словно не заметил этих гляделок оборотницы и перевёртыша. – Поскольку вы выросли в нашей академии и, в отличие от остальных студентов, как свои пять пальцев знаете не только расположение кабинетов и полигонов, но и административную часть академии, а так же этажи, где проживают преподаватели, я поручаю вам провести для мастера Синклера подробную экскурсию и рассказать ему всё о нашей академии.

– Да, господин ректор, – кивнула оборотница, пытаясь осознать сказанное. Главное она поняла – наказания не будет, остальное до неё доходило медленнее. – Но у меня сейчас занятия...

Ректор что-то черкнул на бумаге и послал лист по столу в её сторону. Доскользив до края, он полетел по воздуху и застыл перед

девушкой, заставив машинально его подхватить. Я успела заметить, как фиолетовый дракон вновь опустил приподнятую кисть, и поняла, что трюк с листом – его рук дело.

– Это освобождение для вас. Просто покажете преподавателям, чьи уроки пропустите – и прогул вам не поставят.

– У меня тоже такое есть, а полосу препятствий всё равно бежать пришлось, - проворчал Томас.

– Ты не растаял, – пожал плечами ректор.

– Не нужно было светиться на стадионе, – ухмыльнулся Гейб.

– Риони был нужен свежий воздух, - тоном, словно говорит прописную истину тому, кто не в силах её понять, ответил Томас.

– Она могла подышать им на любой лавочке во дворе, – напомнил ему Гейб, и мы с Томасом переглянулись, почувствовав себя идиотами.

– Зато Клещ набегается за мячами, он это любит, – всё, что смогла выдать в нашу защиту. Хотя да, мы сглупили, а Гейб прав.

Велона смотрела на нас слегка дикими глазами – не каждый день простой парень спорит с членом императорской семьи. Но я уже поняла, что поскольку она – половинка Синклера, скоро всё равно узнает все семейные тайны, в том числе и личность Томаса. Поэтому братья расслабились в её присутствии.

– В столовую зайти не забудьте, - вклинилась в разговор Рэнди, отвлекая оборотницу на себя. – Мастер Синклер с дороги, голодный, наверное.

– А ещё за нашим общежитием речка протекает, – неожиданно даже для себя, сказала я. – Там очень красиво.

– В общем, приступайте, – махнул рукой ректор, отпуская эту пару. - И не торопитесь особо, комнаты для мастера Синклера всё равно еще не готовы.

Синклер галантно предложил Велоне руку, она, заробев – я впервые увидела её такой, - вложила пальцы в его ладонь, и эти двое скрылись за дверью. Прежде, чем та закрылась, перевёртыш оглянулся и сказал одними губами: «Спасибо».

Ещё какое-то время мы сидели, глядя на уже закрытую дверь, а потом мастер Дэн ехидно поинтересовался:

– А ничего, что Синклер здесь уже учился и сам всё отлично знает?

ГЛАВА 24. ОТВЕТЫ

День тринадцатый. Понедельник

– Тоже мне, – хмыкнул ректор. – Да мы все, здесь присутствующие, в академии уже учились, да еще и не по разу. Ну, кроме тебя и Риони, да животных, конечно. И что? Сама-то Велона этого не знает, в то время она ещё не родилась.

– А если бы и родилась, всё равно не узнала бы, – подхватил Гейб. – Синклер к тому времени уже овдовел, считался свободным. А значит, носил личину.

– Фил придумал идеальное прикрытие, – поддержала ректора Рэнди. – Лучшее, что возможно было придумать за то время, что у него было. Теперь между этой парочкой завяжется контакт, ну а дальше – всё в руках Синклера. На Земле было бы проще, а тут половинки, конечно, всё равно притягиваются, но порой сами этого не понимают. Взять хотя бы вот этих двоих, – кивок в нашу сторону, – или вас с Лили, – это она уже фиолетовому дракону.

Нужно срочно прочесть эту книгу! Это было моей первой мыслью, а потом дошло, что именно сказал ректор. И я вскинула голову, заглядывая Томасу в лицо.

– Так ты тоже здесь уже учился?

– Да, – чуть смущённо кивнул он.

– А на кого? – заинтересовалась Лапка.

Вместо ответа Томас поднял руку ладонью вверх, и из неё вдруг вырос диковинный полупрозрачный цветок, он переливался всеми цветами радуги, но вдруг рассыпался разноцветными искрами, которые закружились вокруг нас хороводом, а потом зависли под потолком, словно звёздочки, я даже пару знакомых созвездий узнала.

– Иллюзии, – шепнула я, зачарованно глядя, как «звёзды» падают вниз снежинками и растворяются, коснувшись пола.

– Да, – кивнул Томас, выпуская из ладони удивительной красоты бабочку, которая перепорхнула на мою руку и осталась там, плавно шевеля крылышками и не улетая.

Лапка ткнулась в неё носом – и бабочка рассыпалась крохотными пылинками, которые покружились маленьким водоворотом, а потом

вновь собрались в кучку – и вот уже на Лапку глядит её точное отражение. Хитро посмотрев на оторопевшую ласку, иллюзия пару раз подпрыгнула и предложила:

– Поиграем?

– Твои иллюзии уже могут издавать звуки? – поразился магистр Ардерик. – Мне на это понадобилось лет триста.

– Нет, – Томас и сам выглядел растерянным. – Раньше я такого не умел.

– Ты и сейчас не умеешь, – ответила копия Лапки, и я заметила, что говорит она, не раскрывая рта. Точь в точь, как Ноппи. Я оглянулась на спящую кошку и услышала. – У тебя и кошка не говорящая была, но выход-то нашёлся.

– Ноппи? Это ты? – первой догадалась Рэнди.

– А кто же ещё? Я любой голос синтезировать могу, всё же, я Искин последнего поколения.

– Слу-ушайте! – протянула Лапка, обращаясь к своей копии, потом к Ноппи, снова к копии, потом, тряхнув головой, развернулась к Томасу. – А давайте Моню и Клеца разыграем. Представляете – две меня. Вот они удивятся.

– Обязательно, – усмехнулся Томас. – Теперь-то я могу не скрывать свои способности хотя бы перед вами, так что, поле для розыгрышей откроется огромное.

– Иллюзии, – протянула я, а потом захихикала. – Значит, я всё же угадала!

– Что угадала? – растерялся Томас. – Я думал, что ты не догадываешься...

– Форма Тобиса! Тогда, во дворце. Я подумала, раз он... ну, то есть ты... в общем, вы...

– Да, непросто ей будет привыкнуть, – тихонько сказала Рэнди Гейбу.

– В общем, когда я увидела на Тобиасе сиреневый плащ, я подумала, что он учится на иллюзорном. А выходит – угадала! – я снова хихикнула, слегка нервно, потом всё же взяла себя в руки. – Так ты поэтому знал, как нашего коменданта зовут? И с какой стороны женское крыло? А вовсе не потому, что тебе братья рассказывали.

– Они действительно рассказывали, – бросив взгляд на Гейба, пожал плечами Томас. – И даже видео показывали. Ну, запись иллюзий.

Так что, в первый раз мне было достаточно просто ориентироваться в академии. Но насчёт общежития ты права – это был личный опыт.

– Понятно, - кивнула я.

Действительно, стало понятно. В то время я внимания не обратила, что знания Томаса о том, что нас окружает, несколько больше, чем можно объяснить словами «братья рассказали». В то время я лишь радовалась, что мой новый друг обладал такой нужной и полезной информацией. Не пришлось отстаивать очередь в библиотеке, изучать карту, искать указатели, расспрашивать окружающих – последнее для меня было бы сложнее всего. Я слишком привыкла полагаться только на себя – и свою нечисть, конечно, – от людей старалась держаться подальше, это стало уже частью меня.

Но появился Томас. И вот от него мне никогда не хотелось держаться подальше. И болтать с ним о чём угодно мне было легко и просто. И находиться рядом, пусть даже молча – тоже. Я моментально доверилась тому, кого только что встретила, хотя держалась отстранённо даже от тех, с кем бок о бок прожила несколько лет в приюте.

Половинки действительно притягиваются.

Наверное, испытывай я такое только к нему одному – быстрее бы поняла свои чувства. Но появился Тобиас – и рядом с ним мне было так же комфортно. И мне даже в голову не приходило, что всё это я испытываю к одному и тому же человеку. К одному-единственному.

Да, запутались мы с ним очень сильно.

– Мне кажется, нам стоит отпустить эту парочку, им сейчас явно не до нас, – подал голос ректор, и я, вздрогнув, обернулась на него, осознав, что уже какое-то время просто молча смотрю Томасу в глаза. И он делает то же самое. И все окружающие куда-то исчезли. Чтобы внезапно появиться вновь.

– Да, пожалуй, мы пойдём, - Томас решительно встал с кресла – я едва успела подхватить Ноппи на руки, стараясь не выронить при этом книгу. – Хватит с нас на сегодня уроков, а с Риони – потрясений. Ничего важного она не пропустит, если надо, я сам с ней позанимаюсь. Всем спасибо, все свободны, мы пошли!

И он зашагал к выходу. Я оглянулась на оставшихся, смотревших на нас с очень похожими добрыми улыбками, отдельно кивнула нашедшемуся «родственнику» – хотя все мы отлично понимали, что

никакие мы с драконом не родственники, просто такое вот удивительное совпадение, – а потом дверь за нами закрылась. Пяткой Томаса.

Уже как-то даже привычно.

И на руках у него сидеть – или всё же лежать? - было привычно. И получать от этого удовольствие гораздо сильнее неловкости – тоже. Но на всякий случай я всё же прошептала:

– Я ведь и сама уже ходить могу?

– Даже если и так, - пожал он плечами. – Мне всё равно не хочется тебя выпускать из своих объятий, так что, не лишай удовольствия, пожалуйста. Вон, что Рэнди, что Лили не то что ходить – летать могут. А их половинки всё равно их на руках таскают – просто потому, что получают от этого удовольствие, непонятное тем, кто не нашёл свою истинную пару.

– А ты ведь таскал Риони на руках даже тогда, когда не знал, кто она, - напомнила Лапка. - На Велону думал.

– Да, с Велоной я знатно промахнулся, – вздохнул Томас. - Уцепился за предсказание, а сердце своё не слушал. А ведь мне ни разу не захотелось взять её на руки. Хотя тебя я подхватывал при каждом удобном случае. Убеждал себя, что это потому, что темно, или ты устала, напугана, или просто так быстрее... Все вокруг всё поняли, даже Велона! А я тупил.

– Даже Аласур посчитал вас парой при первой встрече, – напомнила Ноппи.

– И Клещ только вас двоих Риони подсовывал, - хихикнула Лапка. – И убеждал, что каждый из вас – идеально подходящий для неё самец. При том, что вокруг, в академии, идеальных самцов – хоть на базаре продавай, да только больше ни на кого Клещ внимания не обращал. Только на вас, то есть, на тебя, в любой личине!

– Вот я и говорю – поняли все. Кроме меня!

– И меня, – повинилась я. – Мне же нельзя было замуж, ну, я так думала. Но мне было так хорошо с тобой, кем бы ты ни был. И я убеждала себя, что вы оба – мои самые лучшие друзья, не более. Но очень тосковала, когда ты перестал со мной общаться. Думала, что по другу тоскую, которого раньше у меня не было, и сама не понимала таких сильных чувств. Я же не знала...

– Да, ты не знала, а вот мне стыдно было не понять. Порой эти предсказания даже мешают. Хотя обычно, как Синклеру, например, очень даже помогают. Кстати, о Синклере – вот наглядное подтверждение того, что женатые бессмертные своих половинок не встречают.

– Гейб сказал, что Синклер недавно овдовел, – вспомнила я.

– Не совсем недавно. Овдовел он чуть больше двадцати лет назад. Его жена устала жить древней старушкой и просто перестала принимать кровь гаргулий.

– Кровь гаргулий? Ты говорил, что она лечит всё.

– А так же продлевает жизнь смертных. В три раза. Когда наши семьи встретились, и мы, перевёртыши, об этом узнали, Элоиз была уже старенькой. Жизнь ей продлевали, конечно, но молодость вернуть уже не могли. Она дождалась третьего внука, а потом перестала принимать «волшебное лекарство» и вскоре тихо ушла от старости.

– Бедняга Синклер, – вздохнула я.

– Ему повезло больше, чем другим моим родственникам, его любимая жена прожила почти в два раза дольше отпущенного ей природой. И хотя половину этого срока она была совсем старенькой, он всё равно её любил. И заботился о ней. Синклеру под восемьсот, из них он был женат более ста лет, но лишь сейчас, когда он свободен, а горе после потери любимой жены излечило время – он встретил Велону. Поэтому и примчался сюда в почти невменяемом состоянии, услышав пророчество Даниты – не желал терять ни единой минуты.

– А без предсказания они и не встретились бы, да?

– Нет, почему же? Встретились бы обязательно, только попозже. Например, через пару лет у Синклера проснулся бы очередной дар, или у его дочери. И он бы приехал сюда, учиться или её навестить, или ещё по какой-нибудь надобности – и они с Велоной всё равно встретились бы. И притянулись.

Я вспомнила, как эти двое замерли, глядя друг на друга. Синклер-то всё знал, но не Велона. И я помнила её взгляд на Гейба – так девушки смотрят на интересного мужчину, с которым не прочь закрутить роман, не более того. А вот сейчас она смотрела совсем по-другому. И даже сама растерялась от такой своей реакции, не поняла её. И не скоро поймёт, если ей не объяснить.

Наверное, я тоже так смотрела на Томаса, потому все и догадались. И вот тут я одного не могла понять.

– Если все всё поняли – почему тебе не сказали? Было бы намного проще.

– Видимо, не хотели, чтобы было проще, хотели, чтобы я сам всё понял, - криво улыбнулся Томас. - Родственники у меня, конечно, замечательные, мы друг за друга горой, всегда выручим в трудной ситуации. Но порой бывает и такое, как сейчас – мне хотели преподать урок. И если бы я вспомнил историю Рика и Лили... Надо было на их опыте учиться, не полагаться слепо на предсказание, видеть сердцем... А я, лишь когда ты показала свою тёмную магию, всё окончательно понял. Да, на Земле было бы проще.

– Я уже не первый раз это слышу. Ты не мог бы объяснить?

– Да, конечно, – Томас присел на знакомое бревно у реки, всё так же держа меня на руках, точнее – уже на коленях, и я только сейчас поняла, куда мы пришли.

Глядя на его лицо – снова под личиной, – я не замечала, что происходит вокруг, и где мы находимся. Мне было всё равно, лишь бы с Томасом. С моим Томасом.

– У нас, на Земле, с половинками всё иначе. Один взгляд, одно прикосновение – и уже всё понятно. То, что без этого человека – или не человека, - жизни ты больше не мыслишь. Что ради него сделаешь что угодно, что его счастье – это твоё счастье, что только с ним ты хочешь прожить всю оставшуюся жизнь.

– А здесь не так? – удивилась Лапка, высказав и мои мысли.

– Так, всё так. Просто там это понимание приходит одномоментно, с тем самым прикосновением и взглядом. Если ты уже знаешь о существовании половинок – то понимаешь, что нашёл, дождался, обрёл. Если не знаешь – а с большинством наших жён так и происходило, они узнавали, что с ними случилось, позже, от своих бессмертных половинок, – то теряешься, удивляешься своим чувствам, таким странным, удивительным, сказочным... Но вспыхивают они моментально. Здесь же всё иначе.

– Не вспыхивает? – уточнила я.

– Нет, скорее подкрадывается. Половинок тянет, очень сильно тянет. Хочется находиться рядом, касаться, смотреть на свою истинную, делать её счастливой, защищать от любой опасности,

реальной или надуманной. Не раздумывая, не анализируя свои чувства. И порой не сразу их понимая.

– Это как ты на мастера Дэна рычал, да? - улыбнулась Лапка. – Когда он Риони напугал.

– Да. Я просто взбесился тогда. Ты – такая маленькая, хрупкая, столько пережила – а он глазами на тебя сверкает. Я тогда чуть себя не выдал, не подумал, что вы с Аласуром удивитесь такому моему поведению.

– Ты не только тогда взбесился, – подала голос Ноппи, которую я продолжала придерживать одной рукой, второй держала книгу. – Перед поцелуем тебя тоже колбасило не по–детски.

– Что делало? – спросили мы с Лапкой хором.

– Ой, простите за сленг. Психанул он, в общем.

– Тот поцелуй... – Томас посмотрел на меня таким взглядом, что у меня отчего-то губы пересохли, пришлось облизнуть. - Тогда я словно с ума сошёл, набросился на тебя, напугал, наверное. Всё сделал неправильно. А нужно было вот так.

Пока он говорил, его рука перебралась с моей спины на затылок, придерживая голову, вторая притянула к себе, лицо медленно, словно давая мне время сказать «нет» или как-то иначе возразить, склонилось к моему, губы коснулись моих. Но, конечно же, мне и в голову не пришло возразить, я ждала нового поцелуя еще со времени того, первого.

Неосознанно, но ждала.

Поэтому запустила руки в волосы перевёртыша, наверное, чтобы не дать отстраниться, хотя прекрасно знала, что мне его не удержать, если захочет вырваться. Только зачем ему вырываться-то?

Это снова было чем-то умопомрачительным, кружащим голову и заставляющим забыть всех и всё, включая собственное имя. Я даже не заметила, как книга свалилась с моих колен, как, недовольно мявкнув, Ноппи прыгнула на землю. Вся моя суть сосредоточилась на этих губах, ласкающих мои губы, на локонах, в которых путались мои пальцы, на сильных руках, прижимающих меня к себе очень бережно, но крепко, как самое дорогое и важное в жизни, то, что невозможно отпустить, потерять.

Я не знаю, сколько мы так просидели, целуясь, не в состоянии оторваться друг от друга. Из кокона, окружившего нас, во внешний

мир меня вернул голос Мони.

– Может, одни в столовую пойдём? Я проголодался уже.

– Да тихо ты! – зашипела на него Лапка.

– Не мешай, - голос Клеща. – Видишь, дорвались они, наконец, друг до друга. Я ж говорил – отличный самец, надо брать.

Я с неохотой отстранилась от Томаса и с удивлением оглянулась.

– А вы здесь откуда?

– Риони, – Клещ посмотрел на меня как на дурочку. – Мы всё же звери, мы вас по следу нашли.

– И сидим тут уже час, наверное, – вздохнул Моня. – А вы всё целуетесь и целуетесь. А обед прошёл уже.

– Семнадцать минут* вы ждёте, - вмешалась Ноппи, возлежащая на Моне. – И целуются они не больше часа. Вы привыкайте, половинки – они такие. Часов не наблюдают.

– Зато ты наблюдаешь, – хихикнула Лапка.

– Так она же – искусственный интеллект, ей положено, - ответила ей... тоже Лапка.

– Это... это что такое? – ахнул Клещ. – Тебя две?

– Меня даже три, - заявила ещё одна ласка, выходя из-за бревна, в то время как первая давилась от смеха, зажимая мордочку лапами. Я – тоже, хотя рот не зажимала, но улыбку сдерживала с трудом.

– Ты кто? - Клещ пятился от третьей Лапки с ужасом поглядывая на двух первых. – Почему тебя три? Что происходит?

Потом вдруг запрыгнул мне на колени с криком:

– Риони, беги, я их задержу!

– Они не настоящие, – высказался Моня, даже ухом не дёрнув.

– Как ты узнал? – обернулась к нему вторая Лапка.

– Ты – там. А голос – тут, – пояснил он, указывая на сидящую на нём Ноппи, которая с любопытством разглядывала нашествие ласок. – И ты не пахнешь. И ты тоже, - это он уже третьей ласке. – Пахнет только она.

– Ой, я дурень!.. - расстроился Клещ, спрыгнув с моих колен и обнюхав всех ласок. Потом ткнул носом во вторую – и она рассыпалась искрами и исчезла.

Так же исчезла и третья, не дожидаясь, когда к ней прикоснутся. А первая упала на землю, хохоча в голос.

– Ой, видел бы ты сейчас свою морду! Отлично вышло, Томас, просто шикарно!

– А как ты это сделал? - осознав, наконец, что произошло, Клещ оглянулся на нас.

– Это моя первая магия, – с улыбкой ответил ему Томас. – Её я изучал в этой же академии двадцать лет назад. А говорила за Лапок Ноппи.

– Ты и тогда был интуитом? - спросила я. Было немного жаль, что наш поцелуй прервали, но мы ведь его ещё повторим. И не раз. Только нечисть нужно будет куда-нибудь на время услать.

– О, нет! В тот раз я честно зубрил все формулы и плетения, как большинство магов. У нас интуиты редко появляются, и, как правило, их магия очень сильная, пробивалась даже в ином мире, где магии вроде бы как нет.

– Как же она пробивалась? – сколько же еще интересного мне предстоит узнать и о семье моего Томаса, и об ином мире.

– О, это было довольно забавно. У некоторых моих родных вскоре после обращения, появлялся некий дар. Кто-то мог снимать боль прикосновением, кто-то – слышать мысли животных, кто-то чувствовал механизмы и создавать что-то новое, прежде не существующее. Гейб, например, сильнейший маг металлов, там мог лишь по запаху находить золото. Мы не называли это магией, потому что, даже не догадывались о подобной возможности. Просто дар, непредсказуемый, который у кого-то появлялся, у кого-то нет. Те, кто им обладал, принимали это как подарок судьбы. И лишь оказавшись здесь, в этом мире, мы узнали правду.

– Какую? – выдохнула я, слушая рассказ Томаса, словно волшебную сказку.

– Это и была магия. Она просыпалась у всех нас после обращения – да, гораздо позже, чем у местных перевёртышей, но тысячелетнее влияние на нас безмагического мира не прошло даром, – но никак себя не проявляла кроме случаев, когда маг был очень сильным и, к тому же, интуитом. При сочетании этих двух условий мы могли пользоваться буквально сотой долей нашей реальной магии, которая разворачивалась в полную силу лишь когда мы попадали сюда.

– А там снова сворачивалась? - уточнил Моня.

– Нет, - усмехнулся Томас. – Один раз пробившись наружу, магия больше никуда не девалась, и мы могли ею пользоваться и в нашем родном мире тоже. Осторожно и стараясь не привлекать внимания, как, собственно, и прежде делали те, в ком «проснулся дар». Выставлять магию напоказ в немагическом мире слишком опасно, находились те, кто пытался избавиться от непонятного, а значит, вызывающего страх. И дело не только в нас.

– А в ком ещё? – Лапка залезла ко мне на колени, чтобы лучше слышать, и теперь в нетерпении приподнялась на задние лапы.

– В людях. В обычных смертных людях. Некоторые из них тоже обладали «даром», иногда полезным для своего обладателя, иногда вредным и даже смертельно опасным. И мы не понимали, откуда это берётся, пока наши специалисты более тщательно не изучили геном тех, в ком обнаруживался подобный дар. К сожалению, большинство образцов, попавших в наши руки, принадлежали погибшим людям, тем, кого уже уничтожили... Наши семьи разобрались с той организацией убийц, но увы, слишком поздно. Мы успели спасти единицы, а погибли сотни.

– Вы спасли всех тех, кто попал бы в лапы этих нелюдей в последующие годы, - возразила Ноппи. - А это немало.

– А что такое ге-ном? Тот, который вы изучили? – спросил Клещ, и почти взмолился: – Только так, чтобы я понял, пожалуйста.

– Совокупность наследственного материала отдельно взятой особи, – пояснила Ноппи. - Ну, кто и что унаследовал от предков, – поправила она, когда Клещ обхватил лапками голову и тихонько застонал. – Вот у Риони светлые прямые волосы. Почему? Потому что, её прадедом был эльф. Мы знаем это со слов её мамы, а можно просто изучить её... допустим, каплю крови, и тоже узнать об этом.

– Теперь понял, - кивнул Клещ. – И что вы нашли в каплях крови тех людей? - повернулся он к Томасу.

– То, что их далёкими предками были перевёртыши и драконы из этого мира, – ответила вместо него Ноппи. - До того, как сломался последний артефакт межмирового переноса, они нередко бывали у нас, на Земле, и некоторые, скажем так, наследили. Развлеклись с местными дамами, и от этого родились дети. Смертные, поскольку их родители половинками не было. Но кто-то из них унаследовал магию

своих отцов. В основном спящую. Но она передавалась из поколения в поколение, и в редчайших случаях всё же проявляла себя.

– Даже одна из моих юных родственниц умудрилась получить подобное наследие от своей матери-человечки, – подхватил Томас. – А поскольку Вэнди оказалась еще и интуитом, боевая магия проявилась в ней в пятнадцать лет. В очень слабой форме, абсолютно неопасная, но всё же проявилась. И малышка невольно себя выдала, попав в лапы той самой организации, что отлавливала и уничтожала людей с даром.

– Она?.. – я не решилась спросить вслух то, что боялась услышать.

– С ней всё в порядке, – улыбнулся Томас. – И то, что с ней случилось, имело огромные последствия для нашей семьи, поскольку спасая её, Гейб и Рэнди встретились, а их дочь Лили нашла путь в этот мир. Если бы не это – мы бы с тобой так и не нашли друг друга.

– Молодцы эти древние бессмертные, – задумчиво покивал головой Клещ. – Очень удачно они развлеклись в том мире. А нам в итоге такой хороший, большой и сильный самец достался.

– Клещ, – я укоризненно покачала головой, но сдержать улыбку не смогла. Он ведь прав, во всём прав.

– Так, похоже, нам нужно отсюда уходить, – Томас выпрямился и посерьёзnel.

– Что случилось? – заволновалась я.

– Ничего не случилось, просто сюда направляется наша сладкая парочка, – Томас снова улыбнулся. – Это же ты посоветовала Велоне показать Синклеру это местечко. Вот, выполняет наказ. И будет лучше, если они здесь никого не застанут. Им сейчас побыть наедине – только на пользу. Моня, забирайся к Риони, уходим быстро и очень тихо.

Моня, прямо с Ноппи на спине, залез ко мне на руки, кошка сидела на нём спокойно, лишь обхватила лапками за шею, чтобы не свалиться. Даже удивительно видеть такое от неразумной зверюшки. А оказавшись у меня на руках, она даже не попыталась залезть Томасу за пазуху, настолько доверилась Моне. Или на нём было мягче, чем на Томасе?

Не знаю, но я бы в подобной ситуации выбрала бы Томаса, пусть даже он не такой и мягкий. Всё равно – самый удобный. И, главное – мой!

В столовой мы сидели в гордом одиночестве. Хотя уроки были разной длины – от полутора до четырёх часов*, - и у разных классов большая перемена на обед выпадала на разное время, чтобы избежать столпотворения, сейчас все уже были на занятиях. Только мы устроились за своим любимым столом и наслаждались вкусными и сытными – как всегда, - блюдами.

– А что дальше? – спросила вдруг Лапка, прервав молчание.

– Дальше? – Томас опустил ложку в тарелку. - Пойдём в общежитие, Риони полежит, если захочет – почитает, или же я пообъясню ей математику, или расскажу то, что мы пропустили сегодня на географии. Или покажу один из своих фильмов. Или расскажу об ином мире. Решать тебе, Риони.

– Ой! – я даже растерялась. И фильм хочется, и книгу дочитать, и об ином мире узнать побольше. Но сильнее всего – целоваться с Томасом, но вслух же это не скажешь! – Я не знаю, мне всё хочется. Кроме уроков, – всё же решила быть честной.

– Я не об этом, – покачала головой Лапка. – Вот вы узнали, что половинки – и что дальше? Поженитесь, или как?

– Конечно, поженемся, - пожал плечами Томас.

А у меня всё внутри сладко сжалось. Нет, я понимала, что мы половинки, знала, кто они такие, до безумия любила моего Томаса – чего от самой себя-то скрывать? Но он совсем ничего не говорил о нашем будущем. Ну, только то, что мы будем учиться и дальше – точнее, я буду учиться, ему-то это вообще не нужно, – но это и всё. Мне тоже очень хотелось узнать – что дальше, но спросить я не решалась. Спасибо Лапке, хоть что-то проясняется.

– А когда? - спросил Клещ, спасибо и ему тоже.

– А это решать Риони, – ответил ему Томас, а потом нежно посмотрел на меня. - И только тебе. Я бы женился ещё вчера, не раздумывая. Но понимаю, что для тебя всё это слишком быстро, ново, непривычно, да ещё и столько всего навалилось. Я готов ждать столько, сколько ты захочешь, согласен на любые варианты, какие выберешь.

– А какие есть варианты? – растерялась я.

– Какие? Хмм... – и он начал загибать пальцы: – Можно вот прямо сейчас отправиться в долину драконов или в императорский дворец – Рик откроет нам портал, - там пожениться, открыться всем и

перебраться в апартаменты на этаже преподавателей — как член императорской семьи я имею на это право, даже будучи студентом. Можно пожениться опять же сегодня, но никому ничего не говорить, я останусь для всех Иветтомассором, мы просто переберёмся в мою комнату как официально помолвленная пара.

— Прямо сегодня? — моя растерянность возросла раза в три, но где-то в глубине души кто-то озорной шепнул: «Почему бы и нет»?

— Это только первые два варианта, — Томас криво улыбнулся, в глазах его мелькнуло лёгкое разочарование. Наверное, он всё же надеялся на то, что я соглашусь на один из них. — Вариант третий — мы объявляем о том, кто я такой, перебираемся в апартаменты и не торопясь готовимся к свадьбе.

— А есть четвёртый вариант? — спросила Лапка.

— А четвёртый мы как раз сейчас реализуем. Всё остаётся как прежде — кроме нашей помолвки, о ней уже, наверное, все знают. Точнее — все, кому не всё равно на простого студента Иветтомассора и студентку Риони. А ты постепенно привыкаешь.

— К чему?

— Да ко всему. Ко мне, к тому, что мы половинки, к нашей будущей свадьбе, к тому, что я люблю тебя больше жизни...

— Любишь? — ахнула я.

— Да, конечно, а... Стоп, я что, тебе этого еще не говорил? — растерялся Томас.

— Ой, дура-ак, — тихонько вздохнула Ноппи.

— Мужчины! — Лапка сокрушённо покачала головой и развела лапками. — Что с них взять?

— Риони, — Томас встал, потом подхватил меня на руки и отошёл к окну, оставив нашу нечисть и обед за спиной. — Моя Риони. Я тебя люблю. Прости, что не произнёс этого вслух, но я столько других ошибок наделал, сам себе удивляюсь. Но я полюбил тебя, наверное, с самой первой встречи, просто не мог себе в этом признаться — я же ждал встречу со своей половинкой. Но при этом я находил любой повод, чтобы оказаться рядом, любовался тобой, радовался твоим таким редким улыбкам.

Он легонько поцеловал меня в приоткрытый от удивления рот и продолжил:

– Мне нравилось делать тебе подарки, помогать в чём угодно – от поиска общежития до решения задач, - я постоянно хотел держать тебя на руках – и не отпускать, нести хоть до конца вечности. В те три дня, когда я отстранился – испугался своих чувств к той, кто может мне быть лишь другом, – я чуть на стенку не лез от тоски. Ходил хвостом за Велоней, пытался делать ей подарки, куда-то приглашать – считал, что так надо, что половинки в этом мире узнают друг друга не сразу. Её отношение меня расстраивало, но я даже себе не мог признаться, что вызывало и облегчение тоже. И когда я понял, что ошибся, что не она моя половинка – потому что, половинки просто не в состоянии причинить друг другу вред, а она замахнулась всерьёз, что бы потом ни говорила отцу, – я почувствовал себя так, словно избежал великого наказания.

– Ты выглядел расстроенным, - вспомнила я тот момент. - А потом пригласил меня на иномирную иллюзию, и по тебе не было заметно, что ты переживаешь из-за того случая.

– Потому что, всё встало на свои места – я был рядом с тобой, и это было правильно. Я не понимал – почему, но держаться от тебя в стороне я уже просто не мог. И тот наш поцелуй у ручья... Так целуют любимых. И я уже любил – но даже тогда ничего не понял. Ох уж это предсказание!

– Я тоже тебя люблю, – прошептала, прижавшись к щеке Томаса. – И тоже уже давно. Хотя... мы знакомы-то две недели всего, а кажется, что вечность. И всю эту вечность я была влюблена в тебя... и в Тобиаса тоже! Знаешь, как это путало?!

– Знаю. Прости, моя любимая девочка. Не знаю, как долго я продержал бы маску, но за тот обман – прости.

– Прощаю, – улыбнулась, глядя в его серьёзные глаза. Конечно же, я всё ему прощу. Как иначе-то? И показывая, что действительно прощаю, сама потянулась к его губам, не обращая внимания на голос Мони:

– Ну, это надолго. Я, пожалуй, доем, что у них осталось, всё равно остынет.

– Так какой вариант ты выберешь? - спросил Томас, когда, спустя какое-то время, мы вернулись обратно в реальный мир, чтобы воздуха вдохнуть.

– Мне всё же надо чуть-чуть времени, прости, но вот прямо сегодня я замуж выйти не смогу, - я извиняюще улыбнулась. – Совсем немного времени, ладно?

– Конечно, – кивнул Томас. - Решать тебе и только тебе. Сколько тебе нужно? Неделя? Две?

– Минимум месяц, - подала голос Ноппи. - Быстрее всё равно никто нормальную свадьбу организовать не успеет.

– Месяц? – уточнил Томас мне в губы.

– Месяц, - согласилась я, когда вновь смогла нормально дышать.

– А как насчёт помолвки? С кем из нас ты её объявишь? - хитро улыбнулся мой перевёртыш.

– С тобой! – я погладила щёку Томаса, с любовью глядя на его некрасивое по чьим-то глупым меркам лицо, а для меня – самое-самое родное. – Останься в личине, хотя бы до свадьбы, я не хочу, чтобы на тебя все девушки облизывались. А вот когда ты будешь мой и только мой...

– Договорились, – хохотнул Томас.

– Орчанки всё равно будут облизываться, – напомнил Клещ.

– Лучше только орчанки, чем все студентки академии!

– Снова целуются, - вздохнул Клещ.

– Мне больше еды достанется, – хихикнул Моня.

– Да помолчите вы, не мешайте, – цыкнула на них Лапка, а потом задумчиво протянула: – И всё-таки, кто же взорвал ту пещеру?

** Любое время делите на два*

ЭПИЛОГ. СВАДЬБА

22 апреля 2142 года. Воскресенье

Семнадцать лет спустя.

– Риони, вы готовы? - Лили заглянула в комнатку, где находились мы с Блейком. – Через десять минут начинаем.

– Да-да, конечно, - я с улыбкой кивнула лучшей подруге. - Блейки, ты всё понял?

– Мам, я ж не маленький уже, - вздохнул карапуз, на вид не старше двух лет. На самом деле Томасу Блейку Форесту младшему было почти шесть, это был очень ответственный парнишка, серьёзно отнёсшийся к важной миссии – нести к алтарю подушечку с кольцами.

Сейчас мы были на Земле, и свадьба устраивалась по старинным местным обычаям. А это значит – невеста в белом, её подружки в одинаковом, в данном случае – в голубом. Жених и шаферы в чёрном, гости в разном, цветочная арка в саду со служителем местного культа, девочки, рассыпающие цветочные лепестки и самый главный участник торжества – по крайней мере, для меня, – мальчик, несущий на подушечке обручальные кольца.

Насколько я успела узнать, сейчас очень мало кто придерживался таких вот, старинных традиций, но только не семья бессмертных. Здесь всё должно быть «правильно» – и никто не возражает, красиво же!

Сегодня я была среди подружек невесты – подруг из прежней жизни здесь, в Долине, у Моники не было, только новые, из семьи жениха, – Томас среди шаферов, а наш с ним сынишка Блэйки, он же Томас Брэйк Форест младший, будет нести кольца. По всеобщему мнению в данный момент он был самым очаровательным малышом в семье. И не важно, что единственным подходящего возраста – всё равно самым очаровательным, без вариантов!

Я вывела Блэйки из комнаты, поставила позади четырёх юных родственниц с корзинками, поправила ему галстук-бабочку, в последний раз попыталась пригладить непокорный вихор на макушке и, под хихиканье остальных подружек, встала в их строй. Да, я немножко сумасшедшая мама, но что поделать? Я своё маленькое

счастье одиннадцать лет ждала. Сами-то они, можно подумать, хоть на каплю меньше трясутся над своими крохами, даже когда эти крохи мам перерастают на голову.

Заиграла торжественная музыка, и мы двинулись по проходу между рядами белых стульев, украшенных живыми цветочными гирляндами – для апреля для этих цветов рановато, но для бессмертных это проблемой не было, а новобрачные не желали и дня лишнего ждать. И так три недели продержались, пока свадьбу организовывали – героини! Хотя, учитывая, что все эти три недели они не разлучались... а засчитывать ли «подвиг»?

Это мы с Томасом выдержали аж целых четыре дня после того памятного объяснения в любви. Ровно столько времени понадобилось, чтобы целители окончательно признали меня полностью оправившейся – даже легчайших отголосков истощения не нашли, - в двери комнаты Томаса проделали дыру для моей нечисти, которая стала уходить ночевать в мою комнату, а Ноппи отселили на кресло.

А до этого были только поцелуи и ласки, хотя мы и спали в одной постели – Ноппи ещё и поэтому согласилась на переезд вместе со своей личной подушечкой, тесновато стало втроём на одной кровати, – дальше Томас не шёл. Хотя я и была готова на большее в первую же ночь – целовался он всё же мастерски, а руки моего перевёртыша творили истинные чудеса, – но нет, только после клятвенного заверения целителей, что здоровее человека они не видели.

И вот тогда... Это было просто чудо какое-то, и какое счастье, что наутро можно было не вставать – воскресенье, - а артефакт тишины просто волшебная штука. Всё же так замечательно, что мой Томас – опытный мужчина, отлично знал, что сделать, чтобы заставить меня улететь в небеса без крыльев и имя своё забыть.

И что сказать утром, чтобы выманить меня, жутко смущённую, из-под одеяла. Ночь – это одно, а вот светлый день – совсем другое. Но очень скоро я забыла, что совсем недавно смущалась и стеснялась. Да и кого? Это же мой Томас, моя половинка, моя истинная пара!

– Риони, очнись! – зашипела Лили, и я, вздрогнув, поняла, что улетела в даль воспоминаний. Но как не улететь-то, в такой чудесный день, среди всей этой красоты?

Наша вторая свадьба тоже проходила здесь. И на ней присутствовала вся огромная родня Томаса из обоих миров. А первая

прошла прямо в академии, спустя пару месяцев после того, как мы стали жить вместе. Я, как выразилась Рэнди, «морально созрела до того, чтобы открыться миру» в лице обитателей академии.

Открылся-то, на самом деле, Томас – взял и снял артефакт личины прямо во время церемонии, организованной на стадионе, который, единственный, мог вместить всех желающих присутствовать на свадьбе, а их как раз ровно вся академия и набралась. До сих пор помню тот ошеломлённый вздох, пронёсшийся над стадионом, когда все поняли, кем же был на самом деле простой студент Иветтомассор, в котором непонятно что нашла студентка Риони.

У Томаса даже свидетелем был Аласур, чтобы не ломать интригу – его слова. Конечно, мастер Дэн претендовал на эту роль, мол, как любимый учитель, и всё такое, имеет право. Но это всё равно смотрелось бы странно – мало кто знал о его не совсем стандартных отношениях с учениками-интуитами. Поэтому – Аласур, которого мы всё же предупредили заранее, чтобы в обморок от неожиданности не упал, мало ли.

После свадьбы мы перебрались на преподавательский этаж, в отдельные апартаменты, чего я поначалу очень смущалось. Но оказалось, что конкретно этот этаж занимали исключительно бессмертные – которых я больше не боялась, – а значит, родня мужа, а теперь и моя. Остальные преподаватели жили на трёх других этажах, ниже нас, и я никак с ними не пересекалась, то есть, смущающих моментов не возникало.

Бессмертные приняли меня очень тепло. Я была истинной парой одного из них, а значит, меня полюбили сразу же, такой, какая я есть – такой в их семье был обычай. И я, почти всю свою жизнь не имеющая настоящей семьи, если не считать нечисти, вдруг получила огромную кучу родственников, такую огромную, что даже сейчас, семнадцать лет спустя, не со всеми толком познакомилась. То есть, представили-то мне всех, но запомнила я хорошо, если четверть.

Проще всего было с драконами – они были разными. Красавцами, как и все бессмертные, но похожими друг на друга не больше, чем обычные люди. Да ещё и волосы у них разноцветные, запоминающиеся. А вот перевёртыши, а тем более гаргульи – слишком уж похожи. И в тех, с кем не общалась достаточно часто, а видела лишь на общих семейных сборищах, вроде этого, я откровенно

путалась. Но поскольку то же происходило практически со всеми пришедшими в семью извне половинками, это было в порядке вещей и никого не удивляло и не раздражало.

– Риони, ты сегодня просто прелесть! – раздалось негромкое справа, и, оглянувшись, я благодарно улыбнулась парочке неразлучников, Моне и Ноппи. Конечно, они тоже присутствовали среди гостей, как и остальные «фамильяры», ставшие практически членами семьи для своих хозяев.

А вот Лапки и Клеща с нами, увы, уже не было. Я порой тосковала по ним, но что поделать – жизнь не стоит на месте. Они ушли от нас одна за другим в тот год, когда я закончила академию.

Точнее – Клещ ушёл гораздо раньше, когда я еще училась на третьем курсе. В академии появилась первокурсница, у которой была нечисть – хорёк-самочка.

И Клещ влюбился.

Конечно, другие хорьки в академии тоже были, но лишь в качестве фамильяров ведьмочек. А их кровная привязка делала нечисть настолько одним целым с ведьмами, что никакого желания заводить семью у их фамильяров не возникало просто на физиологическом уровне. И в качестве предмета ухаживаний такие самочки – да и самцы тоже, – остальной нечистью не воспринималось совершенно.

А тут – обычная нечисть без всякой кровной привязки. Очаровательная бежевая девочка. Клещ пропал, едва впервые увидел её в столовой. Ухаживал пару месяцев, пока не добился, наконец, взаимности от предмета своей страсти. После этого перебрался от нас к её хозяйке, с которой мы успели подружиться, наблюдая за нашими «детками».

Пока мы учились в академии – Томас, открыв свою личность, мог бы получить освобождение от всех «не магических» предметов, но не сделал этого, чтобы не разлучаться со мной на время уроков, – Клещ нас часто навещал. Но когда мы покинули академию – остался со своей любимой. Мы иногда видимся, но мой «сыночек» давно стал взрослым, и теперь у него своя жизнь. Без меня.

С Лапкой мы расстались спустя полгода. Тогда мы с Томасом решили съездить в места моего детства – мужу захотелось их увидеть. Заглянули в приют, который я даже не узнала – отремонтированное

здание, хорошо одетые, сытые дети, занимающиеся учёбой и играми, как и положено в их возрасте, а не зарабатывающие себе на еду, отдельная спальня для малышей, где за ними присматривали нанятые няни, а не старшие девочки, и много других, поразивших меня изменений. В Юмидвее до сих пор помнили, что случилось с прежним мэром и директрисой, да и проверки теперь бывали регулярно, хотя каждый раз внезапно, и никому даже в голову не приходило присвоить хоть медяшку, выделенную Империей на сирот.

Потом мы заехали в Сосновку. Тётки Нуты давно не было в живых, в её доме жил один из её старших сыновей с семьёй, с ним у меня никогда не было хороших отношений, я в его доме задержалась ровно настолько, чтобы узнать, где живёт Гритька. Ближе всех ко мне по возрасту, он единственный никогда меня не обижал – может, потому, что и сам частенько страдал от тычков и насмешек старших братьев, – и позвал мою маму, когда тётка заперла меня в подвал, этого я никогда не забуду.

Гритька жил на другом конце деревни, в примаках у свёкра, ходил с ним в море на его лодке и вынужден был ежедневно слушать рассуждения о своей никчёмности и бесполезности, хотя вкалывал, не покладая рук. Жена его и две дочурки мне очень понравились, были они тихие и запуганные властным отцом и дедом, держащим всю семью в ежовых рукавицах, но любили друг друга, это было хорошо видно.

Томас купил в Бережках дом вместе со скотиной и новую рыбацкую лодку, а я подарила это всё Гритьке. То-то было радости, особенно восхищало Гритькину семью то, что это была другая деревня, побольше, а главное – подальше от свёкра. Мы ещё пару раз навещали эту семью и радовались, как отлично у них теперь идут дела. В Сосновку больше не заглядывали ни разу – незачем было.

Мамину могилку мы отыскиали ещё в первые каникулы – спасибо архивным записям, которые раскопал для меня Райли, тот самый следователь, который присутствовал на моём допросе, а позже обнаружил моё «родство» с драконом Килианом. Хотя он теперь и так мой родственник, поскольку женат на младшей сестрёнке Томаса. Мы привели могилу в порядок, заплатили сторожу, чтобы присматривал за ней, часто навещали – портал нам открывал лорд Ардерик, тоже

ставший мне родней. У меня, благодаря мужу, теперь очень много родни.

В общем, мамину могилку мы навещали часто, а вот на долгую поездку по памятным местам решились лишь спустя пять лет – и вот результат.

Последним мы навестили мой старый лесной домик и нечисть, которая на долгие годы стала моей семьёй. Я радостно встретила знакомые мордочки, познакомилась с новыми, мы отремонтировали домик – благодаря магии моего мужа, он стал не только крепким, но и новым. И вот тут-то нас и покинула Лапка – встретила молодого самца, с которым захотела создать пару. Мне было очень тяжело с ней расставаться, Клещ отдалялся от меня постепенно, разлука не стала чем-то неожиданным, а тут раз – и всё. Слишком внезапно. Но я понимала, что у Лапки, теперь снова молодой и здоровой, могут быть свои интересы, и желание завести новую семью – нормально.

Её мы тоже навещаем, когда приезжаем к Гритьке. Томас каждый раз омолаживает её, а заодно и её самца. За эти годы дар Томаса заметно вырос – он уже не только таких крох, как ласки, омолаживает, но и Ноппи, и даже Моню. И на людей его магия начинает оказывать влияние, пока небольшое, но это только начало, и мы этому очень рады. Поскольку, вслед за Гидеоном и Самантой еще несколько пар земных перевёртышей взяли приёмных детей из имперских приютов. И, благодаря Томасу, эти дети теперь очень долго не покинут своих родителей.

В общем, я рада, что Лапка счастлива, всё же моя ласка – лесной житель, только ради меня она жила в академии, но теперь я «пристроена», мне достался «большой роскошный самец», так что, за меня можно больше не волноваться и вновь вернуться к привычной жизни.

Вот так и вышло, что сейчас с нами жили только Моня и Ноппи. И эта троица – а Искин остался с нами даже после того, как я окончила академию, и обычной кошке уже не нужно было притворяться нечистью, - удивляет всех окружающих своими очень странными, на посторонний взгляд, отношениями.

В каком-то смысле, они организовали что-то вроде пары. Или тройки. Как бы то ни было, а вместе им очень хорошо и комфортно. Моня обожает болтать с Ноппи-разумом, она рассказывает ему много

интересного, советует книги для прочтения, которые они потом обсуждают, им никогда не скучно вместе. Ноппи-кошку Моня опекает – подкладывает ей лакомые кусочки, служит ей подстилкой, согревает по ночам. И сама она сейчас предпочитает общество Мони даже чаще, чем общество Томаса, хотя и его обожает, как и прежде. Более нежной и ласковой кошки я ещё не встречала.

Просто у Томаса всё же работа, и он не всегда, как в первое время, может носить Ноппи за пазухой. Впрочем, это уже и не требуется – если рядом нет Томаса, то всегда есть Моня, и Ноппи уже не боится расставаться с любимым хозяином, чувствуя себя в безопасности не только рядом с ним.

Мы приблизились к алтарю настолько, что стал хорошо виден стоящий возле него жених и все его шаферы, начиная с императора Мелануира. Моника чуть ускорила шаг, сбившись с ритма, мы все – следом за ней. Никому и в голову не пришло её придержать или повеселиться над её поступком. Невеста спешит к своей половинке – как же нам всем это знакомо.

А я ведь присутствовала при встрече этой пары, а еще точнее – первой из нашей семьи встретила Монику. Она пробралась на съёмочную площадку с большой пиццей, утверждая, что заказ сделан самим режиссёром Томасом Форестом. При этом она вела себя как-то слишком подозрительно – вздрагивала и испуганно озиралась, но при этом явно храбрилась, доказывая, что просто обязана вручить пиццу лично в руки знаменитому режиссёру.

Это меня удивило. Пробраться на съёмочную площадку было практически невозможно, да и пиццу мой муж точно не заказывал. Как позже выяснилось, охрана сознательно пропустила девушку, поскольку сканер – и нюх, – показали, что пицца безвредна, да и сама хрупкая девушка вряд ли представляет опасность, тем более что никакого оружия при ней тоже не было. Так что, её пропустили и скрытно следовали за ней, чтобы выяснить, что же ей нужно.

Мне тоже стало любопытно. Поэтому я вызвала мужа по браслету – сама я в тот момент шла к своей мастерской, в которой ремонтировала повреждённые на съёмках костюмы и прочий реквизит, – и столкнулась с Моникой неподалёку от входа в киностудию. Услышав, что мой муж сейчас подойдёт, девушка бросила на меня взгляд, полный любопытства и ясно читаемой жалости. Ещё бы – я-то,

благодаря артефакту личины, который приходилось носить, так как я больше не старела, выглядела лет на тридцать пять, поскольку впервые официально появилась рядом со знаменитым мужем шестнадцать лет назад совсем юной девушкой.

А вот Томас к тому времени уже четверть века носил артефакт, постепенно старивший его, и на момент нашей свадьбы ему официально было около шестидесяти, а сейчас возраст его личины приближался к восьмидесяти.

Как ни странно, он нравился мне даже таким – седина и морщины, на мой взгляд, ему даже шли, к тому же, я-то точно знала, какой красавец подо всем этим скрывается. Ну и не стоит забывать, что для половинок их пара выглядит прекрасной в любом виде, хоть стариком, хоть орком, хоть пантерой.

Но со стороны наша пара выглядела... как минимум непривычно. Более сорока лет разницы – такое всё же не часто случается, даже в шоу-бизнесе. И к подобным взглядам я уже привыкла. Знали бы они, сколько лет на самом деле моему мужу! И как именно он при этом выглядит.

Томас пришёл не один. Оказалось, что как раз сегодня на съёмочную площадку заглянул Девиор, его дед по отцу. Я даже не знала, за какой надобностью он прибыл на Землю, вроде бы не собирался, но спросить тогда просто не успела, а потом это стало неважно.

Потому что, увидев Монику, он побледнел и прошептал:
– Мелва?

Томас едва успел подхватить пиццу, которую выронила девушка – спасибо скорости перевёртыша, – а эти двое шагнули друг к другу, взяли за руки и застыли, просто глядя друг другу в глаза. А я любовалась этой истинной парой, нашедшей друг друга спустя несколько тысячелетий после разлуки.

Моника оказалась реинкарнацией Мелвы, половинки Девиора, потерянной им спустя несколько часов после встречи из-за трагической случайности. Из-за внезапной поломки артефакта, влюблённые оказались в разных мирах без надежды встретиться вновь, и лишь совсем недавно, когда получилось снова открыть портал между мирами, Девиор встретил своего сына от любимой, а с ним и несколько сотен внуков, правнуков, и еще много раз «пра». Тех самых,

благодаря которым к фамильному древу императорской семьи в учебнике истории теперь приклеена полоска с новой ветвью.

Постояв немного, эти двое просто молча ушла, им надо было побыть наедине. А спустя два дня вновь появились, чем нас всех слегка удивили – мы их раньше, чем через неделю, увидеть не ожидали. Выяснилось, что на съёмочную площадку Моника пробралась, заключив пари со своими однокурсниками – а точнее, её просто поймали «на слабо», - чтобы сделать фото знаменитого режиссёра Томаса Фореста. Хотя какое-нибудь – пусть мелкое, неудачное, в движении, любое, – это послужило бы доказательством того, что пари она выиграла.

Судя по всему, в то, что у неё получится, не верил никто. И как же, наверное, эта компания была разочарована, получив снимки, на которых сам Томас Форест обнимает Монику за плечи, широко улыбается в камеру и вместе с ней показывает пальцами V – знак победы. Но если бы этого им было мало – что вряд ли, – то снимки Моника со знаменитыми актёрами, на фоне декораций, за камерой и на кресле с надписью «режиссёр» их, наверное, добились.

И придётся им теперь самим свои курсовые писать, а голограмма этой компании с кислыми лицами и табличками на шеях «мы – лохи», с которыми они, в качестве проигрыша, честно простояли час возле входа в универ, теперь висит над камином в доме Девиора в Империи, куда молодожёны переедут уже завтра.

И вот Дэн, которого я уже давно не зову «мастером», поскольку больше не его ученица, подвёл Монику к жениху. Томас мне со смехом рассказывал, что глава земных гаргулий уже давно взял на себя почётную миссию – вести к алтарю тех невест, у которых не было поблизости других кандидатов на эту роль. А у Моника – только дядя с тёткой в Англии, да и те не особо близкие, прилететь на свадьбу к ней не захотели, хотя за ними готовы были прислать комфортабельный частный самолёт. Но... это слишком далеко и долго, у дяди гольф, у тёти – клуб домохозяек или что-то ещё, такое же важное. В общем, Дэн снова торжественно вёл очередную невесту к алтарю.

А вот меня вёл Килиан. Да, мы не кровные родственники, но другие кандидатуры – Моня и Клещ, - отпали из-за роста, а тут, какой-никакой, а прадедушка. Дэн даже слегка расстроился – он-то уже сам на эту роль настроился. Но ничего, пережил.

Кстати, он так и вёл нашу троицу до конца обучения. Как ни странно, из него вышел отличный преподаватель – мы вроде бы играли, развлекались, болтали ни о чём, но при этом умудрялись развивать свои способности едва ли не быстрее, чем остальные маги. Сравнивать, конечно, сложно, слишком несопоставимы наши магии, но можно хотя бы по косвенным признакам. Например, если сравнить силу нашей магии при поступлении и при выпуске и оценить динамику остальных магов, это было видно невооружённым глазом.

Поначалу многие свободные преподаватели – а так же те бессмертные, которые к академии отношения не имели, зато имели в неё свободный доступ, - приходили на наши уроки чуть ли не толпами. Особенно учитывая, что из-за меня занятия перенесли из кабинета на уличный полигон. Посмотреть приходили на меня – как я умудрялась управлять тёмной магией, словно набором инструментов.

Рубила, сверлила, копала, прореживала, очищала.

Им это было в диковинку, как я поняла, всё, что могли прежние обладатели тёмной магии, это бросить комок тьмы, которая просто уничтожала всё, до чего могла добраться. Ничего другого те, кого называли мракобесами, просто не умели. Может, потому, что не пытались чему-то учиться, считая, что это единственное, что в принципе возможно сделать с помощью тьмы. А может, просто не успевали чему-то научиться – погибали. Или всё дело в том, что и в этой магии я – интуит.

Постепенно интерес наблюдателей спал, моя магия стала для всех такой же обыденностью, как огненная или водная, например. Теперь больше любопытства вызывала способность Аласура. А он делал успехи. Становиться невидимым, оставив лишь глаз, он научился уже к концу первого семестра. Постепенно смог делать прозрачным огромные предметы, например, землю под нами. Жутковатое ощущение – вроде бы и стоишь на чём-то, а под тобой пустота. Сначала яма, потом колодец, а потом и пропасть.

Когда в итоге Аласур умудрился сделать прозрачной всю академию целиком, а её обитатели остались на своих местах видимыми, разразился большой скандал. И дело даже не в истериках и обмороках, в которые упали многие девушки – и даже некоторые юноши, – когда под ними образовалась пустота высотой в десяток этажей. И не из-за расходов на ремонт – мечущиеся в панике студенты

переломали кучу невидимой мебели, дверей и учебных пособий. Тут уж я постаралась, расходы свелись к минимуму.

А потому, что прозрачными стали и стены раздевалок, а так же душ при каждой из них. После этого Аласур несколько дней прятался у нас с Томасом – горящие желанием отомстить студентки на преподавательские этажи соваться не рискнули. А после, когда к учёбе ему всё же вернуться пришлось, магистру Адаминне, декану ведьм-проклятийниц, ещё с месяц пришлось чуть ли не ежедневно снимать с него то икоту, то почесуху – подарочки от оскорблённых ведьмочек.

Хотя лично я не очень поняла, зачем было так долго мстить – ну, что там успели парни из находящейся по соседству раздевалки увидеть? Учитывая, что сами они в тот момент мылись или переодевались, то есть, прицельно в сторону женских душевых не пялились. Пока сообразили, что случилось, пока повернулись, пока пригляделись – да что они увидеть-то успели? Так, несколько голых попок максимум, поскольку девушки моментально прикрыли всё самое красивое руками и волосами. А тут уже и Аласур всё назад вернул. Но всё равно – досталось кентавру от ведьмочек и за себя, и за остальных девушек, и за всё хорошее на много лет вперёд.

Что примечательно – больше всего бушевала как раз не ведьмочка, а одна из воздушниц – Ирлада по мелочи мстила бедняге кентавру практически до выпуска. Редко, но метко. То в полное безветрие ему вдруг в лицо горсть неведомо откуда взявшейся пыли прилетит, заставив расчихаться, то тетради из рук улетят – собирает по всему двору, то опавшие листья в волосах запутаются – не вычешешь.

В общем, домстилась она – поженились эти двое сразу после выпускного. Собственно, вся академия чувствовала, что к тому всё и идёт, и с любопытством наблюдала за этой парочкой, частенько делая ставки, что ещё учудит воздушница, и когда же у Аласура лопнет терпение.

Поначалу отец Ирлады такому зятю был не очень-то и рад. Мол, хоть и сильный маг, да толку с той силы? Бесполезная магия. Даже когда Ноппи ему, хихикая, сказала на свадьбе, что кентавр, в принципе, самый лучший муж, поскольку и мужчица в доме, и скотина в хозяйстве, мнения своего он не поменял.

Проникся он к зятю немного позднее, когда в его доме была похищена какая-то жутко дорогая фамильная драгоценность, всё

указывало на одну из служанок, но та вину отрицала, да и украденное при ней не нашли. И тогда Аласур взял и сделал всю усадьбу тестя прозрачной, оставив видимыми лишь людей и золото. И пропажа нашлась совсем не там, где предполагали. Служанке выдали компенсацию за напрасные обвинения, помощника дворецкого забрали стражи, а тесть Аласура стал обладателем пары старинных кладов, припрятанных его предками в тайниках, о которых он даже не подозревал.

В общем, теперь Аласур работает поисковиком. И вещи украденные находит,и людей, в лесу заблудившихся,и много чего ещё. Тесть на него не нахвалится. Ну а Ирлада просто любит своего удивительного мужа. Но если чем случайно провинился – опять по часу вычёсывает из своей роскошной гривы листья или солому. В общем, у нашего друга всё отлично.

Вынырнув из воспоминаний, я с улыбкой слушала, как Девиор и Моника обмениваются словами клятв, любовалась, как мой сынишка в нужный момент подаёт на подушечке кольца, как жених нежно целует невесту, а потом подхватывает её на руки и кружит со счастливым смехом, и они не сводят друг с друга глаз.

Вечеринка была чудесной. Несмотря на огромное количество гостей, были только свои, поэтому очень быстро обстановка стала неформальной, женщины скинули туфли на каблуках и распустили сложные причёски – предварительно наделав снимков, конечно, – мужчины избавились от смокингов и бабочек. Дэн вообще щеголял в футболке с надписью «Под майкой ничего нет». Он подошёл к нам и погладил по головке Блейка.

– Мы собираемся в эти выходные слетать в Россию, посетить Капову пещеру. Хотим показать детям наскальные рисунки первобытных людей. Вы с нами?

– Нет! – вскрикнула я, инстинктивно крепче прижав к себе сына. – Ни за что!

– Риони, это абсолютно безопасно. Иначе мы бы не взяли с собой детей.

– Про пещеру Ветров тоже говорили, что безопасная, - напомнила я.

– Так основной коридор-то не пострадал. Так, потрясло, напугало, мелкой крошкой известняка попудрило – и всё. Если бы вы не убежали

в боковой проход, тоже не пострадали бы.

– И еще долго ходили бы кругами друг вокруг друга, – хихикнула Ноппи, сидящая на плече Томаса. Хотя вокруг было шумно и много народа, она уже не пыталась спрятаться у него за пазухой.

– Мам, а я бы посмотрел на рисунки, – заканючил Блейк.

– Нет, – твёрдо стояла я на своём. – Вот станешь бессмертным – тогда куда хочешь лезь. Но пока – нет, и не проси.

– Па-ап?

– Если мама сказала «нет», это значит «нет», сынок, – развёл руками Томас. – Как насчёт того, чтобы вместо этого слетать на остров к дяде Фрэнку и тёте Ники и поплавать с дельфинами?

– Да! – радостно запрыгал Блейк. – Хочу-хочу-хочу!

Дэн улыбнулся его энтузиазму и отошёл вербовать кого-нибудь ещё в спутники. А я выдохнула. Хотя прошло уже много лет, и я давно уже бессмертная, но страх перед пещерами у меня остался. Конечно, вряд ли что-то подобное повторится снова, но... Я отлично жила и без таких экскурсий, так же, как и миллионы других людей. И дальше проживу.

Не сразу, но следователи всё же сумели выяснить, что же тогда произошло. Ноппи была права – глупость, нелепая случайность. Двое парней из ближайшей деревеньки, побывав на экскурсии, в силу своей малообразованности поняли слова гида «богата минералами» как «богата драгоценностями» и решили теми драгоценностями разжиться. Для чего раздобыли где-то взрывные артефакты для земляных работ и отнесли их в один из дальних, разведанных ими коридоров.

То ли артефакты оказались бракованными, то ли неумёхи сделали что-то не так – этого уже не узнать, – но взорвались они разом и не вовремя. И так уж вышло, что взрывная волна пошла именно в ту сторону, куда побежала перепуганная Ноппи. Обвалилась лишь очень малая часть пещеры, но именно в этот крошечный процент мы и попали.

Незадачливые искатели кладов погибли. Мы тоже могли погибнуть, если бы не моя магия и драконица Урлила. Кстати, в выкопанный ею тоннель водят отдельную экскурсию, так как основную, оборудованную для туристов часть пещеры, она не задела. Делают это в назидание молодёжи, чтобы никто не вздумал повторять

что-то подобное, а заодно и никогда не сходил с проторённого маршрута.

Природную дыру, через которую и забрались внутрь «взрыватели», минуя порталный вход, заделали, а возле портала и тоннеля поставили артефакты, чтобы никто больше не смог пронести внутрь взрывчатку. Так что, пещера очень быстро стала вновь принимать туристов. Рада за них, но я точно мимо.

– Что-то я проголодался, - заявил Моня. – Уже давно не ел, пойду, перекушу.

– Ага, очень давно, аж целых два часа, – рассмеялась Ноппи, а потом ловко спрыгнула на спину барсука, который к этому привык и даже не дрогнул. - Мы, пожалуй, тоже перекусим.

– Пап, а мороженое там ещё осталось? – поинтересовался Блейк с невинной улыбкой.

– Осталось, конечно, - рассмеялся Томас над бесхитростным лукавством сына. – И я бы не отказался от еще одной порции. А вы как?

– Да! Да! – обрадовался Блейк. - Мама, ты тоже?

– Конечно, - улыбнулась я радости сына.

Как же мало ему нужно для счастья – мороженое, дельфины, но главное – мама и папа рядом. Как же мне этого не хватало когда-то. Но уж мои-то дети никогда не испытают того, что пережила я. Дети – самая главная драгоценность бессмертных, их холят, лелеют и никогда не бросают.

Я ела мороженое и смотрела на близких, которые бродили по просторной поляне возле накрытых столов – сбивались в группки, общались, смеялись, чем-то лакомились. Перевёртыши из моего мира и местные, с Земли. Гаргульи и драконы – две крылатые расы из разных миров.

Здесь были и Рэнди с Гейбом, и все их дети с супругами, и внуки.

Император Мелануир что-то весело обсуждал с одним из братьев Томаса, тем самым Тобиасом, чьё имя мой муж когда-то присвоил.

Ректор Филандр – впрочем, уже не ректор, он не так давно передал этот пост другому своему родственнику, – о чём-то говорил с Дэном. Судя по тому, что он согласно кивал – в пещеру поедет.

Вон Синклер принёс что-то вкусненькое Велоне и теперь нежно поглаживает её небольшой, но уже вполне заметный животик.

А вон Моня и Ноппи, забравшись на один из столов, что-то дружно и с аппетитом уминают.

Только молодожёнов нигде не видно – удрали, чему никто не удивился.

Рядом со мной мой муж, моя половинка, на плечах у него – мой перемазанный мороженым сын, в руках у меня – креманка с лакомством, вокруг близкие, родные существа. И я счастлива, так счастлива, как и представить не могла когда-то, когда моей единственной мечтой было просто остаться в живых.

Я выжила. И, как и мои близкие, буду жить вечно.

– Я люблю тебя, – шепнула мужу, зная, что даже среди шумной толпы он меня услышит.

– И я тебя. И буду любить тебя вечно.

– Я тоже. Вечно.

КОНЕЦ

21.8.2121